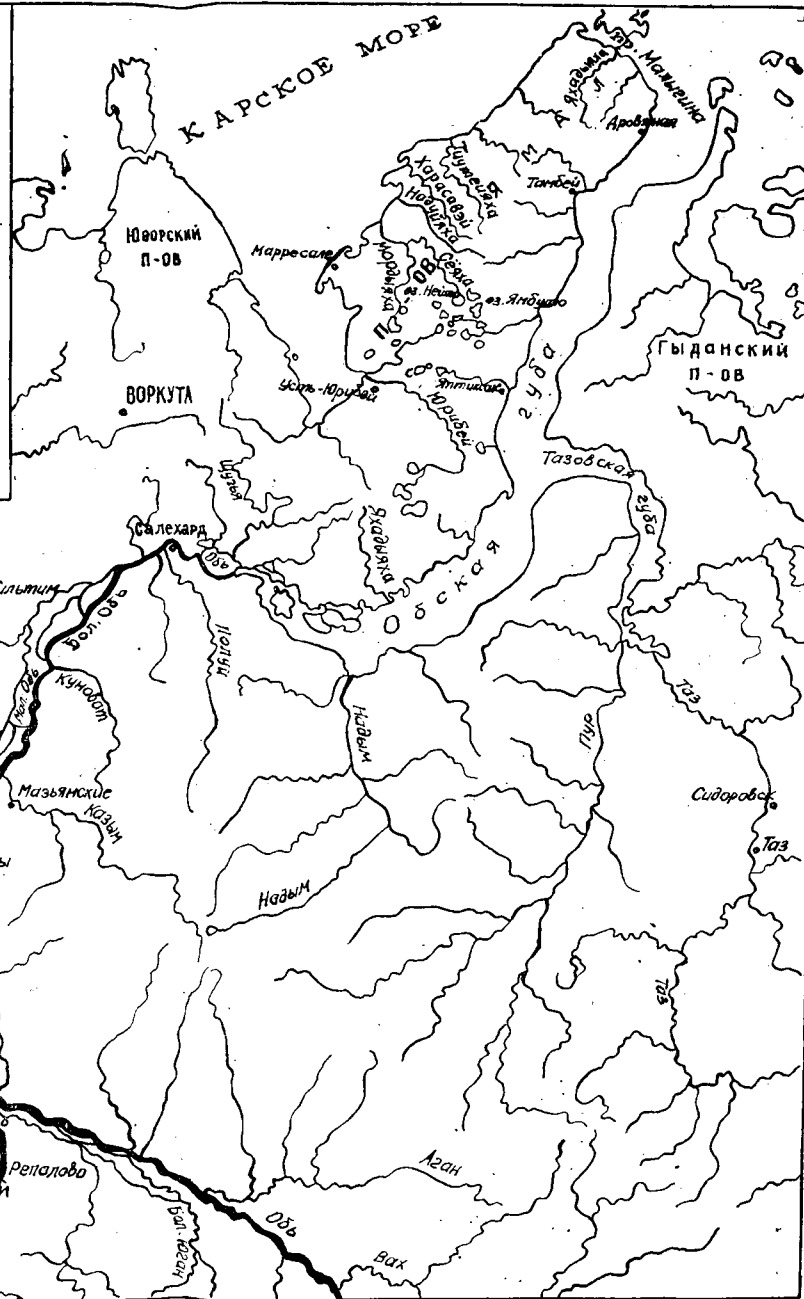

ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

РАЙОНЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В. Н. ЧЕРНЕЦОВА

(ЛЕВОБЕРЕЖНЫЕ ПРИТОКИ ОБИ,
Р. КАЗЫМ, Р. ТАЗ, П-ОВ ЯМАЛ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1987

В. Н. Чернецов в мансийской одежде,
1920-е гг.

Этот род по происхождению является
не кенским, а остижским. Третье название
Тунгусского населения, состоявшее из пред-
лага, тунг, керену и гласной, одно и то же
таким образом, и тут звучит стайковичу
не восточно, а остижским. Видово-язычно
фратерит из них. Является кенским не
не восточной а остижской, с восточной
акцентом центром в остижском же
районе. Восточный, тунг, восточный
или Роры т. Но тунг, восточный,
как может существовать восточный тунг.
Восточный тунг не существует,
а восточный тунг ^{предположительно} приотрезан
существовавший восточный тунг.

* MANſi

Роры	Mos (mos)
мегве	тучь
гаср-ис	отг-ис
Манси (проба)	Нанто (проба)
? 509 qur	
(Manſi + Xene)	

Таким образом, как от Нанта и Манси
таким образом, а 509 q. таким образом
Роры(?) с гласной, восточный тунг

Конечно, восточный тунг, восточный тунг,
не Нанта и Нанта не восточный тунг,
тунг, восточный тунг, тунг, восточный тунг,
тунг, восточный тунг, тунг, восточный тунг,
тунг, восточный тунг, тунг, восточный тунг.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБЫШЕВА

ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Публикацию подготовили докт. ист. наук Н. В. Лукина,
О. М. Рындина

Источники по этнографии Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — 284 с. — 3 р. 20 к. 2000 экз. 0508000000.

В книге публикуется ценный источник по этнографии народов Западной Сибири — манси, хантов, ненцев. Это полевые экспедиционные материалы, собранные в 1925—1938 гг. известным советским этнографом и археологом В. Н. Чернецовым. Они содержат важную для исторической науки информацию о многих компонентах традиционной культуры, утраченных к настоящему времени, а именно о промыслах, материальной культуре, социальной организации, изобразительном искусстве, фольклоре и музыке, религиозных верованиях и обрядах и т. д.

Для этнографов, археологов, искусствоведов, религиоведов, краеведов и студентов, специализирующихся по исторической этнографии.

Рецензент — докт. ист. наук М. Ф. Косарев

Редакторы — докт. ист. наук Г. Е. Марков
докт. ист. наук Н. В. Лукина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этнографические материалы являются одним из важнейших источников по истории бесписьменных в прошлом народов Сибири. Книга вводит в научный оборот ценный этнографический первоисточник — материалы, собранные в 1925—1938 гг. выдающимся исследователем этнографии, археологии, истории, языка и фольклора народов Западной Сибири, крупнейшим советским угроведом Валерием Николаевичем Чернецовым (1905—1970). Эти материалы являются документом истории, так как в настоящее время уже невозможно собрать столь подробные сведения, особенно у манси. Полевые записи В. Н. Чернецова имеют и большое методическое значение: они раскрывают изнутри специфику сбора первичной этнографической информации.

Основное внимание В. Н. Чернецов уделял изучению манси (прежнее название вогулы). Его знакомство с этим народом произошло в 1923—1925 гг., когда он работал радиотехником в геодезической экспедиции на Северном Урале¹. В постоянных контактах с местными жителями он освоил мансийский язык, а знакомство с бытом и традициями народа содействовало формированию его интереса к этнографии. После возвращения из экспедиции в 1925 г. он познакомился с В. Г. Богоразом, который убедил его поступить на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета.

Первые этнографические материалы были собраны В. Н. Чернецовым в июле — ноябре 1925 г. у манси р. Лозьвы. С июня 1926 по апрель 1927 гг. он живет среди манси Сев. Сосьвы и участвует в Приполярной переписи населения на Северном Урале. В июне — августе 1927 г. состоялась экспедиция для изучения наскальных изображений р. Тагил и этнографии лозьвинских манси. С июня 1928 по декабрь 1929 гг. он участвует в студенческой экспедиции к ненцам (самоедам) п-ва Ямал.

¹ Биографические данные В. Н. Чернецова взяты из некролога, написанного В. И. Васильевым, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколовой (СЭ, 1970, № 4, с. 194—196), и архивных материалов.

В 1930 г. В. Н. Чернецов оканчивает Ленинградский университет² по специальности «этнография финно-угорских народов» и до 1935 г. работает научным сотрудником Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера в Ленинграде. Одновременно он ведет педагогическую работу, является автором и редактором в разработке письменности и создании учебной и политико-массовой литературы на мансийском языке. С 1935 г. он стал работать научным сотрудником, а затем — зав. отделом Сибири в Музее антропологии и этнографии АН СССР, продолжая педагогическую и издательскую деятельность в Ленинграде.

С июля 1931 г. по февраль 1932 г. В. Н. Чернецов живет среди манси Сев. Сосьвы, а с августа 1933 по март 1934 гг. — среди манси Конды, Юконды, Тапа, Сев. Сосьвы. Следующая поездка на Сев. Сосьву и Среднюю Обь состоялась в июле 1935 — январе 1936 гг. В декабре 1936 — январе 1937 гг. В. Н. Чернецов совершил короткую, но весьма результативную поездку для изучения медвежьего праздника манси и хантов Сев. Сосьвы и Средней Оби. С августа по декабрь 1938 г. он исследовал наскальные изображения по р. Тагил и собирал этнографический материал у манси.

В 1940 г. В. Н. Чернецов переехал из Ленинграда в Москву и стал работать в Институте истории материальной культуры (позднее — Институт археологии АН СССР). С этого времени и до конца жизни он занимался в основном археологическими исследованиями, однако широко использовал в них и собственные этнографические материалы. В 1946 г. он был руководителем экспедиции на р. Таз для обследования Мангазейского городища и сбора материала по этнографии селькупов. Этнографические записи в этой экспедиции вел В. И. Мошинская, они имеются в архиве (д. 24), но из-за недостатка места не публикуются. В 1948 г. В. Н. Чернецов ездил на Среднюю Обь и р. Казым, где снял на киноплёнку сцены медвежьего праздника; записей об этой поездке нет.

Оригиналы публикуемых рукописей и иллюстраций хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири при Томском университете. Они составляют лишь часть этнографического архива В. Н. Чернецова, переданного сюда в 1979—1980 гг. В. И. Мошинской³. Разбор, систематизация и описание архивных материалов выполнены составителями издания.

Публикуемые записи и рисунки находятся в 25 тетрадях и блокнотах разных форматов: от 8×12 см до 17×20 см, с различным количеством листов в каждом. В. Н. Чернецов вел записи карандашом либо чернилами. В целом они довольно разборчивы, но

² Еще до окончания университета он участвовал в работе Полярной Комиссии АН СССР и составил ряд карт Большеземельской тундры; полевых материалов по этнографии этого района в архиве нет.

³ Подробнее об этом см.: Луккина Н. В., Рындина О. М. Этнографический архив В. Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого). — СЭ, 1985, № 5, с. 70—74.

карандашные записи в некоторых местах выцвели или стерлись. Во многих тетрадах имеются вкладыши — отдельные листы с записями. В одних тетрадах текст плотный (на каждой строке), в других — через строку. Записи занимают обе стороны листа либо одну, иногда встречаются страницы, где имеется всего несколько слов, поэтому трудно с точностью определить общий объем полетов материалов В. Н. Чернецова, приблизительно можно говорить о 1,5 тыс. листов разных форматов.

Уже при первичном ознакомлении с материалами стало ясно, что нет необходимости публиковать их полностью. Например, в д. 8 находятся выписки из литературы; д. 18 — это черновик, более полно изложенный в других тетрадах, и т. п. Имеются тетради, целиком посвященные какой-либо одной экспедиции с последовательным изложением материала (напр., д. 6). Но есть тетради смешанного содержания. Например, д. 12 имеет два заглавия: в начале тетради и в конце — с обратной стороны; соответственно и записи велись с двух концов. Здесь наряду с этнографическими материалами помещены тексты на мансийском языке, грамматические упражнения по мансийскому языку, дневники археологических и этнографических работ, отдельные листы с записями разного рода. Из 90 л. и 25 вкладышей публикуется только 40 л., что при перепечатке составило 19 с. машинописи.

Выделенный при первичном отборе этнографический материал переписан в виде точной копии записей В. Н. Чернецова. Затем в нем сделаны некоторые сокращения. Это диктовалось, с одной стороны, отведенным объемом публикации, а с другой — состоянием записей В. Н. Чернецова и отчасти их содержанием. Например, в процессе записи собиратель делал пропуски, либо применял сокращения, которые нам не удалось расшифровать; таким образом, содержание записей не вполне ясно. Имеются дословные повторы в дневниках и «реальных записях». Дневники иногда содержат подробные описания ландшафта, состояния погоды и т. п. Разумеется, такие сведения тоже дают информацию об обстановке, в которой работал собиратель, но приходилось их сокращать из-за экономии места. Исключены и некоторые записи сугубо личного характера. Наконец, из-за недостатка места не вошли списки терминов родства, которые мы надеемся опубликовать отдельно. За этими немногими исключениями все этнографические материалы и наблюдения В. Н. Чернецова вошли в издание.

По характеру записей В. Н. Чернецов выделяет два основных вида: дневники и «реальные записи», что отражено в его оглавлениях тетрадей. Эти виды можно различить по внешнему, формальному признаку: в дневниках дата и место записи указаны в начале, а в «реальных записях» — в конце отрывка, здесь же обычно назван и информатор. Иногда В. Н. Чернецов отступает от этого правила и ставит дату в начале «реальных записей». Относительно содержания нет строгой границы между дневниками и «реальными записями», они дополняют друг друга. В дневниках

изложен ход экспедиций, условия работы, высказываются суждения и оценки собирателя о событиях, людях, личные переживания; здесь же кратко фиксируется полученная информация и нередко дается ее научная интерпретация. «Реальные записи» излагают только этнографические сведения, причем обычно более подробно, чем в дневниках. Это собственно научный материал — рассказы информаторов либо личные наблюдения собирателя, описания предметов или обрядов и т. п. В дневниках события излагаются в хронологическом порядке (хотя есть единичные нарушения), что в «реальных записях» не обязательно. Иногда среди «реальных записей» встречаются дневниковые и наоборот.

Публикуемые тетради и блокноты озаглавлены В. Н. Чернецовым: отмечены год и место сбора материала (обычно по рекам), имеются указания и на характер информации, но последнее не всегда. При подготовке к публикации содержание тетрадей было сопоставлено с их оглавлением, и в отдельных случаях выявилось некоторое расхождение между ними. Приведем один пример. На обложке д. 15 указан 1933 г., а записи датированы 1933 и 1934 гг. Очевидно, В. Н. Чернецов дал заглавие тетради в начале работы (1933 г.) и позднее не добавил в него 1934 г. В этом случае необходимое уточнение внесено нами в название раздела. Все уточнения такого рода объяснены в соответствующих местах текста. В названиях разделов мы указываем «Сев. Сосьва» вместо «Сосьва» у В. Н. Чернецова, так как в его материалах речь идет именно об этой реке, а не о других — Сосьве и М. Сосьве, расположенных в этом же регионе.

В самых ранних записях В. Н. Чернецов сгруппировал материал тематически (см. 1, 2 разделы). Это полевые материалы не в первичном, а в обработанном виде. В записях последующих экспедиций этого не наблюдается. Некоторые поездки имели целью сбор материала по определенной теме; например, в 1935 г. — изучение социального устройства и тотемистических представлений, в 1936—1937 гг. — посещение медвежьих праздников. Эта целенаправленность отражена и в содержании записей. В других мы находим информацию по самым разным вопросам. В полевых материалах В. Н. Чернецова ярко проявляются его многогранная личность, эрудиция и широта научных интересов, пытливый взгляд и большое трудолюбие. Кажется, нет такого явления культуры, которое не интересовало бы его. Занятия и орудия труда, средства передвижения, жилище, одежда, социальная организация, бюджет семьи, фольклор и музыка, религиозные представления, обычное право — таков самый общий перечень тем, к которым обращается собиратель. И все-таки уже у молодого этнографа заметно тяготение к изучению социальной и духовной сфер жизни народа, со временем эта склонность еще более окрепнет.

Одаренность натуры В. Н. Чернецова видна и в его рисунках, выполненных с профессиональным мастерством. Его литературные задатки отражены в двух коротких произведениях, публикуемых

в этом издании. Со страниц дневников перед нами встает не только исследователь, но и гуманист, подлинный «рыцарь Севера»⁴, заинтересованный соучастник тех событий и перемен, которые происходили у народов Сибири после установления Советской власти.

В. Н. Чернецов опубликовал лишь часть своего богатейшего этнографического материала, относящегося в основном к 1931—1938 гг. Но много ценной информации этих лет, а также почти весь материал по культуре манси бассейнов Лозьвы, Сосьвы, Тагила и ненцев Ямала (1925—1929 гг.) только теперь впервые вводится в научный оборот.

В процессе сбора материалов В. Н. Чернецов прибегал к записям на языке изучаемого народа. По-ненецки и по-хантыйски зафиксированы только термины. Мансийским языком он владел свободно, и в тетрадях имеются не только мансийские слова, но и целые предложения, небольшие отрывки. Предложения на мансийском языке вошли в публикацию, но от отрывков пришлось отказаться⁵. Для записей на языках народов Севера В. Н. Чернецов применял латинскую графику. На ее основе в мансийском языке были созданы практический и фонетический алфавиты⁶. Кроме букв этих алфавитов собиратель применял в полевых записях сложную фонетическую транскрипцию с отражением различных вариантов фонем (более 70 вариантов). По техническим причинам они не воспроизводятся в данной публикации. Все слова на языках народов Севера при подготовке к изданию переведены из латинского в русский алфавит. Транскрибирование с ненецкого языка выполнено Л. В. Хомич, с мансийского — М. П. Вахрушевой-Баландиной. Немногочисленные хантыйские слова, а также мансийские термины, имеющиеся в словаре⁷, переведены в русский алфавит Н. В. Лукиной.

В написании слов на языках народов Севера имеются некоторые расхождения, что объясняется чаще всего диалектными различиями. При подготовке к изданию мы стремились к унификации лишь топонимов, опираясь на опубликованные работы В. Н. Чернецова и карты. Но и на картах встречается разное написание одного и того же названия, поэтому некоторые топонимы публикуются в разных вариантах. Мы сохраняем те названия народов, которые существовали в годы экспедиций В. Н. Чернецова и при-

⁴ См.: Омельчук А. «Лозум хум». — Рыцари Севера. Свердловск: Средн.-Уральск. кн. изд-во, 1982, с. 129—186.

⁵ Эти случаи отмечены в примечаниях, и заинтересованный читатель может познакомиться с содержанием отрывков в оригинале рукописей. В архиве имеются также фольклорные тексты, записанные полностью на мансийском языке (16 тетрадей, около 1,5 тыс. листов).

⁶ Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л.: Учпедгиз, 1936, с. 11—14.

⁷ Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы. Л.: Просвещение, 1982. — 360 с.

сутствуют в его записях: вогулы (современные манси), самоеды (ненцы), остяки (ханты), зыряне (коми).

Стиль и язык оригинала сохраняются в публикации, лишь иногда сделана необходимая редакционная правка. Слова, которые в оригинале даны сокращенно, но легко расшифровываются из этой конкретной записи, дописаны без пометок; в других случаях наши дополнения стоят в квадратных скобках. Вопрос в квадратных скобках означает, что мы не уверены в правильном прочтении слова.

Полевые записи В. Н. Чернецов нередко сопровождал рисунками, выполненными рядом с записью в тетради или на отдельных листах. В книгу вошли почти все рисунки из тетрадей и ряд иллюстраций с листов.

В процессе подготовки издания мною произведен отбор материала и текстологическая редакция, получены консультации у специалистов, подготовлены справки в начале разделов, а также примечания⁸ и словарь. О. М. Рындина переписала тексты ($1/5$ часть переписана В. А. Черняк), уточнила топонимы и публикации рисунков, подготовила список работ В. Н. Чернецова, а также карту. Копии с рисунков В. Н. Чернецова выполнены С. А. Бардиным (с участием О. М. Рындиной).

Благодарю консультантов, оказавших существенную помощь в подготовке издания: Л. В. Хомич, М. П. Вахрушеву-Баландину, Е. Г. Федорову, а также всех коллег, давших полезные советы, разъяснения или высказавших критические замечания при обсуждении. Книга увидела свет благодаря серьезной поддержке этого издания руководством Томского университета и профессором Р. Ф. Итсом.

Н. В. Лукина

⁸ Несколько примечаний перенесено из рукописей В. Н. Чернецова, они имеют соответствующую пометку.

1. ЛОЗЬВА. 1925 г. ОТЧЕТ

[Записи в д. 25. Заглавие у В. Н. Чернецова отсутствует и дано нами].

Летом 1925 г. мною было произведено обследование группы вогул, обитающих в северной части Ивдельского района (Нижне-Тагильского округа) в верхнем течении р. Лозьвы.

По своему географическому положению территория, населенная вогулами, занимает восточное Приуралье от $60^{\circ}40'$ до 62° северной широты и от 59° восточной долготы. В направлении с северо-запада на юго-восток район пересекается рекой Лозьвой, которая берет начало на самом Уральском хребте и, принимая многочисленные притоки, делается довольно мощной рекой, допускающей в весеннее время судоходство до устья реки Ивдель. Правый, западный берег Лозьвы, сильно пересечен многочисленными увалами и сопками, которые по мере удаления к западу делаются все выше и выше, переходя таким образом в Уральский хребет. В противоположность этому левый берег реки низкий и почти сплошь покрыт болотами, за исключением небольшой водораздельной возвышенности между Лозьвой и малым истоком Сев. Сосьвы в районе Актыпа.

В связи с таким различным рельефом отличаются и древесные насаждения. Большинство увалов покрыты сосновыми борами и лиственницей, которые в более сырых местах сменяются кедром, елью и пихтой. В болотных лесах и по берегам реки растут мелкая ель, сосна и береза, редко достигающие в таких местах хорошего развития. По мере поднятия на горы сосновые леса сменяются еловыми и кедровыми насаждениями, которые, в свою очередь, уступают место низкорослой горной березе. На высоте метров 700—800 леса уже нет вовсе за исключением кустиков полярной березы и ивы. Болотистый берег Лозьвы покрыт еловыми и пихтовыми лесами невысокого качества и лишь сравнительно в редких местах встречаются сосновые боры. Большие пространства заняты открытыми болотами, где произрастает лишь редкая болотная сосна.

Население обследуемого района составляют русские — около 1700 чел. (тут берется население его северной части) и небольшое

количество вогул — около 90 чел. Главная масса русских живет в с. Ивделе (около 1300 чел.), остальные же расселены по берегам Лозьвы небольшими поселками, из которых наиболее значительны пос. Першино, прииск Уминов и пос. Бурмантово (с населением 50—60 чел.). Население с. Ивделя занимается старательством, извозом, работами на лесных разработках и в небольшой части охотничьим промыслом, который в поселках по Лозьве выступает уже на более передний план.

В противоположность русским вогулы живут по маленьким рекам, в глубине леса, редко больше, чем по одной, по две семьи на каждом месте. Такое расположение поселков обуславливается причинами, вытекающими из характера жизни вогул. Будучи охотниками, они избегают собираться большими поселенными группами, придерживаясь старого вотчинного деления, и место для жительства выбирается согласно местным условиям. Каждая юрта обладает своим охотничьим участком. Надо сказать, что в последнее время эти вотчины в значительной мере утратили свое значение уже прежде всего из-за русских охотников, которые не считаются с ними. Вторым фактором разброшенности поселков является оленеводство, которое у лозьвинских вогул приближается к избушному типу. Но дома оленей держат лишь зимой, для чего место для зимней юрты выбирается вблизи мохового болота. Удаленность юрт от крупных рек может объясняться еще и тем, что вогулы избегают селиться вблизи от русских.

Каждая семья имеет зимнюю бревенчатую юрту (реже — чум), которая является постоянным жильем на более или менее длительное время⁹. Летом же вогулы непременно выселяются поближе к рекам, где они ловят рыбу. Такие летние поселения обычно бывают на разных местах, в силу чего я и не нанес их на прилагаемой карте¹⁰. Летним постоянным жилищем является берестяной чум, переносной же — в виде одно- или двухскатного навеса, крытого берестой.

Ниже привожу список населенных пунктов с указанием их положения и количества населения (табл. I)¹¹.

Всего мужчин — 46, женщин — 38, обоюго пола — 84 чел.

Основной группой на Лозьве является род Бахтиаровых, пришедший по преданию с западной стороны Урала. Анямовы, Беликов, Сампийтал и Фадеев пришли с.р. Сев. Сосьва. Укладовы же представляют из себя жалкие остатки вымершего рода, по-видимому, коренных лозьвинских вогул. Кроме перечисленных в списке на Лозьве, в верхней ее части, живут Н. Елесин (юрта Елесина); Ячи, или Анямовы (Ячи-пауль, или Лоссу-м-талях-пауль), а на

⁹ После смерти старшего в роду юрта бросается совершенно или, по крайней мере, перекачивается. Иногда ее бросают и по менее уважительным причинам. — Прим. В. Н. Чернецова.

¹⁰ Карта в материалах В. Н. Чернецова отсутствует.

¹¹ Список Ивдельского РИК'а, исправленный и дополненный мною. — Прим. В. Н. Чернецова.

Населенный пункт	Фамилия, имя, отчество	Возраст	
		м.	ж.
Тольтия-пауль на р. Тольтия, приток р. Ивдель. От с. Ивдель 30 в.	Бахтиаров Константин Васильевич	31	
	жена Варвара Яковлевна		29
	сын Кузьма	8	
	» Стефан		
	» Николай	1	
	дочь Лидия		6
	Бахтиаров Яков Иванович	58	
Юрта В. В. Бахтиарова близ слияния двух истоков р. Ивдель, летом кочует между г. Хазатумпа и г. Линва	Бахтиаров Ник. Яковлев.	20	
	Бахтиаров Влад. Васильевич	20	
	жена Мария Алексеевна		18
	сын	1	
	сестра Анна		28
	» Фаина		14
	» Екатерина		10
Пома-пауль на берегу Помского оз., от с. Ивдель 40 в.	брат Евгений	17	
	Фадеев Павел Иванович	58	
	жена Наталья Алексеевна		55
	сын Николай	9	
	пасынки:		
	Бахтиаров Николай Вас.	28	
	Бахтиаров Кирилл Вас.	25	
	Бахтиаров Павел Вас.	23	
	Сампилтал Андрей	55	
	жена Дарья Павловна		
Юрта Н. Т. Бахтиарова на р. Тошемке близ Помского оз.	Пеликов Григорий Степан.	28	
	жена Екатерина Васильевна		27
	сын Семен	1	
	Бахтиаров Ник. Тимоф.	65	
	жена Акулина		55
Тосем-я-пауль в вершине р. Тошемки, левый приток р. Ивдель	Бахтиаров Дмитрий Вас.	29	
	сын Иван	4	
	брат Алекс. Васильевич	35	
	мать Анисья Дмитриевна		72
	сестра Мария Васильевна		25
Анчуп-пауль. на р. Анчуп, правый приток Вожа	Бахтиаров Никита Яковл.	46	
	приемный сын Петр	5	
	дочь Дарья		13
	сестра Аграфена Яковл.		26
	жена Алена		55
	Бахтиаров Савва Еремеевич	38	
	жена Дарья Ник.		18
	сын	1	
Токта-пауль, близ устья р. Токты на р. Вожай	брат Егор Еремеевич	29	
	Бахтиаров Иван Игнат.	80	
	жена Мария		70
	племянница Мария Яковл.		10
	сын Яков Иванович	40	
	его жена Варвара		20
	его сын Петр	1	

Населенный пункт	Фамилия, имя, отчество	Возраст	
		м.	ж.
	сын Илья Иванович	30	
	его жена Антонина		
	сын Василий Иванович	25	
	его жена Анна Вас.		25
Юрты В. П. Бахтиарова	Бахтиаров Василий Петр.	50	
на р. Вожай	жена Анисья Николаевна		40
	сын Александр	15	
	дочь Евдокия		20
	дочь Прасковья		10
	»		1
	Укладов Петр Алексеевич	46	
	Бахтиаров Петр Николаевич	40	
	брат Василий Николаевич	30	
	сестра Анисья Никол.		20
	отец Ник. Кириллович	80	
	мать Акулина Ефимовна		60
Яктель-я-вот-пауль, на	Бахтиаров Васил. Федор.	40	
р. Яктель-я, приток	жена Мария Леонтьевна		40
р. Вожая	дочь Варвара		8
	мать Федосия Игнатьевна		70
Прокопий-пауль на р. То-	Бахтиаров Прокопий Тим.	55	
шемка, правый приток	жена Мария Кузьм.		45
р. Лозьвы	сын Александр	12	
	» Тимофей	1	
	дочь Екатерина		12
	» Анна		9
	дочь?		4
	» София		2
Юрты Ф. Нёрона, на	Нёрон (Анямов) Фил. Ив.	30	
р. Лозье близ пос. Та-	жена Нина		25
лица	сын Николай	7	
	» Иван	2	
	отец Иван	70	
	мать Татьяна		79
Юрта Укладова, на	Укладов Василий Алекс.		
р. Лозье близ пос. Та-	его жена?		
лица	(оба слепы от трахомы)		

Всего мужчин — 46, женщин — 38, обоего пола — 84 чел.

р. Пелым, недалеко от пос. Бурмантова, — Куриковы. Но все эти вогулы тяготеют к Няксимволю и принимают мало участия в жизни лозьвинских вогул.

После рассмотрения расселения лозьвинских вогул перейдем к их промыслам и взглянем, из чего слагаются средства к существованию.

Основным занятием туземного населения является охота и лишь затем оленеводство и рыболовство. Охота ведется как за

пушным зверем, так и за оленем и лосем, в меньшей степени на птицу. Из пушного зверя на переднем плане стоит соболь, который в большом количестве живет в густых лозовинских лесах. Другие животные, как лиса, медведь, россомаха и даже белка и пр., играют несравненно меньшую роль в промыслах. Не менее важным для вогул является лось, промысел на которого доставляет для них мясо, заготавливаемое на весь год. Олень водится в сравнительно небольшом количестве, преимущественно в болотах левобережья Лозьвы и по своему значению стоит за лосем, давая охотнику мясо и шкуры.

Весь охотничий промысел можно разделить на две категории: охота с ружьем и собакой и установление различных ловушек. Последнее развито у вогул не особенно сильно и представлено только двумя видами: слопцы на птицу, которые ставятся осенью, и самострелы на лося. Для устройства их в лесу, на местах хода лосей гонятся загороди в одно прясло, в которых проделывают ворота. В этих воротах устанавливают настороженные луки. Такой способ промысла, безусловно, губительно отзываясь на количестве лося, но за последнее время он стал употребляться меньше. Охота с ружьем и собакой начинается осенью, в сентябре — октябре. Охотники идут в лес за лосем. Но в это время они преследуют цель лишь заготовить в лесу мясо для будущих зимних и весенних промыслов. В конце октября — начале ноября приходит пора охоты на соболя, который к этому времени «выходит», т. е. его мех становится длинным, пушистым и принимает зимний окрас. Промысел соболя продолжается до тех пор, пока снег не станет глубоким настолько, что собака не сможет по нему ходить.

После этого наступает небольшой перерыв, во время которого вогулы выезжают в Ивдель. В течение этого же перерыва охотники выходят за белкой, которую «лесуют» без собаки, ища ее в гнездах, по следам и «поедкам». Этот любопытный способ в Ивдельском районе никем кроме вогул не употребляется, так как требует от охотника исключительной неутомимости, знания привычек зверя и местных условий. С началом весенних ветров открывается промысел оленя и лося «скрадом», и еще позже, когда образуется наст, — загонкой по нему лосей. В это время вогулы и заготавливают мясо лося, разрезая его на длинные полоски и вываливая на солнце и над огнем. Хотя этот вид охоты и признан губительным для лося и запрещается правилами охоты, но в данном случае отменить его не представляется возможным. Мясо лося является почти единственным, которое имеет вогул, и, лишившись его, он останется без запаса пищевых продуктов на лето.

Рыбная ловля производится вогулами летом по небольшим речкам, где они добывают хариуса (*Thymallus*), тайменя, щуку при помощи особой формы сети, т. н. сырпа (так как он неоднократно описывался, то здесь описание можно опустить). Сырп дает возможность ловить по маленьким речкам и омутам, где преимущественно держится рыба. Но зато на широком месте, как, например,

на Лозье, он уже почти неприменим. Как Лозьева, так и ее притоки не богаты рыбой, и потому вогулы почти не продают рыбы. Ее едва хватает на питание в помощь мясу. При удачном лове рыбу вялят на солнце, сохраняя ее затем в берестяных кошелях на зиму.

Третье занятие лозьвинских вогул — оленеводство. Как уже было сказано, большинство хозяйств — малооленны, и лишь дватри могут похвастаться стадами свыше 100 голов. Большинство же обладает 40—50 оленями, которых держат исключительно для еды. На лето оленей отдают на выпас. Осенью же, по возвращении стада с Урала, каждый хозяин берет своих оленей к себе, чтобы держать их вблизи своей юрты. За исключением указанных хозяйств доход от оленей крайне невелик и ограничивается одним-двумя, которых колют при каких-либо особых случаях. На шитье одежды колются неплуги тоже в весьма ограниченном количестве, в большинстве же случаев их покупают у зырян — оленеводов, имеющих более значительные стада. По словам вогул, раньше оленей было больше. Так, у В. Бахтиярова было до 4000 штук. Но однажды начался мор, и почти все олени пали. К несчастью, этот рассказ имеет под собой много оснований. Сильно распространенные болезни и теперь мешают развитию оленеводства. Так, мне пришлось видеть, как за 8 дней: с 29.06 по 7.07 в стаде около 100 голов пало 11 оленей, из которых лишь один был заколот и частично съеден, остальные же совершенно выброшены. Причина такого постоянного падежа, мне кажется, лежит в неизменности летних пастбищ, которые уже издавна заражены. При этом подаваться к западному склону Урала вогулы опасаются из-за частых нападений со стороны русских с реки Вишеры на олени стада. Вишерцы, нападая на оленеводов, стреляют оленей и тут же складывают их на плоты, сплавляют вниз по реке. Бывает, что за раз они выбивают штук до сотни.

Откочевывать же вдоль хребта неудобно, во-первых, из-за дальних летних переходов в горах, утомительных для оленей, а во-вторых, из-за того, что те места тоже заняты и не представляют из себя совершенно свежих пастбищ. Ветеринарной же помощи оленеводы не получают никакой по той причине, что ее, как следует, нет и в самом Ивделе. Прочие промыслы, как шитье на продажу меховой одежды, шишкование и пр., развиты у вогул очень слабо; первое — из-за недостатка у них самих материала, второе — из-за слабого сбыта. А потому в бюджете населения они составляют незначительную статью дохода.

Рассмотрев все виды занятий вогул, попробуем вывести общий доход среднего вогульского хозяйства с семьей в пять человек.

Доход вогульской семьи получается преимущественно от продажи продуктов охоты, и лишь у оленеводов к этому добавляются доходы от стада. Но так как последних чрезвычайно мало, то вводить их в подсчет не приходится (табл. 2).

Продукты охоты и рыболовства	Добыча в хозяйстве	На собственное потребление мяса, рыбы		На продажу	
Соболь	8—9 шт.	—	—	8—9 шт.	240—270 р.
Лось	7 шт.	85 п.	1 шт.	6 шт.	50 р.
Медведь	1 шт.	6 п.	—	1 шт.	8 р.
Олень вольный	1—2 шт.	3—6 п.	1—2 шт.	—	—
Рыба	35 п.	10 п.	—	10—15 п.	60 р.
Олень домашний	1—2 шт.	3—6 п.	1—2 шт.	—	—
Неплюн	1—2 шт.	1—2 п.	1—2 шт.	—	—
Птицы	10 п.	10 п.	—	—	—
		120—125 п.		358—378 р.	

Но этот расчет взят по среднему году¹². В год же с плохим охотничьим сезоном могут быть значительные отклонения в сторону ухудшения положения.

Как мы видим, хозяйство целиком удовлетворяет себя лишь мясом и рыбой, прочие же продукты, а также недостающие оленьи шкуры для теплой одежды должны быть приобретены. Последнее производится обычно у зырян-оленьеводов.

Расходование средств приблизительно выражается следующим образом: муки ржаной и пшеничной — 100 р.; мануфактуры метр — 50 р.; прочие пищевые продукты — 60 р.; огнеприпасы — 10 р.; лошадь — 100 р.; прочее — 20 р.; шкуры на теплую одежду — смотря по средствам.

При сравнительно хорошем доходе вогулы часто терпят значительные недостатки, что до некоторой степени объясняется следующим: раза два-три в год каждая семья устраивает жертвоприношения по различным поводам, как-то: начало и конец охоты-промысла, убийство медведя и пр. Последнее обставляется в особенности торжественно, и на медвежьем празднике непременно фигурирует в качестве жертвы лошадь. Эта-то статья расхода и подрыывает зачастую весь бюджет хозяйства, так как иной раз приобретается за год до трех лошадей. Приняв же во внимание, что обычно ищется лошадь с какими-либо особыми отметками, то русские этими случаями пользуются, смотря на них, как на прекрасный источник дохода. Цены на лошадей доходят иногда до баснословных величин. Так, в одном из известных мне случаев за лошадь было получено 6 хороших соболей (200 р.), совик (15 р.) и пуд мяса (4 р.), всего 220 р. Красная же цена этой лошади была 130—140 р., а считая на мясо, — всего 60 р. На медвежий празд-

¹² По данным В. Н. Чернецова.

ник съезжается обычно масса народу, длится он по несколько суток. После этого становится понятным и то, что каждое хозяйство имеет долги как у частных лиц, так и в организациях, которые доходят рублей до 200.

Скупка пушнины производится в Ивделе, где имеются ЦРК, союз охоты и госторг. В 1924—25 гг. на пушное сырье цены стояли следующие (в руб.). Союз охоты: соболь — 32; куница — 18; горноста́й — 1,26; лисица — 6,40; росомаха — 14; белка — от 0,60 до 0,85; медведь — 8. ЦРК: соболь I сорт — 50; соболь 2 сорт — 40; куница — 14; белка от 0,30 до 0,60; лисица — 10; колонок — 1; горноста́й — 1,50; кожа лосиная — 4—5; кожа оленья — 4.

Цены на продтовары и товары в это же время следующие: мука ржаная — 2 р.; мука пшеничная — до 6 р.; сахар — 40 коп. фунт; сукно шинельное — 4—5 [?]; ситец — 40 коп. аршин; махорка — 58 коп. фунт; мясо лосиное — 3 р.; мясо оленья — 3,50—4 р.; глухарь, косач — 4 р. пуд; берданка — 10 р.; дробь — 35 коп. фунт; порох — 40 коп. фунт.

Общее количество заготовок на Ивдель выражается в следующих цифрах: соболь разных сортов — 400 (данные со слов зав. отд. госторга); белка — 16—17 тыс. (невыходной около 15%); выдра — 10; лисица — 3—4; рысь — 2—3; медведь — 30—40; кожа лосиная 150—170; олень — 30—40. Таким образом, общая сумма заготовок приблизительно равняется 25 тыс. руб. Значительная часть этой пушнины, большая часть белки привозятся из Березовского р-на, преимущественно из Няксимвольского и Сартыньинского сельсоветов.

2. ЛОЗЬВА, [СЕВ. СОСЬВА, ТАГИЛ]. 1925, [1926—1927] гг.

[Тетрадь (д. 1) была вложена в корочку, на которой рукой В. Н. Чернецова написано: «1925, 1926—27. Лозьва, Сосьва, Тагил». Мы сохраняем этот заголовок, но предполагаем, что материалы относятся только к Лозьве и собраны в 1925 г. О районе говорят топонимы в тексте. Сразу после полевых материалов В. Н. Чернецов записал 1-ю лекцию по общей этнографии, очевидно, осенью 1925 г., когда он поступил в ЛГУ. Судя по этому, предыдущие записи вряд ли сделаны в 1926—1927 гг.].

Материальная культура остяков. Жилища, хозяйственные постройки. Жилища остяков по их форме и назначению можно разделить на три категории. Более или менее постоянные зимние юрты. Летние берестяные чумы и временные односкатные балаганы крыты тоже берестой. Бревенчатая зимняя юрта *норкол* представляла из себя четырех-редко пятистенную избушку, в среднем метров 5×5 и высотой рядов 7—9. Материалом для стен служит сосна. Причем с фасада два ряда выступают вперед около метра, сторона обшивается тесом, так что получается род чуланчика для дров и пр. Окон делается одно или два. Крыша двух-

скатная, причем крыта она драницей, поверх которой стелят бересту, прикрываемую другим рядом дранки, но более толстым. По краям кровля удерживается желобами, которые укрепляются на деревянных крюках, по три с каждой стороны. Эти крюки делаются иногда в виде голов *таренин*. Пол делается дощатый или земляной. По стенам нары сантиметров 30 высотой, шириной в рост человека; по стенам полки, устраиваемые не выше... Очаг помещается справа или слева от двери. Устройство его таково. Из длинных палок делается труба диаметром около 80 см, которая обмазывается глиной. Спереди половина трубы срезана и образует камин с отверстием 70—100 см. Устраивается печь на земляном фундаменте, сделанном так же, как и нары. Иногда рядом с печью делается другая, но меньше, и в нее вмазывается таз. Из печи дым по трубе отводится в главную печь. Труба летом закрывается берестой с чем-либо тяжелым.

Вышеупомянутые крючки, поддерживающие желоб, иногда вырезаются в виде головы животного, как в юрте Кости Бахтиярова, где вырезана голова лошади. Двери обращаются на юг и на восток, но если остяк переселяется на новые места, то обращает двери в сторону старого поселения. Этот тип постройки, по словам Н. Я. Бахтиярова, существует очень давно и ни у кого не перенят.

Ёрнкол саскол. Летом жилищем служит конусообразный берестяной или кожаный чум *совья ёрнкол*. Для устройства его ставят 30 шестов длиной до 5 м с основанием круга 5 м и покрывают берестой, которая удерживается другим рядом. Кроме того, береста пришивается и привязывается к концам шестов и бревен разнообразной длины и высоты. Внутри посередине ставится шест, одним концом воткнутый в землю, а другим укрепленный сверху. К нему от двери идут *потив* — две палки, между которыми висят крюки для котлов. Очаг состоит из камней, расположенных овалом. Дверь тоже берестяная, укрепляется одной стороной на палки, от верхнего края двери идут две веревки кверху для поддержания ее. Дверь обращается тоже на юг и на восток, как у норкол. *Ахтаилнисас* — необработанная береста для покрывания летнего ёрнкол.

Если ёрикол предназначается для жилья зимой, то бересту готовят особо, варя ее в воде для мягкости и сшивая в три ряда длинными полосами. Каждая такая полоса называется *ёрнсас*. Или же кроют чум оленьими кожами, тогда они называются *совья ёрнкол*. Этот тип постройки перенят остяками у самоедов. Со стороны двери дымовое отверстие спускается мысом книзу не более 0,5 м, все отверстие в диаметре у среднего ёрикол равно 1 м с лишним.

Третьим и последним видом жилища является балаган *колпал*. Представляет из себя односкатную крышу, одной стороной лежащую на земле, а состоящий из шести шестов установленный скат кроют тиской — береста, сшитая в два или три ряда со слоями в разных направлениях и вываренная в воде для мягкости и

крепости. Этот балаган разбивается на охоте или рыбной ловле и т. д. Тиска в таких случаях возится с собой.

Тосемья-пауль. Живут Д. В. Бахтиаров, который строил новую норкол, и летом В. П. Бахтиаров, который имеет здесь ёрнкол, зимой этот последний живет в Ялпинг-я. Д. И. Бахтиаров холост, с ним живут его брат и сестра. Род Бахтиаровых некогда пришел из-за Урала. Старик Инат и три сына Стенан, Родион и Иван, от последнего и пошел весь род.

Чамья *сомьях* — четырехугольный сруб; обыкновенный, на двух, но иногда на четырех столбах, крытый таким же способом, как и норкол. Употребляются для хранения различных вещей и продуктов. Высотой столбы делаются до 3 м, Богом очага и дома является *Ловья хум*, обитающий в норкол в *щовал*, а в ёрнкол — в костре. В новостроящийся нор — или ёрнкол на стену вешают платки с завязанными в них деньгами. Количество платков неопределенное, кроме того, в мисочке или чугуничке вешают на стену оленье или звериное сало (но не медвежье). Это делается опять-таки для *Ловья хум*, дабы он поселился в этом доме.

Кровля ёрнкол состоит из пяти частей. Две нижние ёрсас сшиты в виде части круга и две прямые. Эти последние можно передвигать, чем достигается увеличение и уменьшение дымового отверстия. Для этого у них по углам делают мешочки для шестов. Укрепляются они веревками, обвивающими ёрнкол кругом. Во время сильного дождя или ветра ставят еще пятую часть кровли — тоже прямоугольную и кладут с наветренной стороны, чем и достигают лучшей тяги.

Расположение обитателей дома. Как в ёрнкол, так и в норкол располагаются таким образом, что дальнюю половину заполняют мужчины, а переднюю женщины. Так, в ёрнкол посередине спят отец и мать; за отцом к противоположной стене от двери спят сыновья, а от матери к двери — дочери. По другую сторону спят гости, а если семья большая, то и члены ее опять-таки соблюдают тот же порядок. У стены против двери ставится посуда, пища и т. п. В норкол нары по стенам разделены перегородками на отделения. Если есть молодая чета, то они живут ближе всего к двери.

Дымовое отверстие ёрнкол — *талех* или *сурм сунд*. Очаг в ёрнкол — *аращ*, *аращ онге*, *аращ ахтас*. В норкол труба — *щовал сунд* или *щовал талах*.

В норкол женщине запрещается вешать какие-либо вещи выше приблизительно одного аршина, а также влезать на крышу, тогда как мужчине разрешается как последнее, так и первое. В ёрнкол она должна класть вещи на пол, а сушить снаружи. Мужчине, в свою очередь, нельзя сушить чулки и порты, а также и ярки. В *мули пал* живут холостые мужчины, а также если есть старик (вдовый). Самый молодой, но женатый сын живет в *ави сунд пал*, если есть сестра старше его; если есть сестра (незамужняя) моложе его, то они живут в *ави сунд пал*, а он в *котли пал*, более старший женатый сын живет в *лох пал*.

Угол дома — *кол сам*.

Пища. Главной пищей является мясо оленя, лося и медведя. В меньшей степени в ходу рыба, как-то: харнус, таймень. Растения являются только лишь случайной пищей и специально не собирают, кроме иван-чая *пургаллищаньт* и *лопусня*, идущего вместо напитка. Остальные растения, как-то: дикий лук — *саимпум*, морошка — *морох*, брусника — *суйнил*, голубика — *тахтпил* и др. идут в пищу лишь в сыром виде.

Харнус — *оцца хул*, таймень — *алм*, шокур — *сокор*, сырок — *сорох*, черника — *совни*, малина — *умус*, смородина черная — *сосых*, смородина красная — *выгрпил*, щука — *сорт*, налим — *сы*, язь — *нулим хул*, елец — *яхул*, окунь — *сымри*.

Хлеб — *нянь* получают исключительно от русских и употребляют в сравнительно небольшом количестве.

Из способов сохранения мяса известно лишь сушение в хорошую погоду на солнце и в плохую над огнем. Мясо режется на полоски и развешивается на жерди, укрепленные на 2,5 аршина. Под ними разводится дымовой костер для отгона мух. Сушка длится дня 4—5, смотря по погоде. Козлы для сушки мяса — *нивлотсен-совак*, сушеное мясо — *тосем невыли*. Рыба сушится подобно мясу, и название соответственно.

Из отдельных частей животного женщине нельзя есть голову и сердце лося, а голову и сердце медведя нельзя есть никому — эти части считаются священными и с ними поступают особо. Наркотическими веществами является лишь один табак, который курят предпочтительно из трубки, жуют и нюхают. Жевание наиболее распространено из всех трех случаев. Вкусовыми веществами, полученными исключительно от русских, являются сахар, соль и перец, но соль употребляют в малых размерах и пищу едят всегда недосоленную, на европейский взгляд, а перец — вовсе редкое явление среди остяков. Опьяняющими веществами является лишь вино, которого теперь, впрочем, очень мало во всем районе.

Единственным способом приготовления пищи является варка ее. Впрочем, мясо оленя едят и сырым, макая его в подсоленную кровь, но это относится лишь к колотому оленю. Отстрелянного же нужно непременно варить, причем мясо всегда переваривается. Это же относится к мороженому мясу. Для варки мяса употребляется обыкновенный чугунный котел — *пот*, причем вынимается из него мясо большой ложкой — *тайи*. Вынутое мясо кладется в длинную деревянную миску — *хозаны*, а в маленькую круглую миску наливается снятый с поверхности котла и посоленный жир, в который макают мясо. Медвежье же мясо не солится совершенно. После мяса начинают пить суп *исмит*, наливая его в круглые миски *енг танг аны*. Суп едят уже с хлебом. Медвежье мясо надо есть, непременно отрезая кусочки его ножом, но ни в коем случае не откусывая их зубами. Женщины и дети едят и пьют чай отдельно от мужчин, но присутствовать при этом могут. Но в своей семье, особенно если она невелика, они садятся вместе с мужчинами,

соблюдая, однако, порядок расположения, и не садятся дальше мужчины от двери. Голову медведя, носовую кость лошади вешают на деревья.

Оленя сначала глушат ударом по голове, затем колют его ножом под левую лопатку, после этого снимают кожу, подрезая ее с внутренней части от нижней губы. Свежевать начинают, делая надрез брюшины позади последнего ребра, через этот разрез вынимают желудок. После этого отрезают ноги — сначала в коленных суставах, а затем отнимают их совершенно. Далее отделяют бок, отрезая ребра от грудной кости и от хребта, и вынимают сердце, печень и легкое. Последнее бросается собакам. Теперь вычерпывают собравшуюся кровь, сливая ее в ведро, и отрезают голову. После этого переворачивают тушу на другой бок, отделяют остальные две ноги, таким же образом, как было сказано выше, и отрезают другой бок, опять так же отрезая брюшину у последнего ребра. Она остается с грудной костью. Позвоночник делится на две кости в тазовом сочленении. Ноги, окорока и печень едят тотчас же в сыром виде, конечно, если достаточно много народу, а остальные части идут в варку. В варку же идут грудная кость, спинной хребет, ребра, причем часть мяса во избежание загнивания срезается и сушится отдельно. Голову домашнего оленя сохранять не нужно, и она также съедается. Кости бросать на землю нельзя. Оленя можно есть целиком всего — как мужчинам, так и женщинам. Хлеб пекут на дрожжах, соде и пресный. Пекут его в костре на доске и делают печки вроде русской на открытом воздухе. Кроме простого хлеба пекут его, замешивая муку кровью — *келпнянь*. Рыбный пирог — *хулнянь*. Мешают тесто с черникой и голубикой — *пилнянь*. Пекут пироги с мясом, причем летом мешают мясо с ягодами. Мясной навар исмит заправляют мукой и летом ягодами. *Хант* — бык кастрированный. *Кар сали* — производитель. *Неви сали* — матка. *Хептерка* — непронзводящая потомство матка.

Оленеводство. Остряки, по крайней мере в этой части Урала, различают лишь два рода оленей: *вор сали* и *роод сали*. Других классификаций у них нет. По масти различают белых *янк сали нерух ханзан сали* и серых *семл сали*. По возрасту же различают *мань песых* — 'пешка' и *нёплу*. Приемы. Разведение оленей остряки заимствовали целиком от самоедов, от последних же заимствована упряжка и тип нарты. Оленеводами в полном смысле слова остяков назвать нельзя, так как численность оленей не превышает 200 на остяка, обычное же количество 40—30 и даже 10 штук. Вследствие этого большинство не пасут летом самки, а отдают на выпаску, платя по 1 р. с матки и по 50 коп. с быка в лето. Летом оленьи стада угоняются на Урал, где олень находит мох и необходимую ему прохладу, так как на вершинах гор снег держится все лето. Кроме того, на горах меньше комаров и мошек. При пастыбе оленей употребляются собаки, но в небольшом количестве. Эксплуатация оленей ограничивается колкой небольшого количества взрос-

лых быков. Маток не колют совершенно, храня их как производителей. Молоко не употребляется совершенно.

Осенью во время гона оленей нередко случается, что в стадо забегают дикие олени, вследствие чего происходит спаривание их с домашними. Телята, родившиеся от вольного оленя, *вор сали пельх*, необыкновенно дики и стремятся убежать из стада. Это не только не проходит, а наоборот, усиливается в дальнейшем. Ввиду этого остяки не допускают диких оленей в стадо и непременно убивают их в случае, если олень зашел. Большинство быков кастрируется, и оставляются лишь случные производители, причем оставляют быков белой, пегой и серой масти. Кастрация точно так же заимствована у самоседов. Колка происходит около Ильина дня. С этим временем связаны и моления, обращенные к *Мир сунс хум*.

Средства передвижения. Зимой ими являются нарты и лыжи, а летом опять-таки нарта и лодка. Нарта *сун* самодийского типа у остяков встречается двух видов — грузовая и легковая. Грузовая нарта отличается более грубым устройством, на ней не делается настила и вся нарта едва отесывается топором, тогда как легкая тщательно обстругивается и выглаживается ножом. Орудием при построении нарты служит топор, два ножа, узкий и широкий, *назилл* сверло. Материал для полозьев и досок — ель, а для копыт и перекладин — береза. Полозья сначала вытесываются начерно топором из сырой ели, затем место загиба греется над огнем, причем кора не снимается, после этого начинают загибать, вкладывая один конец между двух кольев. После этого привязывают к концам ремень и вставляют распорку, держащую загиб. В таком положении все сушится. При летней езде на нарте к полозьям последней на деревянных шпильях приделываются вторые, более легкие полозья, которые снимаются по надобности.

Легкие нарты делятся на две категории — мужские и женские. Конструктивных отличий в них нет, а разделение основано лишь на запрете женщине садиться на мужскую нарту. Мужчина же может садиться и ехать на любой нарте. Дети ездят с родителями без различия пола, но когда девочка достигает возраста лет десяти, то уже не может ездить на мужской нарте. Сидят на нарте боком, положив одну ногу вдоль нарты, а другую поставив на полоз позади копыла. Летом иногда садятся верхом, особенно при езде по неровной дороге.

В нарты запрягают зимой обычно трех, а летом четыре и пять оленей. Каждый олень впряжен к одной ременной постромке. Способ крепления пяти постромок: два крайние оленя впряжены в общую постромку, на которую вздеваются кольца остальных постромок. Упряжь состоит из широкого ремня, охватывающего спину и грудь оленя, от него отходит ремень, огибающий шею: спереди он схвачен небольшим ремешком, не дающим петле съезжать на плечи. Каждый олень привязан поводом, отходящим от уздечки к кольцу, находящемуся на спинном ремне левого. У крайнего левого

олени уздечка отличается тем, что со лба отходит еще один ремень, проходящий под правым глазом к горловому ремню. С левой стороны отходят вожжи. Управляют упряжкой, держа вожжу в правой руке, а шест в левой. Потянув вожжу, поворачивают оленей влево, для поворота вправо ударяют ею слева направо по передовому оленю. Если он недостаточно обучен, направляют его шестом. Погоняют оленей легким толчком того же шеста и криком, который невозможно передать на бумаге.

Лодки бывают одного типа — долбленные из осины. Из осинового бревна выдалбливается корыто, в которое затем наливают воду и в нее бросают накалинные камни до тех пор, пока вода не закипит. Когда дерево достаточно распарится, лодке придают надлежащую форму, вставляя распорки. К бортам лодки для увеличения ее емкости пришиваются сосновыми или кедровыми корнями тесины, причем швы тщательно заливаются еловой смолой. У вертикальных лодок приделывается аутригер, представляющий из себя кусок дерева в форме челнока, вынесенный за борт на двух палках, прикрепленных к бортам. По словам остяков, в прежние времена делали еще лодки из бересты, ныне же они более не встречаются.

Лыжи делают короткие и широкие. Материалом для них служит ель, причем выбирают ель с белой не смолевой древесиной. Вытесывают лыжи из сухого дерева и затем выгибают, поливая горячей водой и грея над огнем. Площадку для ноги обивают берестой, чтобы снег лучше соскакивал. Для переноски вещей употребляется приспособление *нып* 'крошна', состоящее из загиба, к которому в два ряда пришта береста; по краям сделаны ремненные петли, сквозь которые продевается ремень для увязывания вещей. На верхнем конце укрепляются лямки.

Занимаются извозом, когда есть что перевозить. В настоящее время его нет. Изготовление кожи. Бюджет семьи — это доходы от охоты, рыболовства, оленеводства и изготовления домашних вещей. Охота и рыбная ловля для продажи — 700 р. Собственное потребление — 300 р. Оленеводство, собственное потребление — 75 р. Для прокормления бьют птиц. Извоз — 100 р. Собственное потребление — 150 р. Самообслуживание — 150 р. Не принимая во внимание неучитываемых доходов, бюджет остяка доходит до 1500 руб. На эту сумму остяк и ухитряется жить довольно плохо, покупая приблизительно следующие предметы: мука — пудов 35, сахар, чай. Если есть возможность, покупает масло и молоко. Мануфактуру покупают они в большом количестве. Охотно покупают сладости, украшения. Мануфактура идет также и на жертвоприношение.

Но больше всего берется на жертвоприношение, а некоторые при возможности на вино. Так, остяки покупают ежегодно одну или две лошади, платят безумные цены; так, например, 6 соболей — 200 р., совик — 15 и пуд мяса — 4 р. (220 р.). Настоящая же цена этой лошади была самое большое 150 р., а считая мясо, —

60 р. Ему же самому эта лошадь ничего не дает, так как съедается приглашенными по случаю праздника гостями.

По словам С. И., кусочек бобровой струи величиной $\frac{1}{4}$ см³ цепился остяками по 5 р. Эта бобровая струя употребляется остяками как средство против всех болезней. Маленький кусочек бобровой струи кладут на уголек и окуривают им, держа его между ногами под половыми органами.

На праздники выпадает немалый расход, когда в пауль съезжается много народа. Годовыми праздниками является медвежий праздник *торев икви иля хотал*. Праздник перед началом охоты, празднуют они и перед началом весенней охоты.

Все остяки кредитуют у организаций, которым дают пушнину, причем предел колеблется между 50 и 200 р. Все остяки состоят членами союза охоты и кооператива. Частной скупки пушнины здесь, можно сказать, не существует ввиду удаленности всего района, но некоторое количество пушнины, главным образом соболей, переходит русским при покупке лошадей. Кроме того, некоторые русские занимаются вареньем самогонки, на которую получают пушнину. Правда, не все остяки так падки.

Медицинской помощью в полной мере остяки по сие время не пользуются. Лишь в редких случаях, когда бывают в Ивделе и чувствуют себя нездоровыми, они заходят в амбулаторию. Даже был случай, что остяк, которому прострелили руку, согласился ехать в Богословск 140 в. и лечь в больницу. Кроме этого к лекарству, как-то: аспирину, хинину, йоду, которое они покупают в Ивделе, остяки чувствуют полное доверие. Наиболее распространены среди остяцкого населения глазные болезни трахома и катаракта. Кроме глазных заболеваний встречаются различные простудные заболевания, в том числе ревматизм. Хотя последний и не част. Туберкулеза не наблюдалось совершенно. При эпидемиях оспы смертность среди остяков достигает до 20%.

Скупка пушнины производится заготовительными отделениями Уралгосторга, союза охоты и отчасти Ивдельским кооперативом. Частных скупщиков нет уже вследствие отдаленности Ивделя от железной дороги и неудобства перевозки продуктов для частного торговца. Но все же некоторая часть пушнины, сдаваемой остяками, идет через частные руки. По сведениям, данным заведующим отделением госторга, ранее пушнины добывалось значительно больше, нежели теперь. Это истощение надо приписать к чрезмерному истреблению крупного и мелкого зверя. Так, на лосе, безусловно, сказалось истребление его огородами, в которых настаиваются лука. Соболя же русские, а в особенности вишерские охотники, старательно вылавливают обметом. Непосредственно остяками сдается пушнины тысяч на 10, причем лосиные и медвежьи шкуры добываются исключительно ими. Остальной же пушнины они добывают процентов 40 общего количества.

Деревни Арня и Горных населены обрусевшими вогулами, сами они называют себя вогулы *ам мощи манц, мощ руц*. Из ста-

риков жив только И. С. Рыгогов, старик 84 лет. Он еще умеет говорить по-вогульски, говорят и его сыновья, но не все; молодежь в большинстве понимает этот язык, но не говорит. Не так давно (лет 20) они еще держались старых верований и не ели медведя и пр. Теперь же этого нет, хотя вышеупомянутый Рыгогов с женой — тоже старухой, у Каимкиных старуха и теперь еще не отстает от старых богов. Еще и теперь они верят в *Утищ Виткищ* у остяков, которые живут на озере Туман.

Сейчас они лесуют, добывая по 2—3 соболя и 1—2 зверя; главным же занятием является хлебопашество, они снимают до 100 п. ржи. А. П. Мережкин (д. Панышна) — тоже около 100 п. овса и ячменя, п. 120 картошки на хозяйство. Держат скот, причем на хозяйство приходится около 3—4 коров и столько же лошадей, не считая молодняка; держат еще овец, кур и свиней.

Давно, когда еще не было царя, пришли на поселение какие-то люди, пришли с реки Ас (Обь). Хотели они перебить жителей, а женщин себе взять, да была у них одна женщина, которая пришла и сказала, что на Ас-реке люди рыбу варят, смерть сюда придет и вас перебьют. Тогда здешние вогулы собрались, пошли на Ас-реку и перебили всех сонными. А женщина та осталась на Лозье. Вскоре у нее родился сын. Жил он здесь до 12-ти лет. Тогда стали говорить ему: «Твоего отца на Ас-реке убили и за волосы на лиственнице повесили». Пошел он к старику, который жил здесь на горе. «Правда ли, говорят, что моего отца на Ас-реке убили и на лиственнице за волосы повесили?» — «Да, — говорит, — верно». Тогда дает старик ему кольчугу. «На, — говорит, — надень». Надел Ишт кольчугу, по юрте прохаживается: «Хорошо?» — «Хорошо». — «Ну вот тебе лук и стрелы еще, иди на Ас-реку».

И пошел он на Ас-реку. Ехал и остановился раз ночевать, лодку перевернул и под нее лег. Тут его нашли его дяди. «Что ты за человек такой?» Рассказал. И тогда пошел, убил тех, которые его отца убили. А мать, которая выдала народ, он убивать не хотел, а велел заложить досками, а по доскам ходить. Так она и умерла. Сам он после жил на Арне, воевал с людьми, что лошадиное молоко пили. Когда он орон пил, то крепко спал и велел себя будить — по носу бить или в бок ножом колоть. Раз напали на них остяки, что с Ивделя пришли, перебили всех, а его сонного цепями связали. Стал он потягиваться и проснулся. Бился, бился, но сделать ничего не мог, хоть и богатырь был великий.

Тус манитангв ив — щипчики для выдергивания волос бороды и усов (тус 'борода', манитангв 'дергать').

Пазилл — дрель, состоящая из неподвижной части с перкой полукруглого сечения *пазилл кез*, вращающейся ручки *пазилл култзе*, лучка.

Хуп — ложки деревянные: две простые и две резные (Токта-пауль).

Няра — нярки летние: одна пара из лосиной, а другая из лошадиной кожи, сверху пришита холщовая опушка.

Онта — железный кованый наконечник копья, с которым остяк ходит в лесу. Выкованное остяком, употребившим в качестве материала старое долото.

Нери — красная глина, употребляемая вместо краски. Ее смешивают с оленьим или медвежьим жиром.

Осси — тонкая сосновая стружка, употребляемая в качестве полотенца. Стружат зимой из мерзлых сосновых поленьев.

Келпинг нянь — хлеб, печенный на крови оленя. Печется он в котле или, как в данном случае, — на доске *парт нянь*, которую кладут наклонно на некотором расстоянии от огня.

Пайн — пайва. Сшитый из бересты мешок с крышкой, служащий для хранения и переноски вещей.

Валтоп — приспособление для выстругивания шестов, в прорезь вставляется нож.

Щай лобта — чайные листья, употребляемые остяками вместо чая.

Вота — туесок, покрытый орнаментом, изображающим *сорт уиц*.

3. СЕВ. СОСЬВА. 1926—1927 гг.

[Записи в двух тетрадах (д. 2, 3) и на отдельных листах (д. 4). Раздел назван по заглавию В. Н. Чернецова на папке, в которой находились эти дела, и по надписи на д. 2; нами учтены также даты и места записи в д. 3, 4].

Тахых ойка, *Халев ойка* были богатырями, но они могли принимать облик соответствующих им птиц. Раньше была все вода, тогда *Тахых отыр* сказал: «Я нырну, пожалуй, достану землю». — «Ну нырни». Он нырнул. Достал немного земли и стал остров. Тогда нырнул *Лули отыр*. Нырял трое суток, достал земли и стала большая земля. (Сартынья, 31.8).

Жил человек с женой, был у них маленький сын, в колыбели еще лежал. Однажды женщина пошла за водой и видит: *менкв* гонит шестиногого лося. Приходит домой, муж ее спрашивает: «Что сказать имеешь?» — «Ничего нет, видела, как *менкв* шестиногого лося гнал». *Моц хум* услышал это, выскочил из колыбели и побежал. Погнался за лосем. Долго ли, коротко ли гонялся он за лосем, догнал и отрубил ему две задние ноги. Остались две передние, да две средние. Дорога, по которой бежал *Моц хум*, видна и теперь, это Млечный Путь. Также виден и лось (Большая Медведица). Раньше, когда лось имел шесть ног, его люди не могли догнать. (Сартынья, 31.8).

Солнце — это *Хоталь эква*, а луна — *Этнос ойка*, они муж и жена. Мужчина не может обнажать половых органов перед солн-

цем и огнем, так как и то и другое — существа женского пола: Хоталь эква, или *Хоталь нэ*, и *Най' эква*, или *Най нэ*.

«Моя жена закрывает лицо от моего отца и старшего брата, от младших братьев не закрывает, хоть бы их сколько было. Также закрывает от братьев отца. Мать моей жены закрывает лицо от меня и больше ни от кого». (Нелинь-я-пауль, Мелештьев).

Я взял бабу у Тасманова, и братья тоже могут брать оттуда жен, но Тасманов не может взять моей сестры себе в жены. Также нельзя брать жену из рода матери, так как она кровная родня. (Нелинь-я-пауль).

Пролет между распорками — *хон йил* (четверть — *йелл* (аршин)). *Онх* — смола для заливания лодки. Собирается с ели или кедра соскребыванием застывшей смолы, выступившей в надрубленных местах. Затем смола насыпается в место, требующее починки, и над смолой проводят горящим поленом, так чтобы растворившаяся смола залила щель. Смолу разглаживают небольшой деревянной лопаткой.

Хон — лодка, *хон патте* — дно, *хон хури* — днище, *хон тохит* — распорки. Ее шпены — *тохтан леньк*. Корни, которыми сшита лодка, — *тары сахмит* (сосна). Палки, натягивающие корни, — *соль*. Весло — *кап туп*. Гребь — *сиси туп* (сиси 'стена'). Уключина — *сиси туп пек*. Перетяжки — *сиси туп пек пулоне соль*. Отверстие в гребне — *сиси туп ас*. Отверстие в борту для уключины — *сиси туп пек ас*. Нос лодки — *хон нёл*. Корма — *хон посме*. Маленькие колышки, забиваемые в отверстие кормы, — *соль пыг*. Грести — *товенкве*. Работать шестом — *нарункве*. Шест — *нарна йив*. Рукоятка весла — *туп пойе*, верхняя расширенная половинка — *туп наке*. Гребень пера — *туп керреп йуве ирам*. Перо весла — *туп кери*. Круглая часть весла — *туп ноли*. Шпиль уключины — *сиси туп леньк*. Край борта — *хур нялтэ*. Смола — *онх*, смолить — *онхтелн*.

Олтодумп-пауль. Рукоятка женского весла, вырезана в виде двух головок, изображающих трясогозку (*ворщик*), на другом весле вырезаны головки зайцев (*совр*).

Для выварки смолы, чтобы смолить лодку. Сергей взял нарубленных со смолистых елей щепочек, которые положил в котел, наполнив его ими до половины. Затем положил на них кольцо, загнутое из прутика, с нашитым на него куском сетки. Это кольцо посредством перекладки и распорки, упертой в дужку котла, удерживало щепки, не давая им всплывать на поверхность воды. После этого он налил воды и начал кипятить. Когда вода закипела, на поверхность в виде пены начала подниматься смола, которую Сергей снимал деревянной ложкой и выливал в корыто с водой. Когда смола начала подниматься меньше, он кинул две пригоршни золы, и после этого выделение смолы возобновилось очень бурно. Когда выделение смолы прекратилось окончательно, он подлил в корыто холодной воды и начал руками разминать смолу, как месят тесто, выбирая из нее всякий сор. Когда смола немного

застыла, он отнес ее в реку, чтобы она затвердела окончательно в холодной воде. (Хуллм-сунт-пауль).

Лэс — петля для ловли чаек и уток и т. п. Мальчишки насторожили ее, привязав к перекладине рыбку.

Сыгалне няс — деревянный крючок для ловли налимов. Он сделан из заостренной веточки, и к нему привязан поводок из кедрового корня. К этому поводку привязывается веревка, наживляется крючок рыбный, но так, чтобы его концы не торчали наружу. Ловля производится осенью после ледостава. Веревка длиной 5—6 с. (Хохан-пауль).

Вас — утка, *санит* — черняди, *перо, нялтуп* — крокель, *пун* — перо, *пун тити* — ствол пера, *камэн пун* — пух около очина, *товле* — крыло, *пунк* — головка, *сакпе* — щетка на клюве, *нелсам асе* — ноздри, *леге* — хвост, *конзе* — когти, *тупи* — весло (ноги), *лане патте* — подошва, *лауль алате* — верхняя сторона.

Ружье — *писал*, кремневое ружье — *най керн писал*, ствол — *писал кери*, ложе — *писал лозе*, кольцо — *писал локив*, шомпол — *сунпал*, крышка полочки — *мань кери*, винт ее — *мань керитан ленке*, курок — *нас евт*, кремнь — *най охтас*, винт-кремнедержатель — *линьк*, верхняя часть кремнедерж. — *пукле локв*, полочка — *авите*, пружина крышки — *евт*, крючок курка — *цир кип*, спуск — *пукле ант*.

Улат — сежа. *Улат усумкве* — ловить сежей, *усумкве* — буквально 'пропадать'. *Улат усма* — мешок сежи, *мухлоп* — средний шест, *мухлоп патта* — его развилка, *мухлоп ели квалиг* — его нижняя веревка, *мухлоп ас* — дырка для мухлоп ели квалиг, *калт* — боковой шест, *ели йив* — нижний шест мешка, *ели йив лакв* — низ шеста кольца, *мухлоп квалиг лакв* — среднего шеста веревки кольцо (держатель среднего шеста), *улат норма нор* — сежи полки бревна, *норме щоль* — бревна кормы (щоль — на сосьвинском наречии сол'), *котли норма щоль* — среднее бревно, на которое надевается петля среднего шеста, *катос* — отверстие в мешке, через которое вынимается рыба, *тынылт йив* — дерево для придавления бокового шеста, *колт тынылт квалиг* — боковой шест

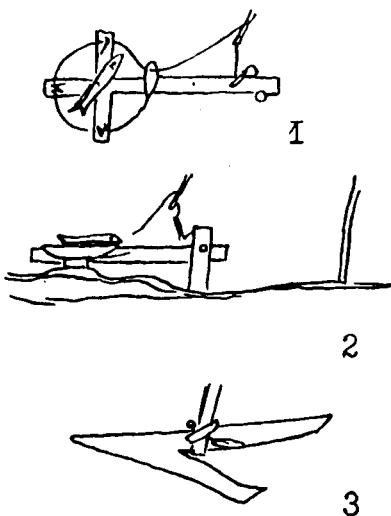

Рис. 1. Охотничий и рыболовный снаряды: 1, 2 — *лэс*, петля для чаек; 3 — *сыгалне няс*, крючок для налима. Манси Сев. Сосьвы, 1926—1927 гг. (д. 2, л. 9)

давящего дерева веревка, *улат усма торум* — сежи мешка бог — симки, *колт лакв* или *норма колт лакв* — бокового шеста кольцо, держащее его у кормы.

Пос — рыболовный снаряд типа хвостушки из тонких палочек, привязанных к кольцам из черемухи. Состоит из двух частей: горла и хвоста. Рыба, заходя в узкий хвост, не имеет возможности там повернуться. Ставится весной, когда идет лед (во время хода рыбы вниз), на быстрых протоках, горлом против течения. (Анья-пауль).

Хангласе-пауль, летний. Поселок расположился вдоль берега. В первом ряду дома, сзади них чамьи — амбарчики на ножках, в которых хранятся различные вещи. В. ниже него находится осенний неводной пауль, расположенный на острове. Обычно там остаются остожки от берестяных домов *сас кол*.

Пелымья-пауль, летний. *Напкол* с забравными сенями. Вместо чувала железная печка. Дом с потолком. На коньке крыши укреплены с обоих концов оленье рога. На вопрос, с какой целью, старик отвечает, что для красоты. Зимний пауль помещается немного глубже в лесу.

Хангласе-пауль, летний *норкол* Степана Анемгура. Под дом подведен небольшой фундамент из двух толстых бревен от весенней воды. Забранных сеней нет. К дому ведет лесенка из толстых досок, вытесанных из бревен с зарубками вместо ступеней. Дверь вращается на *щир кип*. Чувал закрывается берестяным кружком изнутри. Балки, поддерживающие пол, подняты посередине на сваях, а концами лежат на фундаменте. Две передние поточные балки поддерживают чувал, с другого конца служат поддержки *сит нормин*. Две задние потолочные балки над *мули пал* поддерживают полочку, где хранятся *пупыхи* и *койп*. Над *лох пал* на этих балках — полка для различных вещей домашнего обихода. В потолке небольшое отверстие, чтобы выгонять комаров. Отверстие закрывается берестой и доской. Кровля состоит из ряда драниц бересты и колотых досок и поддерживается продольными желобками, лежащими в деревянных крючках, врубленных в продольный канат крыши. Труба чувала закрывается толстой подушкой из бересты и оленьей шерсти или берестяным кружком, вкладываемым изнутри (первый способ для зимы, но иногда и летом). Верхний край выреза чувала поддерживается небольшим вязком к балке (Ясунт-тапыс-сунт).

Посалтит (летний дом). Норкол на фундаменте из четырех бревен. Чувала нет, а вместо него посередине устроен четырехугольный очаг из срубленных в лапу двух рядов бревен, обмазанных сверху и изнутри глиной. Внутри сруба насыпана земля, чтобы не нагревались доски пола. Над очагом в потолке дымовое отверстие. По обоим продольным стенам нары, тянущиеся от передней стены до задней. В задней стене близ левого угла прорублена дверь в небольшое отделение, где хранятся различные вещи. Над бревнами, ограничивающими край нар, положены две продольные

балки, на которые положены *салыйив* с паннизанной сушащейся рыбой. На них кладется полка, на которую вешается таган. Такого типа дом называется *котли арасинг кол*, т. е. среднего очага дом.

Сакв-сунт-пауль. В котли арасинг кол, в задней стене прорубается дверь, ведущая в маленький амбарчик чамыи, где хранятся койи, пух и пр.

Хулим-сунт-пауль. П. Буксанов. *Сахи* (его собственная) покрыта соболыными лапками, только нижняя часть рукавов из неплюя. Обшлага, края, пол и подол из взрослого оленя. Воротник из светлого соболя. Подкладка из неплюя, но подолу и полюм орнамент (*кве ракт хараньт*).

Совья вай — чулки из оленьей замши с подошвой из лошадиного камуса. Подошва пришита сборчатым швом так, что края ее загнуты кверху. Перед из кожи, окрашенной охрой. К переднему концу подошвы пришиты два тонких ремешка, которые продеваются по краю подошвы в имеющиеся там петли и тем самым не дают ей хлябать на ноге. Концы ремешков завязываются на щиколотке. Чтобы чулок не съезжал, он привязывается к поясу ремешком, пришитым для этого к верхнему краю чулка и, кроме того, подвывается под коленом.

Маницы вай из оленьей замши. Сшиты точно так же, как и суконные, то есть подошва пришита сборчатым швом. Надеваются под нярки.

В Ильтпи-пауле у вогулки *сахи* покрыта неплюем, нижняя часть из взрослого оленя, прошивки из белого тельца. С внутренней стороны подкладка — на спинке из зайца, полы из шкурок черняди (25 шкурок).

В Нижнем Пелхлате первый раз увидел, что у вогула нож не привязан к ноге, а висит на двух цепочках по-самоедски. Выше этого места такой привязки не встречал. Здесь же почти не видно, чтобы носили нярки, больше все — *совья вай*. В Сом-пауль ханты носят нож, привязывая ножны к ноге, но, выезжая на неводьбу, привязывают *сипаль пор кволи* к поясу.

Олтотумп-пауль. На вогуле надета рубашка из ситца с прямым воротом и завязками вместо пуговиц. Справа на поясе висит нож. Ножны сосвинского типа, но *сипаль пор квали* привязан к поясу так, что получается прикрепление самоедского типа. На ногах — *совья вай*, на голове платок. Волосы заплетены в две косы, обвитые шнурком, на ногах — *совья вай*. Поверх рубашки вытертая старая малица. Справа нож, слева платок. На женщине надето *нуй сахи* — нечто вроде халата из красного сукна с нашитыми полосками синего и красного сукна вдоль распах и по подолу. Вместо пуговиц — завязки из кожи. Стоячий воротник шириною 7 см имеет спереди выступающие концы в виде языков длиной 12 см.

Хохань-пауль. Мальчик сделал лук, но стрела вместо зарубки

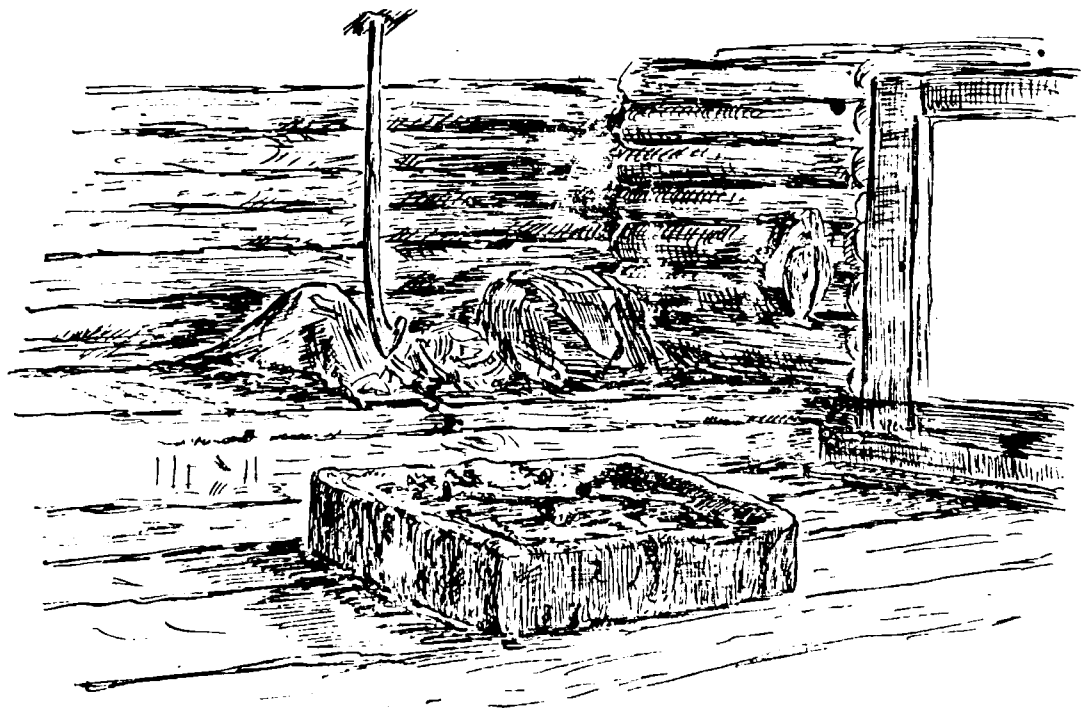

Рис. 2. Очаг в маньчжурской избушке. Рахтин-я-навыл, р. Сев. Сосьва (д. 62, л. 2)

имеет маленькую дырочку, которой она надета на тетиву, так что стрела не летит, а остается на тетиве. И. Вангалев сказал, что вогулка не продаст тучана: старый еще можно, но новый нельзя. Особенно старые вогулки ни за что не продадут его.

Олтотумп-пауль. *Тумре* — музыкальный инструмент в виде пластинки, вырезанной из оленьей лопатки с прорезанным язычком. Лево́й рукой берут за конец (X) и прикладывают к губам. При этом правой рукой дергают за веревочку или жилку, привязанную к другому концу, чем достигается вибрация язычка. Слегка вдыхая или выдыхая воздух, можно добиться различных тонов. Вогульская девушка для этого беззвучно произносит слова, определенные для каждого мотива. Так, например: *«Гаврике гаврике, вас пыриц вас пыриц! Гаврике вас пыриц, вас пыриц, вас пыриц»*.

В Яны-пауле вогулка, подонв корову, подержала подошник над ее спиной.

В Ильпи-пауле вогул перед отправлением на охоту окурил дымом гриба-трутовика сос свои вещи (лыжи, миску и пр.).

Сакв-сунд. В истолченную махорку (для нюхательного табака) женщина, приготавливая ее, прибавила немного пепла из очага.

Ворсик ойка — Ялпинг-ньёр. *Тохыт ойка* — Сомпауль. Нельзя убивать нигде. *Халев ойка* — Нильданг-пауль. *Хортхан ойка* — Ялпинг-я (выше юрт Тобольчинских). *Сорт ойка* — Манчесс-пауль. *Сусхал эква (Пурипан эква)* — Ханглас-пауль. *Катя нэ* — Казым (почитаются и на Сосьве). *Нялтон ойка* — Яли-ул-пауль (нельзя убивать). *Тоуль уй ойка, Тоуль уй карс (Есуй ойка)* — Сосьва, *Нюсвой ойка* — ниже Березова (их не то отец и шесть сыновей, не то семь братьев). *Мир суске хум* — Тронские юрты на Оби. Других птиц нельзя убивать лишь в тех паулях, где они являются тотемом. Шуку и налима нельзя женщинам резать там, где они тотем. Беспольных тотемов (чайка, ястреб) избегают убивать где бы то ни было.

Ниже Ват-тары-пёла. С. Пакин с братом делали жертвоприношение Халев ойке. Они ехали на лодке в Березов с рыбой. Проехав с версту ниже поселка, вогул, сидевший на корме, постучал по лодке, выплеснул из кружки в воду вина и опять постучал по лодке. После этого вино распили. Семен сказал, что стучать надо для того, чтобы Халев ойка услышал.

Семь орлов захотели лететь на небо. Сначала один поднялся, начал кружиться и скрылся, за ним второй и так все. Они достигли неба и прилетели назад. Потому теперь поют: *«Сат йисуй лулийт сорм!»*

Шуку или налима, в которых найдена лягушка, есть нельзя, а надо выбросить в лес или же засолить. В соленом виде есть

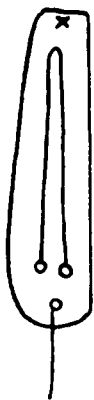

Рис. 3. *Тумре* — музыкальный инструмент. Манси Сев. Сосьвы, 1926—1927 гг. (д. 2, л. 26)

можно. Лягушка — *пурьпан экв*. В Хангласс-пауле это название не употребляют и говорят *Хал эква*, то есть 'между кочек женщины'. Она дочь Хортхан ойки, сестра *Керн хамлах* (проверить). Хранится и почитается на Сосьве. Там убивать ее нельзя.

По берегам рек живет *ялпинг уй* — змей. Длинной он достигает до 4 с. Раньше они достигали величины до 7—8 с. (самые старые толщиной в руку и толще). На брюхе имеет ряд костяных пластинок, от которых остается след на песке в виде ряда поперечных полосок. Весной он кричит, издавая крик, похожий на крик утки. «Неч, Неч» или по-другому, когда крик походит на капанье воды. В последнем случае подходить к нему опасно. Он бросается на человека, обвиняет его, душит и перетирает своими пластинками. Сила его такова, что, обвинив дерево во время сна (на земле он не спит), *ялпинг уй* врезается пластинками, и на дереве остается след в виде бороздочки. Дед Пакина однажды ставил сетки на Оби, а в том же месте жил *ялпинг уй*. Как-то во время лова змея высунула голову возле самой лодки, но Пакин не растерялся и притиснул змею к дну (здесь было мелко) заранее срубленной рогаткой. Он пробовал рубить, но отрубленный кусок превратился в целую змею. Тогда он бросил все и бежал. Придя на другое утро, он нашел вилы истертыми в мелкие щепочки, а змея ушла. *Ялпинг уй* не умирает, а однажды ложится на землю, свертывается в кольцо и превращается в камень (аммониты вверху по Сосьве находят чрезвычайно крупные).

Медведь и лось не умирают своей смертью. Они начинают есть землю и, наевшись ее, опускаются в воду, где продолжают свое существование. Если животное опускается в озеро, то превращается в виткуль, если в реку или вообще в быструю воду, то образуется виткиш. Виткиш роет землю, отчего в образовавшееся отверстие уходит вся река. Но занимается он этим лишь летом. Конец виткиш заключается в том, что он начинает рыть землю зимой. Где большая глыба земли, с которой виткиш не может совладать, придавливает его и убивает. Какова бывает смерть виткуль, не известно. (С. Пакин).

Ящерица *ощьялэв*, фигурирует в виде пуговиц у *Яли-ус ойка* (Яли-ус-пауль, Люликарские юрты). Видеть здоровую ящерицу — ничего, но кто встретится с ней в тот момент, когда у нее отваливается хвост, тому грозит смерть — как ему самому, так и его семье. Самостоятельного *пуныха* ящерица не имеет.

Ялпинг уй — священный зверь. Существо, имевшее в длину несколько сажень, видом напоминавшее ящерицу (Еgrim-пауль). *Ялпинг уй* — существо, живущее в земле и весной издающее звуки, похожие на крик утки. Всех, кто попадает к нему на глаза, он моментально убивает, и поэтому вогулы его чрезвычайно боятся. Он обвиняется вокруг деревьев, отчего они сохнут. С виду *ялпинг уй* похож на язык пламени.

Первое небо находится невысоко над землей. На нем живет *Чахил Торум*. Из слов Пакина я понял, что Чахил Торум раньше

жил на земле, а затем поднялся на небо. Насколько я понял, Чахил Торум представляет из себя нечто вроде народа, как *Мис махум*. Над первым небом находится другое, где обитает *Нуми Торум*. Над ним есть еще третье небо, где находится *Корс Торум* (высокий бог), или *Нуми Корс* (верхний, высокий), или просто Корс. На земле живут люди и кроме них еще Мис махум и менквы, или *учих*. И те, и другие подвластны младшему сыну Нуми Торума — *Мир сусне хуму*, ежегодно платят ему дань. Собирает дань «десятник» Мир сусне хума — *Чохрын ойка*, сын *Ялпинг ойки* — богатыря, родившегося на земле. Под землей живут *куль* — черти, не подвластные Мир сусне хуму. Семь сыновей Нуми Торума живут в семи углах мира, они были богатырями. Они, а также сыновья, родившиеся уже на земле, теперь почитаются в виде пупухов, а другая часть сделалась людьми. В местах жительства богатырей теперь находятся пупухи и живут потомки этих богатырей. Им нельзя убивать соответствующее животное (которое является пупухом и образ которого имел богатырь-предок), так как оно «приходится родней» живущим людям.

На мой вопрос, кто такой Мош хум, вогул Хуры Костя сказал: «Вот один Мош хум», — указал на сына (лет 5), — а я Пор хум, ты тоже Пор хум, а может быть и тоже Мош хум».

Созвездие Северная Корона (Corona Borealis). *Мошь нэ кол тагла* — женщины Мош хума, не известно — жены ли это его, или сестры. (Хулим-сунт-пауль).

Куль и менкв — существа величинной с дерево, живущие в лесу. Будучи злыми существами, они всячески вредят людям. Убить их человек не может, но их убивает Чахил Торум своими пламенными стрелами *торум санкв*. И те, и другие имеют жен и детей. Кроме них в лесу живут Мис махум 'народ Мис'. Это добрые существа. Они чрезвычайно богаты и посылают также богатства людям. Встреча с *Мис хум* приносит счастье. Иногда девушка или женщина Мис приходит к вогулам, становясь женой кого-либо, вместе с ней приходит счастье. Точно так же вогулы ходят искать *Мис нэ*. Чтобы взять ее в жены. Самые черные соболи (*сорменг пун нёхс*) — это соболи, посланные народом Мис.

Менкв, куль и Мис обычно не доступны взорам людей и становятся видимые по своему желанию. Точно так же менкв может изменять свой рост. Мис махум лишь немного выше людей (Хулим сунт). Отличить человека Мис можно по тому, что он имеет длинную шею, семь пальцев. (К. Пакин).

Кроме менкв и Мис хум в лесу же живут *уччи*. Это тоже менкв, как сказал вогул, это злое существо, все покрытое шерстью. Глаза у него помещаются не как у всех смертных, а один глаз на лбу справа, а другой слева около подбородка. Подобно этим лесным чудовищам в воде живут виткиш и *юр*. Облик их очень схож. Они величинной до четырех сажен. Копают землю и при случае едят людей. В прежнее время в земле жил *махар* — мамонт. Он имел на голове два громадных загнутых рога (В. Налхланг-пауль).

И. Номин принес осколок зуба мамонта, говоря, что это зуб менква (Хулим-сунд). И. Номин по Хулим-сунд просил не говорить в Менков-я-пауле, что умер *Ась канаг*, так как он имеет там родню. Старуха в Менкв-я приходится сестрой Ась канаг. Иван объяснил это тем, что нельзя скоро говорить родне о смерти родственников, так как им может стать плохо, с головой будет плохо. После, когда через несколько дней поедет Сергей, он и скажет.

У вогула на правой руке татуировка в виде пяти полос. На вопрос: зачем — он сказал, что у него болело сухожилие и он, чтобы излечить, наколот это место иглой и затер сажей. (Олтотумп-пауль).

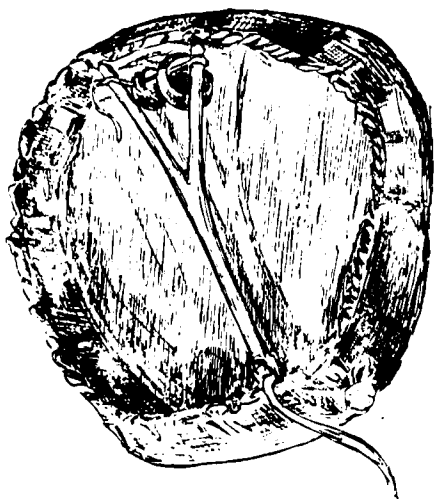
В Олтотумп-пауле в доме над *мули пал* устроена полка *норме* из прибитых к стене корней и положенных на них трех досок. На эти доски положены круглые палочки, которые образуют четырехугольник. Эти палочки называются *ана* 'колыбель'. На них положена сложенная шкура медведя, так что голова лежит на передних лапах, под которые положено полено *кат сунп нор* 'половина рук бревно'. На пальцы и когти лап надеты медные кольца по 5—7 штук на палец. Нос медведя закрыт крышкой от круглой жестянки, а на глаза положены серебряные монеты по 20 коп. Между лап под мордой положен платок *пупых оцни тор* 'бога имения платок', т. е. приклад. На голове за ушами из трех шкурок сделаны косы, украшенные медными кольцами. Голова покрыта черным платком. Этот медведь был убит три года назад, и вот шкура его хранится все время. На вопрос: зачем — вогул объяснил, что эта голова лежит и еще медведи придут. А когда убьет другого медведя, эту шкуру можно продать, а играть лишь перед этим медведем.

У вогулов из Ханглассам-пауль, выехавших на неводьбу ниже Егрима в *сувь кол*, вместе с пупыхами и койпом лежит свернутая шкурка медвежонка. Свернута она так, что голова лежит на передних лапах.

В деревянном пупыхе делается зарубка в виде ниши, в которую выливается свинцовая, серебряная или золотая фигурка. Такие фигурки находят в земле. Вогул Пакин объяснил, что эти фигурки падают на землю из туч во время молнии. Падая, они уходят в землю, но потом поднимаются на поверхность. Иногда они изображают человека, иногда человека, сидящего на лошади. Раз в год на пупыхе меняют одежды, причем делают это трое старых вогул. В это время они огораживают себя так, чтобы никто не мог увидеть фигурку. Молодым смотреть на нее не разрешается. (С. Пакин. Реземовские юрты).

Бубен — *койп*, деревянный обруч — *койп йив*, внешняя обвязка — *койп кисе*, шнечки в обруче — *койп юр*, колотушка — *койп нял*, скоба — *кер лакв*, кольцо — *койп лакв*, шнур для привязки ее — *койп тор перым квалгане*, кожа колотушки — *койп няле*, кожа бубна — *койп сов*.

Рис. 4. Шаманский бубен. Манси Сев. Сосьвы (д. 64, л. 2)

Торум санкв — божий клин; падая на землю, пробивает дерево, выходит в него или в землю. Через семь лет он поднимается на поверхность и возвращается на небо, если его кто не найдет в этот момент. (*Хулим-сунт-пауль*).

Рождение близнецов вогул С. Пакин объяснил следующим образом. Весной, когда появится молодая трава, выпадает вроде снега крупа. Если женщина невзначай замочит середину подошвы этим снегом, то у нее будет двойня. «По-нашему, — сказал Пакин, — у женщины внутри как шишка есть, и когда она ступит на такой снег, у нее еще одна прибавляется». Если мужчина ступит на крупу, то у него начинается какая-то болезнь половых органов (какая — я не понял). Если у женщины после замужества первым или вторым ребенком родится двойня, это к тому, что у нее будет много детей. Если же двойня родится третьим ребенком, то после этого последует или ее смерть, или у нее будет 12 детей, а она сама доживет до глубокой старости.

После рождения ребенка его обливают раствором бобровой струи, ее же дают пить женщине после родов. Бобровой струей обкуриваются перед жертвоприношением. (С. Пакин, Реземовские юрты).

Медвежий жир — *касай ленгх*. Медвежий ушн — *ан кваланге*, два уха вместо *паланге пал*; сердце — *япинге* вместо *сым*. Ляпинские вогулы говорят вместо *алвес* 'убил' или *патамтас* 'застрелил из ружья' — *нялвес* 'убил стрелой'. Лапа — *кат* вместо *катле*, голова — *пунк* вместо *ава*, шкура *тарев сов* вместо *сангый*.

Когда собаки облаивают медведя, вогул скрывает их в разго-

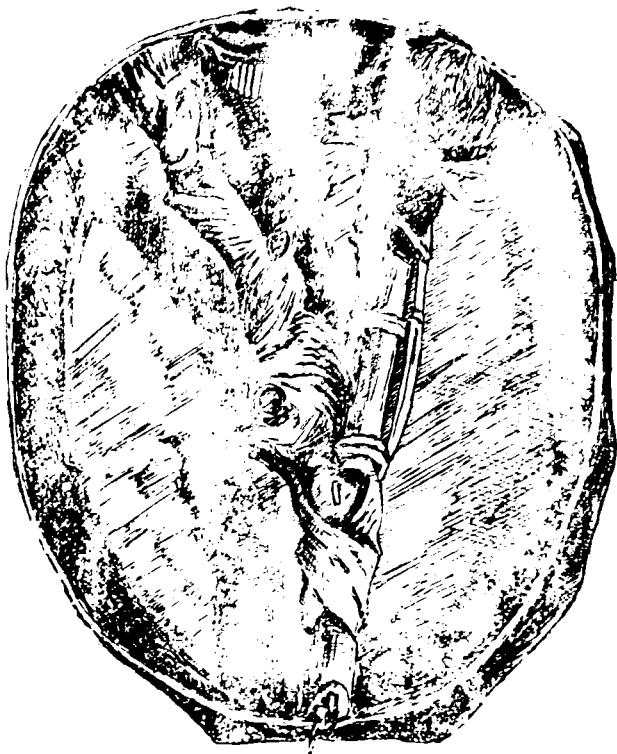

Рис. 5. Бубси няврем койп. Манси, Я-сунт-пауль, р. Сев. Сось-
ва (д. 64, л. 1)

воре, говоря не *амп* или *кути*, а *леггын утыт* 'с хвостами'. (Сар-
тынья).

При смерти старшего брата его младший холостой брат обя-
зан взять вдову в жены. Разрешается иметь связь с женой братьев
отца и матери и с женами старших братьев при жизни самих муж-
чин. После смерти на его вдове женится племянник. В таком слу-
чае имущество дяди переходит к нему. (Записано от вогула Фи-
липпова и проверено у вогула Пакина из Реземовских). В случае
смерти дяди его наследство переходит к племяннику, но если у дя-
ди имеется сын, то он и является наследником. (Записано со слов
С. Пакина).

Вогул Явлиш из Нильданг-пауль послал сватов в Егрим. Сва-
тами были отец, мать и еще мужчина и женщина. После того, как
сваты договорились, Явлиш не мог входить в дом невесты, когда

в нем находятся ее родители. Точно так же он выходит из дому, когда они приезжают к нему. Так продолжается дело, пока не был заплачен калым (200 р.). Сватов он засылал весной, а свадьба назначена на зиму. Явлин сказал, что раньше, до революции, калым брали небольшой — от 5 до 10 р. С своей стороны родители невесты делают ей приданое. Федор из Анья-пауль не имел возможности заплатить калым, похитил невесту и теперь живет с ней.

Если нет ни отца, ни матери, то сватами зовутся двое мужчин и две женщины. (Нильданг-пауль).

Записано в Картье-пауль со слов вогула Гоголева (бывшего судьи). Производство допроса. При допросе вогул приводится к присяге. После присяги он уже считается оправданным. Присяга на воде. Ножом режется вода или снег крестообразно, а при этом приносящий присягу говорит: «*Ам ки вармаль ки варсем ану ам аильн*».

Ложно присягнувший погибает от воды или снега. Для свидетеля присяга в церкви на иконе. Свидетель — *ультахум*. Присяга на волчьей жиле. Присягающий держит над огнем сухожилие из волчьей лапы, и когда оно начинает скручиваться, обвиняемый говорит то же, что и в предыдущем случае, а свидетель: «*Соль ам ваглум ты вармаль*». У ложно присягнувшего рука свернется внутри и начнет сохнуть.

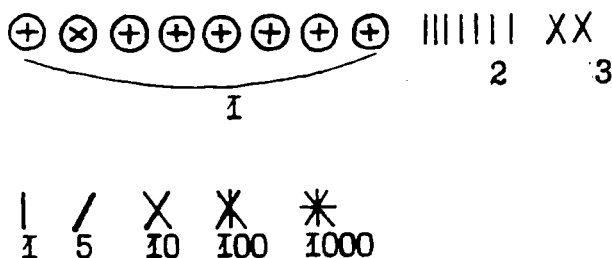

Рис. 6. Обозначения мер: 1 — 80 п.; 2 — 7 п.; 3 — 20 ф.
Манси, Анья-пауль, р. Сев. Сосьва (д. 2, л. 29)

В виде наказания за кражу виноватый платит. За кражу оленя — в четвертном размере (за каждую ногу). За кражу собаки или вещей уплачивается стоимость, устанавливаемая судом и потерпевшей стороной. За поджог дома разрешается платить по назначению суда. За избивание без повреждений разрешается плата потерпевшему. За нанесенные повреждения и убийство плата не допускается. Если отец убил сына и нанес ему повреждения, то его за это судят. За ограбление пупуха или могилы можно заплатить.

Северный ветер — *луи вотл*, север — *луи ма*. Нижний пауль — *луи пауль*, нижняя сторона — *луи пал*. Южной стороны земля —

али саин ма. Южный ветер — али воти. Верхний пауль — али пауль. Верхняя сторона (конец) — али пал. Как русские, так и вогулы называют Северный Урал нижним, а Южный — верхним.

На заявлении вогулы приложили *катпосы*, несколько катпосов были одинаковыми. На мой вопрос: почему, оказалось, что если братья или отец с сыном живут вместе и оленя у них не разделяют, то и катпосы одинаковые.

В Ханглас-пауль, у маленькой дочери Григория Анемгур на голове приклеены смолой кусочки материи от пупыха, предохраняющие ее от всего плохого. Подобный кусочек носится, пока ребенок не вырастет и пока у него не будет больших волос. (Ханглас-пауль).

Ружьем, которым убит человек, вогул не может уже охотиться и старается его сбить с рук, как это сделал Аськнай пыг, променявший мне ружье без всяких разговоров, несмотря на то, что у меня не было медных патронов и ружье очень крупного калибра. (Няксимволь).

Нуми Тором — солнцу и месяцу жертву приносят два раза в год, около николина дня и около петрова дня. Приносят различных животных, но нельзя корову и свинью. (Ильин-пауль).

Змен хранятся в Нильданг-пауле у Халев ойка в трех бочках, а у Мир сусне хум в Троицыных юртах — в семи бочках.

Человек и животное имеют две души *ис* 'тень' и *лили* 'дух'. После смерти лили отправляется к Нуми Тором, а ис — к *Поли Тором*. Неодушевленные предметы имеют лишь тень — ис.

Мош хум роот — это род богатырей, спущенных с неба. *Пор хум роот* — род, возникший на земле. Все пупых рода Мош хум. В прежние времена *Пор хум* ели детей — как своих, так и украденных у Мош хум. Ели также и взрослых. *Пор хум* происходит от кулей — подземных злых существ. Прежде Мош хум и Пор хум жили, не смешиваясь, в отдельных паулях, но после смешались. *Пор хум* имели на руках длинные когти. (Н. Хатанев).

Концы рукоятки женского весла вырезаны в виде двух головок, изображающих трясогозку ворсик, на другом весле — голова зайца. (Алтотумп-пауль).

Вечером был устроен *турман кол*. При наступлении темноты был погашен огонь, занавешены окна (ночь была лунная). С *мули пал* и полки над ним были убраны все вещи, кроме принесенных теперь пупыхов и *койна*. На *мули пал* положены медвежьи шкуры, поставлен стол и на него положены сабля и три стрелы (две с V-образным наконечником, третья со столообразным). На *мули пал* лег шаман и покрылся шкурой, перед *мули пал* сел мальчик с *сангылтапом*; на балку привязали колокольчик, нитку от которого взял в руки сидевший вблизи Артем Тихонов. Погасили огонь, и мальчик начал играть, а Артем позванивать в колокольчик. Через некоторое время вверху над потолком послышался шум и затем свист. Присутствующие ответили: «*Пася, пася*». Пришедшее божество сказало, видимо, измененным голосом, что бонятся русского и

просит, чтобы русский положил денег. У меня денег не было, и я попросил, чтобы положил Артем. Далее дух сказал, что русский будет ходить хорошо, и с ним не случится никакого несчастья. Говорил дух частью по-обески, а частью очень тихо, так что сидевший рядом помощник повторял уже громко. Далее начали спрашивать о том, будут ли болезни, и прочие житейские вопросы. Во время этого я заснул и проснулся лишь около окончания.

25.01. 1927. После полудня выехал из Саран-пауля на Я-сунт. Первое выступление ознаменовалось тем, что потеряли котел. Не знаю, найдут его или нет. Жалко, славный котел был. Из Я-сунта выехали на двух нартах. Просхали верст 20 и решили переночевать. Отпустили оленей, развели огонь, вскипятили чаю, а затем и спать. Нельзя сказать, чтобы особенно тепло было. Подстелил гусь, а сверху накрылся другим гусем. Ничего, ноги только немного мерзли.

26.01. На рассвете двинулись дальше. Верст через десяток у Оляка один олень начал падать. Пришлось его оставить. Оляк срубил деревцо, воткнул его около дороги и вырезал на нем тамгу. Двинулись дальше через озеро Сакур-тур, выехали на Хальмер-ю, по ней верст 5 и в сторону верст 5, приехали в чум на Палима-ю или р. Люль-я. Ландшафт все тот же: болото, из которого поднимаются мандары. Ближе к чуму появились холмы и развернулся Урал. На сопках — сосняк, местами — ель и береза, а местами — чахлая, низкорослая лиственница. Открытые места поросли низкорослой полярной березкой. В чуме живут двое: Гр. Филиппов и П. Филиппов. Переписал обоих хозяев и переехал в соседний чум Рочева А. М. В результате у меня возник вопрос, писать поселковые бланки или нет. Рочев и Филиппов П. имеют дома, один в Ижме, а другой в с. Бакуринском. Странно было бы писать поселенный бланк на Ижму! Филиппов П. не только не имеет дома, но и постоянного места относительной оседлости нет. Оляк сказал, что завтра поедет за оставленным быком.

27.01. Писал Рочева и дождался Оляка. В результате решил написать поселенный бланк на Филиппова М., приравняв его к кочевникам, т. е. полубродячим.

28.01. Двинулись дальше. Рочев обменял оленей, дал прекрасную упряжку. Когда проезжали через старое чумовище, там лежала издохшая собака. Оляк и я посмотрели и бросили. Подошел Ларион, поднял и положил ее на сучок сосенки, сказав: «*Восхи*» — пусть лежит. Выехав на Хальмер-ю, мы проехали по ней верст 10, затем по ее берегу верст 5 и затем повернули к ее левобережному притоку Хулах-я 'Вороний ручей'. Проехав через вершину, мы начали огибать хребет, разделяющий Хальмер-ю и Б. Хосово-ю, переехали через Хансим-нанк-я (писаной лиственницы речка) и затем через вершину Б. Хосово-ю и выехали в долину третьей речки. Там встретили обоз из чума, в который ехали. Терентьев ехал в Ляпино. Один из братьев повернул с нами назад.

Верст через 5 приехали в чум. Оказалось, что Терентьев переписан в конце сентября в Усве. Тогда мы поехали в чум Конева и в 9 час приехали к нему. Все уже спали. То же сделали и мы.

29.01. Переписал Конева, но поселенного бланка пока еще не составил. Решил поехать в чум Ебко, до которого 10 в. К ночи вернемся сюда назад и тогда кончу писать, кроме того, надо будет послать письмом Касмакову о возникших вопросах по поводу поселенных бланков. Поехали в чум Чупрова по М. Хасово-ю, самого хозяина не было дома. Он уехал в Усву, но удалось заполнить бланки удовлетворительно и без него. Сделал два бланка: один работн. [?] сокращенный, поселенный. Приехали уже ночью.

30.01. Сегодня рано утром написал бланк и на работника, и поселенный. После этого около 11 часов выехал в дорогу. С третьей речки свернул в сторону второй — влево от дороги по направлению к р. Ляпин. Пришлось мять дорогу версты 3. Местами олени буквально плыли, настолько глубокий здесь снег. Когда выехали в лес, то тут была уже уезженная дорога. Проходили осенью чумы. Снег, правда, есть, но не глубокий. Верст через 10 выехали и вовсе на хорошую дорогу, а еще через несколько верст и на р. Хулгу. По ней проехали верст 30 и свернули влево по чумовской дороге. Место поворота отмечено тем, что воткнуто деревце с наклоном в сторону поворота. Оляк сказал, что обычно на такой вещи вырезают тамгу. Теперь начались плутания. Олени поминутно сбивались с дороги, и то и дело мы «плавали» в глубоком снегу. Наконец, когда дорогу потеряли...

Словом, они представляют переход к типичной тундре. Здесь болота совершенно другого типа: если они мокры, то на них не растет ничего. *Betula* пока встречается в гораздо меньшем количестве. В более сухих местах — низкорослая сосна. Такие болота совершенно ровные, и берега их обычно повышаются, и на берегу растут ели, сосны, пихта и лиственница, около ручьев — береза. Болота по дороге на Кемпаж и около свертка на Муглас лежат на высоком плато, довольно круто спускающемся к правому берегу р. Оуры. Самый спуск покрыт частью сосновым бором, частью кустарником и невысоким сосняком. Дорогой, в особенности около Кемпажа, часто встречаются следы песцов, горностая, росомехи, большое количество заячьих и белых куропаток.

5.02. *Нёр ойка* пришел к *Тайт котли ойка* сватать жену. Того не было дома. Тогда Нёр ойка украл женщину и перевез ее к себе. Тайт котли ойка не нашел дома женщины, пошел ее искать. Пришел к Нёр котли ойке и не может найти вход в чум. Обратился к Нёр ойке: «Ты мою жену взял?» — «А почему я знаю, жена она или девушка, я не смотрел». — «Впусти меня». — «Не впусти». — «Выходи драться или впусти». — «Я сам не выйду и в дом не пушу. Твоя сила, моя сила, зачем нам драться? Если хочешь, возьми моих оленей, оставь только одну важеньку и одного хора. Возьми оленей и иди». Тайт котли ойка взял оленей и пошел домой. С тех пор на Сосьве много диких оленей. Нёр ойка живет в каменном чуме

(Нёр ойка — гора), а недалеко живет его работник в чуме поменьше (*Сали урне ойка* — гора).

Суй ват ойка — сын Тайт котли ойки, он не желает, чтобы ходили и ездили мимо него пустым. На Ляппине городок был в Ломбовожах, в земляных домах жили во время войны с самоедами, так как боялись показаться наружу. Сегодня хозяин просил его еще писать, так как торопился ехать искать оленей, которые ушли еще третьего дня. Все равно, перепису его, когда поеду обратно. Утром Оляк ездил за оставленным быком, и около полудня выехали дальше. В 9 час. приехали в чум, а здесь уже все переписаны. Попив чаю, — дальше. Поселенный бланк будет общий на три чума. В два часа ночи приехали в чум к Семешине на р. Рза.

6.02. Переписал Семешина и двух работников. В два часа дня выехали дальше. Вечером приехал в чум Кустичева, переписал и его.

7.02. Составил поселенный бланк, вечером выехали дальше. Заехали в остяцкий чум, хозяина дома не оказалось, и потому бланк вышел неполный. Вечером приехали в другой вогульский чум, опять дома никого нет.

Во время камлания Мис махум непосредственно сносятся как с пупухами, так и с людьми. В свою очередь, Мис махум являются потомками богатырей сыновей верхнего бога. Род Пор хум происходит от менквов, и в прежнее время оба рода воевали между собой. В настоящее время изображения пупухов не помещают близко один от другого, так как они враждуют между собой. Пос. Мунгесс на р. Ляппин населен группой Пор хум, а пос. Я-сунт, Мань-я, Хангла — Мощ хум. Даже теперь они стремятся селиться в разных местах. (Н. Хартанев из Я-сунт-пауль).

При бешенстве собак надо отрезать у больной собаки уши и дать ей съесть с хлебом. После этого болезнь кончается. При падеже скота добывают деревянный огонь¹³, стреляют через скот. При всякой болезни хворь входит в скотину или человека.

Если увидишь змею и скажешь «Чур головня», змея тотчас свернется. Но змея не забудет этого и когда-нибудь да подстережет и ужалит. Если иметь при себе марын камень (корень пиона), то змея не тронет. Перед тем как ложиться спать, надо лишь обвести круг вокруг себя и держать корень при себе. Пород змей всего двенадцать и одна черная. Она не собирается с другими, а ложится на зиму где-нибудь на кочке, так что при первом солнце оживает и бежит по насту. Если змею положить в муравьиную кучу, то у нее вылезут ножки двумя рядами по обе стороны. Около Воздвиженья змей собираются вместе, свертываются в большую кучу и так замерзают до весны. У змей имеется главная, которая больше всех и очень толстая, «как выдра». (В. Тары, июль).

Хальмер-ю, на вершине ее умер самоед. *Ханрим-нанк-я* — здесь стояла лиственница, на которой было что-то написано. «Ве-

¹³ Огонь, добытый вращением палочки.

роятно, проезжие зыряне или русские писали», — сказал Ларион.

Положенный в лодку труп зарывается в землю, но не настолько, чтобы быть покрытым ею совершенно (по плечи). Грудь, живот открыты. Под него кладется береста, поверх тоже, затем возводится крыша двухскатная и поверх всего — сруб.

Когда я спросил у Лариона, почему он положил собаку на дерево, он сказал, что просто так. «Мы их зарываем в землю, в дерево кладем, хороший зверь», — сказал Ларион. В этих поселках почитают волка и собаку. Линглин — тур в вершине. Линглин — место обитания *Сакв талых ойки*. Он имеет вид волка, почитается в Е-сунте, Манье, Хангле, ездят туда каждый третий год. Исток из озера не замерзает, а когда замерзает, то в этот год умирает кто-нибудь из стариков в Манье, Е-сунте или Хангле. Брат Сакв талых ойки — тоже волк, обитает в Сынье. Каждый третий год сыньинские остяки приезжают из Линглин-тур. Каждый седьмой год на Сынье справляется праздник с играми, воспоминаниями о важных подвигах сыньинского *Сали ойки*. *Салер талых ойка* волчьими делами не занимался. (В Ломбовожах тоже играют каждый седьмой год).

Остатки *Ма-кул*. 1) На правой стороне устья р. Хартминг-я на левом берегу р. Ляпин. 2) На правом берегу р. Ляпин, протоке устья р. Пиа-ю.

Родившийся ребенок считается тотемом группы отца. Жену можно брать из своей тотемной группы, если она из другого рода. Пупыхи происходят из рода бога. Они после того, как стали пупыхами (до этого были — *эрг отэр* 'олень'), приняли вид зверей. Так, Сакв талых ойка имеет два вида: волка и собаки; сыньинские — оленя (олень — младший брат волка).

Все вогулы делятся на две группы: род Мощ хум и род Пор хум. *Мунгес Махум* происходят из рода менквов, они Поры хум роот. Жену может брать как из чужой, так и из своей группы, лишь бы она была из одного рода. Ребенок считается по роду отца. Вогулы из юрт Тобольчина не едят птицы, заклеванной ястребом, так как он тотем. *Сорт ойка* живет в Шекурье, *Сыг ойка* — нет, но резать налима женщине по Ляпину нельзя, вниз по Сосьве — можно. (Записано от Л. Хатенева 10.02.1927).

Человек не может брать жену из одной тотемистической группы, «если в сторону того пупыха смотрит» (*«Акв пупых пупиле сунси»*). Теперь, правда, этого придерживаются не все, но по старому обычаю нельзя.

Брать жену можно как в своем [?] (Мощ хум махум, Поры хум махум), так и в другом. Сын причисляется к пупыху отца. Пупыхи, принадлежащие роду Мощ махум, не могут жить поблизости с пупыхами Поры махум. Мощ махум происходят от Мис махум и в прежнее время жили вместе, в свою очередь, Мис махум и есть *пупых роот*. Когда делают *ваглтане кол*, приходят именно Мис махум. (Записано со слов Н. Хатенева из Я-сунта. 11.03.1927).

Январь — 1. *Ас хатты тылись* 'замор реки'; 2. *Сан квем этнос*

клина месяца'. Февраль — 1. *Ай кер тылись* 'малый чарым'; 2. *Мань поль этнос* 'малый чарым'. Март — *Ук кер тылись* 'большой чарым'. Апрель — 1. *Нобытты тылись* 'несущий лед'; 2. *Янг натне этнос* 'лед несущий'. Май — 1. *Лобыт этты тылись* 'месяц листьев'; 2. *Тобтинг этнос* 'месяц листьев'. Июнь — *вуи пови* 'месяц, несущий нельму'. Июль — 1. *Вуйт тур тось ты пови* 'городить малые соры'; 2. *Нёплу этнос* 'месяц неплюя'. Август — 1. *Уп тор тось пови* 'городить большие соры'; 2. *Олти нялти этнос*. Сентябрь — 1. *Кор тенты тылись* 'месяц случки оленей'; 2. *Мань таквси этнос* 'малая осень'. Октябрь — 1. *Сус ун тыди тылись* 'рубка леса'; 2. *Яны таквс этнос* 'большой осени'. Ноябрь — 1. *Ват хат тылись* 'короткий день'; 2. *Вата хотал этнос* 'короткий день'. Декабрь — 1. *Рох пып курпых тылись* 'обманчивого орла'. 2. *Ретынг тоин этнос* 'обманчивого орла'¹⁴.

Русское сани, вог. *сун*. Ввиду того, что оленеводство, а вместе с тем средства передвижения, связанные с ним, вогулы заимствовали у самоедов, то, по всей вероятности, и слово *сун*, *йорн-сун* 'самоедская нарта', заимствовано. В этом случае мы имеем дело с непосредственным переходом *а* в *у*. Таким образом, встает вопрос, не есть ли *Усхумит*, эти былинные враги вогул, какие-то жители Оби *Асхумит*, то есть самоеды или остяки *Ас ях*¹⁵.

Ночь спускалась над Тот-туми,
И туман в долине Лозьвы
Пал густою пеленою.
Красным отблеском горели
Все вершины Ялкин-ньёра,
Точно залитые кровью,
Были снежные верхушки.
Тихо было над Тот-туми
И ничто не нарушало
Величавого покоя.
Лишь похрустывали ноги
У отпущенных оленей.
Что бродили между камней,
Выбирая *ватта* — ягель.
Тихо у костра сидели
Я и мой товарищ манши,
Вспоминая о пройденной
Утомительной дороге.
А когда на небе темном
Появились, блистая,
Звезды в призрачных созвездьях,
Мой товарищ Пакин молвил,
Указав рукой из небо:
«Тузус! Посмотри на небо,
Там вон *Мош хум* — *Калтац*.
Вся семья сидит Мош хума,
Все сидят вокруг чувала,
Сам Мош хум с шестью сестрами

¹⁴ Далее следуют записи на отдельных д. из д. 4.

¹⁵ Далее следует образец литературного творчества В. Н. Чернецова. Очевидно, это начало задуманной им поэмы, навеянной мифами манси. В дневниках имеется еще один вариант.

И своим меньшим братишкой.
 Их-то люди вот и видят
 Темной ночью в звездном небе.
 Брата младшего Мощ хума
 Видит далеко не каждый,
 А лишь тот, кому судьбою
 Суждено прожить на свете
 Больше ста лет,
 Тот лишь видит
 Брата младшего Мощ хума.
 Это он зимой холодной,
 В пору *ватя хоталь этпос*
 Сделал лыжи, чтоб удобней
 Было за зверем гоняться
 С длинным луком из березы,
 Из березы с гибкой елью.
 Мощ хум за оленем гнался,
 А на небе след блестящий
 Мощ хум *ёзан лёмх* остался.
 Это он, подкравшись к лосю,
 Поразил его стрелою.
 В память этого на небе
 Лось восходит каждый вечер.
 Раз в середине *неплю этпос*
 Караулил Мощ хум уток
 На побережье Нуми-тура.
 Шелестел камыш прибрежный,
 Пели песни *тарив* — сосны.
 Вокруг озера святого
Тохт — гагара все рыдала,
 Что взлететь никак не может.
 А высоко в поднебесье
 Есуй гордый и могучий,
 Боевой орел летает.
 Вот дождался Мощ хум уток,
 Что, побрякивая плыли,
 Сбившись тесным табуночком.
 И стрела запела песню,
 С тетивы слетев упругой.
 Всех одной стрелой убил он.
 Вот какой Мощ хум был ловкий!
 Чтобы люди этот случай
 Никогда не позабыли,
 Все утятя каждой ночью
 Табунком плывут по небу».

Юг — *хоталят*, север — *луивот*, запад — *наюнтма*, восток — *нанеилма*. Вечер — *итипал патс*. Календарь на палке — *ив хотал*.
 Январь — *ворынг этпос* 'лесной месяц'; февраль — *ман пол этпос* 'малый чарым'; март — *яны пол этпос* 'большой чарым'; апрель — *я нати этпос* 'ледоход'; май — *пас интен этпос* 'рождение телят'; июнь — *халненг этпос* 'березовый'; июль — *нёплу этпос* 'месяц неплюя'; август — *олты нялтуп этпос*; сентябрь — *ман такус этпос* 'малая осень'; октябрь — *яны такус этпос* 'большая осень'; ноябрь — *ватя хот этпос* 'короткий день'; декабрь — *ретынг тоине этпос*. Полярная — *Торм пунк пат сон* 'звезда макушки бога'.

Солнце — *хотал*, месяц — *этпос*, звезда — *сон*.

Топорнице — *сасренналь*, ратовнице — *потуп наль*, череп — *ка-
зай наль*. Жерди тагана — *симскула*, шест лодочный — *паррен ив*.
Можжевелик — *хулах рил тал*. Гриб-трутовик — *сооз*.

Юрта бревенчатая — *нор кол* (нор бревно); чум — *йорн кол*;
шесты чума — *колаула*; тиска одинарная — *ёлум*; тиска тройная —
йорн сас; пятая часть крыши для защиты от ветра у йорнкол —
талых сас ломт; дымовое отверстие — *йорнкол талых*, сурм зунд;
очаг — *арац* (*арац вонга*, *арац ахтас*); шихтовая кора — *нюли
сув*; таган — *потив*; крючок тагана — *пот вангереп*.

Необработанная береста — *ахтаилли сас*. Ольховый лист —
хорахтив лобта. Черемуха — *лямив*. Круглая чашка — *еингтаны*.
Чамья — *сомьях*. Козлы для сушки мяса — *нёвлтослен савак*. Чу-
ман для умывания — *ловт хатн сов*. Птица (вроде сойки) — *чов-
нахне*. Стружка — *валцям*. Прибор для строгания — *валтоп*. Коль-
цо — *лакв*. Ремень (веревка) — *квалыг*. Калым — *нятин*. Род —
роот. Туес — *вота*. Знак медведя — *хойхуш*. Знак белки — *лэнгхи
хурух*.

Мешок женский — *тучангс*; подушечка для иглоков — *немта*;
мешочек для наперстка — *туля хусеп*; цепочка мешка — *тучангсон
квалыг*; вздержка мешка — *тучангсон сов*; орнамент мешка — *ту-
чанг павза*.

Дрель — *пазылп*, юрка — *пазылп кеп*; неподвижная часть —
пазылп нал; лучок — *пазылп евт*; вращающаяся часть — *пазылп
культсе*. Острога — *потуп*.

Кузнечное мастерство. Щипцы — *керкат*; зубило — *кер яктеп*;
молоток — *вангун*; наковальня — *керун луп*; бородак — *тал ханг
вангун*; напильник — *корпил*.

Бутылка — *суликер*. Пряжка — *пукла*. Холщовая опушка у лет-
них нярок — *пасна*. Рогатина для тагана — *пот сах*. Осина — *хап-
хаин*. Подошва (нярок) — (няра) *ратта*. Верх (нярок) — (няра)
амма. Нижний ремень ножен — *супал тор квалыг*; верхний ремень
ножен — *сунен тор квалыг*. Шейный платок — *сыптор*. Большая
игла — *сас варне юнтуп*.

4. ЯМАЛ. 1928—1929 гг. ДНЕВНИК

[Записи в двух тетрадах (д. 6 и часть д. 7). Заглавие — по В. Н. Чер-
нецову].

12.08. 1928. На борту судна «Полярный». Четвертые сутки мы
уже в море. Восьмого после долгих перенитий погрузили и к 4 час.
мы перебрались наконец на борт гидрографического судна «Поляр-
ный». Судно небольшое, всего 575 тонн. Построенный в 1910 году
в Осло, «Полярный» предназначался для китобойного промысла.
Низкий, с закругленным форштевнем, предназначенным для пла-
вания во льдах, «Полярный» далеко не может называться краси-
вым. Правда, он славится своими машинами и выносливостью в

штормы. В 1915 году «Полярный» был приобретен для поисков экспедиции Брусилова¹⁶.

Утром 10-го вышли в океан. Сразу бросилась в глаза разница цвета воды Белого моря и Ледовитого океана. Здесь вода ярко-зеленого цвета. Пока что погода нам благоприятствует. Хотя туман и набегаёт каждый вечер, но утром снова ярко сверкает солнце «Вот подождите, в Карское море войдем, покажет оно нам, какие штормы бывают, — поугубляет наш капитан А. М. Водохлебов. — Нас там покачивало, до 47° крен доходил». Возможно, что в Карском и поштормуем. Пока я наслаждаюсь хорошей погодой. Сегодня утром пришли в Индигскую губу. Здесь должны свезти на берег. Забрал фотоаппарат и спускаюсь в лодку. Вскоре застучал мотор, и наш караван покатил к берегу, вырисовывавшемуся невысокой полосой.

23.08. После долгих ожиданий начали выгружаться в Маресале. Прежде всего выгрузили шлюпку. После этого задул зюйд-овый ветер и нанес, конечно, сомнения: не идти ли дальше с «Полярным»? Ночью разразился шторм. «Полярный» стоял на двух якорях. Затем не выдержал, снялся и пошел штормоваться в море. Через два дня опять пришел в Маресале и там немедленно выгрузился.

Теперь надо думать о продвижении на север. На оленях везти весь груз и нечего было думать. Решили было остаться в Маресале до снега. Пустил Котовщикову¹⁷ на разведку до Морды. Но однажды приехали два члена Ямальской экспедиции¹⁸ и сказали, что на Морду много самоедов, и что у Пуйко есть лабя пудов на 250, на которой он мог бы перевезти весь груз на север.

Выехали вечером на восьми нартах с легким грузом. Правил пятью оленями и довольно успешно, так что заслужил одобрение самоедов. На Морду приехали 13.09.

На другой день двинулись в обратный путь, но ветер как зло переменился, и снова пришлось тянуть бечевою. Начался прилив, а с ним усилился и противный ветер. Тянуть стало труднее, чем вчера. К концу пути я шел, почти не сознавая, что делаю. Наконец добрались до мыса, от которого надо было перебраться на другую сторону. На другой день Ив. Вас., Всеv. Алекс.¹⁹, Котовщикова отправились вверх по реке Непейте. Мы остались с Костей²⁰ вдвоем. Пока они еще не уехали, мы нарезали лопатой дер-

¹⁶ Г. Л. Брусилов — руководитель полярной экспедиции.

¹⁷ Наталья Александровна Котовщикова — руководитель экспедиции на Ямал 1928—1929 гг. (В. Н. Чернецов — ее участник). Экспедиция была организована научно-исследовательской секцией Комитета Севера.

¹⁸ Комплексная экспедиция, организованная Уральскими областными организациями, под руководством В. П. Евладова. Он помогал экспедиции, в которой участвовал В. Н. Чернецов, материально и ценными советами. Благодарю А. И. Пика и Л. В. Шестакову за сведения об этой экспедиции.

¹⁹ Судя по одной из записей В. Н. Чернецова, можно предполагать, что Ив. Вас. — это переводчик-зырянин из Обдорска. О Всеv. Алекс. сведений нет.

²⁰ Константин Яковлевич Ратнер — зоолог, третий участник экспедиции Н. А. Котовщиковой и В. Н. Чернецова.

ну и покрыли его нарусом, подперев посредине футляром от фонометра. Получилось маленькое, но уютное жилище. Но дело в том, что мы остались без дров. Поэтому мы немедленно отправились вдоль по берегу в поисках плавника. На берегу мы нашли несколько выброшенных морем рыб, но совершенно ислеванных чайками. Набрав плавника, вернулись домой, где сварили макароны и легли спать.

16.09. Проклятый плавник совершенно не желает гореть. Утром приехали самоеды. Пришлось угощать их чаем. Так как дров у нас было мало, то они съездили за ними и привезли много плавников. Выменяли у Ламдо одного неплюя за снежные очки и двух лешек за сукно красное и синее. Вечером ходили на мыс и Хаену.

17.09. Сегодня сходил сфотографировать и описать жертвенное место. Ив. Вас. говорил, что тюлений и моржовый жир расценивается на оленей, причем за одного оленя дают количество жира, входящего в требушину животного. Один морж стоит: шкура — 10 оленей, жир — 10 оленей, голова — 6 оленей; итого 26 оленей, не считая мяса, которое идет в пищу.

19.09. Приехали самоеды. Сначала показалась лодка, причем в силу рефракции она, казалось, плыла по воздуху. Наконец, они подплыли к берегу. Большая лодка с одной мачтой, на которой поднимается прямой парус. У лодки нашит полубак, и лодка построена из досок и сшита деревянными заклепками. Лодка была нагружена доверху: 6 человек, 3 собаки, 4 песца на цепочках, 2 чума, дрова и проч. Палки для чумов были связаны в две вязанки и прицеплены с бортов. За кормой болталась маленькая лодочка, груженная тисками.

После взаимных приветствий началась разгрузка. У нас тем временем закипел большой чайник, и все уселись пить чай. Решили ехать завтра утром. Но сейчас, как на грех, заштиливало и, вероятно, придется «царапаться» на веслах. Это не весело.

Вчера вечером набежали черные тучи, задул норд и посыпала крупа, она не растаяла еще и сегодня в тенистых уголках. Ночью потянулись на юг казарки. То и дело над палаткой пролетали косяки, перекликаясь скрипучими голосами. Изредка проносились маленькие стайки гагары, наполняя воздух гармоничным свистом крыльев. Ночью ревел шторм, валилась крупа и кричали казарки. Мы закрепили парус добавочными оттяжками, чтобы внезапно не остаться без крова.

Ханзеро Вэнго сидел в своем сиротливом чуме, сумрачно поглядывая на тлеющий в костре тальник. Ему 25 лет, он считается самым лучшим и самым смелым охотником за морским зверем, и он, Ханзеро, второй год не может выплатить калыма за невесту. Правда, этот скряга Нярун заломил неслыханную цену. Пять оленей, пять пар моржовых клыков, двадцать оленьих желудков жира и нерпичьих шкур просил он за невесту. Но ему ли, Вэнго, останавливаться перед таким калымом?! Но в этом году, как назло, отрезало с промыслом. Много раз он выезжал в море

на своей лодке и каждый раз возвращался с пустыми руками. Так думал Ханзеро, глядя в огонь. А потом взгляд его перебежал на другую сторону чума, на старую мать, которая скоблила оленью кожу. Но и от этого у него на сердце не стало радостней. Мать скоро уже не сможет скоблить кожи, и чум его станет холодным и темным, когда он будет возвращаться с моря.

20.09. Утром приехал Хосен Хороля — вотчинный старшина здешних мест. Самоеды долго о чем-то совещались, собравшись у нас в палатке. (Оказывается, если скрючиться, то в нее влезает шесть человек). Нерчин сказал, что Хороля сказал: лодкой ехать нельзя, так как слишком велик риск. Наш багаж доставят на Маре-сале на оленях. Это, конечно, очень хорошо, но только жаль, придется бросить шлюпку. Может быть, ее удастся доставить зимой на север, но сомнительно. Мы пошли в чум Песимо Окотэтто, и там я выписал три грамоты в чум Ламдо, Сянду Хаби и Пярье Хороля, на которых Хосен Хороля поставил свою тамгу. По этим грамотам нам должны давать оленей. Затем один из самоедов отправился в чум Ламдо с тем, чтобы завтра приехать на оленях. Надо сказать, что самоеды к нам чрезвычайно хорошо относятся. Нерчин все время снабжал нас рыбой, а Окотэтто — дровами, так что мы ни на минуту не оставались без того и другого. Сегодня утром был мороз, а днем задул SO, который принес дождь, погода довольно мерзкая. Ночью дождь шел почти беспрерывно.

21.09. Ждем оленей. День начался с того, что изжарили макароны, а теперь Костя делает лепешки из макарон (у нас вышли сушки и кончилась мука). Потом надо будет подобрать подарки для Окотэтто. Да, вчера я заказал малицу, а за работу дал красного сукна. Сегодня надо будет отдать шить рубашку из неплюев. Женщинам подарили колец, пуговиц, бус и других безделушек, маленькой девочке пару колокольчиков, а самому Песимо две свечи и старый напильник — все были очень довольны. Затем я принес неплюи и стал объяснять, какую мне надо рубашку. Но все было безуспешно, пока не пришел наш толмач. С его помощью я растолковал, что мне надо сделать из трех неплюев не малицу, а только лишь рубашку. За работу дал безделушек, а затем подарил чаю.

Вернувшийся самоед сказал, что сегодня прислать оленей не могли, так как был сильный туман и стадо разбредлось. Нарты будут завтра утром. Вечером, когда мы с Костей размышляли, начать ли жарить рыбу или повесить варить макароны, пришла жена Окотэтто и позвала нас пить чай. Ради нас сварили мясо и угощали нас на славу. Толмач (сын Окотэтто) распространялся на тему, что завтра вы поедете и что «ты самый главный русский»; когда он жил на пуйно [?], там таких главных не приходило. «Ты, — говорил он, — с самоедами вместе ешь, а это делают не все русские». Одним словом, отношения установились.

22.09. В 6 час. утра пришли олени. Мы попили чаю, сердечно

распрощались с Окоэтто и отправились в путь. До чума Ламдо недалеко. Здесь мы пили чай, закусили сырыми муксунами и в путь. Отсюда я ехал уже самостоятельно. К вечеру приехали в чум Ямдо Хороля, где и заночевали, так как Харсо говорил, что впереди есть речка, а сейчас сильный туман, он не найдет переправу. Здесь были весьма гостеприимны. Угощали сырыми муксунами, вареным мясом, а чаю дали замечательной варки!

23.09. Суббота. Утром завтрак в том же порядке. Муксуны, мясо, чай с хлебом и варкой. Жена Хороля — сморщенная старушка с довольно-таки медлительными движениями и ленивой улыбкой на сморщенном лице. Но глаза ее поражены трахомой. Особенно правый. Одета она в обычную ягушку, подпоясанную поясом с большим кольцом спереди. На голове носит шапку вроде капо-ра, сзади на нем привешены различные украшения, среди которых видное место занимают две палочки от тисочков.

Ночью выпал снег, который сразу забелил всю тундру. Стаял он лишь часам к девяти. Выехали в путь мы в обычном порядке, часов около восьми, а к 12 приехали к чуму Сяня Хаби Салиндер. Он в это время уже свернул чум и собрался каслать на другое место. Здесь пришлось подождать, пока лишь собрали и запрягли оленей. После этого мы распрощались с Хороля и Салиндером и выехали в чум Няруй. К старому скряге приехали около 3-х час., он был в стаде. Пока проводник разговаривал с ним, я держался выжидательной политики. Наконец, поговорив с проводником, Нарун сказал ему, чтобы он ехал в чум, а сам отправился к оленям. Приезжаем мы в чум. Здесь только одни женщины и дети. Войдя в чум, мы расположились в нем, намереваясь дожидаться старика. Видя, что хозяева не особенно торопятся с угощением, я сказал «чай тара» и сделал движение пьющего человека. Это возымело последствие, и немедленно одна из самоедок повесила на огонь чайник.

Сейчас вторая половина сентября. У важенок и несголошенных быков с рогов уже почти сошла шерсть, а у годовалых быков рога уже совершенно чистые. Они то и дело дерутся, и сегодня я видел, как в драке один такой бычок сломал себе рог у самого основания. Старые хоры входят в охоту, и наступает брачная пора.

Скоро пришел Няруй, и теперь подходит момент, когда надо договориться относительно поездки в Маре-сале. Это нелегко с моими познаниями самоедского языка и его познаниями русского. Говорю, что завтра надо ехать в Маре-сале; отвечает, что сейчас спать надо, а поедем уже завтра. Вообще как будто у него не возникает никаких сомнений относительно необходимости везти. Ну ладно, завтра что-нибудь выяснится.

24.09. Опять выпал снег, он сыпал всю ночь. Утром Няруй заявил, что сегодня ехать никак невозможно, так как идет мокрый снег, который всех нас промочит и на Нябу его что-то будет плохо, чего я не понимал. Таким образом, мы торчали в чуме целый день. После дневного чаю мы раздали женщинам подарки, которые бы-

ли этим весьма довольны. Со своей стороны они подарили полтора зверя кысов и несколько олениных лбов. Затем мы выпросили у них табак. Так что пока живем. Маленький сын Няруя играл в оленье стадо. У него сделаны из дерева олени и нарты, которые он расставлял по столу. Единственная польза от нашего сидения в чуме — это то, что мы понемножку стали понимать самоедский язык. Но все же тоска неимоверная. Вечером вернулись из стад мужчины, мы поужинали и легли спать.

25.09. Сегодня я еще не видел Няруя. Он где-то носится, что-то ехать не собирается. Надо сказать, что еще с вечера подул сильный западный ветер баллов на шесть, и, вероятно, это будет служить отговоркой для отправления. Будем нажимать, посмотрим, что из этого выйдет. В этот день опять ничего не выходит. Няруй говорит, и, пожалуй, правильно, что в такой ветер мы через реку в маленькой калданке не переправимся. Говорит, что завтра приедет какой-то переводчик. Ждем завтрашнего дня.

26.09. С утра шторм, да такой, что с ног сшибает. Днем приехал Сяндю Хаби и еще один самоед, потом узнал, что зовут его Степан (Косой) Худи. Он говорит по-русски, хотя и не очень хорошо, но вполне достаточно. Мужчина довольно славный. Вообще от того скверного впечатления, какое осталось у всех от Няруя за первое посещение чума, не осталось и следа. Он оказался гостеприимным, приветливым человеком, немного прижимистым, может быть, но в общем вполне приятным. Так, например, он через переводчика говорил, как бы извинялся, что кормит нас одним мясом, но что у него совершенно не осталось ни хлеба, ни масла. Думаю, что едва ли, но всяко бывает. Предполагаю, что в прошлый раз виноваты были мы сами или, вернее, И. В. Каргопольцев²¹. Он со своей беспардонностью, нетактичностью производил явно неблагоприятное впечатление на самоедов. Кроме того, Няруя, вероятно, обидело и то, что его начали будить ни свет ни заря, и к тому же довольно грубо. Для его старшинского самолюбия, разумеется, это было не по нутру. К тому же встает он и так чуть свет, приблизительно тогда же, когда встал и в прошлый раз.

Итак, в чуме собралось довольно много народу. Расселись по обеим сторонам и пошли разговоры. Няруй прежде всего еще и через толмача объяснил, отчего он не мог везти нас раньше. Скоро договорились и до всего остального. Повезут на Маре-сале, лишь только выпадет снег. Когда зашел разговор о плате, то Няруй сказал, что ему надо будет немного чая, немного сахара, масла и т. д., но о количестве договариваться не захотел. Почему, не знаю. Ну, это мы увидим. Важно, что договорились, и Няруй, видать, ехать хочет, так как между делом мы упомянули о чарке.

После, когда мы лежали, окончив разговоры, я спросил у С. Худи, едят ли мясо нерпы, моржа и морского зайца. Он ответил, что нерпичье мясо плохое, а морж и заяц вкусные. Тогда я

²¹ Товаровед из экспедиции В. П. Евладова (см. прим. 18).

спросил, какое мясо лучше — оленье или моржовое. Он ответил, что моржовое лучше (sic!). Это очень интересно, если рассматривать с Богоразовской²² точки зрения. Но требует основательной разборки и проверки.

Весьма интересен маленький сын Няруя. Ему года четыре. Когда колят телянка и едят сырое мясо, он стоит тут же и кляпает кусок. Получив его, он немедленно съедает и просит еще. Отправив в себя фунта полтора сырой оленины, молодой человек, весь перемазанный в кровь, катится к матери и начинает сосать грудь. Неплохо! Интересно будет узнать, до каких лет самоеды кормят детей грудью.

27.09. Ночью ветер стих как по волшебству. Утром ясно, тихо и мороз. Подморозило так, что за чаем съели мороженое мясо. Все готовились к отъезду. Обе дочери Няруя необыкновенно за нами все время ухаживали. То ли это с подарков, поднесенных им в первый день знакомства, то ли от их природных качеств, не знаю. Только они тщательно укрывали нас на ночь. Устраивали полы и вообще заботились. Жили мы на левой половине чума (я, Костя, обе дочери и сын) очень дружно и весело. Между прочим, я перешел на самоедский способ сна. Раздеваюсь так, что остаюсь в одних штанах, одеваю чижы и укладываюсь, закрываясь ягушкой. Ягушки нам давали хорошие, и мы в них спали и днем, так что было в этом отношении недурно.

Но против всех ожиданий старик собирается сегодня не спать. Долго собирали и запрягали оленей, свертывали чум и, наконец, мы выехали в путь. Правда, каслали в сторону Няду-яга. Но подкаслали недалеко. День очень холодный, и все водоемы покрылись льдом толщиной до 8—10 мм. Дует SO баллов на 5—6, а когда мы подкаслали на новое место, пошел сухой ночной снег. Мы решили, если и завтра Няруй нас не повезет, то пристать к нему с ножом к горлу.

28.09. Ночью ветер переменился на SW, и снег пошел хлопьями, к утру он перестал. Ветер бушует 7 баллов, валит с ног. Начиная переговоры, но старик говорит, что появились волки, что ветер сильный. Я продолжаю настаивать и, наконец, старик соглашается. Собирает оленей, и мы двигаемся в путь. Впереди едет Николай Хороля на пяти оленях, затем я, тоже на пяти, и сзади Няруй на четырех, и Костя на трех. На полпути приходим на старое становище, берем лодку и едем дальше. Через Няду-ягу переплывались в 13.

Сначала Николай перевез вещи на другой берег, затем меня и Костю. После этого он перевозит на наш берег длинную веревку, на которой перетягивают оленей и нарты. Няруй остается на том берегу и отправляется домой. Лишь только мы въехали в Няду-ягу, пошел снег, начался буран. Глаза слепило снегом, а лицо буквально горело. Костины нарты идут плохо. Отдаю ему свою

²² В. Г. Богораз — известный советский этнограф, учитель В. Н. Чернецова.

четверку, а сам начинаю гнать его оленей и в хвост и в гриву. Сломал хорей у самого конца. Уже поздно, ночь. Приехали в чум Ивана Худи.

23.10. Вчера утром приехали самоеды, в 5 утра. Днем Н. и К. отправились с ними нагружать нарты на Марре-яга, а я с Васей²³ делал печку. После долгих усилий печка, наконец, была готова, и я с некоторым чувством гордости взирал на не совсем складное творение рук своих. Погрузку кончили лишь поздно вечером.

Сегодня к полудню приехали самоеды за нами. Мы сели в нарты и отправились в путь. Нарты с грузом были оставлены недалеко, их стало видно, лишь только мы въехали на гору. Здесь собрали оленей, запрягли и поехали дальше. Когда стемнело, остановились на почевку. Решили поставить палатку. Когда в палатке были зажжены свечи и зашумел примус, в ней стало сразу уютно, и самоеды немедленно пришли к нам. Попили чай с баранками и маслом и легли спать.

24.10. Спали очень хорошо. Только начало светать, как самоеды начали кричать хором вокруг палатки: «Юрка, Юро, Юро». Жалко было чай не кипятить, дабы не терять на это времени, а сразу пускаться в путь. Буранит, но не холодно. Ехали дотемна. Вечером снова чай с баранками и мороженная рыба.

25.10. Сегодня должны приехать в чум Хороля. Самоеды утром хотели пить чай, но мы все энергично воспротивились, так как не имело смысла терять столько времени. Сегодня переехали через Няду-ягу. Начали попадаться куропаточьи следы. Приближаемся к хребту. Между прочим, самоеды обиделись, что мы не напоили их чаем. Часа в два мы приехали в чум. Здесь мы раскинули палатку и только лишь собрались кипятить чай, как нас пригласили пить чай в чум. Мы приняли приглашение с радостью и поглотили огромное количество замечательной варки. Да, вчера дорогой встретили Худи (Ивана), который возвращался с моря, где он убил нерпу. Встретили еще самоедов с добытым песцом, синий, добыли капканом. Вообще песцовые следы встречаются довольно часто.

26.10. Сегодня переменяли оленей и отправились в соседний чум к Хэму Маetto Хороля. До него меньше попрыска, и его видно. Здесь мы ночевали в чуме. Погода сегодня ясная и довольно холодная, градусов 25 с ветром. В чуме Хэму один самоед рассказывал, как его унесло в море. Три дня носило его бурей, пока не встретили землю. Подумали, что Ямал, но потом увидели, что ошиблись. Вероятно, это была Новая Земля. Людей они там не видели.

27.10. Приехал М. Хороля и предложил горностаю, которого поймал в капкан около Халэв-седе. Горностаю побелел и только около норки слегка сероватого цвета. Подарил оленьи сухожилие. Сегодня должны доехать до Плекмы. Ехали весь день, часа в три

²³ В. И. Терентьев — участник экспедиции В. П. Евладова, перешедший в экспедицию этнографов.

перебрались через Морду и уже к темноте приехали к Таркасе... Но чума здесь не оказалось. Решили ночевать.

28.10. Сегодня самоеды отправились на поиски чума. Я с Васей устанавливал печку и пробовал ее топить. Сырой тальник горит плохо, но палатка нагревается быстро. Взял винчестер и пошел побродить вокруг озера. Здесь много озер, окруженных довольно высокими холмами, по которым к самым берегам сбегают густые заросли тальника, достигающего в высоту около метра. Куропаток много, но близко не подпускают, вероятно, белые, но не тундровые (те не пугливы). Видел двух сов, но подойти близко не удалось. Понадается довольно много горностаевых следов, совершенно свежих, и виднеется много норок. Самоеды вернулись и сказали, что до чума Сяму Яптика попрыска полтора. Завтра поедem туда, и завтра же к вечеру придет Песимо.

29.10. Выехали рано утром в обратном направлении. До чума Яптика около двух попрысков. Приехав к нему, мы тотчас же отправились дальше: оказывается, что на расстоянии еще одного попрыска стоит брат Песимо, а сам Песимо подкочует туда сегодня. Действительно, вскоре показались чумы, и, переехав озеро и поднявшись на гору, мы остановились около чумов. Здесь мы распрошались с нашими возчиками и сложили вещи с парт. Расставив палатку, положили в нее пол из досок. Это получилось очень хорошо и тепло. Поставили печку, вскипятили чай и сжарили рыбы. Печка топится, и в палатке очень тепло (правда, лишь только она перестает топиться, сейчас же делается холодно). Завтра Песимо будет здесь.

30.10. Песимо сегодня приехал утром, его напоили чаем. Я взял ружье и пошел побродить в окрестностях. Этот район Лимби-яга характерен массой озер с довольно высокими и крутыми берегами. Вся местность очень холмистая. По всем долинам и лошинам — заросли тальника. Среди тальника довольно много куропаток, преимущественно белых, но самоеды (Песимо) говорят, что здесь зимует как белая, так и тундровая. Песцовые следы встречаются довольно часто. Самоеды (братья Песимо) начали промышлять песка на полный ход. Песец сейчас находится во всех трех стадиях: синяка, недопеска и чисто белого песка.

Обойдя два-три озера, я вернулся обратно в палатку, где дома был лишь один Костя. Сходили за водой на озеро. Лед достиг уже толщины вершков 10. Вечером вернулись оба другие члены экспедиции — Котовщикова и Вася, которые были в чуме Песимо. Он явился также, а вместе с ним пришли и оба его брата. Песимо получил в подарок компас, но, боясь потерять компас дорогой, попросил сохранить до завтра. Относительно платы за провоз сегодня сговориться не было возможности, и потому это отложили до завтра, после того, как Вася съездит с Песимо к Яунгады и другим соседним чумам.

31.10. Утром Вася уехал, а мы все трое решили сходить за куропатками. Пошли за озеро, обошли несколько ложинок, но все

безуспешно. Уже подойдя к чуму Песимо, увидел большую сову. Пошел за ней следом, и вскоре она взлетела шагах в сорока с лишним. Выстрелил влет и убил на расстоянии 55 шагов. Сова молодая, этого года. В чуме Песимо лишь одна его жена. Пока мы разбирались в нартах, она приготовила чай. Промаявшись, прием его с удовольствием. В это время приехал самоед из наших чумов и сказал, что в нашей палатке собралось много самоедов и нас ждут. Запрягли оленей, и мы поехали домой. Только отъехали от чума, как навстречу попались Вася с самоедом. Отослали одну нарту домой и на трех нартах двинулись дальше. Я приехал первым. Войдя в палатку, увидел, что там народу невпроворот. Надо будет перебраться в чум. Когда приехали наши, то для переговоров мы перешли в чум брата Песимо. Выяснилось, что самоеды запросили невероятную цену: по 10 р. с нарт в день, то есть за три дня 30 р., а за все нарты 750; теперь они сбавили, но просили еще 6 р. за нарту за три дня. Им была предложена цена 3 р. и сказано, что они должны взять, так как у нас дело казенное. Сильное впечатление произвела печать на удостоверении, Васька старался из всех сил. Самоеды еще немного поспорили, но покорились. Правда, по-видимому, они сильно на нас рассердились. Завтра должны пригнать нарты, 25 штук. Да, днем купили дров за чай и сахар.

1.11. Приделал к весам деревянную стрелку. Когда пригнали нарты, стали грузить пудов по 7,5 на нарту. К вечеру погрузили все. Вышло 19 грузовых и 2 легковых нарты. У брата Песимо — ремингтон выпуска 1923 г. с надписью Amderson Toms. Купил у самоеда за восемь важенков и двух быков.

Песимо рассказывал, что когда этим летом приходил норвежский пароход, то самоеды ездили на него. Один из них выменял свитер на пешку. Их кормили на судне вареной рыбой. Норвежцы предлагали ремингтон, но требовали песка, но так как с собой ни у кого не было, а сговориться между собой не могли, то сделка и не состоялась. От самоедов известно, что раньше приходило одно судно, а в этом году их пришло уже два, и они промышляли моржа. Самоедам подарили одного моржонка без клыков. Самоедов напоили чаем, и о вчерашнем столкновении не было уже ни слова.

2.11. Сегодня пригнали оленей, и около полудня мы выехали в путь по направлению к северо-востоку на озеро Ней-то. Прошли не очень много, и лишь только стемнело, остановились на ночевку. Поставили палатку. Пока кипятили маленький чайник на примусе. Хороля и Вылка съездили, нарубил тальнику и развели костер, на котором согрели большой чайник. Приехал Ямал Яунгады и привез нюк из двух постелей и еще одну выделанную постель.

3.11. Сегодня буранит. Около двух часов дня переехали через Юн-яга, приток Сё-яги и вслед за ним через Сё-ягу. Здесь нарубил на вечер тальнику. Как только стемнело, остановились на ночевку. Песимо объяснил, что буран начался оттого, что мы проезжали мимо очень священного места, и что всякий раз, когда ему приходится проезжать, здесь начинается буран. У нас завелся та-

кой обычай, что утром мы чай не пьем, а только закусываем мороженой рыбой, а кипятим чай лишь вечером.

4.11. Опять буран. На расстоянии нескольких саженей все скрывается из виду. Снег шипящими струйками змеится по земле, перелетая через полозья, холодный ветер пронизывает насквозь гусь и малицу. Для него достаточно и ничтожных отверстий в швах, чтобы наполнить холодом всю внутренность одежды. Прошли сегодня довольно много. Вечером шли уже в темноте. После полудня перешли маленькую речку, приток Сё-яга, где в свое время стоял чум Ямальской экспедиции. Буран продолжался и ночью. Ставить палатку было очень трудно из-за диких порывов ветра. Надо сказать, что благодаря своей двухстенности, палатка довольно прилично держит тепло. Вообще она дает много облегчения в дороге.

5.11. От Сё-яга до Тамбей-яга. С утра было тихо и ясно. Выехали, попив чаю. Проехать в этот день много не удалось, проезжали через небольшой ручей, совершенно перемешанный снегом. Снег не успел закрепнуть, и последняя нарта в одном из анасов утонула передней частью, и у нее сломался полоз. Немедленно приступили к починке: вырубил полено от дров, которые мы везли с собой, в нем выдолблено отверстие для копыла (перелом случился около первого копыла), и скрепа положена на полоз. После этого были просверлены дырки, в которые заколочены деревянные шпильки. Отверстие для копыла делают следующим образом. Лучковым сверлом Песимо просверлил две дырки, которые потом соединил и разработал узким ножом. Пока исправлялась нарта, начало темнеть, так что вскоре начали подыскивать моховище и место для ночевки. Самоеды предполагают выехать назавтра на легковых нартах искать чум, до которого не более двух попрысков.

6.11. Сегодня опять тихо, хотя и облачно. Так как видимость хорошая, то самоеды решили касаться в надежде, что чумы найдем и без предварительных розысков. Проехав один попрыск, остановились, и, вставши на нарты. Хороля начал осматривать вокруг. Увидели только лишь кучу рогов, которые, по объяснению Васи, складываются на хребте для объяснения дороги. Проехали еще немного, и на этот раз Вася увидел на горизонте чум. Но только самоеды успели на него взглянуть, как налетел буран. Он налетел с устрашающей мгновенностью. В какую-то долю секунды вся окрестность скрылась, а воздух наполнился свистом ветра и мелким колючим снегом. Решили остановиться и раскинуть палатку. Хороля поехал на легкой нарте на поиски. Приехал он уже поздно вечером. *Хальмер мя* — это чум, в котором все обитатели перемерли от осы. И вот на него-то он напоролся в буране. Завтра опять будут искать чумы.

7.11. Утром буран стих с такой же внезапностью, с какой и начался. За несколько минут все стихло, и на небе засияло солнце. На горизонте по обе стороны от солнца намечаются два столба. Вася, Песимо и Хороля собираются искать чумы. Мы с Васей

тренируемся на ловле оленей тынзяном. Вылка с дочерью Песимо собрались схать за дровами, и я пошел с Вылкой в наше стадо, где поймал тынзяном оленей. Дрова привезли замечательные: полярная береза, собранная в прошлом году, горит она, как солома.

Вскоре приехал Песимо и сказал, что был в чуме, а Вася и Хороля поехали дальше. Оба они вернулись час спустя. Вася вошел в палатку, сняя, как медный таз: «Ну, Валера, дело сделал. Нас дальше повезут задаром от чума к чуму». Оказалось, что на расстоянии полуктора попрысков стоят пять чумов, где у Васи были знакомые. Там сказали, что далеко везти нас не могут, а отвезут лишь до следующих чумов. А так как существует обычай возить от чума к чуму бесплатно, то и для нас не будет сделано исключения. Правда, вначале самоеды попросили платы, но Вася сказал, что по мелочам не стоит возиться, и с этим все согласились. Таким образом, завтра нас отвезут в чум, а Вася поедет на легкой нарте дальше, в следующий чум, чтобы до приезда анасов все было готово. Таким образом, он и впредь будет ехать впереди нас на одно касланье и приготавливать оленей. Вечером Песимо рассказал, что количество песцов в тундре колеблется с шестилетним периодом: в течение трех лет песец отсутствует совершенно, а в следующие три года появляется вновь, причем больше всего его во второй год. Относительно волка он сказал, что волк постоянно живет на северной оконечности полуострова Ямал, где ходит по следам оленей.

8.11. Сегодня встали еще до света и сейчас же стали собирать Васю в путь. Ему надо было приготовить кое-какие вещи. Когда он с Хороля уехали, то начали собираться и мы. Сегодня я веду три анасных нарты. Чтобы дело шло скорее, то я сам взял своих оленей из круга и запряг. До чумов оказалось на самом деле недалеко, и через час они показались на горизонте. Когда мы подъехали к чумам, то навстречу вышли Вася и Хороля. Оказалось, что самоеды решили везти его завтра. Сейчас он времени зря не терял и успел купить трех выделанных неплюев, тынзян, заказать *харнами* и чуть-чуть не купил священную нарту с *сядаями*. (За нее дорого запросили, и он бросил переговоры). Самоеды в этих чумах оказались на редкость гостеприимные и покладистые. Остановились мы в чуме Тамучи Окотэтто, где немедленно уж был изготовлен чай. Потом мы с Васей пошли в гости и в другой чум, где нас опять-таки угостили чаем.

Между прочим я спросил у Васи относительно употребления самоедами гарпуна на морского зверя. Он изобразил этот гарпун на бумаге и сказал, что достать его будет нетрудно. Гарпун ножеобразный, с одной зазубриной, насаживающийся на древко трубкой, но на нем не закрепляется, а привязан на веревку, которая остается в руках охотника. Древно немного меньше хорей. Из этого описания трудно сделать какое-либо заключение, но все же, вероятно, этот носок не древнего происхождения.

У Песимо белая собака Хорти. К чужим и особенно русским

она относится очень недоверчиво. И вот когда я ехал на оленях, она несколько раз в течение всей дороги подбегала к нарте и с некоторым недоумением смотрела на меня: «Как же это так, человек с совершенно чужим запахом и на хозяйских оленях едет, да еще правит сам? Чудно!» Если говорить о собаках, то я с Васей сейчас уже подумываем заводить упряжных собак. Можно опасаться, что на Ямале будет очень трудно их достать, так как едва ли у кого есть лишние.

9.11. Сегодня живем в чуме. В следующий чум Телянг Окоэтэ-то поехал посланный, чтобы узнать дорогу и подготовить наш приезд. Сегодня утром к чаю мы дали сушек и сахару, чем самоеды были довольны. Эти угощения, правда, здорово подрывают наш бюджет, но без них не обойдешься. И, конечно, для нас выгоднее, что мы в настоящее время едем подводой от чума к чуму, ничего не платя, а угощаем всю семью самоедов. На последнее выходит все же меньше продовольствия, а удовольствие, пожалуй, даже большее.

Сегодня целый день приносят выделанные *неплюи*. Это удалось благодаря Васиному таланту к покупке. Он обладает способностью настолько убедить самоедов, что они уступают неплюев довольно дешево, оставаясь вполне довольными. Теперь у нас набралось уже почти на две малицы, на рубашку и на пару чижей, так что вскоре все будут одеты.

Сегодня я заметил, насколько короток стал день. К девяти часам только-только рассветло, а так как день сегодня пасмурный, то в полдень было не особенно светло. Вася вошел в чум и сказал, что присмотрел собаку. Немедленно мы отправились ее покупать. Это был белый самоедский кобелек двух лет от роду, очень симпатичного вида. Самоед запросил за него 25 р., и Вася торговался на два фунта сахару. Торг был заключен, и пес перешел в наше владение. Собаку привязали к нарте, и я начал угощать ее сушками. Вскоре Терренши начал слабо помахивать хвостом, а к вечеру и вовсе успокоился. Только оставаясь в одиночестве, он начинал выть.

От нечего делать мы с Васей путешествовали из чума в чум, где нас поили чаем, а мы подговаривались под неплюев и нюку. В чуме Нюмзи Вануйты я увидел пояс с украшениями на нем, несомненно, древнего происхождения. На нем было пять квадратных блях из бронзы. Бляхи — плоские, с выпуклыми кружками, идущими рядами. С обратной стороны на бляхах имеются по четыре ушка. Кроме этих блях на поясе привязано изображение головы медведя, лежащей на передних лапах. Верхняя часть головы обломлена (по уши), по-видимому, она была в кружке, от которого осталась только нижняя половина. С верхней стороны ободка идет ряд кружков, с нижней стороны отходят шесть «стебельков», сходящихся в основании. Все изображение рельефно, а с обратной стороны вдавлено, толщина бронзы около миллиметра (по краям). Далее на поясе укреплены пять изображений людей в высо-

ких шапках, стреляющих из луков; изображения из желтой латуни. По характеру изображения эти, по-видимому, ижемского происхождения (хотя мне раньше их видеть и не приходилось). Вася сказал, что ему приходилось видеть такие фигурки в продаже. Сзади, на поясище, к ремню подвязан маленький мешочек с кусочком кварцевого голыша. Когда я увидел этот пояс, то обладателя его не было в чуме, а потому мы решили зайти еще раз. За чаем мы старательно угощали самоедов, а затем мы с Васей мылись на улице снегом. Это доставляет большое удовольствие, и совершенно не холодно, от натирания снегом кожа моментально начинает гореть, и надо только после скорее идти в чум к огню.

Когда мы снова пришли в чум к Нюмзи Вануйте, он сказал, что пояс не его и он не знает, чей. Лишь после некоторых уговоров он вытащил его на свет божий. Но продать хоть одну фигурку Вануйта наотрез отказался, говоря, что он в этом случае умрет. Он даже на зарисовку согласился только после долгих упрасиваний. Когда он дал согласие, я унес пояс в наш чум, где и зарисовал все украшения. Про камешек Нюмзи сказал, что его он носит от боли в спине и нашел в земле.

10.11. Поднялись сегодня еще задолго до света. Пока пили чай, собирали оленей и окончательно упаковывали нарты, времени ушло много, и отправились в путь лишь только около 10 час. Когда уже почти все уехали, оказалось, что человек, который должен сопроводить нас, еще не приехал, и надо чего-то ждать. Помимо того, нас хотели отправить на привязке. Против этого я восстал из всех сил и заявил, что на двух оленях не поеду. Самоеды покрутились немного, но, увидя, что делать нечего, запрягли легковую нарту, на которую мы с Костей уселись. Сзади были одни нарты на привязке. Костя выпрямил постромки оленей, я подобрал вожжу, вскочили на нарты и понеслись; олени у меня были хорошие, и вскоре мы догнали анасы.

До чума Ненянга 5 попрысков, но ехали мы все еще быстро и были на месте еще засветло. Так как мы теперь не платим, то самоеды запрягли бесчисленное число нарт, соответственно и проводников. Встал вопрос, поместимся ли мы все в чуме, и со стороны хозяев были пожелания, чтобы мы отправлялись и ставили свою палатку. Из-за этого создались было довольно натянутые отношения, которые разрушились лишь после обильных угощений сушкой и сахаром. Ненянг — богач: 2000 оленей, и, кроме того, он спекулирует, продавая кирпич чаю по песцу. Берет чаю он с фактории по 100 кирпичей. Вечером Вася уехал в следующий чум приготовить наш приезд.

11.11. Живем в чуме Ненянга. Все наши проводники уехали и стало просторно. У одного из самоедов на поясе висит маленький, дюйма 2,5, пим, в котором лежит кусочек песчаника в форме ноги. Уим мужской. Самоед хромает и объяснил, что нашел камешек в земле. Дальше он объяснять ничего не захотел.

У Ненянг сломан чайник. У него выпаялся носик. Притащив в чум ящик с инструментами, я занялся починкой. Благодаря тому, что топят сейчас тальником, огонь для нагревания паяльника очень неподходящий, и мне пришлось провозиться почти целый день. В благодарность за починку жена Ненянга исправила мне пины, которые совершенно изорвались. Вечером приехал самоед, который поехал с Васей, и сказал, что он поехал в следующий чум. Завтра и нам можно ехать.

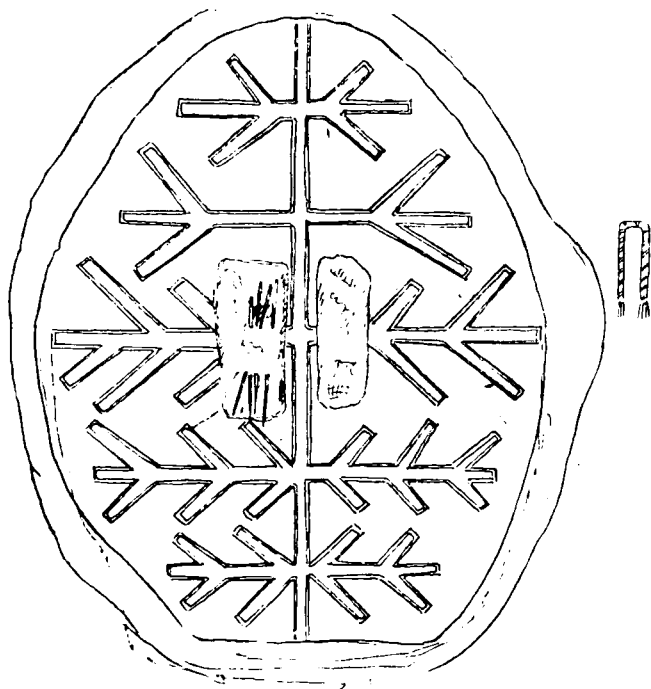

Рис. 7. Игольник. Узор *хонде ядма* 'следы куропатки' выполнен белым оленьим волосом, обшитым сухожильной ниткой. Ненцы Ямала, 1928—1929 гг. (д. 57, л. 9)

12.11. Встал сегодня пораньше и отдал жене Ненянга перешивать неплюйчатую рубашку, которую прислал вчера Вася с самоедом. На улице буран. Ветер завывает в вершине чума, и от снега ничего вокруг не видно. Начали собирать и укладывать нарты, чтобы ехать дальше. Но за чаем Ненянг начал говорить, что сегодня лучше не ехать, что он «не терпит». Мы ему ответили, что «мы терпим», но если он «не терпит», тогда останемся, поедем завтра.

13.11. Буран ночью кончился, и с утра начали приготовляться к

пути. Оба чума сегодня тоже каслали, и потому сборы были долгими. В том стаде, которое пригнали, по самому скромному подсчету было, наверное, не менее 2000 голов, да еще было другое стадо, которое виднелось вдаль.

Проехали уже три попрыска, а чума все еще не было. Оказалось, что на передней нарте увлеклись сказками и песнями и свернули с правильного направления, проехав много лишнего. Уже совершенно стемнело, когда показалось оленье стадо, а полчаса спустя мы были уже около чумов. Мы остановились в одном чуме, а Вася пошел в другой, где самоеды собирались обсудить создавшееся положение. Сегодня ни до чего не договорились, но Апчи еще несколько раз предлагал довести нас до фактории на Хадые.

15.11. Сегодня после чаю в наш чум собрался весь народ. Нам выгоднее было, чтобы говорить начали самоеды, и потому мы стали ждать. «Зачем вы хотите ехать на Ямал?» — «Чтобы сделать карты, чтобы увидеть, как живут люди Ямала, что им надо, и в чем они терпят недостаток. Наша земля далеко, и там не знают, что здесь делается». — «Вы умрете там, там очень холодно, а если вы умрете, то на самоедов плохо говорить будут». — «Отчего мы умрем? Самоеды живут, будем жить и мы». — «Там ночь два с половиной месяца». — «Мы это знаем, а есть места, где ночь шесть месяцев, и все-таки русские бывали там». — «Если вы умрете, то нам плохо будет!» — «Много русских ходило в такие земли и много их умирало, а никогда за это не винят местных жителей, так что и вам беды не будет». — «Если ни одного из вас в живых не будет, то как узнают, может, вас убили?» — «Мы бумаги пишем каждый день, эти бумаги русские прочтут и увидят, отчего умерли. Есть русские, которые по многу лет живут в таких же местах, как Ямал. Мы на Ямале проживем, а потом и самоеды в нашу землю поедут». — «Нет, мы не терпим, у нас сердце узкое; это у вас, русских, сердце широкое, вы не боитесь, а мы боимся».

Так шел разговор, пока самоеды не увидели, что не могут с нами ничего поделаться, и покорились. Тогда Апчи сказал, что если мы уж так хотим ехать, то нас можно будет приспособить к какому-нибудь чуму или же пойдет на Ямал сын Нендолга Окотэтто, или, если никто не согласится, то он пойдет сам. Наша карта победила, и мы выиграли сражение. Раз Апчи взялся за дело, то он уж устроит, и нам не приходится более задумываться. Завтра он поедет собирать нам нарты. Сам он дает три нарты с упряжью и поставил также дать и Ненянга.

Так как сейчас в одном чуме тесно, то мы с Васей пошли ночевать в другой чум. Один из самоедов начал петь сказку и пел полночи. Я заснул, затем проснулся, когда кипятили чай, это был конец сказки. После чаю он начал другую сказку, я же попытался заснуть, что мне далось с трудом.

16.11. Проснулся я, когда началась вторая сказка и самоеды собирались пить первый утренний чай. Его пьют обычно, едва

встав с постели, не надевая малицы, а лишь накинув ягушки. Вася спал. После первого чая все стали умываться, а тем временем закипел и второй чайник, тут разбудили Васю. Сегодня все уезжают. Апчи взялся отвезти бумажку на факторию, чтобы нам прислали продовольствие. Пересылку он обещал устроить. Он попросил взаймы полпуда сахара, что мы с радостью ему дали, так как с Апчи нам крайне выгодно держать дружеские отношения. Дня через три мы выедем в путь, самоеды окончательно вырешили, что с нами поедет Нендолга со своим чумом и оленями. Это значит, поедут двое мужчин и четыре женщины.

17.11. Чум Нендолги, Мотю-яга. Каслание опять отложили, так как Хузию еще не привез нарт. Сегодня кололи оленей на мясо, семь туш (2 важенки, 4 быка и одного теленка), так как отец Нендолги остается с одним чумом и ездовыми быками. Забой сопровождался церемонией, при которой были вытащены и открыты священные нарты. Все это мы проглядели и потому не могли записать. Начинаем укладывать нарты, но их не хватает, и потому оставшиеся вещи складываем в кучу и покрываем брезентами.

Наташа ходила с самоедкой за водой и, вернувшись, сказала, что когда сделали прорубь, то в воде оказались мелкие красные существа (вроде червячков), которых самоедки называли *кало*, и от которых, по их мнению, человек заболевает. Поэтому воду процеживают сквозь снежный фильтр (кусок снега кладут в прорубь и сквозь него процеживают воду). Воду привозят на маленьких санках, причем котел с водой предварительно оставляют в покое, пока он не покроется ледяной коркой, чтобы вода не расплескалась по дороге.

Уехал Апчи, с которым мы распрощались очень тепло. Вчера я подарил ему перчатки. Завтра мы каслаем.

18.11. С утра начали сборы: грузили нарты, запрягали оленей. Хузию привез еще четыре нарты. С нами идет почти все стадо (наверно, около тысячи). В двенадцатом часу двинулись в путь. Шли долиной реки. Олени рассыпаются по склонам долины, небольшими группами появляясь на фоне бледного неба; идем на север. Пришли на место в 13, солнце зашло в 13.10. Когда расставляли чум, мы с Костей старательно помогали (помогал Костя, а я, собственно, стоял и смотрел). Установили будку. Вскоре в чуме загорелся огонь и стало тепло.

22.11. Давно ничего не писал, кроме реальных записей. 19—20-го мы стояли, затем каслали на один попрыск, где стояли опять, к нам присоединился Пирча Окотэтто, который уже зимовал на Ямале. В это же время отделился брат Нендолги и жена Нендолги. Вместе с ними оставили большую часть стада. Самоеды сказали, что олени не хотят идти на север и с большим стадом очень трудно справиться. Здесь мы имеем дело, вероятно, с лишним доказательством примитивности оленеводства. Все время были бураны, и мы стояли на месте, наконец, 25-го выехали в путь. В этот день сделали сравнительно немного, но 26-го и 27-го про-

ходили по 5—6 попрысков, 27-го встали между Тирва и Успюц-яга. Завтра будет дневка.

Сегодня было лунное затмение. Самоед Сябо Окотэтто, на нарте которого я ехал, начал сильно беспокоиться. Он сказал, что это большое несчастье, что затмение предвещает большое несчастье. Он сказал, что надо луне бросить монетку. Таковой не оказалось, и я бросил пуговицу. Дальше дорогой я спросил, надо ли шаманить. Окотэтто ответил, что шаманить бесполезно, что шаманы беспомощны в этом случае. «А в твоей земле есть шаманы?» — «Есть». — «Они могут кончить затмение?» — «Нет, не могут».

Надо будет порасспрашивать по поводу затмения и вообще о луне и солнце. Затмение началось около часу пополудни и в 2 часа диск был закрыт совершенно, после 3-х луна светила снова.

Дорогой мы встретили каслающий чум. Оказалось, что это Яптик и Тусида. У Тусиды около 400 оленей. У Яптика 40 оленей. Тусида едет на факторию оставить сына и главную часть оленей на зимовку. Он добыл пять медведей и несколько оленей. Тусида сказал, что Карское море еще открыто, но пролив замерз. Относительно затмения Тусида не сказал ничего интересного. По-видимому, его кто-то просветил, и он принялся рассказывать, отчего происходят затмения.

7.12. 1928. Во время каслания не писал, с одной стороны, потому, что по вечерам нарты не развязывали. Кроме того, я порол себе руку сильно, задев сухожилия. Они болят еще и сейчас. Все это время мы каслали с одной дневкой. Третьего дня Пирча и Пендумо поехали искать чумы и, вернувшись вечером, сказали, что нашли их. В верховьях Яда-яга будет зимовка, около пяти чумов на очень близком расстоянии один от другого. Самоед Венсу Венонга в феврале пойдет на мыс Дровяной, где и будет весновать. Вообще самоеды все темное время проводят в районе вершины Яды-яга, уходя в конце января — начале февраля к морю на промыслы.

Вечером мы подкаслали еще на один попрыск, и теперь до ближайшего чума один попрыск. Пирча дает Васе четырех оленей, нарту с упряжью. Пендумо сказал, что сейчас олени у него все передержаны и он дать не может, но весной даст, он продал нарту с упряжью за пилу. С Пирчей вышел такой случай. Костя и Вася уехали за водой. Пирча начал колоть дрова, и я заметил, что он взял наш тальник. Это самоуправство мне не понравилось, и я позвал Наташу. Пирча был очень смущен и предлагал возратить дрова из своих. Мы сказали, что нам полена не жалко, но что нам неприятно и обидно, что он действует не спросясь. Наташа неосторожно употребила слово *талици*, чем вогнала старика в гроб. Он долго повторял, что это слово — большое слово и что сердце его ушло (*сейм хай*). Я предложил ему выкурить трубку, дрова отнесли в чум, и мы помирились.

Сегодня Вася, Пирча и Пендумо собрались ехать по чумам.

Только они запрягли оленей и собрались ехать, как подъехало семь нарт, это приехало семь ямальских самоедов с Сэр Пива во главе; он — один из самых крупных шаманов.

13.12. До чума Пирчи было около двух попрысков. Это расстояние мы прошли почти незаметно, так как олени были замечательные. Дома оказалось, что Пирча был необыкновенно разговорчив и рассказал, что море и Обская губа не замерзают, объяснил это соленостью воды. Рассказывал он и о кочевках диких оленей. Оказывается, они не каждый год летуют на острове Белом, а уходят на Явай и Агнессу. Маршрут их таков: по западному берегу до Харсавой, оттуда идут на восточный берег, где около Вануйто поворачивают к северу (путь оленей не совпадает с путем кочеваний самоедов). Но идут олени так не каждый год, и иногда они переходят около Вануйто через Обскую губу и идут на конец Явая и о. Агнессу. Но через сколько лет повторяется этот цикл, Пирча сказать не мог. Также кочуют и песцы.

Кроме этого Пирча рассказывал о шаманстве, он сам немного шаманит, но только дома. Он сказал, что шаманство сильно вредит оленьему счастью, и большие шаманы никогда не бывают богатыми. Но шаманить немного и у себя дома — ничего. Птица, которая бывает иногда на верхушках чумов, это изображение птиц минлей, обитающих в других странах и являющихся шаманам во время камланий. Эта птица, живущая не везде, с длинным клювом, черная, по величине больше гуся.

14.12. Сегодня каслаем и отделяемся, приехал Вануйта, и вместе с ним мы должны ехать в чум к Нипке Сэротетто. Наташа просила Пирчу взять ее с собой на Вануйто, где он будет зимовать. Но тот отказал, так как Пендумо был очень против, и тогда отношения у Пирчи с ним и его отцом были испорчены. Наташа была очень опечалена, но ничего поделать было нельзя. Когда Пирча с Пендумо отделились, то, наконец, выяснилось, сколько оленей осталось у нас. Всего 13 штук. Кроме того, у нас семь нарт. Итак, отделившись, мы поехали к чуму Сэротетто. Когда мы туда прибыли, женщины уже выколачивали чумы. Оони собирались каслать. Здесь мы распрощались с Пирчей, который сопровождал нас, и вскоре началось каслание. Шли по два попрыска, пока нашли мох. Мы распределились на оба чума: я с Костей у Нипко, а Наташа с Васей у Уснею Уэнонга. Там отвели полчума. У Пирчи с Нипкой еще давно было какое-то недоразумение. Будто Нипко украл у него оленей и затем должен был за них заплатить. Насколько это правильно, не знаю, но только Пирча предупреждал нас, и, кроме того, когда он был в чуме Сэротетто, то сказал им, чтобы у русских не пропало ничего. Самоеды весьма взволновались и сказали, что надо всем ехать к вещам и вместе их пересмотреть. Так как нам надо было взять кое-какие вещи, то мы и не протестовали. Вещи оказались, как и следовало ожидать, в полной сохранности. Когда мы возвращались, начало буранить, а вечером буран разыгрался вовсю. Т от -20° поднялась до -3° ,

а давление упало на пять атмосфер. Всю ночь ревел буран и стих только к утру.

22.12. Сегодня тихий морозный день. Утром над головами спящих намерз на юке иней, и самоедка, прежде чем разводить огонь, тщательно его обколотила. Жизнь самоедов все время чередуется с выколачиванием снега из вещей. Выбивают чум не сколько раз на дню, оббивают малицы и пимы, входя в чум, выколачивают вещи, лежащие в нартах. Это непрерывное тук-тук-тук слышится в течение всего дня. Сегодня едем к вещам. Поехали оба молодых самоеда из чума Нипки. Наташа поехала на отдельной нарте, но прежде всего она дала оленям раза три завернуть налево, и все было кончено. Передовой был испорчен. Выехав в тундру, олени продолжали кружить ее как угодно. Я взял вожжи и хорей и стал пробовать сладить с оленями. После долгих усилий мне удалось, наконец, заставить передового идти куда надо. На месте мы отобрали вещи, которые нам будут нужны (самоеды предупредили, что приедем сюда опять не скоро), и поехали назад. Тут опять не обошлось без приключений: сломалась нарта. Кое-как связали ее и поехали дальше.

23.12. Буран, и каслание отложено; утром — 38° , давление — 72 см. Снег несет с такой силой, что пока переходишь из чума в чум сажень на 15, суконный гусь совершенно забивает снегом. Ветром сбивает с ног, и клубы снега с шипением и свистом рвутся вокруг чума, забивают нарты, сшибают с ног. Моментально теряешь всякую способность видеть вокруг. Идешь чуть не ползком, обернувшись спиной к ветру. В течение дня температура резко повысилась и вечером стоит $-1,5^{\circ}$!!! Характеризует ямальский климат! Это 72° W широты! Ветер SSW, облачность 10. Резко сказывается приморский климат и присутствие больших масс открытой воды. Причем в начале зюидовых ветров Т продолжает некоторое время понижаться и лишь затем повышается, то же самое происходит в обратном порядке при N-х ветрах. Это свидетельствует о ледовых передвижках и их влиянии.

24.12. Буран стих и сегодня каслаем. Когда олени стояли в кругу, я держал веревку. Рядом со мной Буро грыз кость. Затем он ее оставил и ушел в сторону. Появляется Терренс. Он идет крадучись, с опаской оглядывается в сторону ушедшего. Убедившись, что Буро не видит, Терренс берет кость и начинает, в свою очередь, грызть ее. Буро появляется в стороне, обходит кругом и затем быстро направляется к кости. Он даже не делал каких-либо резких выступлений, а только глухо и низко зарычал. Терренс немедленно бросил кость и с опущенным хвостом уходит прочь. Сегодня сочельник, и по этому случаю варим кофе, открываем банку молока и овощных консервов. Самоеды знают, что у нас сегодня и завтра *хэбидя яля*.

25.12. В общем все мои представления о полярной ночи (по крайней мере, на этой широте) изменились. Солнцестояние уже прошло, вот четыре дня, как день пошел на прибыль, а ночи и не

было. Солнце, конечно, не поднималось, но днем делалось совершенно светло. Единственно, что свет длится недолго. По случаю рождества у нас рисовая каша и блинчики. Угощаем самоедов, и все очень довольны.

26.12. Утром — 33°. Вася вечером сообщил то, о чем долго не решался почему-то сказать. Когда он с Някучи ездил на Хайнэн сале, Някучи спросил у него, правда ли, что разбился на Карском море пароход. Вася сказал, что да, но он не знает, где и при каких условиях. Сказал, что мои товарищи (то есть мы) знают. Някучи сказал, что хочет ехать искать вместе с нами, что у него есть олени, которые десять дней выдержат без корма на льду. Вообще самоеды заинтересовались. Для нас такая поездка чрезвычайно интересна, так как дает возможность проехать по морскому берегу. Вася хочет просить Сэр Пива пошаманить по этому поводу. Таким образом, даже если мы и не найдем этого парохода, то все равно увидим много интересных вещей.

31.12. Только мы хотели справить Новый год, как приехал Някучи со всем своим семейством, Сэр Пива, Хадн Вэсако и Окотэтто. Устроили для них угощение. Теперь мы условились, что, когда закончится месяц, мы будем перебираться к Някучи. Назавтра решено ехать к вешам. Относительно конца месяца: оказывается, если человек живет у кого-либо в чуме, то он не может переехать в другой чум до конца месяца (или до новолуния), так как переезд раньше будет считаться как оскорбление хозяину, и этим будет выражено недовольство им.

1.01. 1929. С Новым годом! Сегодня утром опять приехали Някучи и Сэр Пива. Мы четверо: Някучи, Вануйта и Яптик отправились к вешам. До них теперь уже около четырех попрысков. Когда нарты были увязаны, то уже начинало темнеть, и к тому же собралось буранище. Когда же мы выехали, то буран задул полной силой. На десять шагов ничего не было видно. Буран продолжался часа два и в результате, когда он кончился, Някучи не мог узнать места. Начали крутить. Выезжали на сопки, переезжали через озера, и на вопрос, далеко ли до чума, он то отвечал: «Близко», то снова не знал, куда ехать. Взошла луна, и видимость стала лучше. Только лишь около четырех часов Някучи окончательно сориентировался и к пяти часам утра приехали к его чуму. Еще не доезжая одного попрыска, мы потеряли Вануйту, и он, вероятно, поехал прямо в свой чум.

2.01. 1929. Встали сегодня уже после полудня. Някучи предложил не ехать домой. В разговоре с ним также выяснилось, что он жил на Явае, куда переходил с оленями. Някучи сказал, что в эту зиму он остался зимовать из-за нас и что он хотел идти в Обдорск.

3.01. Сегодня возвращаемся домой. Когда я приехал к чумам, то увидел, что стоят чьи-то нарты; оказалось, что это приехали Омдю Уэнонга и Окотэтто. Мы угостили их, как следует. Омдю приехал сюда ненадолго и лишь для того, чтобы оставить на хо-

рошем стойбище усталых оленей. Уехали они уже довольно поздно. Между прочим, за наше отсутствие не каслали, и завтра будем каслать.

4.01. Обычная картина. С утра снимаем чумы, укладываем нарты, оленей стоняют в круг, и часа через три анасы вытягиваются в дороге. Каслали не особенно далеко. Гостей вечером не было никого, и мы, поужинав, легли спать.

5.01. Сегодня приехали в гости Някучи, Омдю, Хаби Вэсако и Окотэтто. В разговоре Някучи и Омдю предложили ехать нам с Омдю на Позлово-сале. Конечно, это предложение было сделано не из каких-либо добрых побуждений, а только лишь, если мы теперь будем жить с Омдю, то на весенний промысел он сможет сбить нас с рук. Но так или иначе, сейчас этим предложением надо воспользоваться. Под конец наши гости стали разговаривать об угощении. Я высказал предложение осуществить это немедленно же, хотя бы даже завтра. Это было сообщено, и решили, что завтра соберутся все из окрестных чумов:

6.01. Сегодня, между прочим, крещение, а также старое рождество. С утра начали приготовления: месили тесто, пекли лепешки. После полудня начали съезжаться гости. Приехал Омдю со стариком отцом, женой и детьми, Някучи с домочадцами. Приехал Хаби Вэсако, Окотэтто, Сэр Пива и многие другие. В конце вечера Някучи начал со мной разговаривать относительно парохода. Тотчас сюда присоединились Сэр Пива, Омдю, и тема облетела весь чум. Но Вануйта и Тенька начали занимать разговор. Вануйта для большей убедительности сгреб со стола чашки и с криком «*мась, мась*» поставил их на таганные шесты. Разговор перешел на другие темы. Позже самоеды начали говорить, что у них на севере Ямала необходимо устроить управление, так как туземный совет ни в коей мере не может их удовлетворить по причине своей удаленности. Самоеды решили из своей среды выбрать двоих, а также предложили выбрать и из нас для ведения секретарских дел. Но последнее нам не с руки. Во-первых, официально мы не можем принять на себя такой работы (самоеды желают судопроизводство), а во-вторых, и времени и возможности у нас нет. Самое большее — мы можем написать заявление от их имени об учреждении у них родового или, вернее, ватажного совета. Таким образом, на севере Ямала выявляется необходимость в самоуправлении и факторин, и впоследствии к этому должен присоединиться и стрелковый пункт.

7.01. Вася поехал к Някучи говорить о пароходе. Мы решили, что на Позлово-сале поедем мы трое, Вася же отправится закладывать бюджеты. Возможно, что потом он придет. Омдю присутствует здесь еще с неделю, а затем начнет каслать к Дровяному. Всего здесь семь каслапий, и если нас не задержат бураны, то в двадцатых числах января мы будем на месте. Вася приехал вечером. Переговоры с Някучи дали следующие результаты. Някучи хочет договориться с Хадлы и вместе искать пароход. Это он сде-

лать торопится, так как боится прихода новых чумов, которые могут перебить дело. Он предполагает взять легкий чум, с которым каслать вдоль берега, каждый день выезжая на легковых партах осматривать побережье.

Кроме того, Някучи сделал Васе предложение, которое сначала, было, меня сильно разожгло. Он предложил ему съездить в Обдорск, причем обещал доставить в четыре дня: «На пятый день утром будем в Обдорске». Конечно, это очень хорошо: Вася мог бы привезти почту, взять кое-что из своих вещей, послать письма и телеграммы и, наконец, привезти палирос. Но, с другой стороны, есть риск, и большой, что он не вернется обратно. Следовательно, имея возможность получить вещи, без которых мы свободно можем обойтись, экспедиция рискует потерять ценного и полезного человека.

8.01. Кончился месяц ²⁴, и Еня хочет, чтобы мы переезжали к Омдю. Но нам переезжать к нему со всем нашим добром, не предупредив о дне нашего приезда, неудобно. Поэтому мы сказали, что сегодня не поедем, кроме того, выяснилось, что Омдю поехал сегодня в Тырцы Хаби, и переезд тем более неудобен. Весь день разбирали вещи, которые Вася возьмет с собой.

9.01. Сегодня Вася поехал в чум к Омдю. С ним поехал Ламдин, который должен вернуться и сообщить, когда нам надо переезжать.

Я давно уже обратил внимание, что здесь, на севере Ямала, совершенно нет орнамента ни на одежде, ни на вещах, тогда как в южных частях полуострова орнамент встречается часто, а у остяков, вогул, *пяч хасово*, все изображают им. У некоторых самоедов орнамент встречается и здесь, но все они когда-то жили на Оби с остяками, и любовь к украшениям такого характера у них уже заимствована. Если теперь вспомним аналогичность Тагильских писаниц и вогуло-остяцких орнаментов, общие элементы в изображениях и способах трактовки и сопоставим их с отсутствием орнамента, и особенно самобытного, у самоедов, то у нас встанет уверенность, что орнамент этот отнюдь не самоедского происхождения. Тем более, что прежний термин «роговой» орнамент потерпел полное фиаско, так как рогового орнамента в нем почти совершенно нет, за исключением двух: *сот харант* и *варакн харант*, которые ни в коей мере не говорят о роговом происхождении разбираемого орнамента ямальских самоедов.

Итак, мы имеем у самоедов полное отсутствие орнамента, то же небольшое, что встречается, есть заимствование у остяков. Наряду с этим явлением стоит относительная бедность материальной культуры, которая не может быть целиком объясненной кочевыми условиями, и отсутствие музыкальных инструментов.

Обратимся теперь к фольклору. Из всего известного мне фольклора наибольшая часть падает на сказки и песни, которые

²⁴ Имеется в виду лунный месяц.

явно насыщены войной с тунгусами; герой сказки непременно воюет с последними. Тундра, и в особенности Ямал, фигурируют в значительно меньшей степени и зачастую имеют явно позднее происхождение. Сказки ямальского характера с морскими промыслами остаются в меньшинстве. Из этого мы можем заключить с большой вероятностью, что ямальские самоеды едва ли являются давнишними насельниками северной тундры. Характер промысла, отсутствие самостоятельного названия для белого медведя, которого зовут *сэр варк* в отличие от бурого — *паридена варк*, говорят за то же.

Итак, мы имеем племя, часть которого сравнительно недавно вышла в тундру (арктическую), и другую часть (пян хасово), которая и по сие время обитает в лесу. У последней богата материальная культура, обилие орнамента, порядочные художественные потребности; у первых ничего этого нет. Следовательно, у нас встает предположение. Выйдя из лесу в новые, неизвестные условия, где пришлось создавать новую культуру, культуру чисто поллярную, и приспособливаться к совершенно неизвестным условиям, группа этого племени утеряла все то, что в настоящее время не требовалось для борьбы за существование. Экономические условия пока не давали должной обеспеченности, а «муки родов культуры» были слишком велики, и у народа не оставалось сил на поддержание своих художественных потребностей. Творилось лишь то, что было насущным.

Наташа назвала мою теорию марксистской и была с ней вполне согласна. Не знаю только, знакомство с орнаментом пян хасово, а также с их фольклором могут опровергнуть или подтвердить мои предположения.

10.01. Сегодня каслаем. Приехал утром Омдю. Вася отправился в чум к Тырцы Хаби. Вскоре увязали нарты, запрягли оленей, и мы распрощались с нашими прежними хозяевами. Чум у Омдю очень большой, а верхняя нюка сделана наполовину из дикого оленя. У чума две доски для скрадывания оленей. Осенью Омдю добыл на острове Белом 20 диких оленей. Вечером приехал Вася.

11.01. Сегодня Омдю и Вася ездили к Някучи, где были в это время и Сэр Пива и другие самоеды. Потом к нам приехали Тырцы Хаби и Сэр Пива. Вечером Омдю заговорил, что на Ямале нужна фактория, и что устроить ее надо на западной стороне, чтобы она не мешала промыслам.

12.01. Сегодня Езынги поехал за диким оленем. Я просился тоже, но не удалось.

26.01. Вчера вечером пришли на Поэлово-сале. Сейчас положение дела в общем таково. Вследствие того, что Някучи Уэнонга отказал Омдю взять его оленей на выпас, последний не может оставаться со всем стадом на Поэлово, так как здесь очень плохие корма и нет мха. Таким образом, Омдю торопится добыть нерпу для жиру и немедленно откочевать обратно на Тамбей. Здесь, на Поэлово, останется Езынги с сестрой и Манзом.

Когда мы подходили к теперешнему месту, то видали *хальмерхан*, т. е. нарту с покойником. Чья это нарта, не известно, но, очевидно, здесь стоит еще какой-то чум. По поводу нарты Някучи объяснил, что если человек умирает зимой, то его до весны возят в нарте, а настоящий хальмер делают только весной.

Сегодня Омдю предложил ехать на самый мыс (который от нас в четырех попрысках), осмотреть слопцы и, как сказал потом, посетить священные места. Наташа и Костя захотели ехать тоже, и в результате в путь собрались Омдю, Езынги, Сидома, у которого на нартах сидели Наташа и Костя, и я на отдельных нартах. Проехав один попрыск, мы приехали к какому-то чуму. Оказалось, что это младший брат отца Омдю, который должен был идти в Обдорск и остался здесь только потому, что у него заболела жена, которая недавно и умерла. В этом чуме мы остановились, пока собрался Венонга и его другая жена, до первого священного места.

Оно представляет из себя большую кучу рогов, в середине которой были сложены медвежьи черепа; с южной стороны стоит чья ля и рядом с ним сядай, почти занесенный снегом. Омдю помазал рты сядаям взятой из дому водкой, затем то же проделал с маслом и насадил на яля ля сушку и данное мною медное кольцо. Угостил Омдю водкой и маслом и один из медвежьих черепов. Этим процедура была закончена, и мы поехали дальше. Это священное место сделано сравнительно недавно и принадлежит семье Омдю.

Когда мы доехали до Хальмер-яга, то там на одном из мысков оказалась песцовая нора, в которую поставили капкан. За Хальмер-яга мы разделились. Омдю, Наташа, Костя, Садома и я поехали осматривать слопцы, а Тени Вэсако с самоедкой на Поэлово-сале — за дровами. Слопцы все оказались пустыми. В этом году песок весь ушел с Ямала, и остались лишь постоянные ямальские обитатели, которые живут в норах и в слопцы не идут. Наживлены слопцы рыбой. В двух местах около слопцов устроены были росомашьи ловушки.

На Поэлово-сале мы встретились с остальными (Костя с Садомой повернули туда немного раньше). Здесь находилось главное жертвенное место рода Уэнонга. Действительно, куча рогов была довольно внушительных размеров. Здесь повторилась процедура угощения сядаяв, после чего начали собираться в обратный путь. Някучи Езынги, поехавший еще раньше к берегу, теперь вернулся и сказал, что не особенно далеко нашел след медведя. Решили, что он поедет с Садомой, а так как у последнего нарта очень скверная, то попросили уступить ему мою нарту. Наташа села теперь ко мне, и мы тронулись в обратный путь.

Но тут случилось неприятное происшествие: меня не предупредили, что передовой плохо выучен, и как только я сел в нарту, он сразу понес не туда, куда мне было надо. Вожжи он слушался крайне туго, и через мгновение мы понеслись по склону наискось вместо прямого спуска. Нарта перевернулась, мы оба вылетели в

сторону, и вожжи выскользнули у меня из рук. Когда я падал, то слышал треск нарты. Вскочив на ноги, я увидел, что олени уже далеко и бегут на лед. Я крикнул Омдю и побежал вдогонку оленям. Омдю на своих оленях поймал мою запряжку, но в очень печальном виде. Нарта была разбита вдребезги. Омдю был взбешен и ругался, и, на мой взгляд, вполне справедливо, но тем не менее я довольно резко на него прикрикнул, и он умолк и принялся связывать нарты. Связать ее удалось, но двоим на ней ехать было рискованно. Наташа села к Омдю, и в таком порядке мы двинулись обратно.

До чума Уэнонга доехали уже без всяких приключений. Здесь остановились попить чаю со свежим тюленьим жиром. Уэнонга добыл зимой трех тюленей. Когда мы приехали домой, то оказалось, что Кости нет. Содома поехал ему навстречу. Они приехали довольно скоро, и тогда выяснилось, что у Кости пелейковый олень начал ложиться, и он не мог его поднять. После чаю Содома и Езынги начали собираться ехать опять на берег за медведем. Поймали оленей, и они уехали.

Я забыл написать, что вчера появилось солнце. 23-го были заметны первые лучи, вчера, когда собирали оленей, на юге показался узенький краешек солнца. Видно его было довольно долго. Сегодня поднялся уже весь диск; правда, пока он совершенно красного цвета, но уже одно сознание, что солнце появилось, заставляет думать о близости весны. Надо сознаться, что как ни светла полярная ночь на этой широте, но отсутствие солнца все же давало себя чувствовать очень значительно. Да, надо сказать, что зима всем нам надоела до крайности. По случаю появления солнца Омдю задавил пешку, и был устроен *хэбидя* яля. Заключался он в том, что вчера вечером сварили каши, компот и развели немного спирту.

27.01. Някучи Уэнонга собирается строить себе на Ямале деревянный дом. Это в значительной степени подтверждает мои предположения относительно построений ямальских самоедов в смысле перехода на относительно оседлость в связи с морскими промыслами. Вероятно, когда здесь будет фактория, она мало-помалу начнет обрастать оседлыми самоедами из бедняцкой части населения. Костя совершенно прав, что следовало бы перевезти сюда две-три семьи вайгачских или югорских самоедов с собаками. Глядя на них, и здешние начали бы переходить на собачью езду, что в отношении промысла было бы в высшей степени полезно. Весь вопрос, насколько богаты здесь промыслы, и смогут ли они удовлетворить потребности оседлого населения. К фактории Омдю относится очень благожелательно и считает, что почти все самоеды будут довольны ее основанием, и что только такие, как Някучи Уэнонга, Телянга и некоторые другие богачи, которые приторговывают самми, будут против.

Омдю сказал, что он через несколько дней вернется обратно на Тамбей. Здесь совершенно нет кормов, и олени не могут жить.

Такой оборот нас не устраивает ни в коей мере и требует обсуждения. Някучи Езынги остаются здесь с небольшим количеством оленей, чтобы промыслить перну. Нам надо будет остаться тоже, но только как: всем, лишь одному или двоим? Вечером вернулись Някучи с Содомой. Медведя они не видели, так как он ушел на тонкий лед, по которому они ехать на нартах не решились.

28.01. Сегодня приезжал в гости брат Омдю, Сахэди. Я весь день занимался починкой ружей. Наташа с Някучи ездили за дровами.

29.01. Утром Някучи и Омдю опять поехали на лед. Я чинил ружья и чайник. Здесь, на Поэлово, петь русские песни — грех, промысла не будет, и потому я пробавлялся вогульскими. Еграна, сестра Някучи, попросила перевести, и Наташа перевела на самоедский. Это была медвежья песня, и разговор перешел на медведя. Отношения самоедов к белому медведю последний раз подчеркивают, что с ним самоеды встретились лишь сравнительно поздно, перенесся на него представления, связанные с бурым медведем. Название белого медведя *сэр варк*, 'белый медведь'. Скрывающееся имя *нгарка нохо* 'большой песец' или *хэбидя* 'священный'. Конечно, женщине пересекать след медведя нельзя.

В разговоре Еграна упомянула слово *сюдбя* и спросила, знаю ли я о них у самоедов. Оказалось, что *сюдбя* — это, *улико мо*, 'злой дух, обитающий в лесу'. О них у самоедов говорится в сказках и песнях, теперь же самоеды слышат о них лишь от остяков. Я начал расспрашивать о их наружности, и оказалось, что это не что иное, как вогульский менкв. Это очень интересно. Любопытно, что, сохранив образ этого духа, самоеды не сохранили его названия, имя же *сюдбя*, по всей вероятности, заимствовано и очень подозрительно напоминает слово чужодей. Точно не помню, но как будто бы чужодей фигурирует и у зырян. Омдю и Някучи к вечеру не вернулись.

30.01. Днем начался буран. Еграна сказала, что Някучи ничего не имеет против того, чтобы я с Наташей остался, но Омдю этого не хочет и давит в этом направлении на Езынги. А так как Езынги зависят от Уэнонга, то ему приходится слушаться. Някучи не имеет своего чума и живет у Омдю на довольно каменных условиях. Несмотря на то, что он покупает продукты и сам, он отдает тем не менее Омдю половину своего промысла. Надо сказать, что про Омдю слухи ходят очень неважные. У него была вторая жена, которую он сильно бил, а затем и вовсе выгнал. Странная история была и с остяком. Остяк с женой стоял со своим чумом рядом с Омдю. Будучи бедняком, он зависел от него. Однажды Омдю стал посылать его за тюленем. Остяк отказывался, ссылаясь на то, что будет буран. Но так как Омдю настаивал, то он в результате поехал. Сам Уэнонга отправился осматривать слопцы и капканы. Дело кончилось тем, что буран действительно настел, лед оборвало, и остяк не вернулся. Вдова впоследствии требовала,

чтобы Омдю ей помог, но тот отказался. История для Омдю не особенно красивая.

31.01. Ночью был буран, и олсней сторожил Манз и Еграна. За эту ночь волки убили 26 оленей. Конечно, если бы сторожили мужчины, и оба, то, конечно, они смогли бы усторожить лучше, а Омдю предпочел эту ночь прогостить у Сахэди в чуме и вернуть домой лишь после полудня. Весь гнев его обрушился на несчастного Манза, а кроме того, потом он, хотя очень осторожно, высказал предположение, что когда мы ездили к жертвенным местам, то возможно, что Наташа перешагнула через медвежий зуб, который мог быть под снегом. Оленей обдирали целый день.

1.02. Сегодня я с Някучи поехал на лед. Выезд наш, правда, был не особенно удачен. Когда я стал выводить свою запряжку, то зацепил за одну из грузовых нарт и сломал ее. Далее у Някучи закрутились олени, и он никак не мог отъехать. Он сказал, чтобы я ехал вперед, и лишь таким образом мы отъехали от чума. Но далее у меня тоже закрутились олени, и я сломал *тюр*. Кое-как догнал Езынги и поехали с ним рядом так, чтобы он мог подтыкать и мочить оленей. Ехали мы очень быстро. Олени буквально распластывались по земле. В этом месте поверхность снега не ровная, вся покрытая снеговыми надувами, на которых нарта подпрыгивала в воздух. Внезапно я почувствовал, что падаю, и когда вскочил, то увидел, что нарта моя разбита в кусочки. Живо снял с нее ружье, шкуру и пересел на нарту к Езынги. Вскоре мы доехали до чума Сахэди Уэнонга, где Някучи достал другую нарту.

На берег мы выехали немного западнее жертвенного места. Здесь Някучи вырыл из-под снега небольшую калданку, которую мы привязали к его нарте. Водяного неба, собственно говоря, не было, так как день совершенно безоблачный, но на некотором расстоянии от берега стояла сплошная полоса тумана. До открытой воды было около 1 км, и это расстояние мы проехали на оленях. Лишь только мы подъехали к краю льда, как на поверхности воды показалась тюленья голова. Мой винчестер отказался стрелять, у Езынги тоже была сначала осечка, а затем он выстрелил и промахнулся. После этого мы уехали на торосах, Някучи начал протяжно кричать, вызывая тюленей, я ему вторил. Он говорил, что тюлени идут на крик. Полоса припоя представляет из себя поле с нагроможденными на нем торосами высотой до 3—4 м; большинство же из них около 1 м. Насколько далеко тянулась открытая вода, усмотреть было невозможно из-за густого тумана. Поверхность воды покрыта салом и тонко битым льдом. Заметно течение, вероятно отливное, направляющееся от берега.

Так сидели мы на льду, изображая тюленьих сирен, пока солнце не коснулось горизонта. Тогда Някучи сказал, что надо бросить и отправляться домой. Дома я высказал Наташе и Косте свое соображение, которое пришло мне в голову незадолго перед тем. Отчего бы нам на берегу не построить снежной хижины, хотя бы на манер иглу? Тогда бы мы могли там оставаться ночевать

и как следует наблюдать за промыслом и за состоянием льда. Тем временем выяснилось, что завтра Някучи Езынги отделяется от Омдю, который теперь начнет каслать назад. Необходимо теперь же выяснить, кто останется. Начались переговоры. Но тут случилось неожиданное. До этого Омдю говорил, что сделает все так, как мы захотим, теперь же, когда мы захотели, чтобы с ним пошел один Костя, Омдю встал на дыбы. Хочет, чтобы все трое остались или все шли с ним, но на это были не согласны мы. Завтра же от него уходим и, поставив снежный дом на берегу, будем там жить. Такой поворот его озадачил, но тем не менее он не сдался. Посмотрим, что будет завтра, так как мы сделаем так, как говорим.

2.02. Омдю высказал предложение, чтобы поехали двое, а остался я один. Предложение отвергнуто. После этого он опять полез на стенку, тогда мы стали собираться и укладывать нарту, чтобы двинуться на Поэлово-сале. Это-то и сшибло Омдю Уэнонга. Он не ожидал, что мы приведем в исполнение нашу угрозу. Ментально он стал шелковым и согласился на наши требования. Он испугался общественного мнения. После долгих сборов анасы, наконец, были запряжены, мы распрощались с Костей и самоедами и двинулись в путь. Каслали один длинный попрыск и вечером встали рядом с чумом Сахэди Уэнонга на Яптли-яга.

3.02. Сегодня мы каслали недалеко, меньше попрыска. День буранный, и чум оставить было трудно. Вечером Езынги рассказывал про цингу, что она появляется в последний раз не в виде красивой женщины, а как безобразная старуха. Самый момент избранничества здесь аналогичен с вогульским *Мис нэ*, с той лишь разницей, что последняя желанна, и стараются ее не отогнать, а цингу гонят криком и кровью.

Еще раз замечу, что, конечно, пока самоеды не устроятся так, чтобы во время промысла жить на берегу, до тех пор он не может здесь стать большим. Проехать взад и вперед 30 в. с тем, чтобы побыть на берегу 3—4 часа, это крайне нерациональная трата сил и времени, при которой, безусловно, невозможно большое количество добычи. И то, что в прошлом году Някучи добыл 25 нерп, надо отнести, пожалуй, к большому их количеству в Обском заливе.

4.02. Някучи Езынги взял в доме у Сахэди тюленьего жира. Еграна нарезала его на мелкие кусочки и, сложив их в котел, начала топить жир. После вытопки остались шкварки, необыкновенно вкусные, без малейшего запаха, похожие больше всего на шкварки свиного сала.

5.02. Наташа, было, собралась ехать в чум к Омдю повидать Костю, как они приехали сами. По этому случаю жарили оладьи на тюленьем жиру. Надо сознаться, что я вчера после долгого отсутствия жиру приналег на него и сегодня чувствую себя очень неважно. Как ни замечательны были оладьи, но уже самый аромат их был для меня невыносим. Вывод: воздержание. Омдю крайне любезен с Костей и кормит его очень хорошо. Появились и масло, и сухари.

6.02. Ездил с Някучи за дровами на берег на попрыск западного жертвенного места. Привезли шесть нарт. Вчера Някучи привез обломки моей нарты, и сегодня Сахэди чинил ее, но еще не кончил.

7.02. Буран.

9.02. Все время свирепствовал буран зюйдовых и SW-х румбов силой до 8—9 баллов. В чуме было страшно дымно, и болели глаза. Они у меня в довольно скверном состоянии. В промежутках, когда буран стихал, Някучи и Сахэди чинили нарты; Сахэди — мою, а Някучи — свою, которую он разбил не лучше меня.

10.02. Сегодня буран стих, и мы отправились на промысел. Наташа и я решили устроить снежный дом, чтобы ночевать. Някучи тоже останется с нами. Кроме нас троих с нами поехали Сахэди и Манз, последний, чтобы отвезти нарты обратно. Открытая вода сегодня немного дальше, но незначительно. За прошлой линией торосов простиралось ровное ледяное поле толщиной около полуаршина. За ним начиналась вода, покрытая все же тонким новообразовавшимся льдом; вдали, на расстоянии километров двух, виднелась еще линия торосов. Выбрав подходящую полынь, мы сели и стали ждать появления тюленей. Сахэди поехал искать медведя. Я забыл, что когда мы выехали на гладкий лед, то наткнулись на свежий след медведя. Что делать? Наташе пересекать его нельзя. Сахэди нашелся: взяв лопату, он счистил снег со льда, уничтожив таким образом след. Наташа прошла в эти «ворота», а дальше уже опять села на нарту.

Через некоторое время кричанья показался тюлень. Някучи выстрелил и ранил. Побежали за лодкой, которая оставалась саженьях в 50. Някучи сел в нее, его осторожно толкнули в воду, а дальше он уже начал грести. К лодке привязана веревка, конец которой держали на льду. Но пока мы тащили лодку, тюлень подошел к краю тонкого льда и ушел под него. Опять сидим. Следующего тюленя Някучи посчастливилось убить наповал, и его благополучно достали. Только он было собрался шкерить, как вдали на торосе показался силуэт медведя; он стоял, вытянув свою плоскую голову, и глядел на воду. Езынги решил ехать. Но так как у него засел в берданке патрон, он попросил мой винчестер. Патрон я выколотил и сел ждать.

Долго тюленей не было. Тем временем тонкий лед медленно надвигался, закрывая полынью. Внезапно из воды показалась нерпичья голова; я выстрелил, но промахнулся. Хотя Манз и уверял, что тюлень убит и была кровь, но узнать это так и не удалось, так как лодку увез Езынги, а полынья скоро закрылась. Мы отправились на берег, где принялись за постройку иглу. Вдруг со льда раздались призывные крики. Все трое мы сели на нарту и поехали в этом направлении. Оказалось, что Сахэди убил медведя, и теперь его надо обдирать. Принялись за обдирку и свежевание, причем я и Манз помогали.

Вечерело. Когда сняли шкуру, стемнело почти совсем. Осни-

мывали самоеды медведя без каких бы то ни было церемоний. Снимали «по-коровьи». Мы с Наташей пошли на берег, чтобы сделать снежный дом. Мысль об иглу мы отбросили и стали просто рыть нору. Часа через два работы у нас образовалась достаточно глубокая и большая нора, чтобы в ней могли лежать и сидеть три человека. Тем временем пришел Сахэди и начал разводить огонь, на котором вскипятили чай и сварили кашу. Някучи с Манзом уехали домой. Поужинав, мы легли спать.

11.02. Первая ночь в снежном доме на Мато-яга, на мысу Дровяном, прошла спокойно. Было тепло и спали все хорошо. Только лишь рассвело, мы уже попили чаю и пошли на лед. День был пасмурный и теплый. Водяное небо видно и занимает треть горизонта. Черный цвет неба еще больше оттеняет пасмурность дня. Сегодня до открытой воды было версты 3—4. И то мы не знали, как попасть к ней. Там, где кончалось ледяное поле, начинался тонкий лед, образовавшийся из смерзшихся за ночь обломков толщиной 5—10 см; местами лед был совсем тоненький, черный и прозрачный, покрытый большими кристаллами вымерзшей пресной воды.

Сахэди попробовал топором лед, он выдержал испытания, и мы двинулись в путь. Шли, выбирая дорогу по смерзшимся льдинам, обходя сырые места; у каждого через плечо перекинута лямка от лодки. Наташа шла немного сбоку и сзади, так как ее лямка была зацеплена за среднюю перекладину лодки. Некоторая рискованность нашего предприятия придавала нам всем задору и бодрости, и лодка буквально летела по льду. Когда перед нами открылась черная поверхность воды, старик даже засмеялся. Но здесь нас ждало разочарование: тюленей не было. За весь день показывалось две головы, но на очень большом расстоянии. Замечу, что самоеды стреляют, самое большее, шагом за 50. Днем приехал Някучи и притащил с собой тюленя, которого не успел ошкерить вчера. Чтобы он оттаял, Езынги опустил его на веревке в прорубь. Оснимают нерпу, делая разрез поперек туши между катрами ($a-b$), через кожу и жир (рис. 11). Затем обрезают шкуру вокруг морды ($c-d$) и, запуская нож, подрезают жир от мяса, после этого вытягивают голову в большой прорез и далее снимают кожу с жиром, вывертывая «чулком». Получается своеобразный «чемодан». Для удобства съемки жира его надрезают в продольном направлении ($e-f$). Такое оснимывание, по объяснению самоедов, необходимо для вырезания впоследствии ремня²⁵. Сегодня видел несколько птиц, они прилетели и сели на воду; старик стрелял, но промазал. Он говорит, что это *нга'нгу*, живущая зимой на открытой воде. Летом их здесь много. Сахэди уехал, и ночевать остался Някучи.

²⁵ Эту запись в дневнике дополняют сведения и схема (см. рис. 11, 1, 2, 3) на отдельном листе.

12.02. Как и вчера, вышли, как только рассвело. Пошли на вчерашнее место. Но, как и вчера, тюлени доказывали, что они «свой хлеб едят», и ни один не показался. Вскоре начало бурнить. Ветер S, и мы вернулись на берег. Когда мы подходили к своему дому, то буран уже разыгрался вовсю. Я переделал немного вход в нашу нору и завесил его пустым мешком. Вскоре его занесло снегом, и в нашем жилище стало совсем тепло. Я сказал Някучи, что мы теперь совсем как *сирти*, под землей живем. Разговор перешел на них, и Езынги сказал, что сирти — это народ, ушедший под землю и теперь еще там живущий. Солнечного света они боятся и никогда не показываются на поверхность. Кроме этого он ничего рассказать не мог.

Приветливо шумел примус, на котором закипал чайник, а наверху, над нашими головами, бушевал шторм. Наступила третья ночь под 73° на берегу Обского залива.

13.02. Сегодня мы встали еще раньше, чем в предыдущие дни. Не стали даже пить чай и поспешили на лед. Открытая вода начиналась километрах в полуторах от берега, и мы почти бегом прошли это расстояние. От вчерашнего бурана не осталось и помину. Утро было ясное, но теплое, и вода блестела, освещенная розоватой утренней зарей. Тюлени выставали. Мы немедленно расселись на берегу и стали, подвывая, ждать. Нерпичьи головы показывались довольно часто, но далеко; временами выставало до 3—4 тюленей не далее сотни с. от берега. Но на расстоянии нашего выстрела пока не было. Но зато выстал тюлень шагах в 50 от Някучи, и он его убил. Я два раза стрелял на расстоянии шагов 100, но безрезультатно. После этого нерпичья голова показалась шагах в 20 от Някучи, он выстрелил и позорно промазал, как после говорил, от неожиданности. Но нерпа показалась еще раз, шагов на 30, и тут он ее убил наповал.

Для вытаскивания из воды нерпы у него был приспособлен крюк из толстой проволоки с острым заточенным концом, привязанный на небольшую веревку; крюк этот называется багор. Крючком он подцепил убитого зверя, после чего стоящий на берегу начинает тянуть за длинную веревку, привязанную к лодке, вытягивая ее на лед. Оснимывал тюленей Някучи точно так же, как и первого. Катры и лапы он бросал точно так же, как и голову, печень и кишки.

В это время началась передвижка тонкого льда при полном почти безветрии. Вероятно, здесь имело значение приливно-отливное течение. Мимо нашего поля со свистом и шипением полз мелко битый лед. Временами льдины, подкидываемые другими, изгибаясь, вылезали на лед и, обламываясь, образовывали невысокую гряду; вскоре против нас не осталось совершенно открытой воды. Делать было нечего, и мы пошли домой пить чай. Вскоре приехал Сахэди. Някучи поехал искать медведя, а мы со стариком пошли смотреть воду. В том месте, где оставалась наша лодка, была видна полынья. Сахэди посчастливилось, и перед самым его носом

выстал тюлень, которого он и убил. Здесь с ним случилось что-то необыкновенное, и, обычно довольно экспансивный, Сахэди здесь обезумел. Он размахивал руками, хватался за лодку и чуть не собирался лезть в воду за зверем. В лодке он тоже вел себя так, что я боялся: лодка вот-вот перевернется. Но так или иначе, тюлень был благополучно доставлен на берег. И этот тюлень был последним, после этого полынья закрылась окончательно. Эту ночь мы ночевали с Сахэди.

14.02. Все закрыто льдом, ходили и вернулись ни с чем. Вскоре приехал Някучи с Хатей (сын Сахэди лет 11), который привез нарту для Сахэди. Кипятили чай, и Наташа жарила оладьи из крупчатки на тюленьем жиру. Затем Някучи и Сахэди уехали. Приехал Нуми Тусида. Мы угостили его чаем, он добыл одного тюленя. Ночевали с Хатей.

15.02. Мы с Наташей пошли посмотреть, нет ли открытой воды, но, хотя водяное небо и было заметно, полыньи найти не могли. Я дошел по тонкому льду до того места, откуда лед шел не толще сантиметра, но воды не было. Делать нечего, вернулись к своему дому. Вскоре приехали Някучи и Сахэди. Някучи, оказалось, убил вчера медведя и теперь отправился за мясом. Сахэди привел мне оленей и нарту, так как сегодня мы собираемся ехать в чум. Сварили кашу, и в это время Сахэди заметил на льду среди торосов медведей. Наскоро поели каши, я сел на его нарту, и мы поехали на лед.

Около торосов оставили оленей и начали скрадывать медведей, они виднелись перед нами шагах в 200. Медведица с двумя медвежатами бродили между торосами, что-то высматривая, временами они останавливались, поворачиваясь боком к нам. Тут, на мой взгляд, старик перестарался. Вместо того, чтобы стрелять с этого расстояния, он начал прыгать от одной льдины к другой, приседать, причем от волнения строил самые невероятные рожи. В результате медведи снялись и пошли. Я предложил бежать вдогонку, и мы побежали. Легкий N-й ветерок относил наш запах, и звери шли довольно спокойно, обходя места с тонким льдом. Тем не менее расстояние между нами не уменьшалось. Наконец, мы уже бежали,

Я взглянул на Сахэди и чуть не засмеялся: так комичен был его вид. Старик отбросил капюшон от малицы. Длинный клочок волос поднялся у него на лбу хохлом, что придавало ему забавный воинственный вид. Нижняя губа, оттянутая постоянным жеванием табака, отвисла и выдавалась вперед. Медведи пошли быстрее, а затем было видно, что они приостановились и потом поплыли, проламывая тонкий лед. Старик уже сдавал. «Беги вперед до тонкого льда и там стреляй!» — крикнул он, и тогда я понесся. Сахэди бежал сзади, и слышно было, как он сопел и пыхтел. Теперь мы уже совершенно не разбирали дороги. Перепрыгивая через неширокую трещину, я подумал, что у меня закружилась голова и я падаю, но в следующий момент я понял, что это гнется лед.

Действительно, лед местами гнулся так, что казалось, мы бежим по пружинному матрасу. Но страха не чувствовалось. Медведи впереди, уменьшающееся расстояние, тонкий лед — все это возбуждало и лишь заставляло быстрее бежать, забывая обо всем. Лишь теперь я осознал, что тогда мы кричали. Кричали, не помню что. Взглянув на Сахэди, я увидел, что рот его широко раскрыт, а глаза, выпученные от напряжения, были полны каких-то безумных страстей. Наконец мы добежали до края поля. Здесь, за грядой невысоких торосов, начинался тоненький ледок, который не мог уже выдержать медведей.

Звери были шагах в 500. Впереди них виднелась полоса толстого льда. Если они на него выйдут, то для нас будут потеряны. Упираю винтовку о льдину и начинаю стрелять. Подбежавший Сахэди открывает пальбу из своей берданки. Стреляем, подняв прицельные рамки, и некоторое время только и слышны беспорядочная трескотня выстрелов да отрывистые восклицания. Наконец, после моего выстрела один из медведей ревет и валится в воду. Собиравшаяся было убежать медведица поворачивается и глядит, что случилось. Она стоит на льду, повернувшись боком, и здесь ее и настигла пуля. К реву медвежонка прибавился еще и ее. Звери ревели, и их рев покрывал свист ветра и шум льдин. Еще после нескольких выстрелов она падает, чтобы не встать больше.

Мы кончили обстрел и собрали гильзы, разбросанные вокруг. Тут лишь я заметил, что сидел в воде. За то время, как мы преследовали медведей, ветер усилился и началась передвижка льда: тонкое поле ползло на нас. Лдины ползли то плавно, то толчками, как будто у ветра не хватало силы сдвинуть их сразу. С шипением изгибались они, становились на ребро и с треском и грохотом обрушивались вниз. Местами одно поле врезалось в другое, раскалывая его, как клин рассекает полено. Нам надо было убираться. После окончания передвижки можно будет найти это место и тогда взять убитого медведя и продолжать преследование живых.

Итак, мы пошли обратно. Теперь приходилось глядеть в оба, так как на пути попадались трещины, которые надо было перепрыгивать. Когда мы прошли полдороги, то увидели, что на берегу Наташа с мальчиком уже отъезжают. А они должны были забрать все шкуры и котелок, а нам, ясно, надо эту ночь остаться на берегу. Кричали, но безуспешно: до них еще версты две. Стреляю в воздух, но с тем же результатом. Опять бежим. Добегаем до нарты, и Сахэди начинает гнать оленей так, что нарта лишь скачет на торосах. Когда мы доехали до берега, то их нарта лишь чернела вдаль. Сахэди пускается в погоню, а я развожу огонь, снимаю пимы и принимаюсь сушить их. Когда старик вернулся, то опять идти на лед было уже поздно. Решили сварить мясо и лечь спать. Но ветер был настолько силен, что совершенно невозможно было развести огонь. Плюнули на это дело и легли спать.

16.02. Рано утром мы вышли на лед. Вместо вчерашнего довольно гладкого поля было сплошное нагромождение торосов. Дол-

го Сахэди не мог найти места; наконец стали попадаться льдинки с нашими следами и, наконец, обломок того места, откуда мы стреляли. Все было буквально перетасовано и сдвинуто. Несколько раз мы пересекли следы обоих медвежат, которые, по-видимому, бродили здесь ночью. Но медведицы мы так и не нашли: вероятно, ее затерло под лед. Опечаленные, мы возвращались на берег. Немного не доходя до берегового барьера торосов, я увидел на льду маленькие дырочки, с невысоким ледяным бугорком вокруг. Сахэди сказал, что это проделывают тюлени.

Здесь мы увидели, что навстречу нам едут Някучи с Манзом. Они вели для нас нарты. С ними мы проехали немного обратно, где Сахэди показал место. Я с Манзом решил поехать на берег, чтобы сварить мясо перед тем, как ехать в чум. Я повернулся и пошел к нарте. Шел я совершенно не разбирая дороги, так как уже привык, что лед, хотя и тонок, но лишь гнется, а не ломается. Опомился я лишь тогда, когда увидел перед собой неширокое пространство, покрытое совершенно черным прозрачным ледком с большими белыми кристаллами вымерзшей пресной воды. Но остановиться я уже не мог; ледок хрустнул, и я со всего разбега ухнул в воду. Мальца не дала мне возможности опомниться, и я совершенно инстинктивно поплыл. После нескольких взмахов я добрался до толстого льда и вылез на него. Оглянулся. Самоеды стояли, как каменные, не зная, что им делать, кричать или бежать ко мне. Чтобы их успокоить, я засмеялся и крикнул, что поеду на берег. Тогда они успокоились и тоже стали смеяться. Сахэди крикнул, чтобы я надел сухие пимы. После он рассказывал, что, провалившись, я поплыл, совсем как собака, а на лед вылез, точно морж.

Вскочив на нарту, я погнал оленей изо всех сил и вскоре был у норы. Здесь я снял пимы и брюки, которые были совсем мокрые. Завязки от пимов уже замерзли, и их пришлось обрезать. Из кальсон воду я выжал, и потом они досохли. В тот момент, когда я «сох» в норе, ко мне заглянул Нуми Тусида. Мои спички совсем намокли, и я закурил у него. Потом я надел пимы и стал складывать на нарту все добро. Наташа прислала мне банку сгущенного молока, и я разогрел банку под мышкой, вскрыл ее и съел. Это меня сильно подкрепило. Тут подъехал Манз, и мы поехали домой. Я удивляюсь, что доехал и не особенно даже замерз. Даже рукавицы остались талыми. Последнее, я думаю, из-за того, что вода была соленая. Но так или иначе, проехав 30 в. при -30° (как потом оказалось), я чувствовал себя совсем хорошо. По приезде в чум, я немедленно разделся и залез в спальный мешок.

Нам предлагают переселиться к Нуми Тусида. Наташа была вначале против, но я сказал ей, что как Някучи, так и Нуми уходят отсюда и нам все равно, с кем уезжать, чтобы приехать на Пясядай, а посмотреть новое хозяйство небезынтересно. Решили, что завтра Вася и Някучи поедут туда и поговорят.

17.02. Утром Езынги, вероятно, под давлением Омдю, выдумал

новое предложение. Сегодня чум будет каслать, а нас отвезут к Нуми Тусида. Такой оборот нас возмутил, и мы сказали, что с его стороны так поступать очень скверно. Вчера мы согласились и сделали праздник, а теперь он обманул нас и не хочет устраивать медвежьего праздника. Это подействовало на обоих, и они сказали, что сегодня мы каслаем, а завтра устроим праздник. Сегодня же Вася с Някучи Уэнонга поехали в чум Тусида подготовить наш приезд. Каслали недалеко, и скоро встали.

18.02. Утром Сахэди и Манз поехали за медвежьим мясом, которое осталось на старом чумовище. Омдю уехал к себе домой. Сегодня он был необыкновенно любезен, предлагал мне взять долю из промысла, так как я помогал Някучи на берегу. От этого я отказался из тех соображений, что пускай лучше Омдю считает себя обязанным мне, нежели самому быть обязанным ему в какой бы то ни было степени. Тогда он стал просить принять в подарок медвежатины. Чтобы не обострять отказом отношений, мы согласились. Но зато оставили Езынги оставшуюся половину мяса, купленную еще при расставании с Омдю.

Някучи поймал пешку для жертвоприношения (между прочим, пешка была не его, а Омдю). Душили ее они оба и я перед священными нартами, на которых лежали свернутые шкуры, и головы убитых медведей. Перед тем, как начать душить оленя, Някучи взял голову медведя и три раза обвел ею вокруг шеи пешки, повторяя: «Если еще убью, то тебе еще пешка будет». После того, как олень был задушен, Някучи принялся свежевать его. Начал он с того, что сделал небольшой прорез на горле пешки, вытащил дыхательное горло и стал за него тянуть, стараясь вытащить легкие, при этом он повторял: «*Тиваксавэй, тиваксавэй*» ('с легким, с легким'); в один момент легкое начало обрываться, и тут Езынги пошел на некоторый обман, прихватив рукой ближе к легкому. Но вскоре одно оборвалось. Някучи сказал, что это ничего: раз вытянул с легким, значит, медведь будет еще.

После этого все начали есть сырое. Решили, что угощение будет устроено в чуме Сахэди, так как он ближе. Туда же вынесли и головы. Выносили их не через дверь, а с противоположной стороны, приподняв край нюки между симса и очагом, положили снежную пластину, которую просунули также под нюку, и на нее уже положили обе медвежьи головы и голову пешки.

Начав свежевать, Езынги осторожно снял пленку, покрывающую внутренность оленя, и этой пленкой обернул голову медведя. (Жертва приносилась лишь одному медведю, Сахэди своему медведю будет устраивать потом). Затем Някучи помазал кровью обе головы, носы у шкур, головки священных нарт, переднюю перекладину и нащепы. Помазать он едва не забыл, и ему напомнила об этом Наташа. Котлы варили отдельно для женщин и для мужчин. Разница была та, что в последнем варились сердце медведя и пешки, которые женщинам есть нельзя. Мясо медведя варится вместе с мясом оленя. При этом из котла для мужчин могут есть

не все мужчины; у меня спросили, нет ли кого у меня недавно умерших. Сахэди есть из того котла не мог, так как у него зимой умерла жена и еще не похоронена. Мы со своей стороны дали компоту, который самоеды очень полюбили. Угощением и закончился медвежий праздник.

19.02. Сегодня мы переехали на новую квартиру. Утром собрали все свое добро, запрягли оленей и поехали; нас сопровождали Сахэди и Някучи. Някучи вернулся с полдороги, встретив Нуми по пути, а Сахэди поехал в чум. До него оказалось около трех прысков, и мы приехали лишь поздно вечером.

20.02. Сегодня каслали. Каслание было очень короткое, и вскоре встали около Хабей-яга.

21.02. В чуме Нуми семь человек. Он с женой, сестра, сын и дочь (от другой жены) и старуха. С ним же живет Ласу Вануйта, старший брат Сэроку Вануйты. Публика очень славная, и женщины, заметив печальное состояние наших рукавиц и пимов, немедленно принялись за их починку. Старуха тоже тип замечательный: несмотря на вечное ворчание, она очень добра и заботлива. Единственный ее недостаток — это то, что она имирячит, вследствие чего иногда вскрикивает так, что невольно вздрогнешь, и, кроме того, она беспрерывно сквернословит: за день она успевает наговорить невероятное количество самой отборной самоедской ругани, и это не со зла, а главным образом, благодаря тому же самому имирячению.

Теперь Нуми Тусида пойдет на свое место к Тамбею, откуда он и передаст нас на западную сторону к Някучи Уэнонга. По дороге мы подойдем к нашим оставленным нартам, чтобы взять нужные вещи, а также будем недалеко от Омдю, где повидаем Костю.

1.03. Вчера и сегодня каслали и сегодня стали на р. Яр-яга. Я не писал целую неделю. Сильно болели глаза. Так как в чуме дымно, то они сильно раздражаются и их больно закрывать. Днем на солнечном свете почти не могу смотреть. 27-го Нуми говорил про Сиртя-сале. Там никаких следов не находят. Вообще находка бронзовых вещей приносит несчастье. Тем не менее женщины носят на *саво* бронзовые, медные и серебряные вещицы. Много *сирти яре* находят на Мотю-яга. Мотю-яга впадает в Вануй-ягу.

2.03. Стоим. Наташа собиралась с Нуми, но сегодня туман, и Нуми сказал, что не найдет каслающего чума. Рассказывал про цингу (см. реальные записи).

3.03. Буран.

4.03. Наташа и Нуми ездили к Омдю. Его не видали и застали чум перед касланием. Костя еще так предполагает, что скоро выедет к Някучи Уэнонга. Наташа съездила к нартам и привезла кое-какие продукты.

5.03. Каслали целый день.

6.03. Опять каслали целый день. К вечеру перешли Тамбей и встали на берегу притока Тамбея — р. Пензевые.

7.03. Нуми Тусида ездил к устью Тамбея, где у него в желез-

ном ящике было оставлено пять оленьих туш. Мясо оказалось украденным. Он подозревает Пирче Окотэтто и Яптика. Нашел три чума явайских самоедов, которые недавно перешли Обскую губу. Один из них — Салиндер и сообщил Нуми Тусиде о пропаже у него мяса. Самого его Тусида не подозревает, так как еще видны следы, как Салиндер подъезжал к ящику.

8.03. Сегодня к нам приезжали гости: Салиндер Яптоко, Салиндер Темко, Салиндер Пядыйна, брат Яптоко. Явай-Яр, живущий у Яптоко, и еще Явай, брат Сундуку Явай, тоже живущий у Яптоко. Темко Салиндер жил на Енисее, он очень разговорчив и, по видимому, много знает. Мы с Наташей ходили к речке, практиковались в глазомерной съемке.

9.03. Наташа с Нуми Тусида и Салиндер Яптоко поехали на место преступления, чтобы составить «протокол». Приехали они довольно поздно, а так как день туманный, то я вывесил фонарь на шесте.

10.03. Писали «протокол» и заявление Нуми Тусида. Он считает, что Салиндер не причастен к преступлению. Относительно нашего продвижения на запад предполагается, что Нуми и Салиндер поедут к Някучи Уэнонга и приведут оленей, затем Салиндер скаскает немного к хребту и дальше вывезет нас на легкой. Пожить у него в чуме будет небезынтересно.

12.03. На противоположной стороне чума есть *нгытарма* — это изображение умершего шамана. В данном случае это отец Нуми и Нябоко. В чуме, ушедшем в Обдорск, есть другой *нгытарма* — дед Нуми. Изображение деревянное, длинной дюймов 10, одетое в суконовый гусь. Его кормят кровью, маслом и пр., а во время касания он ездит в маленькой нарточке, которую ставят на одну из *вандако*. Слово *нгытарма* Кастрен переводит как «шаман после смерти». Мне кажется, что это слово можно с большей вероятностью сблизить со словом *нойд*. Меня смущало, что название шамана у самоедов отлично от вогул и др., но это сближение уничтожает разницу. *Нгытарма* приносит счастье и его всегда необходимо иметь в чуме.

13.03. Сегодня был необыкновенно прекрасный разговор с Нябоко. Мы с Наташей начали расспрашивать о собаках. Вещи узнали совершенно изумительные. Здесь я не буду повторять всего, что записано в тетради реальных записей, и остановлюсь лишь на некоторых моментах. Прежде всего надо оговориться, что мать нашей Нябоко — остячка и могла передать своей дочери чисто остячские элементы в веровании. Следовательно, все это надо проверить в других чумах, и именно самоедских. Миф о происхождении собаки, ее первоначальной самостоятельности и последующем переходе к человеку буквально повторяет соответствующие вогульские мифы; точно так же обстоит дело с представлением, что собака, с одной стороны, видит духов и предупреждает хозяина о них, а с другой стороны, в образе же собаки являются болезни.

Помню этого сестра Нуми сказала, что собака — это дух, и злой, и что каждая собака шаманит. У собак есть хозяин '*вен мир метта нгылико*' злой дух, против которого шаманы совершенно бессильны. Неувязку, что собака, с одной стороны, помогает человеку, а с другой стороны — злой дух, она объяснила так. Человек, воспитывая собаку, кормя ее и обращаясь с ней ласково, получает тем самым власть над ней и может запретить ей делать вред человеку. Но лишь только он начнет обращаться плохо с собакой и бить ее, как теряет власть над ней, и такой человек кончит плохо. Таким образом, человек чувствует себя слабей собаки, которая превосходит его своей таинственной силой.

Мне кажется, что это представление очень древнее и возможно, что относится ко временам, когда собака была еще диким зверем, жившим самостоятельно и приходившим к стоянкам людей подбирать остатки от их стола. Тогда собака была самостоятельна, и, мало того, она зачастую была более искусна в охоте. Впоследствии человек приручил ее или, вернее, получился симбиоз, оба члена которого были совершенно равноправны. Опять-таки и здесь собака превосходила человека охотничьей сметкой, чутьем, зрением и неустанностью. Она была сильнее человека. Впоследствии это сознание ее превосходства осталось в верованиях, осталось в шаманстве.

14.03. Сегодня я спрашивал Нябоко о собачьих именах. Оказалось, что в сущности это не имена, а классификация по масти. Названия даются смотря по цвету и расположению пятен. Всего у меня записано около 25 названий и, вероятно, это еще не все. Позднее вечером спрашивал у нее кое-какие подробности. Оказалось, что собаку, убитую на жертвенном месте, не едят, и лишь шкуру ее и голову оставляют там, а мясо бросают. Кровью ее мажут нарту. Завтра мы переезжаем в чум к Салиндеру.

15.03. Сегодня совершилось переселение. Салиндер — довольно богатый самоед, но когда он перешел на Обскую губу, то у него потерялись почти все пешки, сотня быков и неизвестно сколько важенков. Сейчас у него почти нет дров, кончилась мука и совершенно выбились олени. Чумы маленькие, холодные и довольно неприветливые. Но все же у него сохранилось некоторое количество масла и сушки, чем он и угощал нас по приезду.

19.03. Жили все это время в чуме Салиндера. 16.03 каслали, но недалеко. Эти дни все время буран. Ждем Нуми Тусиду. В соседнем чуме у Яра есть трубка, которую он купил на Ёнисее у Манту за песка. Трубка железная, с орнаментом и насечкой; для прочистки трубки сделан милей, тоже железный, с тонкой длинной головкой и с медными инкрустациями. Едим два раза в день и очень скверно: мясо совершенно не жирное, да еще плохо сваренное. Оба мы сильно постошали и, вероятно, от этого все время холодно.

20—21.03. Сегодня буран стих, и приехал Нуми и Сэроку Вануйто, который был у него в чуме. Теперь Вануйто едет домой.

Оказалось, что Омдю стоит в одном попрыске, и Костя еще живет у него. На Пясадай, говорит, есть промысел, и там стоит несколько чумов. Мы взяли Сэроку в оборот, чтобы он отвез нас в чум Омдю. Здесь нас угостили языком, маслом, сухарями, а на ночь мне дали ягушку Езынги. Завтра поедет к Някучи Уэнонга, до которого два попрыска.

22.03. Утром согнали оленей и поехали. День солнечный и довольно теплый. Действительно, до Някучи оказалось недалеко, и вскоре мы приехали к чуму. Собирались было ехать сегодня же дальше, но Някучи не оказалось дома. В ожидании его прошел день, и мы легли спать. Выходя на улицу, я заметил в первый раз, что на севере горела тоненькая полоска зарн.

23.03. Выехали в чум Тырцы Хаби. Застали его кастающим. Это один из самых медлительных чумов. Приехали мы, солнце стояло еще очень высоко, и чумы были уже поставлены. Но лишь к темноте в них развели огонь. Тырцы сейчас уходит в вершину Пясядая, так что у него плохо с топливом, а здесь почти нет черного мха. По его словам, около берега стоит Хавы Яптик, к которому он и вызвался отвезти нас завтра. Тырцы говорит, что открытой воды нет, и никто не промышляет.

24.03. Выехали к Хавы Яптик. Когда мы приехали, то никого из мужчин не было дома, а в чуме не было ни щепочки дерева. Мха для топлива здесь нет. Вид у чума был довольно угнетающий. Довольно скоро приехал Хавы и привез немного плавнику. Относительно того, стоит ли нам выезжать на берег и жить там, как мы предполагали раньше, наши мнения разошлись. Наташа говорила, что да, стоит, что, может быть, через некоторое время откроется вода. Потом же за нами кто-нибудь спустит оленей. Мы с Костей были против, говоря, что на открытую воду надежды нет, все чумы уходят, и потом, гонять оленей за нами и нашим грузом никто не станет.

25.03. Сегодня буран, никуда ехать нельзя, и сидим в чуме. Хавы рассказывал, что Нум сделал лишь настоящих людей *ненэй ненэц*, а русские — это дети подземного духа *нга*. Точно так же и лошадь, и все однокопытные животные — это выходцы нижнего мира. Мамонт — это олень *нга* (см. реальные записи). Сейчас здесь большое дело: у Тырцы Хаби пропал из капкана песец. К вечеру буран начал стихать и к ночи прекратился.

26.03. Сегодня ясный, безветренный день. Ездили на берег. Хавы показывал, где прошлый раз была открытая вода. Между прочим, я заговорил об устье Тиутей, и он, нарисовав на снегу карту берега, рассказал, что стоянка сирти мя находится на левом берегу реки, ниже устья реки Сар-яга. На мысу имеются две солки, на которых и жили сирти. Далее Хавы обещал нарисовать соответствующую карту. На обратном пути мы захватили собранный им раньше плавник. До чума всего попрыск, и вскоре мы были уже дома.

Здесь стояли нарты Тырцы и Печ Хаби, Ламмку и Вытарма Яптиков. Приехали они по поводу песка. Пока мы пили чай, они на улице обсуждали это дело. Наташу затем позвали. Вскоре она вернулась очень взволнованная и бросила что-то в огонь. Оказалось, что самоеды приносили присягу на песцовом языке. Его разрезали на кусочки, и каждый из присутствующих съел, говоря, что если он врет, то пусть потом заболит. С оставшимся кусочком не знали, что делать, и Хавы сказал, что его надо сжечь, что и поручили Наташе. (Впоследствии Някучи Уэнонга и Сэр Пивы порознь говорили, что со стороны Хавы это была уловка. Раз остаток сожжен, то присяга уже не действительна и последствия не скажутся). По окончании этого мы выехали обратно в чум Тырцы Хаби. Приехали мы уже ночью. Угощали нас оленьими языками, и мы, сытые и довольные, легли спать.

27.03. Сегодня каслали на W, прошли попрыска три. По дороге видели сову. От теперешнего нашего становища близко до чумов Омдю Окотэтто и Някучи Уэнонга. Решено, что завтра Наташа поедет к Омдю поговорить, нельзя ли нам будет устроиться у него. Тырцы беден, и ему трудно будет нас держать у себя, так как у нас теперь осталось лишь немного муки да крупы на несколько каш.

28.03. Буранит. Наташа уехала к Омдю с тем, чтобы потом проехать к Някучи и взять там наш заячий жир да достать хоть одну запряжку оленей.

29.03. Вернулась Наташа. Омдю отказал под тем предлогом, что он все лето возил русских, и теперь у него олени измучены. Летом он просит нас к себе, но теперь — нет. Жир Наташа привезла, а также трех рыб, которых подарил Някучи. Последний ездил на юг навстречу приходящим чумам, а там достал рыбы. Някучи после прошлого разговора очень мил, и у него Наташа узнала много интересных вещей про сиртя. Оказалось, что сестра деда Някучи была замужем за сиртя (см. реальные записи). Някучи говорил, что они жили на берегу моря, где занимались морским промыслом, и что на мысу Тиутсо-сале лежит полувывытый из обрыва морж со шкурой. На мысу и в обрыве мыса самоеды находят бронзовые вещицы.

21.04. Живем в чуме Тырцы. Никуда за это время не каслали, и Тырцы каждый день ездит за диким оленем и добывает почти каждый раз. Вчера зашел разговор о русалках. Это — народ, живущий в воде, причем женщины русалок (собственно *Пар не*) заманивают к себе мужчин людей. Жена Печ Хаби начала сказку, в которой говорится, как русалка грозит женщине, что она ее всю истребляет, если женщина будет отманывать своего мужа от русалки.

Мне приходит в голову сопоставить Пар-нэ, то есть Пар-женщина с Пор хум (махум), то есть Поры-мужчина (так называются мужчины земной группы вогул). Откинув слова нэ 'женщина' (вог. — нэ) и хум 'мужчина', мы получим как бы имя соб-

ственное Пор (сам.) и Пору (вог.). Сближение этих последних слов заставляет предполагать их общее происхождение. Далее сиртя или *урч* (так назвал Наташе Песимо Окоэтто на Парнэ-сале народ, кому и принадлежало жертвенное место); с этими словами сопоставим вогульское *уччи*. Урч, уччи заставляют искать объяснения для своей близости.

Безусловно, самоедов следует разбить на две группы: Вануйто и Окоэтто. К первым отойдут, как известно, Уэнонги и Яптики. Интересно было бы иметь измерения этой группы и сопоставить их с данными по осяткам и вогулам, особо от группы Окоэтто. В настоящее время Салиндеры считаются за один род, но, по словам Нуми Тусиды и его сестры, а также явайских самоедов, можно заключить, что сюда вошли осятки, жившие раньше или на мысу между Полуем и Шайтанкой, или даже на Ангальском мысу, то есть прежнее население Обдорска. Под именем Салиндеров и Хабин теперь понимаются осятки совершенно разных фамилий (так, напр., явайский Салиндер — родственник и близкий Тайшину). Тем не менее род Салиндер принял признаки настоящего рода и даже экзогамность.

Таким образом, и вогульские тотемные группы при их экзогамности не следует рассматривать как настоящие монолитные роды. В больших же разделах племен, как самоедском (Окоэтто, Вануйто) и вогульском (Мощ, Пор), это проглядывает с еще большей силой. Обе самоедские группы экзогамны, но каждая состоит из вполне самостоятельных родов. Точно так же и обе вогульские группы состоят из отдельных тотемных и иных объединений, из которых каждое имеет своего «священного предка» (*ялпинг обрац*). У вогул и эти объединения не составляют из себя кровных родов, они объединены скорее территориально и состоят из отдельных фамилий.

Является мысль, нельзя ли рассматривать раздвоение обоих племен как результат слияния двух этнических групп (так, вог. Пору хум махум 'земные люди' и Мощ хум махум 'небесные люди'). Тем более, что у самоедов группа Вануйта мала не только в настоящее время, но и, по преданиям, они никогда не были крупной. Здесь можно предположить образование этой группы путем слияния авангардной ветви самоедского движения с легендарными сиртя. А народ русалок? Не есть ли это «ушедшие» в воду прежние обитатели, как сирти в настоящее время живут под землей? Таким образом, сопоставление названий *Пар*, *Пору* дает нам повод к предположению о прежнем названии этого исчезнувшего племени. Л. Я.²⁶ сближал также и Погъёла из Калевалы, и возможно, что *Пог* — это то же, что и Пар, Пору.

1.05. Вчера и третьего дня был буран. У Кости флюс, и он почти не может говорить. Когда я попробовал выйти из палатки, то оказалось, что вход засыпало на метр. Кое-как вылез и затем

²⁶ Л. Штериберг — известный советский этнограф.

разгреб снег лопатой. Второй день немного болят десны и слегка кровоточат. Плюнул на снег, и слюна совсем красная от крови. Надо больше двигаться. Вечером затопил печку, было очень тепло. Погрелись за все последние дни. Костя сидел у самой печки голый, прикрыв спину малицей, и прожаривал подошвы и флюс. Туго ему приходится. За время бурана чинил чехол от винчестера, порванный оленем, и читал «Ластопригоны» Смирнова. Теперь ночи уже совсем нет. Солнце лишь едва скрывается за горизонтом и опять идет кверху. Когда мы 8.04 приехали сюда, то тогда ночью еще видны были звезды 2-й и 3-й величины. Жаль, что с этой проклятой эпидемией задержится, а то, может, и вовсе не придет почта. Хорошо бы получить ее к пасхе. Но это — «Оставьте ваши надежды...»

2—3.05. Вчера и сегодня стоит довольно хорошая погода. Раскопки наши приходят к концу, но брезента все еще не нашли.

4.05. У Кости прорвался флюс, но он еще не выходит. Утром покопал, пока он варил завтрак. Под вечер я услышал, что кто-то приехал, выхожу — оказывается, Наташа. Она привезла еще хлеба и почту! Но оказалось, что ни ей, ни мне писем из дома нет. Вероятно, они до нас еще не дошли. Не знаю, получим ли вообще. Костя получил несколько писем, а кроме того, пришло письмо от В. Г. Богораза (11.02) и Евладова²⁷. Оказалось, что В. Г. задержался за границей и только лишь приехал. В Америке у него было 30 докладов, и он очень много, по-видимому, сделал. Письмо он писал не сам, а поручил Кислякову, так как сам сейчас крайне занят и поехал в Москву.

С оспой пока ничего нового не слышно; олени у всех выбиты из сил окончательно. Мы сговорились с Наташей, что дней через 4—5 она прилетит за нами нарты, чтобы вывезти на Пясядай. «Дальше, — она сказала, — сейчас будет ехать невозможно, а чу-мы пойдут на Тнутей лишь после отела». Так как такой поздний переход туда меня не устраивает, то я решил идти пешком, взяв с собой лишь самые необходимые вещи. Когда напились чаю и наговорились обо всем, мы начали отбирать Наташе те вещи, которые она хотела взять теперь. Между прочим, она подхватила чесотку и весьма этим обеспокоена. Уехали они уже утром. После их отъезда мы напились чаю и легли спать. Ясно, Т — 22°.

5.05. Только-только я успел заснуть, как опять приехал кто-то. Оказалось, что Сахэди Уэнонга и Ламдин. Я был обозлен, что они приехали в такой неурочный час, но все же пришлось вставать и поить их чаем. Потом они начали просить хлеба, табаку, масла и т. д., — все то, на что только падал их взор. Я им в той же последовательности отказывал и был очень рад, когда они уехали. Надо сказать, что В. Г. Богораз был так любезен, что прислал коробку с печеньем и конфетами. Когда гости приехали, она стояла на ящичке, изображающем стол. Ламдин немедленно

²⁷ См. прим. 18.

запустил в эту коробку руку, и через момент от ее содержимого осталось лишь воспоминание. Конфет было жаль, но ничего поделаться нельзя. После их отъезда я опять лег спать. Проснулись мы уже далеко за полдень. Бураило, и потому на улице разбирать вещи было нельзя. Я кончал починку чехла от ружья, а Костя читал «Биологию птиц». Вечером жарили олениный язык.

6.05. Буран. Я совершенно забыл написать: Наташа говорила, что прилетели куропатки, и она видела несколько штук. Также прилетели *лэ'иор*. А птица, виденная нами, по объяснению самоедов, вероятно, *нгуер*. После полудня буран начал стихать, и мы принялись за разборку вещей. За время буранов их совершенно замело, и пришлось их предварительно раскапывать и оббивать. Складывали их на поставленные в ряд нарты. Эту работу кончили уже за полночь и, поужинав, легли спать. Надо сказать, что действие полярного дня начинает сказываться. За эти дни мы уже начали сбиваться с распределения дня и ночи, что же будет дальше.

Еще забыл. Самоеды уговаривали Наташу вывезти вещи на устье Тамбея. Дело в том, что туда каждый год приходит пароход (это, вероятно, обстановочный, который ставит знаки), и оттуда нас уже наверняка могут снять. Вначале мы согласились на это предложение, но потом мы с Костей все это обсудили и увидели, что это невозможно. Летом мы будем работать в проливе и на о. Белом и оттуда ехать на Тамбей с грузом из зоологических и пр. коллекций невозможно. Да и пойдут-то на базу всего нарта или две, преимущественно с мягкой рухлядью, из-за этого раскидывать вещи еще в одно место, кроме прочих, не годится.

7.05. Только лишь мы успели кончить завтрак, как на улице послышалось звяканье упряжи и скрип нарт на снегу. Выскакиваю — три нарты, приехали двое мужчин и одна женщина. Оказывается, приехали за нами. Передают записку от Васи. Пишет, что есть возможность попасть на Тиутей, и надо спешить. Хорошо спешить, но как, когда, вещи еще не разобраны. Выкладываю свои соображения самоедам. Говорят, что будут ждать. Ну, хорошо. Поним их чаем и после идем к вещам. Начинаю разборку, кладу в три группы: а) что пойдет с нами немедленно, б) что идет во вторую очередь и будет отправлено с попутными чумами и в) нарта с лишней одеждой и продовольствием на лето и остатками обменного фонда. С собой мы решили взять минимальный запас продовольствия: 25 ф. макарон, 5 ф. масла, 5 ф. крупы, банку какао. 3 банки молока, 1 ф. шоколаду на дорогу и 4 банки мясных консервов, немного соли и 10 ф. сахару, чай и пр. Затем — палатка, кое-какая одежда, ружье, минимум пороха, дробин, свинца, из снаряжения — воздушный сачок, морилка, хлороформ, мышьяк. По дороге предполагаю забрать лодку.

8.05. Наконец вещи были более или менее разобраны. Костя ушел кипятить чай и варить макароны, вскоре за ним в палатку отправились и самоеды, я остался доканчивать разборку и уклад-

ку вещей на нарты. Покончив с этим, иду в палатку, где уже жарко тошится печь и кипит котелок. Самоеды спят, и хорошо, так как по крайней мере не волнуются, что олени целые сутки стоят привязанные. На улице уже день, и я лишь тогда сообразил, что ночь прошла, когда стало совсем светло. Пасмурно, и заход солнца на какой-то час почти не отражается в общем сером освещении. Т — 12°. Трапеза (не знаю, что это — ужин, обед или завтрак) была роскошная. Большой чайник чаю с сахаром, вдоволь хлеба, хорошо оттаявшего у печки, растопленное масло и полный котелок макарон. Все ели до изнеможения. Я сначала скинул майку, потом свитер, а вскоре за ним последовала и полосатка. Давно не было так жарко. Поев, насытившись и покурив, быстро сложили палатку, нагрузили нарты и двинулись в путь. Из запряжек обоих мужчин взяли по оленю и сделали грузовую нарту. Что не вошло в нее — легло на три легковых.

Ехать надо было всего три попрыска до Айвалы-яга, и олени, чуя дом, шли хорошо. За время дороги разъяснилось, и когда мы приехали, то солнце весело блестело на небе. В чуме нас угощали белым хлебом, маслом и сахаром, и всего было много. Попили чаю — согнали оленей, запрягли — и дальше, в чум Хаю Сэр Пивы. Здесь еще три попрыска. У Хаю опять напились чаю с сушками, и он привез нас к Енею, до которого около двух попрысков. Уже в полночь мы приехали в чум. Немного буранило. Наташи здесь не было, она у Някучи Уэнонга. Когда сели пить чай, приехала и она. После чаю легли, но еще долго обсуждали наше положение. Положение, действительно, не из легких. Олени у самоедов вдрызг измучены, сами они болеют, и в воздухе носятся слухи о войне, которые мы старательно опровергаем.

Наташа, было, вздумала у Хаю в чуме вытащить антропометр, и последний пришел буквально в ужас (еще мне он изливался, что Наташа хочет мерить женщин и детей, от чего они непременно перемрут). Вася, который так стремился заняться бюджетами, заложил лишь шесть штук и теперь частенько поговаривает, что поедет в Обдорск. Решили, что базу перенесем на устье Яды, вопреки желаниям самоедов, туда же поедет и Костя. Яды тем удобно, что если придет шхуна из Архангельска, то придет к Пайнте, а туда с устья Яды вещи перебросить можно. Точно так же, если даже «Прибой» не сможет из-за льда подойти к Яды-ага, где он должен продолжать съемку, он все же будет около Поэлово, а туда вещи перебросить опять-таки можно. Наташа тоже потом поедет на Яды, где будет много самоедов, я теперь пойду на Тнутей, повезут ли меня или нет, все равно, а Вася вскоре должен отправиться в Маре-сале за шлюпкой. Он хочет взять с собой Теньку Тусида и еще одного самоеда, которые очень хотят ехать из-за возможного промысла на обратном пути.

9.05. В. Пясядай. Когда встали и напились чаю, был уже день. К тому же буранило, и Еней не особенно торопился ехать, до Някучи здесь совсем близко. Выехали уже под вечер, Вася был

в чуме, и от него я узнал весь предлагаемый им план. Омдю Уэнонга скоро идет на Тиутей-ягад, но не к устью. Во всяком случае, это — единственная возможность. Ну что ж, поеду, а там, в случае чего, и пешком. Но Омдю наотрез отказался взять кого-либо к себе в чум, и потому теперь будет, вероятно, скандал. Поедем мы с Васей сегодня же. У Васи «Вестник знания» за 1928 г., и я с жадностью набросился на чтение. Внезапно приехал сам Омдю, и начались переговоры. Он отговаривается, что пойдет на хребет, а на Содор-яга стоит Ситти Яптик, к которому он меня и повезет. Но у Ситти олени совершенно измучены, так как он долго простоял на Тиутей-яга, где нет мху, и они у него дошли до такого состояния, что многих пришлось везти на нартах. Поэтому мы отказываемся от Ситти. Жена Някучи потихоньку сказала, что Омдю отвезти может, и я твердо решил ехать к нему. После его отъезда я начал отбирать из имевшихся здесь нарт нужные мне вещи, а тем временем ловили оленей и запрягали нарты. Еще раз поели мяса и бульона, я распрощался с Наташей и с Костей и отправился к Ламо Яптик, который должен отвезти к Омдю. Когда мы выехали (со мной Вася и Тенька), солнце уже поднялось над горизонтом, ехать надо было два попрыска. Проехали без всяких приключений, если не считать, что у Теньки чуть было не убежали олени, когда он отошел в сторону и не привязал их. Но мне удалось догнать и влезть на грузовую нарту, с которой затем перескочил на легковую. В чумах все спали, и я тоже лег спать в чуме Ламо Яптика.

10.05. Вася поехал занимать мне хлеб в соседних чумах, так как все наше добро, в том числе хлеб и сухари, в чуме Поса, куда при экстренности моего отъезда съездить некогда. Кроме того, он должен доставить лодку. Я днем сидел и читал «Вестник знания», а под вечер принялся чинить собачью нарту, у которой сломано два копыла, левый нащеп и два вязака. Присел я и не заметил, что присидел до утра. Ночью приехал Вася и самоеды. Он привез 40 хлебов, т. е. окбдо 5 п., взял из 10%, т. е. отдать надо будет 44 хлеба. Этого хватит. Лодку не привез, так как она была в стороне. Пришлось стоваривать на это дело Ламо. За доставку лодки и за дрова (у него еще раньше покупали) запросил 15 хлебов, но за 14 согласился. Меня решили везти сейчас же, так как Омдю будет каслать, и тогда догнать его будет трудно.

11.05. До Омдю два больших попрыска. Проехали благополучно. Дорогой видели сову и след куропатки. В чуме еще спали, но поднялись, чтобы вскипятить чай. После чая все легли спать снова, в том числе, конечно, и я. Когда я проснулся, было уже поздно, и собирались каслать. Пока разбирали чумы, я присел чинить поломанную ружейную доску. Когда я кончил ее, то анасы были уже запряжены. Вскоре двинулись в путь. Я ехал на маленькой нарте, а собачья была у меня на привязке. Каслали попрыска на три и остановились, перейдя Содор-яга, на одном из ее ручьев, выбега для чумовища небольшой мысок. Здесь, за Содором, начал пона-

даться кустарничек, правда, совершенно маленький, но все же кое-где поднимающийся из-под снега. Верхушки холмов и мысков, обращенные на солнечную сторону, черные. Вероятно, тонкий, и так сдуваемый снег теперь подтаял на солнце. В нашем чуме кроме самого Омдю еще его жена (сестра Някучи Уэнонга), сестра, дочь и мальчик Сэрако. У сестры парализована левая нога, так что она едва передвигается самостоятельно с места на место. Самого Омдю не было, и потому я помогал ставить чум.

12.05. Весь день сегодня сижу и пишу свой здорово запущенный дневник. Отдал починить свои вторые чижик, и к ним мне старуха пришла новые головки. Подарил ей сукна для отделки. Вечером приехали гости из чума, который у нас вчера остался в стро-
роне. Завтра будем каслать.

13.05. Собрались сегодня довольно рано. Каслали SSO и, пройдя попрыска два, встали около одного из притоков Пуйко-яга. День сегодня был очень теплый, но к ночи при ясном небе захолодало. Поставили чум и напились чаю. После чего собрались везти в чум Ситти Яптика и дальше к Тумдыяк Окотэтто. Когда нарты были готовы, я стал со всеми прощаться; бабушка сидела на нарте, и когда я подошел к ней, она сказала, указывая на небо: «Вот, дружок, новый месяц, это ты *ниць ирий*, теперь олени телиться начнут». Я взглянул по направлению ее руки и действительно увидел тоненький серпик луны. До Ситти (Сэв ню) было совершенно близко. С нашего чумовища его чума не было видно лишь из-за пригорка. Когда мы подъезжали, то на соседней сопке увидели сову, от нас она была шагах в 200. Я выстрелил, но обнзил: в сумерках ночи белая птица на белом фоне была плохо заметна, и пуля ударила дюйма на 4 ниже. Ситти не было в чуме, но вскоре он приехал. Здесь мы пили чай с большим хлебом и маслом, после которого перегрузили нарту и двинулись дальше.

14.05. Пал туман, и все долины были им заполнены. Вершины сопки выделялись отдельными куполами, розовевшими в лучах уже поднявшегося солнца. Штиль, и Т, вероятно, за -25° . До Окотэтто попрыска два. Он еще не спал, и потому не пришлось ждать, пока раскочаются кипятить чай. Завтра он собирается каслать навстречу своему пришедшему брату, который стоит около вершины Пуги-яга. Попив чаю, мы легли спать, а мои проводники поехали домой. В чуме Тумдыси кроме него самого и жены только лишь четверо детей, и я не понимаю, как они-каслали и ставили чум. Утром, когда мы собирались, я услышал знакомое посвистывание. Спросил, что это за птица. Оказалось, что лэ' мор, причем они различают снежного, который уже прилетал, и другого, который прилетит еще недели через две. Вскоре я увидел и самих птичек, парочка которых перепархивала на проталинах. Значит, этот же самый лэ'мор пролетал и над нашей палаткой на Яды-яга. Во время каслания я вел свой анас из трех нарт, одну грузовую занял у Окотэтто, а лодку положил на маленькую собачью. На полпути нам навстречу попался какой-то самоед. Это оказался млад-

ший брат Тумдыси, в чум которого мы и едем. У Тумдыси уже две пешки. Во время каслания их везут на нарте, причем важеньки следуют неотрывно сзади, подходя время от времени, и обнюхивая своих телят. Последние еще нескладные и очень забавно бегают на своих спичечных ножках. К вечеру пришли к чуму.

Своего чума ставить не стали, а сначала напились чаю. Угощали всем, что только было: хлеб белый и черный, сушки, масло, сахар. После чаю чум сняли и на его место поставили один большой. Надо сказать, что у пришедших чум был поставлен на скорую руку. Теперь же поставили большой чум, причем симка была взята с нарт пришедшего. У младшего брата умерла жена, и из женщин с ним лишь мать. Недалеко от нашего чумовища стоят Сэв Яптик Ладукей и еще Яптик.

15.05. Сегодня ездили в гости. Сэв Яптик на вид довольно скрипучий старикашка, по-видимому, во многом похожий на Няруй Хороля. Держит себя с большой важностью, хотя ростом всего не более двух аршин. Кололи оленей, и я поел немного, больше из вежливости, так как оленьё мясо мне порядком-таки надоело. Пока еще моего положения самоеды не обсуждали, и лишь время от времени кто-нибудь из них спрашивает меня, долго ли я собираюсь жить здесь и не проживу ли я здесь этот месяц. Я каждый раз отвечаю, что не могу и что главное начальство по бумаге приказало мне жить на устье Тиутей-яга. Отсюда по Тиутей попрысков 9 (может немного меньше), и доехать туда, конечно, нелегко. Но во всяком случае я, если только это будет нужно, пойду пешком. Снаряжение мое для этого вполне приспособлено, и это будет нетрудно. Объявляю я это самоедам завтра, если представится случай.

С нами приехали два Яптика. За чаем они долго ругались по поводу продовольствия, что один другому не хочет платить долг. Я думал, что у них дело дойдет даже до драки. Но наконец Яптики уехали, у нас опять начался разговор. Тумдыси начал просить, чтобы я пожил у него две недели, но я не соглашался. Он начал говорить, что у него измученные олени, что надо будет послать «бумагу». Пока так ни до чего существенного не договорились. Олени у него действительно измучены. Сегодня угощали морожеными омулями. После зимы эта рыба была в высшей степени приятна.

16.05. Случай представился. Сегодня меня опять спросили, не проживу ли я этот месяц. Я сказал, что нет. Выступили старые возражения. 1. Как будешь без чума? — Ответ: есть палатка. 2. Как будешь без самоедов? — Ответ: проживу один. 3. Замерзнешь. — Ответ: не замерзну, жил уже не однажды и в более холодную погоду. Теперь я сказал, что пойду пешком и вышел на улицу готовить нарты. У маленькой нарты надо было сделать новый передний вязок. Когда я укладывал нарты, то пришли самоеды. Снова те же разговоры. Я сказал, что не могу жить в чуме, так как потом буду работать с ядом и боюсь, что отравятся дети и собаки. Нако-

пец Тумдыси начал говорить, что у него плохие олени и он может дать четырех, а шесть штук надо взять у Амдю и туда послать «бумагу», так как без нее он оленей не даст. Вера в «бумагу» здесь поразительна. Что ж, дам ему письменную благодарность за доставку оленей. Мужчины вскоре куда-то уехали. Вероятно, к Яптику. Последний сегодня каслает на W, т. е. в нужном мне направлении. Посмотрим, какие будут результаты этих совещаний.

Тумдыси сказал, что Сэв Яптик скасала на W попрыска на полтора. Решили, что он ответит меня туда, чтобы далее везли Амдю и Есен Окотэтто. Между прочим он спросил меня, где на устье Тнутей-яга я собираюсь жить. Я сказал, что пока еще не знаю, но думаю, что около устья Сэр-яга. Тумдыси сказал, что это далеко от моря, это один длинный летний попрыск (или зимний короткий). Тогда я попросил его нарисовать карту, и он нарисовал самое устье Тнутей-яга в крупном масштабе с указанием сопок. Рисовали оба: Тумдыси и его брат. Только сейчас я понял, как они изображают возвышенности. Они рисуют просто профиль горы. На мысу они накрутили какую-то кучку — это Тнутей-хаэ (рис. 8).

Тут Тумдыси спросил, знаю ли я его имя. Я сказал, что знаю. «Ну, как?» — «Тумдыси, не так ли?» — «Да, а его — Химми», — сказал он, указывая на брата. Затем они подробно рассказали, в какой речке лучше ставить лодку. «А к жертвеннику выйдешь, — говорил Химми, — тут тебе весь берег будет видно хорошо, где тюлени лежат — сразу увидишь».

«А что, — спросил я, — правду говорят, что здесь раньше сирти жили?» — «Это правда, от их дома еще и теперь след сохранился. Здесь еще сопочка есть, — тут Химми нарисовал сопочку, — так на ней они и жили». Теперь я узнал все, что мне было нужно.

«Я видел, у тебя капканы есть, — продолжал самоед, так ты сов ловить будешь. Выберешь небольшие кочки и на них настожишь, а сверху травой притрусишь. Сова любит сидеть на кочках, она как сядет — так сразу на капкан». Говоря это, Химми сделал в стороне от реки пять точек, которые должны были изображать капканы, затем вырвал из травяной циновки несколько былинки и для наглядности положил на точки. Это была трава, прикрывающая капканы. «А на гусей как ставить?» — «Гуси, те на хребте не любят. На них надо на отмели ставить. Выроешь яму и в нее капкан, а сверху тоже травой прикроешь, вот так».

Карту со всеми добавлениями рисовал преимущественно Химми по указаниям старшего брата, но по временам к последнему переходил и карандаш. Увидя, что самоеды разошлись, я попросил Химми нарисовать что-нибудь, хотя бы сову. Он согласился с большой готовностью. Много сил и времени он употребил на изображение крючковатого носа совы и ее громадных когтей, на остальное он обратил лишь небольшое внимание. Вследствие чего сова у него вышла мало похожей на птицу, но это не смутило художника. Затем перешли к более сложному. Я попросил нарисовать сцену охоты за нерпой. Химми изобразил нерпу, лежащую

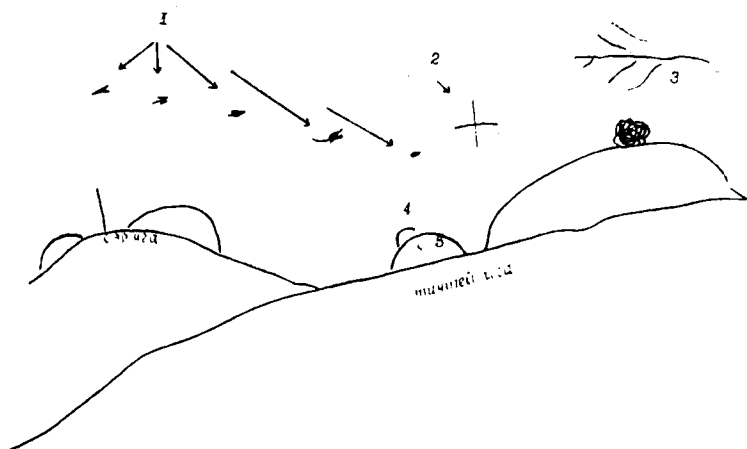

Рис. 8. Земля сирти: 1 — капканы на сову; 2 — тамга; 3 — ручей; 4 — сирти ма; 5 — сирти седа. Схема нарисована ненцами Тумдыси и Химми Окотэтто, п-ов Ямал, 1928—1929 гг. (д. 7, л. 186)

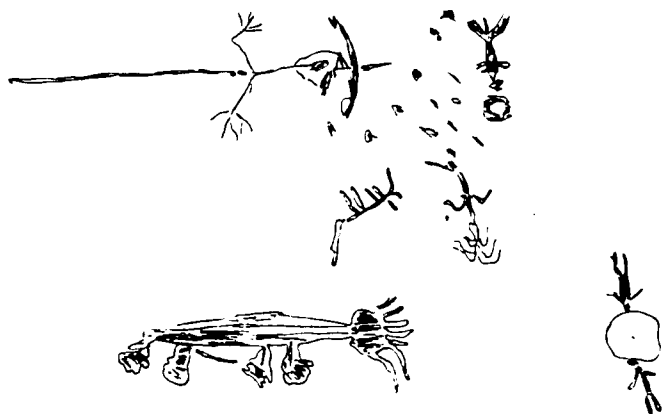

Рис. 9. Рисунки ненцев Ямала, 1928—1929 гг.; (д. 7, вкладыш 15)

у отдушны, и человека, подкрадывающегося к ней с ружьем. «Видишь, доска должна быть темная, простая деревянная. без материи хорошо, а то нерпа белую доску за медведя принимает».

Далее рисунок начал развиваться кинематографически. Самоед изобразил следы человека от доски к убитой нерпе, кусочки пе-

чекки и легкого на льду и чайку, прилетевшую их клевать; вслед за чайкой пришел и песец. Голову нерпы надо бросить в воду, но прежде вырвать глаза, иначе потом нерпы не добудешь. Глаза — тоже в воду, так их бросать не следует. Печенку и легкие нарежешь кусками и бросишь на льду, прилетят чайки — есть будут. Она тоже есть хочет.

— А чайку убивать нельзя?

— Нет, не надо ее убивать, нехорошо.

Теперь карандаш перешел к Тумдыси, который нарисовал в стороне еще отдушину и у нее двух нерп.

— У большой дыры их по две бывает, — пояснил он.

В заключение Химми нарисовал моржа. Правда, он вышел похожим на муху или комара под большим увеличением, по тем не менее художники были весьма довольны. К этому времени поспел котел. Ели мясо оленя, купленного у зырян и привезенного из Обдорска. Мясо, конечно, несравненно высшего качества.

17.05. Сегодня меня опять спросили, не проживу ли я недели две. Затем начали стогнать оленей, и через некоторое время мы выехали в чум Сэв Яптика. Вез меня Химми, сначала мы ехали на З, и мне было радостно, затем повернули на С и настроение мое пало. И, наконец, пошли на ЗСЗ. Тут я озлился. Попрыска через три достигли чумовища, но без чумов: Сэв скаслал сегодня. Тут Химми закручинился и сказал, что олени у него устали, и он не может везти дальше, надо ехать назад. Я подумал и сказал, что если вперед олени везти не могут (З попрыска), то и назад не свезут (тоже З попрыска). Уж лучше я останусь здесь. Он покрутился, покрутился, но делать нечего. Сказал, чтобы я написал «бумагу» на имя Омдю и Есен Окотэтто. Завтра он поедет к ним в чум за оленями. Я написал «бумагу», и Химми уехал. Вид у него был удрученный, и он все время повторял, что люди будут говорить, что он меня без чума бросил.

После его отъезда я поставил палатку и пошел поискать куропаток. Их не нашел, хотя следов очень много. Вернувшись в палатку, запряг Бура и привез чистого снега для воды. В котелке еще от прошлых времен оставались вареные макароны, и я их лишь разогрел. Поужинав, почитал «Правду» от 3.06.1928 и лег спать. Вероятно, я только-только успел заснуть, как с большим трудом стал просыпаться от чего-то необычайного. Какое-то постукивание за палаткой. Точно кто тихонько стучал палкой об палку. Проснувшись окончательно, вскакиваю, расстегиваю палатку и вижу Тумдыси. Поздоровались. Он сел и начал рассказывать. К нему приехал Омдю Окотэтто и сказал, что хочет меня везти на Тиутейсале.

Мою бумагу Тумдыси отдал мне обратно. Сейчас Амдю поехал искать чум своего брата, но завтра вернется. Теперь Тумдыси приехал за мной на легковой нарте. Весь багаж временно останется здесь. Итак, мы поехали. До Сэв Яптика было попрыска 2,5.

В чуме все спали, и нам не осталось ничего лучшего, как тоже лечь.

18.05. Сегодня меня отвезли к Амдю. Его еще нет, но ждут. Разговаривая с одним из многочисленных Яптиков, я рассказывал ему, что теперь в моей стране уже тепло, люди в одних рубашках ходят. И действительно, много приходилось читать про Арктику, но никогда я не мог себе отчетливо представить, что такое зима в этих широтах. Здесь и широта-то не бог весть какая — 72° , и вот уже 18 мая, а весна еще и не начиналась. Было 2—3 дня солнечных и теплых, но Т все равно не поднималась выше 0° . Снег таял лишь на темных предметах, и проталины образовались лишь потому, что на высоких местах снег, сдуваемый зимой, лежал слоем не более 10 мм, а местами земля была и вовсе обнажена. Единственно, что говорит за приближение весны, — это общее потепление и влажность воздуха. Т теперь опускается ниже $20-25^{\circ}$ редко, но зато она больше ощутима из-за той же влажности. Полярный день уже наступил полностью. Когда живешь еще на одном месте, то ничего, но во время переездов не сбиться со счета времени крайне трудно. И сейчас я уже совершенно не уверен, что не сбился, а впоследствии этого не миновать.

19.05. Утром приехал Амдю. Оказывается, Тумдыси все наврал. Амдю и не собирается меня возить теперь же, а говорил лишь, что когда пойдет на устье касланиями, то может меня взять с собой. Попив чаю, он лег спать. Я писал дневник, потом тоже соснул и, наконец, дождался, пока он проснулся. Не знаю, во сне ли он обдумал или как, но он немедленно выступил с предложением. Ездил он искать чум своего старшего брата Хаулы. Там они сговорились, что через пять дней встретятся в вершине р. Салдажи-яга. Завтра Амдю будет делить стадо с Есен Окотэтто, с которым теперь стоит на одном стойбище. Прodelят, наверно, два дня, после чего он пойдет на вершину р. Салдажи. Оттуда он может меня вывезти на устье.

Прежде чем дать ему ответ, я попросил его нарисовать карту «театра действий». Амдю охотно согласился и вместе с Есен (который только что вошел) нарисовал карту от устья Тнутей-яга (с Сэр-яга) до Содор-яга. По этой карте от будущего становища до устья 6 прыжков. Это расстояние Амдю предполагает покрыть следующим образом. От будущего стойбища Амдю пойдет с легким чумом, оставив оленей, и встанет где-нибудь близ слияния обеих Япто-яга, т. е. на половине расстояния. Оттуда уже передернет меня на легковых. По времени это выходит примерно неделю. Лучшего мне ждать при теперешних условиях не приходится, и я, конечно, согласился.

Амдю поехал в чум Сэв Яптик, а я взял ружье и пошел побродить в окрестностях. День сегодня пасмурный, но теплый. Вернувшийся Амдю внес к прежнему плану добавление. На предполагаемое стойбище придет Ситти Яптик и перевезет на устье. Так будет скорее.

20.05. Амдю поехал искать потерявшуюся пешку, а мы стали собирать чум. Затем приехал Ситти и еще двое самоедов из тех чумов. По возвращении Амдю стали сгонять оленей. Кроме тех, которые должны были идти в упряжку, остальных упряжных быков перевязали. После этого оба чума разошлись в разные стороны. Мы скасали на полпопрыска, где быстро встали (для скорости на пустой половине чума поставили лишь одну нюку), напились чаю и поехали в стадо, которое оставалось недалеко от старого стойбища. Амдю предложил мне ехать тоже. Дележ оленей уже не был нов для меня. Из общего стада по одному, по два сгоняли оленей, принадлежащих к другому стаду, так что в результате олени оказались разделенными. Двое самоедов, Амдю и Есен, на нартах выгоняли оленей из стада, а Ситти, Сэрако, я и еще двое стояли с тынзянами, образуя цепь, чтобы задерживать оленей, бегущих в недолжном направлении. Это удавалось не всегда, и поэтому дележ стада протянулся очень долго.

Эта ночь была первой ясной за все последние дни, и солнце не только не зашло, но и продержалось довольно высоко. Когда мы возвратились в чум, усталые и голодные, солнце уже начало подниматься снова.

21.05. Ты ниць ирий, *нара ирий* 'весенний месяц'. Этот счет более или менее правилен: в начале месяца снег тает, хотя и не очень прытко, но в общем уже тепло. Не совсем ясно, как вводят самоеды (а также остяки и вогулы) поправку в лунные месяцы. Без поправки сдвиг должен происходить очень быстро. Правда, сдвиг существует, очевидно, и теперь. То, что месяц отела передвинулся на три месяца: *сия ниць, ты саполана, ты ниць*, говорит, скорее, за это, чем за сдвиг самого отела. То же самое с орлиным месяцем. Наташа считает, что это месяц, когда показывается солнце после зимней ночи. Но у вогул орлиный месяц есть, а темноты нет. Самоеды для широты 72—73° не характерны, а южное солнце показывается или раньше, или даже вовсе нет зимней темноты. Единственно, какой весенний момент в годовом солнцехождении можно принять для понимания орлиного (т. е. солнечного) месяца, — это весеннее равноденствие, наступающее для всех мест в одно время. А так как *лимбя ирий* (равноденствие) — март, то и здесь имеется сдвиг в те же три месяца. Теперь надо какого-либо астронома, пусть вычислит, в какое время это расхождение произошло.

Сегодня продолжают делить. В нашем стаде осталось несколько оленей, и в другом стаде есть олени Амдю. Теперь на чумовищах оленей сгоняют и вылавливают нужных тынзянами. Сейчас приходил Амдю и сказал, что с оленями покончили. Сегодня будем каслат с вечера. Собственно говоря, сейчас уже вечер, так как встали в полдень.

Между прочим, когда вчера поехали в стадо, мы выехали на двух нартах. Я сидел с Ситти. Дорогой надо было спускаться по узкому, извилистому и крутому оврагу. Снег был плотный, олени

мчались буквально распластываясь на льду, и нам приходилось не только крепко держаться, но и тщательно сохранять равновесие на крутых поворотах. Получилось нечто вроде бобслея. Из-за многочисленных ручьев и оврагов здесь тундра имеет совершенно горный ландшафт, а отнюдь не плоский. Чум собрали быстро и вскоре вышли на ССЗ. Каслание прошло без каких-либо происшествий. Лишь с полдороги одна важенька собралась было уйти назад, но ее удалос вернуть. Амдю сказал, что у нее пропала пешка, и она теперь ее ищет. Около Пыйек-яга захватили мои нарты, затем прошли еще немного и затем встали. Солнце уже начало подниматься, а когда ложились спать, то было уже высоко.

22.05. Встали после полудня. День сначала был солнечный, но потом небо затянуло сплошной седой пеленой. Тепло. Амдю поехал к Тумдыси, а я взял джонсон и пошел поискать куропаток. Когда я возвратился домой, то надо уже было каслать. Сложили чум, запрягли анасы. Я увидел брошенных на снегу двух ободраных песцов. Головы отрезал и положил в нарту. Потом спросил жену Амдю, почему они не едят песцов? Она ответила, что просто не любят, другие самоеды едят. — «А ты ешь?» — Я ответил, что ем и люблю. Каслали до Пуги-яга, которую пересекли и стали на возвышенном месте. Солнце стояло уже высоко. К концу каслания, то есть к утру, разъяснило, но когда ставили чум, начало бурить и пошел снег. Затем потеплело, и снег перешел в мелкую изморось. Все намокло и покрылось каплями воды.

23.05. Спали, вероятно, до вечера. Я говорю, «вероятно», так как пасмурно и невозможно определить время хотя бы приблизительно. Вечером варили котел, в который кроме оленьего мяса положили и песцов. Со стороны самоедов это очень приятная внимательность, так как песцов я ел почти один, Амдю и Хейси (Япник) ели их очень мало. Затем Амдю, который перед этим сторожил оленей, лег спать, а мы с Хейси Япником отправились в стадо, захватив джонсон и предварительно зарядив патроны. Куропаток не нашли. Видели несколько штук, я стрелял, но далеко, дробь не долетала. К утру начало разъяснивать, и показалось солнце. Я пошел домой и лег соснуть.

24.05. День снова пасмурный и теплый. Амдю поехал искать чум брата, который должен быть где-то недалеко. За время касланий мне несколько раз пришлось с женой Амдю ставить и снимать чум, так что я как следует разобрался в деталях, которые до того ускользали от моего внимания. После установки двух основных шестов, связанных наверху, ставят справа от них по четыре. На *нгуто* шесты связываются в четыре соответствующие группы (3 по 4 шеста и 1 группа — 5 шестов). На одну *нгуто*, кроме того, кладется симса и шесты таганов, а на другую — основные шесты. На *юхуна* укладываются постели, циновки, мешки и вся «мелкая утварь». Это покрывается ягушками, и сверху наружные нюки. Сюда же идет ящик с чайной посудой и стол; чайник, котел и вся остальная утварь кладутся на *нгуто* и покрываются сверху внутрен-

ними шоками. *Ху'нер'* — нижняя циповка из прутьев, доски, ожажный лист, женские пимы и прочие «нечистые» вещи идут на *сябу хан*.

Уже несколько раз самоеды жаловались, что на фактории ввели новый обычай. Раньше самоедов, приехавших за покупками, угощали чаем бесплатно, теперь же берут плату, кажется, 40 коп. с человека. Здесь дело, конечно, не в сумме; самоедов просто обижает, что чай продается, тогда как они сами угощают всякого к ним приехавшего, и вообще на севере нет такого обычая, чтобы за чай деньги брать. Со стороны госторга это не только возмутительно, но и глупо. Если желаешь иметь дело с туземцами на дружеских началах, нельзя начинать с такого подхода.

Амдю говорит, что за всю жизнь добыл 10 моржей. У него ремингтон уже довольно потрепанный, который он собственно ручно очищал напильником от свинцовки. Амдю вернулся довольно скоро вместе с братом и его женой. Попили чаю, после чего начали устраивать вторую половину (Хаулы сразу же привел анасы), а Хейси уехал пригнать стадо Хаулы. Последний вел со мной «светские» разговоры и прямо-таки умилил меня своим критическим исследовательским подходом к некоторым вопросам. Он, напр., спросил меня, как я буду жить на устье без мяса, не умру ли я там от одной хлебной нищи? Я ответил, что русские от хлеба не умирают, а от одного мяса чувствуют себя очень плохо. Собеседник мой так и просиял: «Летом ходившие русские так и говорили! С хлеба, говорят, мы не умрем, на одном мясе плохо».

25.05. Хаулы поехал в какой-то соседний чум, а я сидел с Амдю и беседовал с ним по поводу ластроногих. После полудня вернулся Хаулы. Между прочим, мое положение сейчас не «сверкает». Оба моих друга плачутся и говорят, что сейчас взять меня не могут. Просят подождать дней десять, пока олени немного отъедятся. Ничего не поделаешь, придется ждать. За чаем Амдю спросил меня, есть ли какая земля на север от Новой Земли? Я рассказал ему о Земле Франца Иосифа. Далее рассказал о Шпицбергене, Гренландии, Аляске, Беринговом проливе и Чукотском мысе. Берингов пролив их очень заинтересовал. Когда я рассказывал о реках Северо-Азиатского побережья, то Хаулы спросил: «Где залив Ло-хуты-ям?» Я спросил: «Что это такое?» Он ответил, что это земля, «наполненная мамонтовыми костями», и находится за Енисеем. Он слышал о ней от явайских самоедов. Я набросал карту и указал на Новосибирские острова, сказав, что костей там очень много. Амдю ткнул в Хатангский залив и сказал, что Ло-хуты-ям, вероятно, это. «А здесь река есть?» — «Есть, — говорю. — Хатанга». — «Ну, наверно, это».

Тут начали готовить постели, и мы все вышли на улицу. Когда вернулся в чум, я спросил Хаулы: «Говорят, что на восток живут люди с толстыми костями и высокого роста». Он сказал, что не знает и вскоре спросил: «Ты ездил по земле, не встречал ли где *Адер?*» — «А кто это Адер?» — «Это вроде *эндобей*, тоже

большой и людей ест, но только он не носит одежды, так как весь покрыт шерстью, как собака». — «Это, — говорю, — не *Вен мир метта*?» — «Нет, — Вен мир метта — как собака, а этот, как человек, с двумя ногами и двумя руками». — «Не знаю, а где он живет? В лесу?» — «Нет, он не в лесу живет, — вмешался в разговор Амдю. — говорят, что на морском острове». — «Нет, — говорю, — не встречал, а ты от кого, тоже от авайских это слышал?» — «Нет, это большие люди (шаманы и старики) говорят». — «Нет, не встречал, а только раз слышал о нем».

Тут я вспомнил, что читал еще давно в каком-то журнале сибирскую сказку, как один промышленник отправился на остров за мамонтовой костью и попал там к великому людоеду и едва от него спасся. «А вот, — продолжаю, — ты говоришь *нгылеко*, они ведь злые, а в лесу еще живут добрые духи. Ты не слышал про них?» — «А какие они?» Я описываю ему Мис хум. «Ну, это, наверно, *Парнэ*. А они сидеть могут?» — «Не знаю, — говорю, — я сам их не видел: человек их видеть не может. Это мне рассказывали шаманы. Могут сидеть, кажется, а что?» — «Парнэ сидеть не могут, они только лишь вот так...» Тут старик в увлечении сбросил малцу и встал на колени. «Они только так могут, потому что у них сзади две кости, хвост».

Тут я как следует не понял эти объяснения, что за кости торчат сзади у Парнэ. «Это, — продолжал Хаулы, — мне и русский один говорил, в Обдорске жил, Яков, теперь давно уже умер. Он видел Парнэ, так тоже рассказывал, говорил, что ногти длинные. «Но, — говорю, — Парнэ ведь тоже злые, тоже людей едят?» Хаулы задумался и наконец вспомнил: «Парнэ ведь два рода (*тэнэ*). Одни немного больше людей, с длинными когтями и злые, людей царапают, и с хвостом, а другие добрые и — как люди — без хвоста. Также про которых ты говоришь — Парнэ и есть! Ну, а теперь спать надо!»

Два рода Парнэ! Добрые и злые, нельзя ли здесь провести аналогию с добрыми и злыми духами леса? Но пока еще рано: надо материалы. Между прочим, Хаулы говорил, что Парнэ живут в лесу (как вообще все самоедские духи), а на вопрос о Парнэ-сале он ответил, что это просто название, но возможно, что раньше жили.

26.05. Как-то на днях я видел довольно дикий сон с участием большого количества птиц. Я тогда же рассказал Амдю, и это произвело на него впечатление. Я слышал, как потом он говорил с женой обо мне и сказал, что у меня есть *нгытарма*. Следовательно, слово *нгытарма* употребляется вообще как обозначение наследной шаманской силы. Я говорю «наследной», так как перед этим Амдю спросил, не был ли у кого из моих родителей шаман (*лекар*). Я сказал, что был, так как у нас принято понимать слово *лекар* дословно.

Сегодня я спросил, можно ли убивать чайку? Амдю сказал, что нет, так как она священна. «А отчего она священна?» — «Потому

что всякую мерзость жрет, и ее есть нельзя». Я на это ему возразил, что это еще не доказательство священности. У остяков, например, чайка и гагара священны и их изображения есть. А как у самоедов? Старика, наверно, задело за живое, и он сказал, что чайка оттого священна, что в ней живет дух, который летает в ее образе. Больше он добавить ничего не смог. «Вот еще хановэй священный». — «А он почему?» — «А ты рассказывал, как во сне ходил, птицу большую видел, черную. Это *минлей* должно быть?» — «Возможно». — «Ну, так наши шаманы тоже во сне летают, как хановэй, оттого он и священный. Я слышал, русские лекари во сне минлея не видят, а ты увидел. Это оттого, что ты в нашей земле живешь».

После этого мы еще поговорили о священных остяцких птицах, и Амдю сказал, что две гагары добывали землю. Я спросил: «Что, это самоедка сказала?». Он говорит, что самоедка, но возможно, что раньше была остячкой.

Сегодня уехал к себе в чум Хейси Яптик, а вечером приезжал в гости самоед Ероку Окотэтто. Остаток дня прошел без всяких добавлений.

27.05. Сегодня утром подали жир. Амдю не мог разобрать и думал, это смесь нерпичьего с медвежьим. Оказалось, что осетровый. Хаулы привез осетра, которого вчера ели в свежем виде. Хорошая рыба! После разговор пошел вообще о рыбах. Я спросил, не встречал ли Амдю акулу и описал ее. Он сказал, что не видел. А может быть это *пыря*? Оказалось, что пыря — это большая рыба (по-видимому, щука) с рогами на голове, как у пешки, она ест людей. Живет она в реках и озерах и, между прочим, в Пыри-яга, около Хадаты.

По существу, это та же *антынг сорт* вогул. Вероятно, это не заимствование. Я думаю, что повод для этого мифа произошел от того, что, по Собанееву, у очень старых щук голова обрастает какими-то водорослями или лишаями, которые имеют вид рогов. Затем Хаулы вспомнил, как три самоеда убили в озере, сообщаящемся с морем, около Енисея какую-то громадную рыбу, часть которой съели, но потом уже в ее желудке нашли пряжку от пояса. Сегодня я начал делать себе из напильника нож под наблюдением Амдю. Завтра dokonчу его и закалю. Днем жена Хаулы позвала меня на улицу. Оказалось, что важенка бросила пешку и не хотела ее принимать. Важенку поймали и связали, затем подпустили пешку. Когда пешка поела, Амдю взял ее в руки и потер о шерсть важенки и о ее нос. «Это чтобы важенка ее приняла, — объяснил он, — на пешке запах останется». После этого важенку оставили связанной, а пешку положили к ней.

28.05. Пешка все-таки сдохла. Амдю сказал, что холодно. Действительно, опять завернули холода. Дует норд, пасмурно и идет снег, так что временами буранит. Сегодня еще погода улучшилась, появилось солнце, но еще холодно, ветер северный, 2—3 балла. Позднее, к вечеру, небо затянуло легкими облаками, и ветер за-

шел к NW, но все еще холодно. Вообще начавшееся было в конце второй декады весеннее оживление теперь сошло на нет, и ничего не напоминает конца мая. Делал ножны. Хаулы загнул свой недоделанный и еще не закаленный нож, чтобы сделать ложкарный. Он вырезает новый черенок (*нялики*). Такой нож называется *вади-хар* 'крючок-нож'. Сегодня я попробовал было расшевелить его насчет Парнэ, но ничего нового не добился.

29.05. Сегодня солнечный и опять теплый день. Ветер WSW. часам к 10 спал. Утром приехал Панай Окотэтто. Стали было ловить оленя на мясо, но поймать не могли, и дело кончилось тем, что он убежал в стадо. Так закуска и убежала. Разговор шел об украденных осенью пяти тушах мяса. Это уже вторая аналогичная покража. Но только в данном случае был замечен след нарты, который вел к стойбищу пяти чумов, так что воры известны. Я спросил: «Когда вор будет найден, то что будут делать?» — Амдю сказал, что, наверно, дело будут разбирать в городе, но возможно, что и так решат. По самоедскому обычаю вор должен за эти пять туш отдать потерпевшему пять живых хороших оленей.

Когда старик уехал (вместе с ним уехал и Хаулы), Амдю сказал, что чум этого старика был в числе пяти чумов, другой чум был младшего брата Тумдыси Окотэтто, остальные мне не известны, они еще не пришли. Про Панай Окотэтто Амдю сказал, что он известный вор и еще раньше попадался на кражах оленей. Позднее вернулся Хаулы, и с ним приехала девочка из чума Тумдыси. Завтра будем каслать.

Ночью я был внезапно разбужен. Поднимаюсь и вижу: рядом со мной сидит Есси Окотэтто и сует мне черный резиновый мешок. Оказалось, он привез мне что-то от Наташи. Развязав мешок, я нашел в нем пластинки и записку от Наташи весьма в минорных тонах. Она пишет, что вся история с эпидемией оказалась дутой, а все рассказы о вереницах нарт с покойниками и «чумах мертвых» — сплошной фантазией. Тел Ямал, Терку Уэнонга и многие другие «покойники» оказались здоровыми и невредимыми. А нами была послана телеграмма, что на Ямале свирепствует оспа. Теперь в Севкоме будет буча, а мы в глупейшем положении. По этому поводу Наташа не спит несколько ночей. Затем у нее болит нога, и вообще настроение, по-видимому, скверное.

Она пишет, что придется бросить шлюпку, так как самоедов Вася достать, очевидно, не мог. Ну что ж, хотя и жалко шлюпку. Почту мы, вероятно, так и не получим: вот уже почти все пришли, а о ней ни слуху ни духу. Ко мне на мыс придет Вася. Ну что ж, это, с одной стороны, и ничего. Он поможет мне потом выезжать на север. В другом мешке, привезенном самоедом, — табак и дробь. Окотэтто привез Амдю пешку, которую нашел зарытой в снегу. Это та пешка, которая терялась в день раздела. Оказалось, что ее загрызла Хакотасо, а Сэрако спрятал в снег, чтобы потом взять. Амдю рассердился и сказал, что хочет за это отобрать оленя, которого он дал Сэрако.

30.05. Сегодня кастали. Отошли всего версты на 4, так как с телящими важеньками далеко идти нельзя. Хаулы привел с собой громадные анасы, у нас было 25 грузовых нарт (из них 2,5 с моим добром). На мою долю пришлось вести анас из 6 нарт. Во время сборов приезжал Тумдыси, Панай и еще одна девочка, которая потом уехала. Тумдыси помогал вести анасы. У него волк прошлую «ночь» зарезал двух оленей. Тумдыси сказал, что видел гуся. Теник, который летел по направлению к Пуги-яга. Следовательно, начинается прилет. Надо торопиться.

С этого становища меня повезут на Тиутей-яга. Амдю спросил, очень ли я тороплюсь. Я сказал, что очень. Решили, что меня повезут завтра или послезавтра, только бы была приличная видимость. Относительно прилета гусей Амдю сказал, что им сейчас открытая вода не нужна, они довольствуются пока проталинами (он сказал, что едят *варё таб* 'песок с проталин'). Вечером Амдю извлек свой гарпун *носок*. Он в точности соответствует описанному Н. Смирновым моржовому гарпуну, распространенному в Норвегии и на Мурмане. Вес данного гарпуна около 4 ф., и лезвие закрыто деревянным нагалищем. Гарпун я зарисовал.

31.05. Амдю сказал, что здесь есть два вида гусей: с белым носом и *теник* — с красным носом и темными пятнышками на конце. Видимость сегодня приличная. За чаем Амдю предложил мне ехать сегодня же. На такое предложение я, разумеется, согласился. Решили, что поедем на двух легковых нартах, и потому самоеды просили оставить все то, что сейчас мне будет не нужно. Как оттаает снег, но до вскрытия рек они придут с чумом на Тиутей и тогда привезут мне остальные вещи. Я оставил лодку, значительную часть пластинок, дрови и кое-какую мелочь. Остальное все разложили на две нарты. Согнали оленей. Выбрали самых лучших. Частью ханторок.

Перед отъездом Амдю и Хаулы закололи оленя. «Ешь больше, и особенно крови», — говорил Амдю, когда оленя освежевали, и мы сели есть сырое. «Кровь будешь есть. — цинга не возьмет: она крови бонься. Ты будешь на морском берегу, а цинга на море живет. В Маре-сале сколько русских умерло!» Попили чаю, и — в путь. Повез меня Хаулы, который говорил, что знает места вплоть до Сапер-чарт на берегу моря около хребта. Доехали до *сохо*. Это оказалась возвышенность, сильно пересеченная и, благодаря тонкому снегу зимой, теперь вся оттаявшая. Здесь *хальмеры* рода Яптик. Хаулы указал на большой хальмер, стоящий в стороне: «Это — хальмер отца Сэв Яптик, здесь все Яптик похоронены».

С двух попрысков Амдю, который поехал нас провожать, вернулся. Проехали еще два попрыска и добрались до летних нарт Сэв Яптик. Здесь же у него был сделан «амбар», т. е. яма в земле, где было сложено мясо. Теперь кладовая пуста, и еще не заметны следы нарт. По-видимому, Сэв был здесь недавно. «Это место называется Парнэ-сале», — сказал Хаулы. Когда мы отъехали еще немного, Хаулы остановился. «Вон видишь, темная полоска? Это

Тнутей-сале. Отсюда еще два попрыска. Теперь пойдет низкое место. Салмы». В этих-то салмах мой проводник и заплутался немало. Да и не трудно: совершенно ровная, белая гладь без единой отметины. Ничто не напоминает про наступающий июнь, и снег лежит во всей своей девственной белизне. Наконец выехали к какой-то лодке. Хаулы не мог определить, чья это лодка. Отсюда в бинокль я увидел еще какое-то черное пятнышко. Поехали туда. Оказалась еще одна лодка и хэхэ. Это лодка Ероху, хэхэ тоже его. «Как он приедет в море идти, то ты к нему просись, он здорово испугается, русских страсть как боится. Прошлый раз, когда приехал и узнал, что ты в нашем чуме, хотел было назад ехать».

Отсюда Хаулы уже нашел дорогу, и вскоре мы въезжали на мыс. Мигом поставили палатку. Халы тем временем распряг оленей и, привязав их на длинную веревку, пустил пастись, а сам прилег спать. Устроив внутри палатку, я поставил котелок на примус, и когда он закипел, позвал Хаулы пить чай. Правда, в котелке у меня был не чай, а какао (без молока), но старик одобрил. Угостил я его как следует, выложив на стол много масла и положив в какао как следует сахару.

«Вот, — говорю, — люди рассказывают, будто здесь недалеко находят *сирти еся*, правда это?» — «Врут. Дом *сирти* — это только название места, никаких тут *сиртей* не жило, ничего здесь нет. Врут». — «Я тоже так думаю, что врут», — подчеркнул я. «И как могут находить, копать ведь нельзя, а теперь все засыпано. Еще давно один самоед начал, было, копать, потом пошел на лед тюленей промыслять, весной это было, лед оторвало и унесло его. Копать страшно. А раньше тут все было видно, сколько костей и моржовых, и тюленьих, песцовых очень много», — старик незаметно для себя рассказывал диаметрально противоположное своим прежним словам, а я слушал. — «Потом сходишь, посмотришь, *сирти ма* вон там близко». Разговор перешел опять на Ероку. «А почему он так русских боится?» — «А видишь ли, он отца Нуми Тусиды застрелил». — «Как так?» — «Сидели в чуме, Ероку ружье вертел. Ружье заряженное. И как-то выстрелил. Пуля в спину тому попала. С тех пор Ероку и боится, как бы русские не узнали. Ну, однако, мне ехать надо».

Запрягли оленей, я дал старику на дорогу хлеба и масла, и он уехал. Перед отъездом он попросил дать ему бумагу: «Ты, может быть, умрешь, а на нас говорить будут, что человека убили, так ты напиши, что сам хотел сюда ехать».

Я исполнил желание Хаулы и дал ему подписку в том, что в случае моей смерти на нем не лежит никакой ответственности. После его отъезда я разделся, залез в мешок и уснул.

1.06. Итак, я один в своих владениях! Утром, наскоро закусив, отправился их осматривать. Сначала я вышел на внешнюю сторону мыса и затем пошел на ЮЗ вдоль берега, прошел миль пять и дошел до чьих-то бочек. Берег не особенно высок и местами того сбегает к морю. Внутри полуострова поверхность тоже понижа-

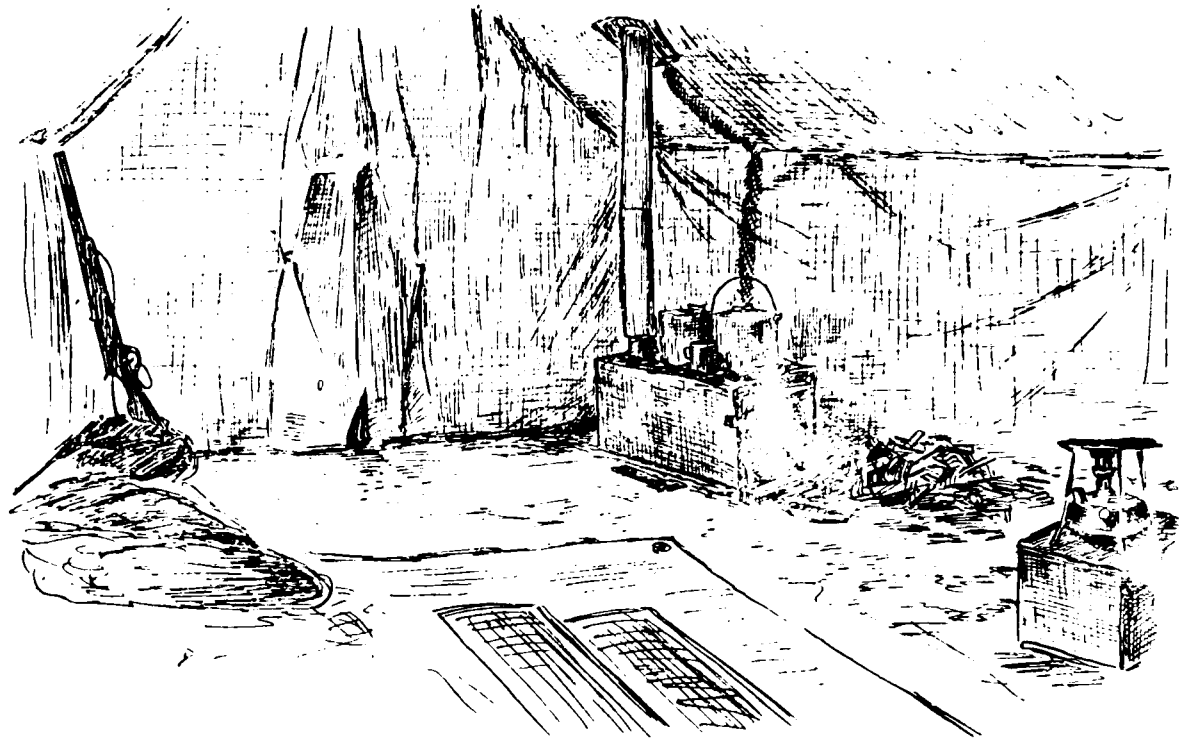

Рис. 10. В палатке В. И. Чернецова на Ямале, 1928—1929 гг. (д. 65, л. 1)

ется, так что получается нечто вроде берегового барьера. Много следов песцов, попадаются места, где песец копал снег, вероятно, в поисках мышей. На обтаявших кочках совиный помет. От бочек я повернул на ВСВ по направлению к устью Сэр-яга, где в бинокль был виден обтаявший холм сиртя ма.

Я давно уже не ходил пешком, и теперь ходьба по снегу, местами довольно рыхлому, меня утомила. Но я решил дойти до холма не отдыхая. Сиртя ма расположен на самом краю откоса берега залива Сэр-яга. Уже при беглом взгляде ясно, что это холм искусственного происхождения. Он неправильно овальной формы с навороченными кусками дерновины (вероятно, что самоеды искали бронзовые вещи). Сверху лежит несколько больших валунов. Что сразу бросается в глаза, так это обилие костей. С краю лежит несколько моржовых черепов, уже почти истлевших, а по всему холму разбросаны кости как ластоногих, так и оленей, с разбитыми трубчатыми костями песцов, птиц (несколько лебединых и обломков мамонтова клыка), несколько кусков дерева на поверхности и наполовину углубленных в землю. На дереве следы обтески, но зарубки не особенно большие и неровные, но, безусловно, сделанные металлическими орудиями. Вся земля холма торфянистого характера, перемешана с кусочками угля, костей, частью обгорелых, щепочками с небольшими камнями. Попался и кремневый валунчик, наполовину разбитый.

Так как холм еще не совсем обтаял, то я не стал делать сборов с поверхности и взял лишь два кусочка глиняной керамики и отломок какого-то предмета из кости, напоминающего молоток. Черепки от горшков, сделанных без гончарного круга. Один черепок толщиной 5 мм, довольно хорошего обжига, без орнамента, почти без примесей. Другой, толщиной 6,6 мм, с внутренней стороны блестяще-черный, в изломе тоже черный, как бы от обуглившихся органических веществ, которыми он был пропитан. Глина с значительной примесью крупнозернистого песка. В одном месте нашел маленький кусочек бересты, но по нему определить трудно, плавникового он происхождения или нет. В общем, вероятно, раскопки дадут много интересного. Вернувшись в палатку, я допил оставшийся от утра чай, написал дневник за вчерашний день и отправился снова в обход. Вышел на конец мыса, до хэхэ. Жертовное место вовсе не так грандиозно, как говорил самоеды, убеждая, что оно больше чума, и гораздо меньше жертвенника Парнэ-сале. Вся куча замечена снегом и потому рассмотреть ее еще нельзя. Сверху многочисленные следы песцовых посещений. Они, должно быть, любят приходить сюда порыть кости и половить мышей. Вышел на лед, до первой полосы торосов миль полторы-две. Всего я отошел от берега миль на пять. Торосы не особенно крупные, местами попадают небольшие поля гладкого льда с тонким снегом.

Но следов тюленей пока еще никаких. На W, NW, NNW отдаленное водяное небо. До открытой воды еще, вероятно, миль

пять-шесть. Лагая по торосам и глубокому снегу, я здорово измучился и едва добрал до мыса. Отдохнув здесь, пошел в палатку варить ужин. Сегодня двойной праздник: воскресенье (хотя бы и по моему счету) и первый день пребывания на Тпутей-сале. Поэтому я устроил роскошный пир: макароны с тушеным мясом (и не какой-нибудь олениной, а настоящими консервами ВСНХ), какао с молоком, кусочек шоколада. Поел очень плотно и с наслаждением растянулся в своем мешке.

2.06. Буран ЮЮЗ, 3—5 баллов. Временами небо расчищается, но сильно метет. Пробовал было пойти посмотреть места, но вернулся. Видимости никакой. Просидел весь день дома. Закалил и выточил новый нож.

3.06. Спал долго, утром несколько раз просыпаясь, но слыша ветер, засыпал снова. Видел несчетное количество снов и, между прочим, убил лося, летом в воде, а так как ружье что-то плохо действовало (никогда у меня во сне ружья не стреляют), то заколол его ножом. На дне этого озера нашел много пуль и берданочных гильз, а также несколько человеческих позвонков. Вода была теплая, озеро мелкое, и я с громадным удовольствием купался и нырял. Другой сон. Добыл двух пятнистых оленей. Этих я застрелил в лесу. Опять-таки лето. Лес замечательный! Давно уже не видел своего города на берегу залива, но зато спускался по какой-то порожистой каменной реке с берегами, поросшими хвойным лесом. Вышел на другую большую реку и далее — в море. Тоже лето, и тепло.

Сегодня буран еще сильнее, SSW 5—6 баллов, метет и временами валит снег, мокрый и крупными хлопьями. Т не знаю, так как термометра нет, он у Кости, а у термометра при анеронде разорвался столбик ртути. В палатке очень тепло, так как вода почти не мерзнет. Опять сидел весь день дома. И вчера, и сегодня над палаткой часто пролетает снежный подорожник. Он, очевидно, поселился где-то недалеко и удивляется еще невиданному на Ямале зрелищу — моей палатке. Иначе, зачем бы ему останавливаться так часто над ней? У меня с запасами хорошо, но топливо! Горючего немного больше 0,5 бидона, надежды на получение еще почти никакой. Дров — нарта, у которой я уже сжег головки и один нащеп. Ну что ж, буду жечь дерево из сирти ма, а там, может, стает снег и найду плавник. Ночью Буро, по-видимому, выходил на улицу, и когда вошел, то не закрыл, разумеется, двери, и в палатку намело много снега.

4.06. Буран кончился. Утро было пасмурное и теплое. Над морем тянулась темная полоса, по-видимому, водяного неба. Взял ружье и пошел. Дойдя до берега, выбрал место, где небо было потемнее, и отправился в этом направлении. Еще не дойдя до линии торосов (мили 2), я понял, что открытая вода очень далеко, но все же решил дойти до торосов. Тем временем день разгулялся окончательно. Странно было видеть сочетание темно-синего неба, напоминавшего юг, с плывущими по нему кучевыми, совершенно

летнего характера облаками, и необъятной снежной равнины моря. Солнце палит нестерпимо, и в малице стало очень жарко.

Когда я пришел в палатку, то был весь мокрый, и хотелось пить. Выпил всю воду, которая только была, но чай пить не стал: жалею керосин. Теперь я буду зажигать примус лишь два раза в сутки. Малицу я снял и повесил сушиться, точно так же свитер и полосатку, которые были совершенно мокры. Вместо всего этого надел меховую рубашку. У нее открытый ворот, и жарко не будет. Хочу поставить капканы на сов. У меня лишь две банки консервов, надо достать мяса. Взяв капканы, иду на мыс. Одно из любимых совами мест — это жертвенник. Подойдя к нему, уже по привычке окидываю взглядом лед. И... не далее как в полуверсте на льду лежит тюлень! Бросаю все и бегу в палатку за доской и винтовкой. Вот я уже снова на льду и ползу, прячась за доску. Полз я долго и упорно. Сначала зверь не обращал внимания, но когда расстояние уменьшилось, начал беспокойно поднимать голову. В таких случаях я замирал и следил в бинокль за действиями тюленя. Когда расстояние стало такое, что я думал уже стрелять, зверь начал выказывать признаки сильного беспокойства. Я замер, но это не помогло, и прежде, чем я успел что-либо предпринять, тюлень ринулся в отдушину, брыкнув в воздухе задними ластами... Неудачно, но ничего, потом, может быть, научусь. Самоеды говорят, что надо кричать. Попробую, хотя и сомневаюсь.

5.06. Ночью начался шторм. Направление ветра SW, сила до 6—7 баллов. Палатку временами буквально рвет, так что я даже опасаясь за целостность оттяжек. То, что у меня с вечера было вывешено на просушку, за ночь сорвало, и утром пришлось все выколачивать. Разумеется, сижу дома и справляю разные домашние работы. Надо вычистить ружье и починить два капкана. Над морем густое водяное небо.

6.06. Полдня сидел дома, переделал пояс для малиц заново, старый истрепался. Третьего дня я сделал оплошность: ходил весь день без снежных очков. Теперь едва могу смотреть, а на улицу без очков не могу даже выйти, несмотря на пасмурную погоду. После полудня ветер немного затих, и я пошел посмотреть, что делается. Над морем стоит темно-свинцовое небо. Вышел на мыс, и... море было открыто! У берега тянулся припай шириной около мили, а дальше шла вода без единого признака льда.

На лед я не пошел, так как был в хороших пимах, которые сильно мочить не хотелось. Да и нечего сейчас там делать. Поставил еще один капкан. Идя обратно, посетил сирти ма. Несмотря на буран, он оттаял еще больше. Подобрал два кусочка бронзовых листков, одну костяную вещицу загадочного назначения и три черепка. Черепки с орнаментом. Один из них — краевой, причем перед утолщен, орнаментирован точь-в-точь как у тагильской керамики. Но орнамент боков — ромбический, с частой насечкой, аналогичный обдорской культуре. Остальной орнамент гребенчатый

и треугольный. Один из черепков был покрыт спеком, очевидно, он был в кострище.

7.06. Ветер почти кончился. Начинает проглядывать солнце.

Под вечер посетил сиртн ма. Холм почти обтаял. На одном из кусков дерновины лежит большой валун и рядом с ним несколько черепков. Тут же несколько обломков дерева и камня. Думаю, что это все сложили самоеды, которые «царапали» холм в поисках бронзы. На этом месте в прошлое посещение я подобрал два кусочка бронзы. Теперь нашел еще кусочек бронзы, каменный шлифованный клин-тесло, два оселка, копалку из рога дикого оленя (она повреждена позднейшим обстругиванием, но часть заточки сохранилась), кольцо неизвестного назначения из рога дикого оленя.

На холме нашел наконечник стрелы из кварца. На холме-2 нашел кусочек песчаника со следами обточки, а на холме-3 — кусочек бронзы и каменный скребочек. На холме-1 около кучи лежит ломаный деревянный черенок для ножей и еще какие-то деревянные поделки. Итак, это бронзовая культура с каменной индустрией.

8.06. Ветер S 2—3 балла, сильный туман, так что моря даже не видно. Пошел в свой обход. На ручье добыл куропатку. Появилось много куличков, между прочим, я верно определил — это были перевозчики. Но сегодня еще летают кулики покрупнее. Стрелять их не стоит, так как дробь моя для этого совершенно не годится. К полудню начало понемногу разъясняться, появился диск солнца сквозь тучи. Около устья ручья видел чашку *Lagus* и «солдата». Гусей уже много. Летают все время, но еще не видел, где садятся. Видел одну стайку 7—8 штук. Несмотря на пасмурную погоду во все эти дни, таяние идет быстро. С каждым днем обнажается все больше и больше земли, но пока еще на холмах и гребнях склонов.

В конце дня посетил стоянку. Это уже вошло у меня в привычку. Холм обтаивает все больше и больше, и все ясней становится, какие разрушения произвели здесь самоеды. Они, по-видимому, учреждали здесь правильные раскопки. Все скрыто и перевернуто вверх дном. Все же глубину залегания угленосного слоя определить будет возможно. Но как он распределялся, это утеряно. Вокруг холма тоже в трех-четырех местах изрыто. И тоже остатки культурного слоя, но уже не то, что на холме. Делал сборы с поверхности. Подобрал несколько треугольных осколков камня и кости, до некоторой степени напоминающих наконечники стрел; наконечник из кости со втулочкой, которая надевалась на древко; два кусочка орнаментированной керамики и штуки три без орнамента. Один большой кусок я сначала принял за обгорелую кость, так как он был покрыт угольным спеком. На самой середине холма нашел кусок китового уса. Итак, это была культура, целиком устремленная в море.

Вечером начал разбирать найденное. Маленький кусочек чудесным образом совпал с кусочком, найденным третьего дня, и при этом обнаружилось треугольное расположение орнамента, то есть опять-таки характерное для Обдорска. Много времени и труда уложил я на очистку большого куска. При помощи палочки, пинцета и щетки удалось снять весь снег, и тогда открылся орнамент прекрасной сохранности и очень интересный. Здесь также торец орнаментирован. К ночи ветер затих, поколебался немного и задул снова, но уже WSW. Временами накрапывает дождь.

9.06. Туман и временами дождь, ветер WSW 1—2 балла, облачность 10, временами просвечивает солнце. У совы, живущей на мысу, появилась пара. Они летают весь день, усаживаются на холм друг против друга и долго так сидят. Затем взлетают и начинают кружиться друг возле друга, «кувыркаясь» и вертясь в воздухе. Стрелял, но безуспешно... Берег оттаивает все больше. Появилась песчаная дюна. Здесь нашел пару куропаток. Застрелил обенх. Гусей летает столько же. Видел чайку (*Larus*). Куличков уже столько, что я уже не в состоянии в них разобраться. По-моему, самые большие — это чибицы, так как кричат они «пюючить».

На дюне и дальше, на заплеске, нашел плавник, составил в пирамидки для просушки. Нашел большое дерево, как будто сильно гнилое. Когда оттает, посмотрю. С полудня начался сильный дождь и крупа — пошел в палатку. С палаткой дело обстоит довольно скверно. Кругом в последний буран намело довольно много снега, и теперь этот снег усиленно тает. Снег под палаткой тоже тает, и на полу образовались ямы с водой. Я хотел было подождать хорошей погоды, чтобы обсохли пригорки, но выходит, что ждать нельзя. Надо немедленно менять место. Вероятно, завтра буду «каслать» на мыс у ручья. Если на проталине и сыро, то здесь я просто в луже в буквальном смысле слова.

После полудня, когда дождь кончился, пошел на стоянку. Сильный туман. Ветер SW 1—2 балла, но холодный. За эти дни выходные пимы мои совершенно не просыхают за ночь, и утром я их надеваю мокрыми. Вечером же приходится их выжимать и выскабливать воду из мездры ножом. Но зато тем приятнее надевать домашние сухие пимы и пить горячий чай или какао!

Каждый раз, посещая стоянку, я нахожу что-нибудь интересное. А уж, кажется, каждый раз смотрю очень внимательно и усердно ползаю по всему холму на коленях и животе.

Сегодня находки были очень интересны. Прежде всего нашел железо в виде наконечника стрелы, обломка ножа и еще чего-то бесформенного. Найдены они, кроме стрелы, на изрытой самоедами поверхности культурного слоя. Стрела найдена на куче. Вероятно, положена туда самоедами же. Эти находки позволяют точно датировать, по крайней мере, верхние горизонты стоянки. Во всяком случае нахождение железа подтверждает рассказы, что сиртя исчезли лишь недавно.

Нашел еще интересный черепок. Сделан очень грубо, но ор-

наментирован богато. Торец покрыт косою гребенчатой насечкой, столь характерной для Тагила. Небезынтересен также костяной наконечник в виде слегка уплощенной палочки, заостренной на конце. Вставляли в расщеп дерева. К ночи туман еще усилился, ветер задул. Не знаю, какова-то будет завтра погода. Утром пи-мы, вывешенные вечером на просушку, покрылись ледяной корочкой от осевшего и замерзшего тумана.

10.06. Туман, но солнце просвечивает. Ветер легкий S. С утра пошел искать место. Нашел прекрасный мысок у устья ручья. Мысок песчаный и совершенно сухой. Склон обращен на S. Вернувшись в палатку, приступил к сборам. В первую нарту пошли ягушки, брезент, который надо было просушить, постель и разные мелочи. Запряг Буро, впрягся сам и пошли. По проталинам тащить было очень тяжело, но на снегу нарты держались хорошо и шли сравнительно легко. Тем не менее мне было страшно жарко, хотя надеты на мне были всего лишь полосатка да свитер. Во вторую очередь пошла палатка и все остальное. На этот раз я себя сфотографировал. Хорошо бы, если бы вышло.

Палатку поставить было легко, так как песок оттаял уже настолько, что колышки забить можно. Здесь, на проталине, замечательно, сухо и тепло, а в палатке даже жарко. Не то, что на старом месте, где кругом и внутри стояла вода. Когда ставил палатку, на мысок сели три куропатки. Пошел к ним, но они слетели. Искать не пошел, так как был занят палаткой. Когда еще утром ходил искать место, то тоже видел стайку из трех штук, одну застрелил. Перед вечером ходил на мыс посмотреть, нет ли тюленей. Но туман слишком густ, да и холодно, так как ветер усилился и резкий. На стоянке немного поискал и нашел пять предметов, из которых интересен деревянный нож, по-видимому, игрушечный. По форме он не отличается от современных ножей — самоедских и остяко-вогульских. Нашел еще кусочек железа, совершенно бесформенный от ржавчины. Возможно, обломок ножа.

11.06. До полудня сидел в палатке и занимался домашними делами.

12.06. С утра было пасмурно, но видимость хорошая. Пошел поискать куропаток. Но далеко за ними ходить не пришлось. Они прилетели сами и сели на соседней проталине. Застрелил одну. Пошел по отмели. Плавнику очень много. Собрал и сложил в кучи. Затем пошел в палатку, запряг Буро и пошел за дровами. Между берегом и отмелью тоже много воды, так что Буро временами чуть не плывет. Он уже привык ходить в запряжке и очень усердно тянет. Начинает понимать командные слова. Привезли мы соединенными усилиями очень много дров. Пока я их колот и складывал для просушки в решетки, прошло много времени. Солнце стоит на севере. Буро отправился промышлять мышей. Сегодня я сготовил обед, совершенно не зажигая примуса, а лишь на плавнике. В печке он горит хорошо, надо лишь сначала разжечь. Вокруг палатки

вся тундра буквально поет, несмотря на ночь. Не знаю, когда теперь птицы спят? Поют несмотря ни на время суток, ни на погоду...

13.06. Туман. Видимость 0. Сыро. Ветер 0. Пошел поискать куропаток, но не нашел. Не распугивает ли их Буро? Я перестал его привязывать, и он бегаёт по тундре, ловит мышей. Утром он на какого-то таял, на кого — из-за тумана разобрать было невозможно. Но привязывать его я не могу, так как нечем кормить. Зашел на холм. Собрал 18 предметов и, между прочим, обломок железного кольца или цилиндрической трубки, диам. внутр. 15—20 мм и внешн. 30 мм. В стороне от холма-3 нашел странный предмет в виде совка. Дерево. Что за штука, понять не могу. На куче среди кусков дерева и кости был какой-то деревянный предмет. Лишь сегодня я обратил внимание, что он аналогичен № 8 костяному. Тоже назначение непонятно.

Интересна керамика. Два орнамента краевых частей сосудов. По изгибу, очевидно, обломки какого-то плоского сосуда вроде миски или чашки. Очевидно, это характерно для всей здешней керамики. Орнамент обонх черепков схож. Исполнен он очень мелко и тщательно. Жаль, что обломки малы и сохранность плохая. Думаю, что скоро начну разведку прилегающей местности. Сделаю съемку и разобью все на двухметровые квадраты, а холмы — на однометровые.

Вечером ветер усилился. Сначала OSO, а затем SO. В еще не глубоко протаявшей почве (песчаной) колышки держатся плохо, и их начало выдирать. Забил их поглубже и сделал штормовые оттяжки с главных шестов. Ветер балла 3—4.

14.06. Ночью угловую оттяжку оборвало и меня накрыло. Хорошо, что я проснулся, по-видимому, моментально. Натянул пилы, малицу и вылетаю на улицу. Оттяжку поправил и забил колышки поглубже. Шторм. Ветер SO, балла 4—5 с порывами до 6, а может, и больше. Ветер свистит и визжит в оттяжках, которые натянулись как струнки. Слышно, как ревет море. Но вместе с тем ясно и светит солнце. Сейчас, вероятно, около 2-х. Не знаю, долго ли я проспал, как снова проснулся от какого-то грохота. Вскочил и выглянул на улицу. Небо, затянутое сплошными серыми тучами, то и дело прорезывалось молниями, за которыми следовали оглушительные раскаты грома. Точно все кругом рушилось и валилось в преисподнюю. Иногда молнии ударяли в соседние холмы, и мне даже стало жутковато. А что если какая-нибудь надумает и ударит в мое плацо. Только пепел останется! От ударов грома даже вздрагивала земля. Не знаю, сколько времени длилась гроза. Между прочим, дождя почти не было. Так, изморось. Отдаленный гром слышен был утром и даже днем. Гроза шла CSW на NO.

Утром ветер SW. Пасмурно, сыро и холодно. Черт знает, что за климат! Сидел в палатке, вязал сеть. Может быть, хоть к осени реки вскроются. Часам к пяти разъяснило, на несколько минут показалось солнце. Сфотографировал палатку, а затем отправился

за дровами. Привез целую нарту. Исколот и сложил на просушку. Когда ходил собирать плавник, то встретил куропаток. У меня с собой был лишь винчестер. Застрелил самца, но тут засел патрон, и самку пришлось отпустить с миром. У самца пестрых перьев нет совершенно, но брови очень красные, и черные надбровицы очень резки.

15.06. Собрался пойти поискать куропаток, но перед тем как уходить, взглянул в бинокль на лед. Там были звери. Двое лежало против устья ручья. Двое правее, и еще за устьем Тиутея виднелись тоже тюлени. Пошел на лед. Около самого берега, благодаря ручьям, лед промыло, и образовался с'ем. Я походил, походил и не мог пробраться. Здесь нужны лыжи! Пошел к палатке и сделал себе лыжи из полозьев сломанной нарты. Лыжи были довольно странные, но тем не менее на снегу держались хорошо. Ходить же на них было исключительно трудно. На если они держались на снегу, то на жидкости держаться не хотели и потому на снеговой каше были неприменимы.

Долго я ходил около с'ема, пока не нашел подходящего места для переправы. Далее идти было уже хорошо, но вслед за хорошей полоской шла полоса «озер». На льду образовались громадные свежуны, через которые, скрадывая зверя, приходилось ползти. Удовольствие было невелико. Одним словом, левые звери ушли, не дождавшись меня, а к правым я не пополз, так как здесь воды было уж очень много, а перемокнув, мне нечего сменить сухого.

17 июля 1929 года, чум самоеда Сейко Ямал, близ р. Тамбей, п-ов Ямал. Присутствующие самоеды, свидетельствуя свои слова приложением личной тамги, рассказали следующее. 15 июня 1929 г. самоеды Тероку и Тэл из рода Уэнонга вывели сотрудника Северо-Ямальской экспедиции Комитета Севера Наталью Александровну Котовщикову, против ее желания, на побережье пролива Малыгина, на мыс Хае-сале, к имеющемуся там береговому знаку. Тероку Уэнонга должен был на другой день выслать оленей за сотрудником экспедиции К. Я. Ратнером, жившим в это время на Пэидури-сале (на карте: Яды-сале). Тероку Уэнонга, однако, за Ратнером не выехал, и за ним приехал значительно позже (точно срок установить нельзя, так как произошла сбивка в счете дней на несколько суток) Серкоти Вануйта. Прибывший на другой день К. Я. Ратнер нашел Н. А. Котовщикову уже мертвой. Вывезя уже большую Н. А. Котовщикову, Тероку и Тэл Уэнонга не позаботились даже о том, чтобы приготовить для нее дрова, хотя знали, что топора у нее не было, и не помогли соорудить палатку²⁸.

²⁸ На этом дневниковые записи В. Н. Чернецова об экспедиции на Ямал обрываются. О трагической смерти Н. А. Котовщиковой, ее научной деятельности см. некролог В. Н. Чернецова (Этнография, 1930, № 1—2, с. 158—160) и статью Л. В. Хомич. Из истории советской этнографии (изучение этнографии самодийских народов). — Историческая этнография; традиции и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 7—8.

[Материалы из трех тетрадей (д. 7, 9, 10). Заглавие — по оглавлению В. Н. Чернецова в д. 7; ему соответствует содержание и д. 9, 10].

Сестра Нуми Тусида (мать — остячка, говорит по-русски) рассказала следующий миф. Нум сделал человека и собаку одновременно. Человек был сделан из песка. Оленя он сделал раньше, причем и домашний, и дикий жили сначала вместе. На них нападали волки, тогда часть оленей решила идти к человеку, спасаясь от волков. Другая часть была не согласна. Тут они разделились, и оленя пришли к человеку, который потом стал их запрягать. Собака тоже сначала жила самостоятельным хозяйством, отдельно от человека, и носила одежду. У нее была грузовая нарта *вандоку*, где была сложена пища. Однажды собака взяла и съела все в один день, не заботясь о будущем. Тогда Нум (*нися* 'отец') рассердился и сказал: «Ты совсем не умеешь жить самостоятельно, иди к человеку и живи с ним».

А чтобы собака не мерзла, он выдернул волос из своей головы и бросил его на собаку. Она немедленно покрылась шерстью. Тогда же Нум сделал так, что собака перестала говорить по-человечески. С тех пор собака стала такой, как есть теперь. Собака — это злой дух (*нгылека*), причем есть хозяин собак *вэн мир метта нгылико*, то есть 'собачий образ, носящий дух (демон)', который обитает в лесной полосе²⁹. Этот злой дух приносит болезнь, от которой у человека пропадает сила, затем начинают болеть кости, человек страшно худеет, сохнет и умирает. Этот дух сильнее всех шаманов и совершенно им не подвластен. Изображений его не делают и жертвы ему не приносят. Каждая собака — тоже дух *нгылико*, но так как она живет у человека, который ее кормит и ласкает, то дух теряет власть над человеком, и последний подчиняет его таким образом себе. Но если человек бьет собак, то он тем самым теряет власть, и такой человек обычно кончает плохо. Каждая собака может шаманить, и поэтому они видят духов. Поэтому собаки иногда лают неизвестно на что. Это они лают на пришедшего духа. Убивать собак можно, но только лишь удавкой, так чтобы не появилась кровь, а то — грех. Собаку приносят в жертву только на Янто-хаен — жертвенном месте рода Япник, находящемся на р. Юрибей. Это место обитания сына Нума (*Нумлю*), который в прежнее время здесь ходил. Раньше было тепло, и вот настал первый буран. Сын Нума заблудился. Это было на Юрибее. Теперь здесь священное место, и здесь живет сам сын Нума. В жертву ему приносят собак и оленей. Собак приносят в жертву, убивают удавкой.

²⁹ Жена Нуми Тусиды (с п-ва Я-вай) сказала, что *вэн мир метте нгылико* живет около Туруханска (Турухан гард). — Прим. В. Н. Чернецова.

Клички собак. *Лапо* — черная собака с белыми передними лапами. *Переби* — черная собака с белым пятном на спине. *Лянт* — белая собака с висячими ушами. *Терензи* 'маленькие копытца у оленя' — белая собака с розовыми подошвами. *Пурј, бурј* 'волк' — собака волчьей масти. *Хорти* 'кобелек' — белая собака с густой шерстью. *Няльпо* — черная собака с густой шерстью, иногда с висячими ушами. *Икче* (ик 'шея') — черная собака с белой шеей. Черный (русс.) — черная собака. *Хакче* (ха 'ухо') — белая собака с черной головой. *Янту, яндей* — черная собака с короткой шерстью. *Матюй* (матюй ха 'сухое дерево с согнутой или сломанной верхушкой') — искривленная белая собака с коротким хвостом. *Тензи* 'заяц' — белая собака с совсем коротким хвостом. *Лемпе* — белая собака почти совершенно без хвоста. *Пидову* 'пестрый, писанный' — пестрая собака. *Тейвок* (теве 'хвост') — черная собака с белым хвостом. *Айвок* (айва 'голова') — белая собака с черной головой. *Тасо, тасу* — рыжая собака. *Тайко* (тай 'лоб') — лобан, на лбу белая проточина. *Ласык* — коротконогая собака. *Вэн, вэнеко* — собака. *Хора вэнеко* (хор 'самец') — кобель. *Этя вэнеко* (этя 'самка') — сука. *Хутю нсбя* — сука, щенячья мать; также кличка для сук. *Нянре* — белая с густой шерстью.

Других отдельных имен для сук нет, их называют так же, как и кобелей, с прибавлением не 'женщина' или нсбя 'мать': *Налту не, Тайко нсбе, Хутю* — щенки, также имя взрослой собаки. *Велс* — белая собака с густой шерстью. *Акар* — собака, привезенная сверху, русская собака (ср. с вогульским *акр*). *Салко* — черная собака с короткой шерстью. *Юдак* — белая собака с черным пятном на спине. *Сенг* — дымчато-серая собака. *Лонгай* 'пуговица' — собака с очень коротким хвостом. *Ерё* — собака с очень густой и длинной шерстью. *Хаке тасо* — уши рыжие. *Худук* — собака, похожая на белого волка (*сер сармик*).

Собаки приносят в жертву на священном месте на (р. Юрибее) Яптоко-хаэ. Собаки давятся удавкой, отнюдь не тынзяном. Собаки выбираются белые и хорошие, дорогие. Один человек приносит в жертву одну собаку. На месте оставляется череп и шкура собаки, мясо бросается. Убивать собак на панду могут лишь женщины, тоже удавкой. (Но убивать собак самоеды вообще не любят, так, напр., ...просил за белую собачью шкуру для панды столько же, сколько и за неплюя, а живую собаку, тоже белую, отдал за два фунта сахара). 14.03. 1929, чум Нуми Тусиды, ст. сестра Нуми.

Кровь собаки. Нуми Тусида сказал, что если к человеку приходит цинга, то надо разрезать ухо и кровью намазать лицо. Цинга боится крови. Хавы Ялтик сказал, что при появлении цинги надо бить собаку и кровью намазать губы. Нуми сделал человека (самоедов, остяков и др. настоящих людей — *ненэй ненэцэ*'), взяв речного песку и слепив из него мужчину и женщину. Затем он разжег огонь, который достал на небе, и обжег сделанных людей. До этого он сделал животных, начиная с медведя и кончая собакой, которую он сделал одновременно с человеком. Только лишь русских,

лошадь (и других однокопытных, «так как у нее копыта не двумя отростками») и мамонта сделал не Нум. В нижнем, подземном мире обитает дух *Нга*, у которого есть две жены. От старшей происходят все злые духи и русалки, а от младшей — русские. Мамонт — это «олень *нга*», а лошадь (конь) — сын мамонта. *Нга*, *нгылеко*, *нгылна*, *нгол* (волк) — слова, безусловно, общего происхождения, исходящие от слова *нгыл* 'низ'. *Куль*, *йели*, *нгыл* — слова, происходящие от корня *йол*, *ил* 'низ'. Из сравнения обоих корней *нгыл* и *йол*, *ил* (первый — самодийский, второй — вогульский) мы приходим к мысли об общем их происхождении.

Хаулы Окотэтто рассказывал, что на морском острове живет великан *Нгадер*, не носящий одежды, так как весь покрыт густой длинной шерстью («как собака»). Он — людоед. Слыхал о нем Хаулы от *арка нэнэц*'. Хаулы рассказал, что Парнэ бывают двух родов (*сидя тэнэ*). Одни — *Лысавэй* — ростом немного больше людей, с длинными ногтями, которыми они царапают людей. Они едят людей. Эти Парнэ не могут сидеть, так как у них сзади торчит кость вроде хвоста — это как бы продолжение позвоночника. Другие — *Сесавэй* — добрые, по виду не отличаются от людей. 25.05.29.

Пырья — большая, до сажени, рыба, на голове у которой рога, «как у пешки». Живет по озерам и рекам. Живет в реке Пырья-яга около Хадаты. *Явнга* — спиральная раковина. Плывая на лодке, увидел раковину, поднес ее к уху. Послушав, он сказал, что ветер скоро не кончится, так как раковина шумит сильно. 5.07.1929.

Сэв Яптик рассказывал, что когда самоедам приходится без лодки переплывать широкую и глубокую реку и ехать уже, стоя или сидя на нарте, нельзя, так как она затонет, тогда самоеды поступают так. Постромки у оленей — как только возможно короче, а в задней части нарты привязывают крепкий ремень. За этот ремень самоед хватается руками и, держа вожжи в правой руке, гонит оленя в воду. Таким образом, даже не умеющий плавать человек держится на воде, поддерживая голову выше ее поверхности благодаря плавучести нарты. 9.07.29.

Самбана — шаман, занимающийся исключительно похоронами и проводами умерших. Сампоны носят это имя потому, что он является именно таким шаманом. Точно так же и его отец, и дед, и прадед были самбана. Живет он исключительно на те средства, какие ему дают самоеды, имея всего лишь 10 оленей. По его словам, ему самому промышлять — грех. Живет в большой бедности.

Чум Сампоны Яптик. Инструмент для очистки винтовочных стволов от свинцовки. Состоит из деревянной палки, диаметром меньше *нал* 'ружья'. На ее конец надета костяная трубка, в которую вставлен кусок плоского напильника. Напильник подточен так, чтобы его толщина равнялась ширине нарезки. Для винтовки с нечетным количеством нарезов (берданки) напильник вставляется лишь в одну сторону палки. В стволах же с четным числом наре-

зок (ремнингтон) напильник выступает с обеих сторон, так что при чистке забирает две диаметрально противоположные нарезки. Для очистки выступов нарезки употребляется такой же инструмент, но напильник здесь берется полукруглый, и на нем делается более крупная нарезка. Таким образом они забирают свинцовку, почти не трогая стали ствола.

Чум Хадовы Окогэтто. Если при отпавлении на промысел передовой олень чихнет, то будет неудача, лучше вернуться. Если при погоне за медведем передовой чихнет, значит медведь впереди. Если молчит, значит медведь остался сзади. Если передовой чихает перед поездкой на священное место, то схать нельзя, и это предвещает несчастье. Тэл Уэнонга собрался к священному месту. Олень чихнул, он отпряг оленей, но это не помогло, и все равно на другой день он умер. Олень чихает при переправе через реку, перед тем как войти в воду. Надо завернуть оленей обратно и попытаться проехать в другом месте. Олень чихает при поисках чума в тумане или в буран (и т. п.) — это означает, что чум впереди, если молчит, то чум остался сзади. Синонимы: вогульское *ма унтне* 'земли рождение' — определение самого давнего времени; самоедское *я миде* 'земля сделана' — точно такое же определение давнего времени.

Морской промысел. Этнографическая часть. А. Материальная культура. 1. Различные способы промысла в разное время года, в разных местах и на какого зверя. 2. Орудия промысла: ружья имеющиеся и предпочитаемые, ружейные доски, самолеты, вспомогательные предметы, гарпуны. 3. Лодки: калданки, карбаса, большие промысловые лодки. Способы изготовления, где, кем, когда. Из какого материала. Размеры, чертежи, фотографии. Срок службы. Стоимость лодки. 4. Оснащивание и разделка зверя. 5. Употребление в пищу. Какие части не идут в пищу и почему. В каком виде едят, как приготавливают мясо и жир. 6. Употребление шкур, выделка ремней и кожи, на что идут. Образцы новых и держаных предметов.

Б. Веравания, связанные с морским зверем.

В. Экономика. 1. Эквиваленты стоимости. 2. Сколько добывается в год на одного охотника. 3. Какую роль играет морской промысел в бюджете.

Нерпа — *няк'*; белый медведь — *сэр варк*; заяц (морской) — *нгартн'*; лисун — *лыско'*; морж — *тив тей'*; белуха — *вэбарка*; кит — *халэ'*.

Ледовые условия. 25.11.1928. Встретили во время касания Тусиду, который сказал, что Карское море еще открыто, но пролив замерз.

4.12. Проллив замерз (устье р. Яды-яга) окончательно, причем насколько позволяет видимость, очень ровно и без торосов. Правда, видимость сегодня 2 или немногим более. На НО водяное небо. Някучи Уэнонга сказал, что в устье губы вода не замерзает всю зиму благодаря быстроте течения. Расстояние до открытой воды

от мыса Дровяного колеблется от одного и менее до трех попрысков в холодные годы.

10.12. Сегодня видимость хорошая, около 4. День теплый, ветер S, около 2 баллов. Водяное небо видно очень хорошо, и я взял засечки. Восточная засечка взята несколько неуверенно, так как выступающий мыс Яды сам заслоняет восточный край водяного неба. На темном фоне водяного неба довольно хорошо виден остров Белый в виде ярко-белой полосы. Лед в проливе слегка с присолоною.

1.02. 1929. Мы подъезжали к мысу Дровянному. Водяного неба, собственно говоря, не было, но на некотором расстоянии от берега стояла сплошная полоса тумана. До открытой воды было около километра, и это расстояние мы проехали на оленях. Лишь только мы приблизились к краю льда, как на поверхности воды показалась тюленья голова, а за ней и другая. Мой винчестер отказался стрелять, у Езынги тоже была осечка. Затем он выстрелил, но промахнулся. После этого мы уехали на торосах. Някучи начал кричать, вызывая нерпу, я ему вторил. Он говорил, что тюлени идут на крик. Полоса тумана представляет из себя поле с нагроможденными на нем торосами высотой до 3—4 м. Большинство же из них около 1 м. Насколько далеко тянулась открытая вода, усмотреть было невозможно из-за густого тумана. Поверхность воды покрыта салом и тонким мелкобитым льдом. Заметно течение, вероятно, отливное, направляющееся от берега. Так сидели мы, пока солнце не коснулось горизонта. Тюлени больше не показывались. С закатом и мы поехали домой. До чума три попрыска, и вернулись поэтому довольно поздно. Вообще, довольно нерациональная трата времени на езду туда и обратно, но на мысу нет мха, и негде пасти оленей.

По словам Тумдыси Окотэтто, нерпу оснимывают «мешком, чемаданом», когда нужно резать ремень. Для пимов и гусей снимают, делая надрез от морды до хвоста. (Так были сняты шкуры, полученные от Хаю Сэр Пивы и Тырцы Хаби). Заяц оснимывается четырьмя частями, делаются разрезы кругом всей туши (по *a, b, c, d, e, f*), когда кожу надо на ремни. (От Амню Яптика была получена именно такая часть). Моржей, по словам Тумдыси Окотэтто, оснимывают, делая разрез от носа до хвоста и затем посередине на две половины. Ремень режется спиралью, начиная с края к середине (рис. 11).

Эквиваленты цен и нормы выхода ремня и жира. 15 саж. (ручных) ремня из зайца, для постромок — 1 олень. 20 саж. (ручных) ремня из моржа, для постромок — 1 олень. 20 саж. (ручных) ремня из нерпы, для постромок — 1 олень. 1 большой олень — 1 песец (олень похуже — песец-король). Заяц дает 80—100 саж. ремня. 1 олений желудок емкостью приблизительно около 2 п. жира (немного меньше желудок большого быка). 1 желудок нерпичьего жира — 1 олень. 1 желудок заячьего жира — 1 песец. 1 желудок моржового жира — 1 песец, 2 моржовых клыка небольших — 2 оленя,

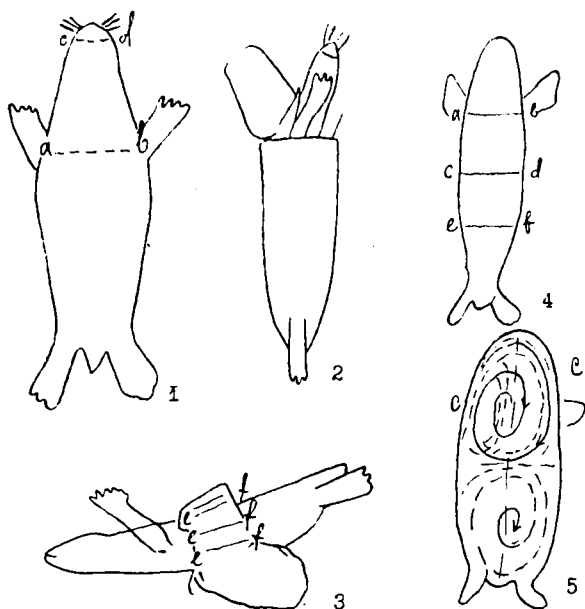

Рис. 11. Схемы оснимывания шкур: 1, 2, 3 — нерпы; 4 — морского зайца; 5 — моржа. Ненцы Ямала, 1928—1929 гг. (д. 7, вкладыш 12, л. 157)

большие клыки — 4 оленя (или песца?). 1 моржовая шкура дает ремня до 200 саж. Одна нерпичья шкура дает ремня — 10—15 саж. 1 нерпа дает 1 желудок жира. 1 заяц дает до 4—5 желудков жира. 1 морж, 1 белуха, 1 лисун дают до 10 (?) желудков жира. .

Хавы Япник говорил, что 10 берданных патронов стоят 1 песец. иногда за эту цену можно купить лишь 5 патронов. 20 гильз берданных — 1 песец. Тырцы Хаби купил у Някучи Уэнонга в марте 1 полушку табаку за 1 песца. 10—15 хлебов — 1 песец. Пуд муки — 1 песец. М.л. брат Песимо Окотэтто: купил ремингтон за 8 важенок и 2 быка. Омдю Окотэтто: ремингтон купил у зыряннина Молопо Ваньсядая 10 лет назад со 100 патронами за 100 р. Хаулы Окотэтто: ремингтон, 1914 г., купил 10 лет назад на Урале (ружье с Печоры) за 200 руб. деньгами, при ружье было 100 патронов. По тем временам 200 р. = 20 песцам. Амию Окотэтто рассказывал, что в Карское море приходил пароход, вероятно, норвежцы. Песимо Окотэтто был на норвежском пароходе, где один из самоедов приобрел свитер за 1 пешку.

Тумдысн Окотэтто, рисуя охоту на нерпу, рассказывал, что нерпа лежит на льду головой к отдушине. У больших отдушин бы-

вает по 2 нерпы. Подкрадываются к ним с доской, причем доски употребляют простые деревянные без тряпок: белую доску зверь принимает за белого медведя. Стрелять надо в голову или в шею, иначе тюлень уйдет. У убитого тюленя голову надо бросить обратно в воду, предварительно вынув глаза, которые подрезаются ножом и затем выдираются из орбит пальцами. Если голову бросить с глазами, то потом не убьешь больше тюленей. Печень и легкие, которые не идут в пищу, оставляют на льду для чаек. На рисунке он указал куски печени и клюющую их чайку. Убивать чайку не годится. Нерпа начинает делать отдушины, когда начнутся весенние дожди и появятся большие проталины. В это время она еще жирна. С появлением открытой воды нерпа худеет и затем почти не имеет жира.

26.05.29. Амню Окоэтто. По его словам, нерпа уже начала выходить на лед, хотя еще в очень небольшом количестве. В конце ты ниць ирий она будет лежать на льду и спать, точно так же и заяц. Он говорит, что так как она спит, то худеет, и потом через месяц у тюленей совсем не остается жира. Когда случалось убивать зайцев в это время, то в самках находили уже больших щенков. Позднее же их уже нет. Около этого же времени, конец мая — начало июня, щенится, по его словам, нерпа. На тынзяны идет нерпа поменьше, у которой тонкая кожа. На один тынзян надо 2 нерпы. Качество тынзяна, по его словам, хорошее, не уступающее оленьему. Точно так же хороши нерпичьи гуси, которые не намокают, а намокши, быстро сохнут. Носкость их хорошая. Пимы, подошва терпит одно лето, и при аккуратной сушке пимы живут долго. Женщинам носить нерпичьи пимы — грех, потому что нерпа священна. Амню объяснил, что священность ее происходит от того, что она служит пищей медведю (*хэбидя нгавар*). Точно так же священен заяц, так как медведь ест и его. Но морж, которого медведь убивает, не священен и потому постромки на *сябу хан* должны быть моржовые. Амню говорил, что мясо нерпы едят все, за исключением легких и печени, которые бросают по причине их скверного вкуса и вонючести. Голову не едят, так как там и мяса нет. Заяц распределяется точно так же. Женщинам можно есть сердце как нерпы, так и зайца (и моржа). У моржа не едят легкого и печени, но голову едят, так как она большая и с мясом. Бросать на льду головы зверей — грех, так как их увидит Нум. Их надо бросить в воду. Из заячьей кожи (Амню) делают подеры, причем берется шкура потоньше (из зверя среднего размера). 10 подеров стоят оленя.

Амню Окоэтто. У него есть моржовый гарпун (рис. 12, 1, 2), который куплен давно, не известно, у кого. Гарпун весом около 4-х с лишним ф., выкован из железа и наварен сталью. На насадке навязана петля из веревки, которая не может соскользнуть с насадки благодаря утолщению на конце последней. Лезвие гарпуна защищено деревянным пагалищем, которое удерживается деревянным кляпышком, подходящим с внутренней стороны загиба. Во-

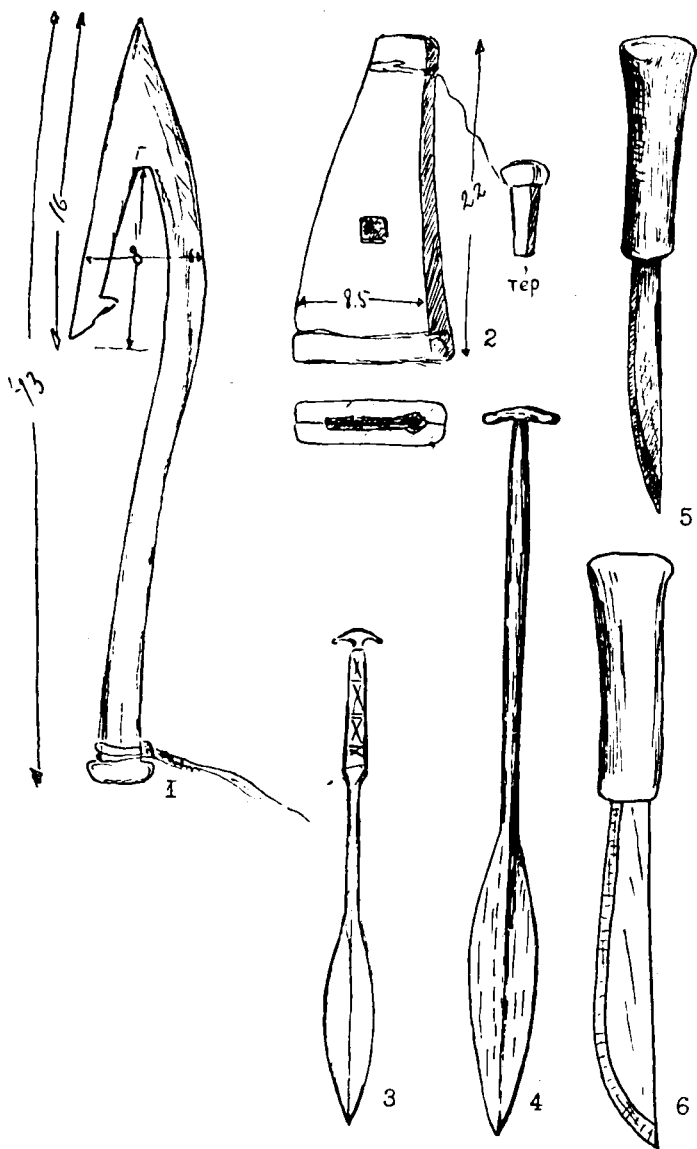

Рис. 12. Изделия ненцев и манси: 1 — *н'осок*, ненецкий гарпун на моржа; 2 — *сенте*, деревянное нагалище для гарпуна (д. 61, л. 1); 3, 4 — весла (д. 60, л. 1, 2); 5, 6 — ножи (д. 61, л. 7, 8)

обще гарпун в точности соответствует описанному Н. Смирновым моржовому гарпуну, распространенному среди промышленников Мурмана и Норвегии. Амнио Окоэтэто показывал стальной накопечник для литых пуль. Этот накопечник он нашел в морже и теперь все время употребляет. Убил с ним несколько моржей. Накопечник имеет форму грибка и вкладывается в пулелейку при отливке пули. Амнио берет в починку ружья и очищает их от свищовки. Его собственный ремингтон тоже чищен. Делает это он при помощи напильника. Так как после этой операции калибр немного увеличивается, то и пулелейка у него соответственно расточена. У него же я видел кремневую винтовку, у которой он должен был чистить ствол. Кремневка примерно 50 калибра. 25.06.29.

Нуми Тусида сказал, что на Сиртя-Сале (при устье Хаби-яга) не находят никаких вещей или следов. Вообще находка сиртя еся приносит несчастье, но тем не менее женщины носят на сава бронзовые и серебряные вещицы. Много их находят на Мотю-яга, на сопке Мотю-седе, в среднем течении реки Мотю-яга (приток Вануй-яга). Нуми говорит, что сиртя в прежнее время жили на земле, но потом ушли под землю и теперь живут там, боясь показываться на дневной свет. Салиндер Хаби (п-ов Явай) говорил, что на Явае следов сиртя не находят. Это же говорили и его товарищи, пришедшие с Явая.

26.05.29. Хавы Яптик сказал, что в устье Тиутей-яга есть две сопки: Сиртя-седе или Сиртя-ма, они на левой стороне реки, на мысу Тиутей-Сале. Расположены чуть ниже устья реки Сэр-яга. Нарисовал карту. По его словам, возле этих сопкок находят каждый год много металлических вещей, которые специально ищут самороды.

Някучи Уэнонга. Рассказывал, что сиртя в прежнее время жили на Ямале, как на берегу моря, так и на хребте. На вопрос, были ли они людьми или духами, он ответил, что это такие же люди, как и все, и что еще сестра его деда была замужем за сиртя, и у них был сын. Но однажды сиртя с какой-то целью, возможно и шутя (Някучи точно не сказал), бросил ножом в сына и убил его. Тогда дед Някучи тоже, в свою очередь, убил его. Это был последний сиртя. Об образе жизни сиртя Някучи говорит немного. С одной стороны, они были оленеводами, а с другой стороны, промышляли морского зверя. В подтверждение последнего Някучи сказал, что в Сиртя-ма много тюленых костей, а в размыве сопки на Тиутей-яга есть и морж со шкурой (?) По его словам, сиртя кочевали между хребтом и берегом моря, но как и в какое время, не знает. На вопрос, как тогда были тюленей и моржей, он сказал, что в те времена ружей не было, и были гарпуном. Были ли у сиртя лодки — он не знает, но полагает, что были³⁰.

Жертвенное место при устье р. Мордю расположено на ее левой стороне, на высоком морском берегу близ мыса Парнэ-Сале,

³⁰ Далее до прим. 31 следуют записи из д. 9.

‘Русалочьем мысу’. На холме целая куча оленьих рогов, причем нижние совершенно изгнили. Верхние черепа сохранили обрывки кожи. На земле вокруг кучи лежат черепа морских зайцев и перны. В кучу воткнуты палки, обмазанные ворванью. На средней длинной палке вырезаны лица сядаяв, количество которых выяснить не удалось. На одной палке — повязка из красного шерстяного шнура с медным кольцом. Точно такая же повязка и на маленькой сухой лиственнице, прислоненной сбоку к куче. На земле набросаны камни и палки, и на всем следы ворваньи. Во всех шелях кучи, в обломках черепов и просто на земле свинцовые пули, в большинстве случаев деформированные, и одна медная берданочная гильза. В стороне от кучи стоит семикопыльная палта (справа 3 и слева 4 копыла). На палцах, копылах и головках полозьев — следы обильных смазок ворванью. Головки полоза обгрызаны зверями. С восточной стороны кучи к ней прислонен обрубок полусгнившего дерева диаметром дюймов 8, с сильно перекрученными слоями. На нем лежат четыре деформированные пули. К обрубку прислонен сядай 1 м. с остроконечной головой и грубо вырезанными носом и ртом. На туловище сядая семь зарубок, и пятая снизу обвязана красным шнуром скольцом. Саженьях в полторастах от холма — еще сядай, воткнутый в землю, сделан из тонкой аршинной палки. На верхушке следы лица и глаза, по-видимому, выжженные по два с каждой стороны.

Цинга — сам. *синга*. По словам Пирчи Окогэтто, цинга составляет целый род (*еркар*), который живет в море. Возможно, что у них есть и чумы. Летом цинга из моря не выходит и появляется лишь зимой. Цинга является людям в человеческом образе: мужчинам — в виде женщины, а женщинам — в виде мужчины. При этом цинга принимает образ любимого человека, так что увидевший ее ошибается и не узнает в ней болезни. Является цинга скорее всего людям, «у которых мало крови». Цинга не появляется, если человек не один, и потому выходить по двое, по трое более безопасно, чем в одиночку. В чум она приходит лишь ночью. Не годится также выходить на улицу без малицы (обнаженному), так как цинга тогда придет скорее. Цинга боится крови. Цинга боится шамана, так как не терпит бубна и песни. 24.11.28.

Когда Вася стал стучать трубчатые оленьи кости одну о другую, жена Пирчи сказала, чтобы он не стучал, так как у живого оленя сломается нога. Точно так же она сказала, чтобы мы не резали костный жир острием ножа. Надо его резать обухом. 20.11.28.

Переводчик ямальской экспедиции Ф. И. Евладов показал шары из бутылочного цветного стекла, которые употребляют на Мурмане вместо поплавков. Эти шары самоеды находят на берегу моря, куда их выбрасывает волной.

Лимбя ирий — январь, орлиный месяц; *яра ирий* — месяц молодых рогов; *сия ниць ирий* — ложный отел; *ты саполана* — начало отела; *ты ниць* — отел оленей; *ванды ирий* — незаконный (отел)

месяц; *ненанг ирий* — комариный месяц; *пилю ирий* — оводовый месяц (середина лета); *нарканси* — краснеет трава; *ты хори ирий* — оленьих быков месяц, начало снегопада и ледостава; *мари ирий* — диких оленьих быков месяц; *нюдя пэвдей* — малой темноты (месяц); *нгарка пэвдей* — большой темноты (месяц); *лимбя ирий* — появляется солнце.

Ловушка *ингней* *пя* 'росомашье дерево' (рис. 13, 1). Представляет из себя кол, гладко обструганный, врытый в землю, высотой 150 см. На верхушку его насаживается мясо. В кол вбиты длинные кованые костыли, концы которых тщательно заточены и загнуты кверху. Ловушка устроена с тем расчетом, что росомаха, пытаясь достать мясо, распорется о крючья.

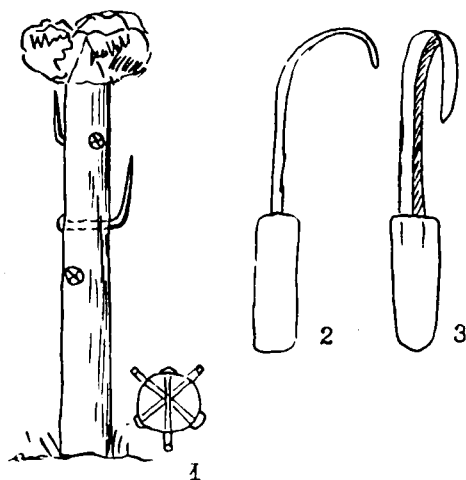

Рис. 13. Орудия труда: 1 — *ингней пя*, ловушка на росомеху; 2, 3 — *вода хар*, нож для изготовления ложек. Ненцы Ямала, 1928—1929 гг. (т. 9, л. 8, 14)

Самоеды считают, что существуют песцы кочующие, а кроме того, такие, которые живут на месте круглый год и имеют норы. В слопцы эти песцы не идут, и на них ставят капканы у входа в норы. Места для нор песцы выбирают на крутых высоких мысах по берегам ручьев и рек.

Някучи Езынги говорил, что солнце, как будто бы женщина, точно так же, как и огонь. Месяц ирий — мужчина. По этому вопросу сестра Нуми Тусиды сказала, что солнце *хаер* — женщина, у которой есть три дочери. Одна из них ушла вниз, и ее не видно. Её дочери — это ложные солнца. Месяц *ирий Вэсако* — муж солнца, он умирает и воскресает каждый месяц.

Цинга приходит к женщине в образе мужчины, к мужчине — в образе женщины. В обоих случаях она бывает совершенно обнаженная. В чуме появляется ночью, когда все спят. Тот, кому яви-

лась цинга, должен вскочить и крикнуть: «Цинга, ты меня убиваешь», — так, чтобы все проснулись. Тогда цинга немедленно уйдет. Вслед за этим надо намазать лицо кровью, которая берется из надрезаемого тут же уха собаки или оленя. В противном случае цинга начнет появляться каждую ночь. 7.03.29. Нуми Тусида.

Когда человек болен цингой, то приходит момент, когда она появляется ему в виде старухи ужасного и безобразного вида. Она — трехпалая, с незакрывающимся ртом. Когда цинга пришла в таком виде, то человек уже обречен, и ему больше не поправиться. 3.02.29. Някучи Езынги, Ерана Езынги.

После смерти отца Нуми Тусиды, который был шаманом, Нуми сделал его изображение из дерева дюймов 8 высоты. Сестра Нуми Тусиды сшила ему гусь из сукна, и когда этот гусь износится, сошьет еще. Это изображение называется нгытарма. Он живет в чуме. Его кормят: мажут лицо кровью, маслом, жиром и т. д. У него есть маленькая нарта, на которой он ездит во время каслания. Эта нарта (*нгытарма хан*) помещается иногда на *вандако*. В настоящее время этой нарты нет, так как она находится у брата Нуми, ушедшего в Обдорск. У брата находится другой нгытарма — изображение, для которого нарта и взята, так как она одна для обоих изображений. Сестра Нуми сказала, что после смерти шаманки делают изображение в виде женщины и одевают его в ягушку. Чум Н. Тусиды. 14.03.29.

Вода хар 'крючок нож' (ложкарный нож). Делается как и обыкновенный нож, то есть откован слегка напильник и опилен. Но затем Хаулы загнул его сточенной стороной внутрь, после чего закалил, нагрев до темно-красного цвета и опустив в воду. Чум Амню Окотэтто. 28.05.29³¹.

Белемниты (*парнэ хада*, то есть русалочьи ногти) употребляются как лекарство при порезах, их скоблят и засыпают порез.

На чуме Ландо, на одном из шестов, насажена гагара, вырезанная из дерева. По поводу почитания птиц переводчик Ф. И. Евладов, зырянин из Обдорска, сказал, что гагара почитается не всеми самоедами, точно так же, как и чайка.

Белая рыба — *ненэй халя*; пыжьян — *палкур*; селедка — *сэври*; муксун — *сюмбак*; шокур — *идюрця*; сырок — *пайха*; омуль — *яв'халя*; стерлядь — *артин халя*; осетр — *ехэна*; икра — *тиребя*; налим — *нёя*; камбала — *полха*; окунь — *павды халя*; ерш — *ляре*.

Песец — *нохо*; «крестоватик» — *парики нохо*; «синяк» — *синха нохо*; морской заяц — *нгарты*; морж — *тивтей*; нерпа — *няк*.

Зуб медведя носят, чтобы в лесу не чудилось.

Хонтл эви — зари утренней дичь³²; *хонтл нэ* — заря; *хэть эви* — солнца дочь; *хэт* — солнце; *илабели хонтл эви* — вечерней зари дочь; *тылис эви* — месяца дочь. Месяц тылис — это мужчина, в руке он держит бубен, самого его видна лишь тень. У него есть

³¹ Далее следуют записи из д. 10.

³² Этот список слов относится к хантам.

жена — *тылис нэ* и дочь — *тылис нэ эви*. Солнце — хэт, на верхне-обском наречии — *най*. Это женщина, муж есть, нет ли, не известно ³³.

— Если ты думаешь, что можешь здесь распоряжаться, то думаешь неверно! Я вовсе не для того кормлю тебя и твою семью вот уже два года! Ты едешь на моих оленях, одеваешься в одежду, которую даю я, и теперь отказываешься даже ехать на промысел!

— Но ведь ты видишь, что будет буран; — робко возразил Нуми. — Лед оторвет, угонит в море.

— Молчи! Тебе просто лень работать! Я тебя взял в свой чум, когда тебе некуда было деться. Еще вчера я тебе дал табаку, которого у самого мало, а ты теперь хозяйничаешь! — Голос Тероку поднялся до визга. — Если не хочешь ехать, то можешь убраться вон. Забирай свою семью и иди. Иди! — повторил он, выходя из чума.

Нуми, понурясь, сидел на своей половине чума перед низеньким столиком. На нем валялись обглоданные кости и стояла перевернутая чашка. В чуме только что кончили есть, когда разразилась вся эта история. Действительно, ему, Нуми, некуда деваться. У него нет ни чума, ни оленей. Куда пойти теперь, среди зимы? Надо ехать, а то Тероку выполнит свою угрозу. Натянув пимы и подпоясав малицу, Нуми побрел к своей нарте. Он весь сгорбился и напоминал покинутую собаку. Когда Тероку увидел, что Нуми запрягает оленей, он ничего не сказал. И только довольная улыбка скользнула по его лицу. Ему, Тероку Уэнонга, жаль было выпускать из рук такого хорошего и безответного работника, каким был Нуми Вануйта.

Тем временем Вануйта ехал к берегу моря. Думы у него были невеселые. Он вспоминал, как два года назад все его олени пали от болезни, и он остался без средств к жизни с женой и двумя детьми на руках. Потом он встретился с Тероку Уэнонга и последний предложил ему жить у него. Тероку всем был известен своим неуживчивым характером, но у Вануйты выбора не было. Вначале они жили сносно, но с прошлого года словно черт вселился в Уэнонгу. Целыми днями он ругался и кричал и все больше и больше работы взваливал на Вануйту. За последнее время Тероку ни разу не помог караулить стадо. И сегодня он только вернулся от оленей, как опять поехал на промысел. Правда, Тероку кормит его с семьей и даже табак дает, но ведь он отдает ему почти весь свой промысел. А добывает он немало. Все говорят: «Вануйта промышленник хороший». Когда в прошлом году он принес на факторию голубого песка, русские долго его хвалили и досыта угостили его чаем. Часа через два Вануйта подъезжал к берегу моря. Быстрая езда и свежий воздух до некоторой степени разо-

³³ Далее следует образец литературного творчества В. Н. Чернецова — рассказ, написанный на сюжет из жизни ненцев.

гнали его мрачные думы, а показавшееся солнце и вовсе привело его в хорошее настроение. О, он еще напромышляет зверя. Оленей возьмет в долг и с весны будет жить своим хозяйством. Еще покажет, каков он — Нуми Вануйта! Нуми подогнал оленей и настолько разошелся, что даже зашел:

— Я живу один и нет у меня товарища.

Товарищи у меня — мои олени.

На четырех белых, белых ханторках

Поседу я в город, в Мысовой город³⁴.

Олени вынесли нарту на высокий берег. Отсюда видно было море. За неширокой полоской гладкого льда поднимались торосы, ярко блестящие под лучами февральского солнца. За торосами начиналась открытая вода, над которой сплошной стеной поднимался густой туман. Над морем небо было темно-синее свинцового оттенка. «Вода близко», — подумал Нуми и стал осторожно спускаться с обрыва. Гладкий лед проехали быстро. Дальше начинались торосы. Здесь он ненадолго остановился, чтобы положить на нарту легкую долбленую лодочку, которая хранилась у него на высоком ледяном бугре. Теперь пришлось ехать там, где повсюду нагромождены льдины. Их острые выступы то и дело задевали за нарту, и при быстрой езде и она, и лодка неминуемо сломались бы. У последней гряды Нуми соскочил с нарты и привязал оленей. Выдернув из чехла винтовку, он быстро взобрался на льдины, загромождавшие от него воду. Здесь он сел и, поудобнее устроившись, стал ждать.

По темной холодной поверхности воды скользили струйки тумана и, увлекаемые течением от кромки льда, сливались вдали в сплошную завесу, из-за которой нельзя было разобрать, что там дальше, вода или лед. Самоед ждал недолго. Внезапно по поверхности побегали круги, и из воды высунулась черная гладкая голова тюленя. Нуми вскинул винтовку, но выстрела не последовало. Патрон, который он собственноручно зарядил, дал осечку. Торопясь, Вануйта выдернул патрон, снова зарядил ружье. Нерпа, заинтересованная звуками, еще больше высунулась из воды. В ее круглых глазах, обращенных к Нуми, светилось любопытство. Тщательно прицелившись, самоед выстрелил. Но видно сегодня его преследовала неудача. Он редко промахивался, но на этот раз пуля звучно шлепнулась в воду рядом с головой тюленя, срикошетировала и с вибрирующим визгом полетела вдаль. Нерпа скрылась, и только круги по воде некоторое время напоминали о ее появлении.

Нуми выругался с досады и снова зарядил ружье. Он сидел долго, но случай больше не представлялся. Тюлени выставляли далеко, а Нуми не хотел зря расходовать патроны. Он заметил, что

³⁴ В. Н. Чернецов объясняет в примечании: Сале-хард 'Мысовой город'. В то время он назывался Обдорском, ныне — Салехард.

нерпы чаще всего показывались вблизи ледяного мыса, саженях в ста от него. Не теряя времени, он встал и спустился с торосов на ледяное поле. Здесь ему пришлось перескочить через небольшую трещину, из-за которой он чуть было не промочил ног. Тогда пришлось бы возвращаться домой без добычи. Вблизи поля, действительно, тюленей было много, но зато здесь его сильнее хватал ветер, налетавший отдельными резкими порывами. Вануйте вскоре удалось добыть одного за другим двух тюленей, и он, положив ружье на лед, занялся оснимыванием кожи.

Внезапно где-то среди торосов раздался грохот, и густой гул прокатился над морем. Поле, на котором стоял Нуми, дрогнуло. «Лед!» — мелькнуло у него в голове. Он бросил нож и выпрямился. Сильный порыв ветра едва не сбил его с ног. И еще раз вздрогнуло поле. Нуми подхватил ружье и бросился бежать. Ветер становился сильнее и сильнее. Мелкий колющий снег хлестнул его в лицо и обдал с ног до головы. На бегу Вануйта взглянул по направлению к берегу. Какие перемены! Ни берега, ни торосов не было видно. Сплошная серая пелена скрыла все. Ветер завывал, не давал бежать, ледяная пыль колола лицо, слепила глаза. Согнувшись и нагнув голову, Вануйта пробивался вперед. Вот конец поля. Тут он перепрыгивал через трещину. Теперь здесь открытая вода, мрачно черневшая среди белого хаоса метели. Она была совершенно спокойна, и ее спокойствие дико не гармонировало с окружающей бурей. Нуми остановился. Вода! Лед оторвало...

Руки его разжались, винтовка выскользнула, ударилась о лед и с глухим бульканьем скрылась в воде. Нуми не заметил этого. Он тупо глядел на воду, не обращая внимания ни на ветер, ни на режущий лицо снег. Обломки льдин плыли по воде и сталкивались с полем. С шипением и скрипом они надвигались на него и, разламываясь, образовывали гряды. От ударов поле вздрагивало... Нуми повернулся спиной к ветру и побрел. Рукам было холодно. Они были без рукавиц, которые он скинул, когда свеживал тюленей. Машинально надел рукавицы. Мысли о доме теснились в голове. Куда жена денется, что с ней будет? Уж не увидеть теперь ее ему. Оленей, поди, Тороку отнимет. Он — жадный. Скажет: «Нуми моих оленей на льду убил», — и отнимет. А он здесь лежит, и нет ему спасения. Два года назад вот так же Сейко на лед поехал и — с концом. Такой же буран налетел. Не успел, наверно, к берегу выйти. А в море помощи не жди. Кого тут встретишь? Говорят, будто Ямал-хаэ живет, только не помнит Вануйта, чтобы кого он на берег выносил. Цинга здесь живет. Ее встретишь. О! Она, как Тороку. Жадная. Она-то придет. Страшные образы пронеслись в голове. Вспоминались случаи, когда люди умирали на промыслах от голода. Внезапно острая мысль возникла в голове: «Может там, левее, лед не отделился от торосов, может только здесь разошлась трещина?»

Бросился туда. Бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь об острые выступы льда. Пробивался сквозь воющий буран. Скорей

вперед. Но напрасно. Та же черная спокойная вода и шуршащие льдины. Конечно. Лед оборвало, и его несет в открытое море. Тупое отчаяние и какое-то бесчувствие овладело им. Нуми опустился на лед и сел, стараясь только защититься от бесжалостных порывов бури. Буран все свирепел. Ветер нес целые кучи снега, заметал лежащую на льду фигуру. Время от времени над морем прокатывался грохот и треск сталкивающихся торосов. Дальше от берега, где было большое пространство открытой воды, появились волны. Валы с белыми гребнями набегали на льдину и оставляли на заплеске битый лед и мокрый снег. Иногда особенно сильная волна докатывалась до человека, и тот еще больше сжимался, скрываясь от холодных соленых брызг. Настала ночь, но не принесла успокоения бури.

Вануйта поднялся и сел. Вся одежда была мокра, и холодный ветер пронизывал насквозь. Мелкая изнуряющая дрожь сотрясала все тело. Куда его несет теперь? Лед отсюда отходит в открытое море за Белый. Тэл рассказывал: много зим назад двух человек тоже со льдом унесло. Три дня в море пробыли, потом ветер повернул, их на Белый вынесло. Медведя убили, тем питались. И Сэратэтто в позапрошлом году обрывался. Снова к берегу пошел. Может, и со мной так будет. Повернет ветер, прижмет льды к Белому или к Латынг-о. «Пешком домой пойду». Надежда на спасение дала облегчение Вануйте. Несмотря на обстановку, почувствовал, что хочет есть. Он вспомнил о тюленях и, с трудом поднявшись, пошел их искать. Намокшая и замерзающая малица стояла колом. Нуми протянул руку за ножом, чтобы с его помощью выжать воду из кожи. Ножа не было, он вспомнил, что оставил нож, где освеживал зверей. После долгих поисков Нуми набрел на свои полусмытые следы. Здесь он бежал, когда услышал треск льда. Ощущенью пробирается в темноте дальше. Вот кровь на льду, немного дальше лежали нерпы. Но дальше была вода. Поле не выдержало натисков льдин и разломилось. Надежда на пищу отпала. Обессиленный новой неудачей, Нуми опустился на лед. Он лежал, не осознавая, ни кто, ни где он. Мысли путались. Обрывки когда-то слышанных им сказок лезли в голову: «Хане Ходовой в лодке лежал. И не знал, он Хане Ходовой или еще кто-нибудь...» А может быть, что и он — не Вануйта. Вануйта дома, в чуме сидит...

Он уже не ощущал ни дрожи, ни холода. Сознание затемнилось. Исчезло представление о времени. Спал он или нет, не знает. Время от времени Вануйта поднимался, иногда шел куда-то. Мокрые нимы изорвались об острый лед. Было темно, и в темноте все принимало причудливые образы. «В море цинга живет», — настойчивая мысль сверлила голову. В свивающихся полосах снега, влекомого ветром, чудилась фигура. Вот она! Женщина. Да это дочь Хороля, которую он безуспешно сватал. Да, идет сюда, смеется... Но почему? Почему она здесь, на льду? Цинга! Цинга! Старикки говорят, что она всегда так приходит. Самоед вскочил. Глаза его

были расширены от ужаса. Прерывающимся голосом кричал в темноту:

— Вставайте, вставайте!

Упал на лед, закрывая лицо руками. Везде: в море, в воздухе, под землей — везде они, везде злые духи преследуют человека. Останется один в темноте и — конец. Нападут, изгрызут, съедят душу. Обезумев от ужаса, самоед бредил. Все, что он слышал с детства, чего боялся всю жизнь, было здесь. Он был один ночью на льду. А ведь злые духи только и ждут этого. И мать, и дед, и все старшие рассказывали ему о них. И вот теперь — конец. Цинга пришла и не покинет его. Она придет еще и еще. Пока приняла вид Некочи, обмануть хочет. А потом придет такая, как есть, старухой. Нуми еще плотнее закрыл глаза. Боялся увидеть ее — Старуху Трехпалую. В завывании ветра слышались голоса. Некочи слышалась. Зовет его кто-то. Он снова вскочил. Нет сил больше быть без движения. Побежал вперед, не разбирая дороги. На кромке остановился. Лед, вода и буран. Сколько времени он так живет? Не знает Вануйта. Все позабыл. Может, день, два, а может, и неделя прошла, как он из дома уехал. А теперь конец ему пришел. Цинга за ним пришла, убивая его. Вон, вон стоит. Руки к нему протянула, трехпалые, скрученные. Вануйте чудился образ цинги: сведенный судорогой рот, лишенный зубов, отвисшая челюсть, кровоточащие десна, тело, покрытое язвами. Да, Песимо рассказывал, как такая придет, так конец. Не уйдет никуда, не отпустит. Сюда ближе идет... Вот, вот, рядом стала.

— Тебе чего?

— Я тебя не хочу, не хочу, я — не твой, — шептал Нуми, отступая назад.

Ему казалось, что ужасная старуха подходит к нему все ближе. Самоед отходил назад, не видя ни воды, ни льдин. Перед его глазами стоял страшный образ, созданный разгоряченным воображением. Еще шаг назад и, сорвавшись с ледяного поля, он полетел в воду. Холодная вода обожгла тело. Сознание проснулось. Руками царапался за край. Из-под сорванных ногтей текла кровь, но онемевшие от холода мышцы не слушались. Погрузился с головой. Еще раз судорожно сведенные пальцы поскребли в воздухе, и все исчезло. Большая льдина медленно и со скрипом надвинулась на поле. Край ее загнулся, приподнялся и рассыпался мелкими осколками, образуя невысокий ледяной барьер.

6. СЕВ. СОСЬВА. 1931 г. ДНЕВНИК

[Записи в д. 11 и 12 (л. 78—84). Название раздела — по заглавию В. Н. Чернецова в тетради 11].

27.06.1931. Березов. Сегодня пришел на «III Интернационале» в Березов. По пути у меня был интересный разговор с одним

работником по поводу собачьей запряжки. Он рассказывал, что остяки по Малой Сосьве и вогулы на Конде запрягают собак следующим образом: в нарту запрягается пять собак, запряжка парами с одним общим потягом. Передняя — вожак запрягается на конце потяга; лямка, вроде ошейника, надевается на шею и крепится наверху к поясу так, что основное давление приходится на плечи. Постромки отходят снизу от того места, где лямка соединяется с поясом. Для управления служат командные слова, которых слушается вожак. Собаки сами кусают лентящегося. Обучение происходит путем запряжки щенка позади всех, чтобы он понемногу привыкал. На запряжку в пять собак кладут груз общим весом 10—13 п. Когда груз тяжелый, направляющий идет впереди, прокладывает путь на лыжах между запряжкой и нарткой и поддерживает нарту за шесток-оглоблю. Работает упряжная собака лет 7—8, кормят раз в день — вечером. Опытный вожак сам не будет есть перед дорогой. Нарта — обычная, с бараном. Баран крепится к первому копылу. Копылья вдолблены, привязка-потяг держится за баран.

Приехав в Березов, я пошел в РИК, но там смог узнать мало чего, так как председатель РИКа занял пост всего лишь шесть дней и раньше на севере не был. Пошел в березовскую школу. Там зав. школой — вогул Пакин с Конды (дед К. Пакина, моего ученика). Он сказал, что в Сартыне школа-интернат, и что я получу там много сведений. Сегодня уходит пароход «Советский Север» вверх по Сосьве. Немедленно стал собираться. Пошел на пристань. Там встретил нескольких вогул, один из них приехал учиться в Березов. Поговорил с ними. Они меня раньше не видели, но слыхали про человека, «который ходил по Уралу, жил на Сосьве и Лозьве и говорит по-вогульски». Один из вогул говорит: «Я давно тебя искал, и вот ты здесь!» Очевидно, меня еще не забыли.

Пошел в город в интегралсоюз, достал там 5 кг сушки, сахару, масла, чаю, махорки. Запасся всем на дорогу. Купил джонсон-200 за 47 р. 56 коп. Одним словом, теперь я готов к пути. В 5 ч. переправился на пароход, поместился в «красном уголке». Здесь же едут еще вогул, прокурор и еще кто-то. Отход задержался в связи с погрузкой. Когда отойдем, не знаю. Вероятно, ночью.

28.06.1931. Идем очень медленно, в час едва вытягиваем версты две. На пароходе над дверью кладовой забавная надпись «гранд манж». После полудня пришли к Шайтанскому мысу. Я спрашивал у Хантыпина, какой пупых здесь обитает. Он сказал, что как будто никакого нет, просто считалось священным местом. Возможно, что значение его позабылось. Попробовал заниматься с Хынтыпиным по своему букварю. Он ухватил очень быстро, совершенно не смущаясь латинским шрифтом (он немного грамотный, учился один сезон в Березове и теперь снова поедет учиться). По рисункам он очень быстро стал читать текст, а затем описывал очень правильно.

Вечером я рассказал сказку про Ваэ Мянга, после чего Хантыпин начал рассказывать тоже самоедскую сказку, но не dokon-

чил ее, так как приход прокурора отвлек разговор, а кроме того, Хаптыпин стеснялся при нем рассказывать.

29.06.31. Около полудня прошли Ват-тары-нёл. Говорил с Мих. Хаптыпиным. Он — член РИК'а (Березов) и зам. председателя. От него я узнал, что есть группа, которая имеет пупыхом медведя. Вечером перевел с ним для букваря сказку про собаку и текст «Комитет Севера».

30.06.31. Чувствую себя со вчерашнего дня очень скверно. Сильное расстройство желудка, болит голова. Ничего за весь день не ел, кроме кружки простокваши. С трудом выправил вчерашний перевод и записываю его. Под вечер прошли Анья-пауль.

1.07.31. Чувствую себя еще хуже: температура, очевидно, очень высокая, сильная резь в области желудка, болит голова. К полуночи подошли к Сартынье.

2.07. С парохода пошел в интернат, где познакомился с А. Н. Лоскутовым. Остановился в интернате. Интернат существует уже третий год, в нем учатся вогулы и колвинцы.

Встал часов в 9 и пошел в больницу. Доктор Поддубский и его жена — люди уже пожилые, очень славные, хотя, по-видимому, с чудачествами. Когда я пришел, она встретила меня как старого знакомого, которого уже поджидала, и предложила кофе. Я решил, что лучше обождать. Потом пришел доктор, осмотрел и велел лечь у них в больницу, по крайней мере до выяснения диагноза. Мне отвели отдельную комнату, больница здесь роскошная. Строил ее сам Поддубский, выдержавший из-за нее целую войну.

4.09. Теперь мне снова понемногу можно писать, и я опять начну запись дневника. Болезнь, по-видимому, закончилась. Хотя вечерняя Т и имеет тенденцию колебаться от 36,8 до 38,5. Теперь я уже выхожу. Сегодня ходил вверх по Сосьве. Один мысок оказался «подозрительным», по обследовании там оказалось городище с очень большими землянками и хорошо видным валом и рвом. Городище находится верстах в двух от Сартыньи. Еще выше, ближе к р. Сартынья, против нижнего конца острова обнаружил еще городище. Городище, по-видимому, совершенно не тронута рекой. Завтра закончу рекогносцировку, дойдя до р. Сартынья, а затем начну съемку и разведку. Вернулся уже ночью.

10.09. Сегодня весь день работал на городище. В первую половину дня закончил С I, вторую половину дня работал на С II.

11.09. В 5 час Т была — 2°, что угрожающе! Утром ушел с расчетом поработать весь день, сначала пошел на С II. На поверку оказалось городище, но без вала, землянки разбросаны на очень большой площади: 70×90 м — в беспорядке. Очень обильный культурный слой и черепки. Сделал шурфы, съемку и пошел на дальнее городище. Его также заснял и заложил шурфы. Землянки оказались без керамики, нашел лишь небольшой осколочек. Культурный слой из темной земли, угля, попадаются лосиные кости. У меня создалось впечатление, что это городище служило лишь

на время обороны, в обычное же время жили в землянках, разбросанных кругом и в городищах типа С II.

12.09. Сегодня дождливая погода. Утром ходил в госторг, кооперацию, тузрик, надо собираться и послезавтра выезжать. Днем сходил в лес, а потом занялся букварем.

13.09. Готовился к отъезду, после полудня пошел сделать съемку побережья. Довел съемку до С III. Затем заснял С II и сделал там разведку. Вернулся лишь когда стемнело.

14.09. С утра делал последние приготовления, упаковал археологические сборы, отнес их на почту, справился насчет лодки, а после обеда, около 5 ч, выехал в путь до Беткаж, возли два зыряннина. Туда приехали — уже темнело. Зашли к Монину, он — председатель юртового совета. У него хороший дом, маленький, но очень хорошо срубленный, с потолком. Вскоре после того, как уехали сартыньинские лодочники, начался разговор. Монин спросил, можно ли считать середняком человека (Монина М. Е.), если у него 20 оленей и больше ничего нет. Даже нет зимнего дома, который он лишь теперь строит. Невода своего у него также нет. В Беткажах невод артельный.

Выяснил подробности относительно Аманова. Он был 8 лет пастухом у Бешкильцева. Оленей 60 штук. В прежнее время, когда на Сосьве рыбу не принимали, и она не ценилась ни во что, он возил рыбу на продажу в Ивдель, возил как свою, так и со стороны. За провоз в Ивдель (около 1000 в.) получал половину платы, полученной за продажу рыбы. Что касается работника, то это слепой человек, который не может жить самостоятельно, работает лишь дома, дров привезти не может. Когда на Аманова стали нажимать, он начал говорить своему «работнику», чтобы он уходил, но тот отказался, сказав, что куда же он пойдет, если он слепой и не может работать!

15.09. Утром собралось еще много народу, и повторился вчерашний разговор, около 8.30 выехали дальше. Был попутный ветер, поставили парус и поплыли. Возли меня трое ребят из Хохат-пауль. Один из них — Лелятов И. М., учится в школе две зимы, немного грамотный и говорит по-русски. Отец его М. Лелятов, послан в числе трех в Москву, на съезд. Иван хочет ехать учиться, но сейчас без отца некому оставаться дома. Дорогой ни о чем серьезном не говорили, но упражнение в языке у меня было хорошее, болтали очень оживленно. С Иваном я уговорился, что если в этом году отец вернется не скоро, и он не сможет уехать в Ленинград, то я пошлю на его имя бумагу в будущем году. Отец его, вероятно, согласится отпустить.

От Атхас-арии-роиз-пауль до Хорсем-пауль 5 в. Под вечер были уже там. В Хорсем-пауль попил чаю. Уже стемнело, когда мы выехали до Сома-пауль. Здесь перегон — 20 в. Когда окончательно стемнело, я обратил внимание, что на севере появились светлые столбы. Спрашиваю, не северное ли сияние, проводники говорят, что похоже на то. Действительно, началось северное сияние,

вскоре достигшее большой интенсивности. Оно имело вид двух-трех завес с быстрым движением и яркими вспышками. Завесы поминутно прорезались вертикальными полосами, иногда очень яркими. Прекратилось сияние часам к 12. В час были Сом-пауль, пока кипятили чай, начались опять те же разговоры. Ничего нового здесь не услышал, кроме подтверждения старых наблюдений. Народу собралось много, целое собрание. Просили, если в Москве будет какое-либо решение по поводу сартыньинского тузрика, не посылать бумаги просто по почте, так как в тузрике ее положат под сукно. Просили послать специального человека и лучше всего, если приеду я сам.

Безобразно дело с транспортом: с одной стороны, задания по линии рыбозаготовок, а с другой — нет тары, и ее не везут. Сейчас ловят рыбу. В Хорсем-пауль мыли засоленную рыбу, вынутую из рассола, и укладывали ее в чуманы и посумы, рыба лежит на берегу — нет тары. В это время внизу ящики имеют, но рыбтрест не забрасывает их сюда.

16.09. Заключил с одним из Сековых договор для госторга. Я забыл сказать, что с фактории послали со мною бланки договоров и просили заключать; кроме того, везут почту в госторг и школу в Няксимволь. В 11 ч. выехали в Патра-суй.

Березы уже совершенно пожелтели, наполовину облетели, лес одевается в осенний убор. Белка начинает менять цвет. Вороны собираются в стаи, рябчики начали свистеть и табуниться, а глухари и косачи вылетают на бечеву. Наступил *йон уй хар пора*. В Патра-суй приехали к двум часам, но дальше я не поехал. У меня болит голова, по-видимому, порядочная Т и вообще чувствую себя скверно. Очевидно, перемена пищевого режима сильно сказалась на моем неокрепшем желудке. Я переночевал у Козлова, приказчика Патрасуйского отд. кооп. «Манси».

17.09. Проснулся с ощущением, что с моим желудком творится что-то невероятное. Едва поднялся и вышел на улицу. Самочувствие такое, как будто я не спал, а меня били. Сегодня ничего не буду есть. Вскоре пришли лодочники и в 9.30 выехали в Посалтит-пауль. Ночью переехали в Оурья-пауль.

18.09. Все говорят, что здесь, на Сосьве, до самого верха за шаманство денег никто не берет. Это есть по Ляину и, я думаю, вниз по Сосьве, ниже Сартыни. Здесь шаманство, по-видимому, семейного типа.

Утром выехали дальше. До Тимтя-суй 14 в. Возницы мои были публика неинтересная. Старик, который ничего не знал и не понимал, и парнишка. Да я и мало был расположен к разговорам: желудок мой давал себя знать резкими болями, и я постарался всю дорогу спать.

В Тимтя-суй не было никого из мужчин. Пришлось подождать. Здесь я разрешил себе съесть с чаем кусок хлеба и немного вареной рыбы. Вскоре вернулся с покоса Дий, и мы поехали дальше. Он подтвердил, что в Няксимволе зав. факторией — Трапезников.

Рад буду его повидать. Паршаков сказал, что осень, вероятно, будет короткая, так как белка долго не выходит. По всей видимости, я засяду осеневать. Ну что ж, ничего не поделаешь.

Вечером, когда прибыли в Лум Нялхланг, здесь я задерживаться не стал и немедленно же двинулся дальше. До Ам Нялхланг — 20 в. Приехали уже ночью, когда все спали.

19.09. Здесь начинается смена Нижней Сосьвы на Верхнюю. Охота приобретает большее значение. На рыбный промысел из здешних поселков выезжают вниз на пески. Только что вернулись с промысла. В языке также начинает чувствоваться разница с Нижней Сосьвой, говорят не *мавес*, а *мавыс*. Сфотографировал каюк, флюгер *вот уй*. Птичка на мачте также вот уй. От Ам Нялхланг до Санки тур 70 в., но если в становище Сетли-мезы кто-нибудь есть, то повезут лишь дотуда. Это — 50 в. Опять возникли у меня такие, что с ними не наговоришь. Парень, который не гребет, а лишь макает весло в воду, и старик, от которого ничего не мог добиться, кроме беспрерывного повторения, что слишком много заставляют ловить рыбы.

К вечеру прибыли в Сетли-мезы. Там оказалась одна семья. Вогул попросил меня остаться ночевать, так как ему надо неводиться. Нет рыбы даже на еду, а у него еще не сдана одна тонна. Я, конечно, остался. Вскоре они с женой и сестрой отправились неводить, дома остались лишь ребята. Вернулись около полуночи, принесли два чумана рыбы, вероятно, пуда 2,5, самое большее 3.

20.09. Рано утром, только лишь взошло солнце, мы выехали в Санки-тур-пауль. Был сильный утренник, но в воздухе сравнительно тепло, небо почти безоблачно. Не проехали мы 7 в., увидели на берегу лодку. Оказалось, что двое вогул из Санки-тур промышляют сетями, карасей в озере. У них устроен *кол пал*, и они здесь уже не первый день.

Выехали дальше. Прежний возница вернулся назад, и меня повезли новые. Забрали сетки и вещи, пойманная рыба была в гимге. В лодку, которая была на озере, налили воды и туда пустили рыбу. Лодку зачалили на буксир и двинулись. У устья Волы у старика была пушена гимга, которая исполняла обязанность садка, и туда посадили свежепойманную рыбу. Там же оставили на сушилах сети и лодку. В поселке никого не оказалось, и мы немедленно поехали дальше. Везде по песчаным берегам установлены столбы на глухарей и косачей. Утром я застрелил косача, который сидел на березе у самого берега.

В Ульпа-ив-пауль заехали попить чаю, и снова в путь. Несколько выше поселка на дереве я увидел тетерею. Остановили лодку, и я пошел на берег. Тетеря взлетела, но опустилась где-то недалеко. Иду еще, редкий сосняк и ельник, и кедровник, по моховому месту, заросшему багульников и голубикой. Остановился и стою. Вдруг слышу свист крыльев, и у меня над самой головой усаживается глухарище. Я выстрелил и убил, отнес в лодку. Опять пошли с мальчиком искать тетерею. Вскоре увидели ее. Она сидела

на невысокой сосне. Удаюсь подкрасться близко, и я застрелил и ее. Затем, истратив последний патрон по куропаткам, вернулся к лодке. Вечерело, и солнце скрывалось за лесом. Я спросил о названиях. Оказывается, что и глухарь, и косач — все они «чопор», а дальше идут деления по породам и возрастам. «Глухарь токует» — *хау коюп рати, кайи*.

Под вечер стали приближаться к Сорати-пауль. Мальчик увидел на ветке, нависшей над рекой, сидящую сову. Он запищал, как мышь: «Это — манквля. У нее большие круглые глаза и лицо, а нос маленький, совсем как у человека». — Спрашиваю: «Ее не убивают?» — «Нет, нет, не убивают». — «А почему?» — «А вот когда Нёр ойка...» — но тут старик оборвал его, сказав, что надо торопиться доехать до поселка. Здесь я встретил Гр. Алхати, у которого в прошлый раз жил дня два. Он сказал, что едет послезавтра домой, и что если я не спешу, то поедем вместе. Я согласился.

21.09. С утра занялся приведением в порядок ружья и еще кое-какого багажа, отсыревшего и намокшего за время дороги. Сегодня я опять чувствую себя очень неважно. Сильная боль в желудке, побаливает голова. Записал названия различных ягод и т. д. Назавтра хозяин уходит дня на четыре-пять ставить слопцы, он предполагает сделать штук 20 новых, да старых у него 30 шт.

22.09. Под утро приехали Д. Адип и Пав. Елесин. Пока готовились к отъезду, я сфотографировал колья пол. Выехали, нагрузив лодку до отказа: 6 чел. и багаж. Лодка четырехметровка, запаса оставалось еще много, около четверти.

В Менкв-я-пауль кроме двух женщин не было никого. Сфотографировал нашу группу, а затем — Алхати, играющего на *сангультап*. Д. Адип, вогул, в свое время работал машинистом на катере у Бешкильцевых.

Вечером Адип сказал: «Ты, наверно, не спешишь, поедешь с Алхати завтра, чего тебе мерзнуть!» — Я сказал: «Да, лучше поеду с Алхати». Все-таки их компания меня стесняет. Мужчины вернулись лишь вечером. После чая стали уговаривать Адипа и Елесина не ехать ночью и подождать завтрашнего дня, они легко согласились. Ночь наступила холодная, и проводить ее в лодке неприятно.

23.09. Алхати имеет здесь родню, и мы остаемся проводить день. Адип и Елесин уехали. Приведя в порядок записи, я занялся рисованием. Всего сделал несколько рисунков. Утром, а затем и вечером хозяин зажигает кусочки чаги перед ящиками с пухом.

Щитки на руку для стрельбы из лука здесь сделаны из сильно почерневшей мамонтовой кости. Оказывается, кости мамонта постоянно находят на мысу немного ниже поселка. Их вытягивают обычно при неводьбе.

В домашних работах у женщин началась подготовка к зимнему и осеннему сезону. Шьют *няры*, выделывают кисы. Одна из

женщин шьет полосу орнамента *охсар кон лахыл*. За полдня работы с перерывами она сшила заранее вырезанного орнамента 40 см. Погода сегодня немного изменилась. Вчера и третьего дня были ясные дни с сильными утренниками. Вчера, кроме того, сильный ветер, и весь день было холодно. Сегодня облачно и теплее. Одна из женщин сегодня кончила кисы в большом берестяном косуме, поставленном над ямой, в которой разведен огонь.

24.09. Утром выехали дальше, до Хулим-сунт 40 в. День ветреный, довольно свежий. Уже под вечер стали приближаться к Хулим-сунт-пауль, близ поселка повстречался Сергей ойка. Он отправился смотреть сетки. В поселке оставались женщины. Вскоре пришел старик Какщи ойка. Он сильно постарел, но еще видит, и вот вернулся с осмотра слопцов, проходив несколько дней. Он живет теперь не в том доме, где жил раньше. Тот дом он предоставил детям, а сам живет рядом, в небольшой юрте, где блох и ребят нет. Там он делает гимги и вообще *какщи*.

Пока еще было светло, я осмотрел берег. Дома стоят на берегу озера. В обрзе берега виден торфяниковый слой, из которого река и вымывает черепки. Подобрал несколько черепков, но немного. Все-таки, очевидно, основной культурный слой смыт в реку. Вечером пошел в юрту к старику, решил посмотреть, совсем он уже впал в детство или нет. Он весьма болтлив был еще в прошлый приезд. Вначале мне никак не удавалось направить разговор по нужному мне направлению. Наконец, улучив минуту, я спросил про сову. Оказалось, что она — *«яплинг»*, и ее убивать нельзя. Далее дело пошло легче. Выяснил, что каждый поселок имеет своего пупых. Мало того, все пупых имеют вид зверей и птиц. Старик сказал далее, что в одной тотемной группе браки не допускаются, что пупых — это *опарищ*. Проговорил с ним я до поздней ночи, пока у меня в голове не стало все путаться, после этого лег спать. Спал я у старика по той же самой причине: нет блох и, главное, детей.

25.09. Утром порасспрашивал старика еще по поводу Мис махум, менкв, Мощ махум и Пор махум. О Мис махум он не рассказывал мне ничего такого, что могло бы мне помочь рассеять туман. Единственно, что удалось узнать, — это то, что Мощ махум рода Мощ хум. Он же, в свою очередь, как-то касается Мис махум. Вечером, сидя со стариком у него в юрте, спросил его о творении земли и человека. Он начал рассказывать. Затем пришел Сергей. Он — также человек разговорчивый и наскзал мне целую уйму вещей. Интересен миф о *Мортим еква ойка*, о стране, в которую улетают на зиму птицы. Заговорились до позднего времени. Потом пошли пить чай, и за чаем Сергей рассказал сказку об *Еква пырищ*. Рассказывал он очень хорошо, с выражением, и местами все каталось от хохота. Еква пырищ — это Мир сусне хум, он *ошмар хум*, то есть волшебник, выдумщик и обманщик. Он морочит всех, совершает целую кучу преступлений. О нем имеется около 50 сказаний: как он сделал железную гагару и семикрылую лошадь, как он

проник в страну Мортим ма, как пролетел сквозь огонь горящий и северное сияние.

26.09. Сегодня еду дальше. Сегодня все Ханглассены собираются ехать в зимние юрты, строить сарай для сена. Доезжаем до рыболовного стойбища. Здесь почти все мужское население играет на песчаной отмели в лапту. Здесь Д. Адип. Записываю с его слов, как он работал у Бешкильцевых. Это — для букваря. Вечером узнаю, что четверо вогул из Али Нялхланг Санки-тур нашли в лесу, верстах в 40 от Сосьвы, упавший аэростат. Надо будет разузнать, что это за дело. Записал подробно все обстоятельства находки.

Вечером мужская часть населения устроила гонки в двух лодках, в каждом было по шесть гребцов и один рулевой. Гребли ручными веслами, стоя в лодках. Когда доходили до определенного места, все по команде переворачивались, и лодки шли обратно кормой вперед.

27.09. Все отправились в зим. Хангласс. Выехали и мы, А. Анемгуров с мл. братом и я. Отец Алексея прежде жил в Воря-пауль, поэтому Алексея зовут Воря-я-кум. Теперь он живет в Ильпи-пауль. Хуры Костя живет теперь в Вол-котли-пауль, версты три ниже Няксимволя. Он женился второй раз, выждав после смерти жены лишь одно лето.

День сегодня ветреный и ехать было неприятно, так как вода поминутно захлестывалась в лодку. Но тем не менее довольно тепло. По пути остановились попить чаю. Тут я узнал от Алексея, почему нельзя оставить таган и т. д. Интересно он рассказывал, как души маленьких детей идут в Хаманёл. В Виссум-сунт два дома: Алексея и еще одного вогула. У Алексея *сул кол*. Действительно, теперь, когда дуют холодные ветры, жить в нем неважно, особенно имея 2,5-месячного ребенка. Подъезжали мы к поселку, уже когда стало темно. Было тепло, и легкий южный ветер напомнил даже лето. Но вскоре пошел настоящий осенний дождь. Завтра мы живем здесь, а послезавтра перекочевываем в Ильпи-пауль.

28.09. Утром поехал с Алексеем смотреть слопцы. По Виссуму у него штук 20 и еще в лесу штук 30, осматривает дня через 4. На одном мысу лежало четыре слопца, но лишь в двух были глухарь и тетеря. На другом мысу не было ничего. Один слопец еще раньше был разворочен лисицей, которая вытащила попавшую птицу. Алексей сказал, что в слопец, испорченный лисицей, птица уже не пойдет. Обратного я пошел лесом в надежде встретить птицу, но не нашел ничего. Брусники еще очень много. Я нигде не видел такого обилия ягод, как здесь, причем брусника величиной с мелкую вишню.

День сегодня ветреный и холодный, хотя почти все время проглядывает солнце. Подарил Алексею 10 штук жаканов и несколько рыболовных крючков, которым он очень обрадовался, а его же-

не — жестяную коробочку из-под монпансье, где у меня были крючки.

Сейчас в этих поселках в настоящее время самая обычная, а в верхних поселках, начиная с Сорати, почти исключительная пища — боровая птица, которую промышляют слопцами, навар подбальтывают мукой и едят с брусникой.

Вечером я записал у Алексея подставные слова, касающиеся медведя. Некоторых слов он не знал, и мы отправились к его отцу. Тот добавил еще несколько слов. Потом я спросил его и относительно душ. Но он не смог, как следует, объяснить мне всего. Все-таки остается невыясненным, сколько душ у человека, и в скольких детях сколько душ *лахтхати*. Если душ пять (у мужчины), и при этом одна душа идет в Хаманнёл, а другая — в могилу, то оставшиеся три не могут вселиться в пять детей. С другой стороны, помню, как Н. Бахтиаров говорил, что души вселяются в трех, а некоторые — в двух детей. В этом случае получается увязка, но я, как следует, не помню, как говорил Никита. Очень хорошо ответила мать Алексея на мой вопрос, идет ли какая-либо из душ в могилу: «А то как же. Пойди-ка в лес, там могил много, пойдешь? (дело происходило ночью). Не было бы там ничего, так и никто не боялся бы».

Перед вечером Алексей и его отец с другими сыновьями сделали «плоты» *пор*. Для этого две лодки скреплялись перекладинами, которые привязывались к поперечинам лодок. Такой плот устойчив, и на него можно положить много груза. Снесли с вечера все наиболее тяжелые вещи, оставив в домах лишь постели, чайники и пр.

29.09. С утра выехали в путь. До Ильпи-пауль 20 в. Ехали двумя плотами. Старик ехал отдельно на маленькой лодке. Проехав полдороги, остановились пить чай. Два младших брата Алексея и я отправились в лес смотреть слопцы. На бору у них штук 20 слопцов. Установка такая же, как и на бору: устраивается небольшая, сажени 3—4, загородка из маленьких веток или других деревьев, в воротцах которой устанавливается слопец. В один из слопцов попала птица вроде перепелятника. Никто не знал, что это такое, но предполагали, что *хорнтхан*. Когда осматривали слопцы, пришел Алексей. Он сказал, что наверно это — хорнтхан и, скорее всего, не сова (манквла). Интересно, что они не знают различия даже между такими разными птицами, как ястреб и сова. И то и другое — тотемные птицы, хотя и других групп, но убивать их избегают.

При возвращении в слопец попала одна из собак. Я шел сзади и успел раньше всех подбежать и поднять слопец. Когда пришли к лодкам, отец Алексея сказал, что это ястреб, но так как он сам попал в слопец, то большой беды нет. По приезде в Ильпи-пв начался дождь. Когда Алексей открыл дверь в свой *савль кол*, то там оказалось много блох. Алексей бросил внутрь охапку сена, чтобы блохи забрались в него. Действительно, когда потом легли

спать, они почти не беспокоили. Блоха — *сунс*. Вечером, когда ели мясо, Алексей сказал, что голову рябчика есть нельзя. Объяснения он не знал.

30.09. Проснулся от громкого разговора. Надо сказать, что жена у Алексея — женщина не из важных. Очень сварлива, с неприятным сварливым голосом, который поднимается в тонах при каждом пустяке. При всем этом она довольно ленивая. Когда после приезда в семью отца Алексея уже все устроили и поспел котел, она все еще над чем-то копалась. Она живо напоминает мне жену Тырцы Хаби. Так вот, утром она принялась кричать на Алексея за то, что собаки ночью сташили с вешал четырех тетерь. Удивляюсь спокойствию и выдержке Алексея. Вообще, конечно, не приходится говорить о «забитости женщин», по крайней мере, у вогулов и самоедов.

Алексей пришел и сказал, что идет снег и что под берегом сидят утки. В такую погоду они избегают взлетать. Я встал, оделся и вышел, было начало шестого. При довольно крепком норд-весте шел мокрый снег. Погода преотвратительная. Взял ружье и пошел по берегу. Пошел, чтобы не слышать крику Алексеиной жены и добыть уток, чтобы заткнуть ей ими рот. Рядом с поселком убил пару. Пошел еще ниже, до конца мыса. Везде на реке, правда, далеко от берега, сидят большие стаи уток. Заслышав в лесу писк рябчика, пошел туда. Свистело их три, но добыть удалось лишь одного. Будь у меня манок, застрелил бы всех. По возвращении добыл еще трех уток. Две широконоски тох-тох и три небольшие коричневые в крапинку утки с темными крыльями с белой на них перевязью. Грудь беловатая, а у самца красноватая голова, называется *уйур*.

Днем снег перестал, но зато ветер еще закрепчал. Сфотографировал семью отца Алексея, Василия, играющего на сангультане, и толчение черемухи в ступе. К вечеру вывездило, ветер спал. Завтра будет очень холодно, если не заморочает. Когда стемнело, начался массовый отлет уток. Стая за стаей летели на юго-запад. В воздухе только и слышен свист крыльев.

1.10. Утром опять снег и сильный ветер. Ехать нет никакой возможности, живем в Ильпи-пауль. Алексей сказал, что на Оби в Калтащ-пауль русские из Березова разорили *Калтащ щань пупых*. Он обратился ко мне с вопросом, умерла ли она от этого или нет. В результате он решил, что пупых не дается в руки и всегда сумеет убежать. Подобные действия, которые могли быть оправданы в 18 в., теперь едва ли могут быть допущены.

Алексей — приверженец старины и вообще консерватор. Он сказал, что вогулам волосы резать нельзя. Далее добавил, что очень нехорошо выглядят «подстриженные вогулы». Фотографироваться он хочет не иначе, как в типичной вогульской одежде. В свое время Гр. Анемгуров напялил на себя русские брюки навыпуск и какой-то пиджак.

2.10. Ночь была тихая, пасмурная и теплая. Перед восходом

солнца разъяснило, но затем пал туман, а когда он рассеялся, небо было затянуто. Поднялись очень рано, и в 7.45 были уже в пути. На одной лодке ехали Алексей с женой и я, а на другой — старик со средним сыном Василием. После последних дождей река прибывает. Очень часто шесты не хватают дна и приходится идти на веслах, что гораздо медленнее. На шестах скорость достигает в среднем верст 7, на веслах же — не более 5. Сегодня предполагаем дойти до Нерохов, так что все торопятся, и в пути не до разговоров. В полдень приезжаем в Тапыс-сунт.

Тут за чаем узнаю довольно любопытную вещь. Недавно объявлено, что кооператив и госторг принимают кедровок по 40 коп. пара. Вогулы обсуждали этот вопрос и пришли к заключению, что кедровку (*вороп, пакв, тен*) бить нельзя, и они не станут заниматься этим промыслом. Базируется это решение на том, что белка, приходя на новое место, не имеет запасов на зиму и пользуется запасами кедровок. Кедровка, зная это, не делает запасов в одном месте, а рассовывает орехи во многих местах. Белка держится лишь там, где есть кедровки. Где их нет, белка не остановится. Кедровку шутя называют белличьим работником. Я вначале заподозрил здесь какой-либо миф или еще что в этом роде, но оказалось, что просто это результат наблюдений охотников. Это разумное решение и его, конечно, надо поддерживать. Все-таки белка важнее кедровки.

Из Тапсуя выехали в 2 ч. Верстах в 8 от Нерохов догнали К. Бурмантова и Родина, они поднимались потихоньку, постреливая рябчиков. Ночевали мы, не доходя версты 4 до Нерохов. Ночь была опять теплая, и спать у большого костра, сложенного из саженных бревен, было тепло.

3.10. Утром, напившись чаю, выехали дальше. Предполагали добраться до Волькотли-пауль, в 3-х в. ниже Няксимволя, где живет Худы Костя, но в Нямча-пауль у Люстиков задержались и остановились ночевать в 7 в. ниже Няксимволя. Пасмурно и тепло. Мне что-то не спится, покусывают блохи и пр. Я взялся писать, тем более, что не писал вчера ни строчки.

Нужно заняться следующими вопросами:

1. Домашние пупухи — мань пупух, наследование их.
2. Ядение тотема.
3. Перевод фамилий и названий поселков.
4. Число душ, их судьба после смерти, могут ли вселяться в тотемные животные, названия и места обитания, проживания.
5. Когда вселяется душа в ребенка, до или после рождения.
6. Сколько душ у ребенка, у животных, у неодушевленных.
7. Души шаманов, наследование.
8. Бубен, хозяин бубна, духи-помощники.
9. Сверчок.
10. Личный тотем.

Верстах в 17 ниже Няксимволя на правом берегу высокий увал с песчаными обрывами на реку. Это — место обитания Тулям ур ойка. На этом увале живут Ворут менкв. Посередине увала выпадают два ручья, из которых один носит название *Няврам-ворн-тотим-сос*. Анемгур объяснил, что по этому ручью заблудился и

пропал ребенок. Очевидно, его съел менкв. Ручьи образуют три мыса, на которых надо поискать городище³⁵.

4.10. Рано утром мы выехали дальше. Небольшое расстояние до Няксимволя прошли очень быстро. В Няксимволе я отправился к Транзникову, у которого и остановился. Было приятно встретиться с ивдельцами, которых много переселилось сюда, убегая от приближающейся железной дороги и заводов... Сангил Поянников очень типичен для таких людей. Он — пионер, он страстно любит лес, горы, природу. Он — охотник и золотоискатель. У него внутри сидит бес приключений и скитаний, который гонит его вперед. Забраться в подземную реку, искать золото на дне карстовых пещер, следить зверя в наиболее глухих местах, куда не заглядывают люди, месяцами бродить с ковшом по никому не ведомым речушкам и ложкам в поисках полуфантастических историй о найденном где-то и когда-то и кем-то невероятно богатом золотом месте. Дело не в наживе. Добыча — цель, пока она не достигнута, а затем она, в лучшем случае, — средство для дальнейшего. Снабдить семью, и самому стремиться опять вперед...

5.10. Утром за мной прислали из тузовета, прихожу туда. Оказывается, судебное дело. Развод и алименты. Вогул Бадагов разводится со своей женой. Елесин председательствовал, я — секретарил. Дело заключалось в том, что жена не стремилась уходить, так как отца у нее нет, мать вышла замуж второй раз, и у них много детей. Идти туда нельзя, куда деться с ребенком, на алименты не проживешь. Я предложил ей или ехать в Сартыню работать в больнице, или в одном из домов приезжих в Няксимволе и Сартынье. Ему, конечно, присудили алименты.

Вечером говорил с Елесным о всех делах, а затем поспрашивал на этнографические темы. Он очень охотно и обстоятельно рассказывал. Получил от него массу интереснейших сведений. В настоящий момент все вогулы, кого бы я хотел иметь на промысле, сырпают. Вернутся через несколько дней. За это время надо подготовить тезисы и следовало бы провести разведку³⁶.

12.11. Я с Кириллом отправился в лес. Кирилл пошел собирать оленей для Ворсонофьевой и заодно полесбвать. Утром мы вышли из Няксимволя, по пути я застрелил пару белок. В этот же день выйти из Яны-пауля не удалось. В Яны-пауль я столкнулся с редким явлением. Женщина систематически избивает свою падчерицу. При этом отец не проявляет со своей стороны никакой инициативы для защиты дочери. Кирилл сегодня поехал за сеном, и в его отсутствие девочка, спасаясь от мачехи, вбежала в юрту. Меня позвали, и я уговорил женщину. По возвращении Кирилла мы обсудили положение и решили, что девочке дома не жить, и что ее надо отправить в Няксимволь.

13.11. Утром вышли в лес. Я с Кириллом тащим нарту. Дру-

³⁵ Далее на 1 с. записи по-мансийски.

³⁶ Далее следуют записи из д. 12, с обратной стороны тетради, л. 85.

гую парту с Костей тащит Сампильталов. Шли по ворынской дороге вдоль р. Ленгли, пересекли Тольти-пауль-я. Кирилл не знает, что такое Тольти. Не доходя немного до ручья Херг-сев, свернули влево вверх по ручью и там остановились. Я пошел по ручью искать белку, а Кирилл остался рубить дрова. Василий еще раньше отошел в сторону по ворынской дороге в поисках соболя. Я вернулся на стан уже поздно, немного сбившись в темноте с дороги. На стане уже готов был кол пал, и собрались Кирилл, Костя, Василий и его сын Капья Васька Семен. Василию повезло добыть соболя. Нанявшись чаю, стали обдирать шкурки. Василий обдирал соболя с головы «лягушкой». Белок и птиц сварили для себя. Соболя, кроме головы, — для собак. Василий рассказал, что кое-кто из манси едят соболя. Голову соболя положили на верхушку кол пал, где она впоследствии и осталась.

14.11. Кирилл и Капья Васька Семен пошли искать оленей, я с Костей пошел белковать. Первая же белка принесла сюрриз. Костя сказал, что у белки надо переламывать обе бедренные кости. На вопрос почему, он мог сказать лишь, что так делают. Белку находили в ельниках по берегу реки, но там ее почти невозможно выжить из густых елей. Много белки в редком кедровнике, смешанном с елью. За день я добыл против всяких ожиданий 8 штук. По этому году очень хорошо. Вечером Кирилл и Семен вернулись. Они против ожиданий нашли оленей очень близко. Завтра едем обратно. Ночью выяснило и засвежело.

15.11. Сognали оленей и в полдень выехали. Ехать очень скверно. В Яны-пауле попили чаю — и в Няксимволь. Против Яны-пауль река еще не замерзла. Сейчас везде ставят запоры на налима. Запор делается из решетки, собранной из планочек, см 1,5 шириной, связанных с поперечными черемухой. Черемуху для этого расщепляют на тонкие полоски, которые очень гибки и крепки.

Я убил белку без кисточек на ухах, хотя она была выходная. Кирилл сказал, что это *нумвыл тартим ленгын*. Убить такую белку хорошо. Они бывают лишь в годы обилия белок. В этом году таких белок нет, и только мне попалась одна. Они вообще очень редкие. Очень редко попадаются еще пегие белки. Таких белок не продают, а жертвуют пушуху.

21.11. Сегодня хотал еква пассу лотет 'солнце в рукавицах'. По обе стороны солнца два ложных солнца, ложные солнца предвещают перемену погоды. Действительно, к вечеру луна была в большом кольце, и в воздухе закружилась морозная пыль, «алмазная пыль». «Сегодня солнце в рукавицах, — говорят няксимвольцы, — погода меняться будет». Вызывали в тузсовет. Нужно было уламывать вогул ехать в Березов на курсы. Безрезультатно. Довод один, но очень веский: «Сейчас пора промысла — нельзя уезжать. Летом согласны, отчего не ехать, учиться надо, но сейчас не можем». Когда говорят о стипендии в 45 р., отвечают, что это не устраивает. Верно, здесь ведь основной заработок на весь год — зимою, и упускать его никто не согласен. Второе дело: Хури Костя

хочет разводиться с женой. По этому поводу замечание: необходимо, чтобы развод был в компетенции тузсовета. Он не поладил с женой, с которой жил *хоттал товлыс хурум тал* — 'шесть лет', как он сказал. На самом деле — три года. Счет двойного года, когда лето и зима считаются самостоятельными годами, еще держится. Вопрос шел о калыме. Он заплатил матери жены четыре оленя, ягушку, две шали по 7 р. и головной платок 9 р., два отреза на гусь, то есть 4 м. и несколько маленьких платков. Как поступить с калымом? Иван Номин сказал, что следует делить пополам, так как детей нет и оба желают расходиться.

Вечером пришла жена Никона. Из ее сбивчивого рассказа я долго не мог понять, в чем дело. Наконец, уразумел. Никон приревновал ее к Трапезникову, последний подарил ей 13 колец за то, что она шьет туфли сыну Трапезникова. Пьяный Никон стал ее бить. Я позвал Вижанова и секретаря тузсовета Емаева, и мы все долго провозились с ними. Со всяким делом идут прежде всего ко мне, не в тузсовет, не к кому-либо, а ко мне. Будь это драка или развод, или еще какие возникают дела, зовут *Лозум хум*. Обращаются ко мне очень часто, что вовсе не способствует ускорению моей работы. Мое прозвище Лозум хум прильнуло ко мне очень плотно. Сколько раз повторяется одно и то же: подходит вогул, улыбаясь, здоровается: «Лозум хум! Вот мы когда с тобой увиделись, я давно тебя видеть хотел. Лозум хум — *манси хурип хум*, как остяк». Мой авторитет чувствуют и признают все. Ф. Рогалев: «Бабы нитки прядут — прялки на небо кладут, там где небо и земля приткнулись».

9.12. Часа в 3 выехали из Няксимволя. По дороге я спросил у Петра относительно знаков около болота. Оказалось — знаки медведя. В Яны-пауль остановились закусить. Я подарил Петру семь колокольчиков. Везет он меня за 55 р. до Ивделя. К ночи (9 ч.) приехали в Усть-Мань. Оленей оставили верстах в двух, так как ближе нет кормов. Евгения нет, не знаю, удастся ли завтра что сделать.

10.12. Утром отправились с Петром к Вангыр нёл. Он ошибся, к пещере иначе чем по веревке не попасть. Скала высокая, метров 60—70, на ее вершине можно ожидать жертвенное место. Вход в пещеру небольшой, круглый, с отходящей вбок трещиной. Горюхи, по указанию Петра, на правом скалистом берегу Сосьвы.

В 3 ч. выехали из Манья-сунт, до Ёвтин-сос 60 в., дорога идет частью болотом, но главным образом кедровниками. В Ёвтин-сос-пауль приехали к 9 ч. Здесь живет один лишь В. Сампильталов. За всю дорогу не видел белчих следов.

11.12. Сегодня неудача. Доехали до Суйват-пауль — 30 в. и я обнаружил, что оставил свитер в Ёвтин-сос-пауль. Один из вогул поехал туда на оленях. Здесь я увидел печку с вмазанным котлом, как видел когда-то у К. Бахтиарова. Когда мы вошли в юрту, в нос ударил удручающий запах гнилого мяса. Это варили котел из

вяленого мяса. В Ёвтин-сос-пауль мясо тоже вяленое было с душком, но здесь... Угнетающий запах. В юрте ручная белка, она прыгает по полкам *вилт порт*, берет из рук сахар и, присаживаясь на задние лапки, начинает его грызть, держа кусочек в руках. Спит где-то в углу за чувалом. Она — общая любимица. Пить ей дают из ковши, и девушка терпеливо держала ковш, пока белка, не топясь, пила. На улицу из юрты она не идет.

12.12. Сегодня выехали из Суйват-пауль до Бурмантова, *хоза воля*, четыре попрыска. Вечером пили чай у Бурмантова. К несчастью, старик Бурмантов ничего не знал о местонахождении плит с письменами на Вишере [?]. Из Бурмантова выехали, когда уже стемнело. Дорога теперь широкая, паезженная. Ночь теплая, и мы совершенно незаметно проехали 24 км до Талицы. Здесь — поселок, несколько бараков и контора. Нас обступили со всех сторон. Осматривают, ощупывают оленей. Люди их никогда не видели. От Талицы отъехали еще верст 10. Здесь нашли хорошее моховище. Еще М. Бурмантов говорил, что корма здесь хорошие. Здесь заночевали. Ночь теплая, развели небольшой огонек, только чтобы вскипятить чаю. Спали в малицах. Ерошин поднял нас ни свет ни заря. Ему с непривычки, видите ли, стало холодно. Долго сидели, но потом надоело ждать света, кое-как изловили оленей и поехали. Начиная с Кедрового, навстречу стали попадаться изможденные кони, едва переставлявшие ноги, брели люди. В Ивделе бескормица. Благодаря бесхозяйственности леспромхоза и колхоза не заготовили фураж.

7. СЕВ. СОСЬВА. 1931 г. РЕАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

[Записи в д. 12, л. 1—29. Для этих л. в оглавлении тетради имеется надпись В. Н. Чернецова, по ней назван раздел].

Слопцы *нял*. По пути из Али нялхланг в Санки-тур на берегу между песчаным обрывом и водой поперек берега устроены слопцы: загородки из небольших кедриков, положенных в один ряд. В загородке в двух-трех местах устроены воротца, в которых поставлены слопцы — плаха из двух бревешек, соединенных палкой, вставленной в расщеп, насторожка из прутика оперта на подножку из дощечки. Выбор места основан на том, что осенью глухари и косачи выходят на бечеву глотать маленькие камешки.

Камка (в Санки-тур). Сделана из дранки, передняя квадратная рама — из дюймовых палок. Продольные драницы скреплены тальниковыми прутьями, идущими винтообразно от рамы к хвосту, расстояние между этими обручами около 10 см. Все связано корнями. К хвостовой части привязано корнями круглое донышко, которое оттягивается для выемки рыбы. Расстояние между про-

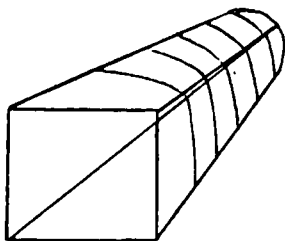

Рис. 14. Рыболовная ловушка *камка*. Манси Сев. Сосьвы, 1931 г. (д. 12, л. 12)

дольными прутьями около 0,5—1 см. Длина гитги 1,5—1,7 м [устье из] реек 70×70 см. Сетка озерная, длина 20 саж., ширина — 6 саж. (рис. 14).

Поль тур 'бельмо' (Санки-тур). У мальчика накануне появилось помутнение роговицы вроде бельма. Меня попросили пристально посмотреть некоторое время на это помутнение, широко раздвинув веки пальцами. Потом в соседнем поселке смотрела женщина, она сказала, что смотреть надо три раза. Она спросила, от чего, не обжег ли он глаза. По объяснению, если человек со здоровыми глазами, у которого не было бельма, посмотрит пристально три раза приблизительно полминуты, болезнь пройдет.

Глухарь токует — *мансин киюп рати, манси кайи*. Он ищет себе жену. Когда он играет, у него течет слюна. Прилетевшие тетери глотают эту слюну, и таким образом, происходит половое сношение. Санки-тур-пауль, 20.09.1931.

Сначала были богатыри *эрыг отыр*, которые также жили в *ма кол*. Находимые черепки глиняной посуды принадлежали им. Они все время воевали. Почти все были перебиты, а кто из них остался в живых, стали пухих. В каждом поселке есть свой пухих. Сорати-пауль, 21.09.

От зубной боли помогает клык мамонта, если кусок его взять в зубы и пожевать. П. Елесин, 22.09.1931.

По словам председателя тузрика П. Елесина, на В. Сосьве шаманы не берут платы. Плата имеет место кое-где по Ляпину и внизу, у Березова. Бубен имеет каждый. Каждый умеет ворожить, по-настоящему же шаманинг умеют лишь шаманы. Тем, что каждый имеет бубен, отчасти объясняется, что поначалу Сартыннинским тузриком было записано более 120 шаманов при 300 хозяйствах. П. Елесин, 22.09.1931.

Голова зайца — *тойт пунк*. Мальчик в Сорати-пауль ел заячью голову. Когда он съел ее, его стали заставлять рассказать семь сказок. *Совр пунк мойт пунк* без сказок есть нельзя. Кто сказки не знает, пусть не ест. Сорати-пауль, 21.09.1931.

В Сорати-пауль и в Менкв-я дети надували заячьи пузыри и зоба глухарей и косачей. Получались шарики из тонкой пленки, которые высушивались. Такие шарики называли коюп. Менкв-я, 23.09.1931.

Для копчения кисов женщина взяла коссум из бересты размерами: высотой 90—100 см, диаметром 60—70 см. Кисы пришила к дну и верхней части стенки. В земле вырыла ямку глубиной 40—50 см размером 30×30 см (в ширину лопаты). В ней развела огонь. Копчение длилось весь вечер, в течение нескольких часов. Коссум называется *сов косим лане коссум*. Менкв-я, 24.09.1931.

Старик Какши ойка сказал, что каждый поселок имеет своего пупыха, все пупыхи имеют вид животных. Пупыхи являются предками опарищ жителей поселка. Среди одной тотемной группы нельзя заключать браки, так как вся она *акв рат, акв опарищ*. Жители Ханглассам-пауля одного тотема с населением Пупым-пауль, считается, что они в прежнее время вышли оттуда. Тотем Хангласс-пауля — *Хортхан ойка* — ястреб, как и в Пупым-пауль. Браков между этими поселками заключать нельзя (за исключением пришедших, как Анемгур в Ханглассе, который принадлежит к *Вор-я махум*, тотему соболя).

В Халь-пауль опарищ — *йипыг* 'филин'. В Хулим-сунт-пауль однажды одна из женщин родом из Халь-пауля (находится по р. Лонсая) сильно заболела, «была почти уже мертвая». Ночью в поселок прилетел филин и, влетев в дом, сел на балку, опустив крылья. Он сказал, что надо принести жертву; сказав это, он улетел. Жертву принесли, и женщина вскоре поправилась.

Яны-пауль: *Лепла ойка*, какого он вида, старик не знал. Няк-сим-воль: *Тулам урынг ойка*, он *вор хум, вор мис хум*. Старик также не знал, какое это животное.

Топыс-сунт: *Чохрон ойка*, он сын *Тойт талан нёр ойка*. Ворь-я-пауль (в Тапсуе) — *Не пупых, мис не* — она соболя.

Нир-ус-пауль (Тапсуй) — медведь, сын *Ялпос ойка* (Ялпос-пауль на Оби), также медведя (*ворт олнут*). Ханглассам-пауль: Хортхан ойка, один тотем с Пупым-пауль. Хулим-сунт: Нуми Тором котли [...] — какое это животное, старик не знал, но думаю, что просто не хотел сказать. Менкв-я-пауль; у них опарищ — Менкв. В старое время менквы пришли в поселок и там жили. Менкв имеет вид ели (*хонт*), поэтому из ели нельзя делать таганы, и ель считается деревом менквы.

Сорати и Санки-тур: *Лус-хал эква* 'лягушка'. Мунки-пауль — *Сорт ойка* 'щука'. Анья-пауль и Алтотумп-пауль — *Чакл Тором*, он — *Халев ойка* 'чайка'.

На Пельме (названия поселка не помнит) также Не пупых — *ангха* 'куропатка', ее не убивают. На Лозье у Лозум махум: *хултеп* 'выдра', живет в Ялпинг-вол выше Бурмантова. Выдру они не убивают. Калтащ-пауль на Оби, там Тором анкэ — жена Нуми Тором. Она *совр* 'заяц'. Старик говорит, что она имеет три личности, но он знает лишь одну — *совр*. Записано со слов Какши ойки. 24.09.1931, Хулим-сунт пауль.

Тотем наследуется по линии отца. Шаманы не достигают Нумтор, приходит пупых, Мис и менкв.

Поры махум меньше, чем Мощ махум. Хулим-сунт-пауль, По-

салтит — Мош махум. В Посалтит-пауль, несколько в стороне от него, место обитания Мош хум ойка. Воря-я. Таныс махум — Пор махум. Браки среди группы разрешаются и разрешались раньше.

Носы соболя и лисицы отрезаются и хранятся в ящике. Хулим-сунт, 25.09.1931.

Самый главный *Тойт талох нёр ойка*, его священное место на берегу Ялпинг-тур и Тусвет-пауль. *Нёр ойка — Нёр урне ойка*. Хулим-сунт, 25.09.1931.

Ис, исхор 'тень', после смерти человека идет в загробный мир в *ёли ма ёли торем нупыл*. Человек старый, отживший свой век, идет с песнями, веселый. Человек же, умерший в молодом возрасте, плачет, что не смог пожить еще, не убил еще зверя, не добыл больше рыбы. С умершим идут все олени, убитые на могиле, и все вещи, положенные с ним. Вход в загробный мир находится около Хаманёла. Там двери в нижний мир. У дверей стоит сторож и пускает вниз лишь души действительно умерших. Души больных возвращаются обратно.

В нижнем мире тень проживает всю ту жизнь, которую прожил человек на земле. Носит ту же одежду, добывает тех же зверей. Хороший охотник в нижнем мире живет хорошо. Человек же, убивший мало зверя, плохо живший на земле, не имевший хорошей одежды, не имеет ничего этого и в нижнем мире. Тень встречает тех же людей. При этом одежду тень носит наизусть и живет обратно: с каждым днем тень становится все моложе, пока наконец не делается ребенком. В результате тень становится совсем маленькой и превращается в *кери хамлах*. Ногти и волосы при жизни не бросаются, а кладутся в одежду: ногти — за пазуху, ногти с ног — в пимы, чулки и т. д. Если бросить ногти, то в нижнем мире, когда тень живет обратно, не хватает ногтей и волос, обнажается мясо, тень идет на землю искать свои ногти. Вероятно,

уже позднейшим влиянием христианства создан загробный суд: люди, плохо прожившие свой век, страдают по дороге в нижний мир, а там кипят в смоле.

Другая душа — *лилите* после смерти вселяется в ближайшего новорожденного этого рода. Чья душа вселилась в ребенка, определяется женщинами. Новорожденный кричит и беспокоен. Еще не определено, чья душа в него входит. Женщина (шаманка или простая) поднимает *апа* с ребенком и потом

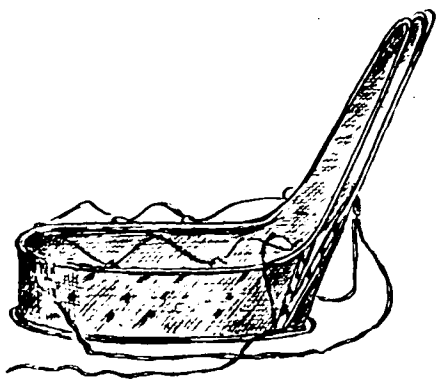

Рис. 15. Мансийская колыбель *апа* (д. 66, л. 1)

называет имена недавно умерших. При произнесении имени того, чья душа в ребенке, она как бы прилипает, и ее невозможно поднять. Это имя и дается ребенку. В нем живет душа этого человека. 25.09.1931. С. Пукенков. Хулним-сунт.

Вначале было только море, земли не было вовсе. Земля, может, и была где-то под водой, но даже Торум об этом не знал. *Тахыт* и *люли* стали доставать землю, нырять в воду. Тахыт нырять три раза и не могла достать, люли два раза нырнул — ничего, в третий раз принес полный клюв песку. От этого песку и стала земля. Но вначале земля все время вертелась, плавая в воде, жить на ней никому было невозможно. Нуми Торум бросил на землю свой пояс с пуговицами: Пояс, упав на землю, придавил ее своей тяжестью, и она перестала вертеться. Там, где упал пояс, теперь Урал. Реки делали *виткуль виткась*. Они прорывали землю. Два виткуль рыли Сосьву. *Виткуль эква* пошла по Ляпину, а *Виткуль ойка* — до вершины Сосьвы, где вырыл два озера. Одно — Ялпингтур, на берегу которого находится священное место Тайт талых нёр ойка, и другое, маленькое — еще выше, где поселился сам. В этом озере нельзя ловить рыбу, туда не садится никакая птица, если всех утаскивает к себе виткуль. Озеро такое глубокое, что самая высокая лиственница уходит в глубину и наверху от нее не остается следа.

Когда земля была сделана, Нуми Тором и *Хуль отыр* сделали людей. Нуми Тором сделал человека из лиственницы, а Хуль отыр — из глины. Когда они сделали людей, то пошли к *Топал ойка (Микол-Тором)* с просьбой оживить, он взял лиственничного человека, поставил его к себе спиной и оживил. Человек засвистел, закричал и побежал в лес, стал менкв. Глиняного человека Топал ойка поставил к себе лицом и оживил, стал человеком. Когда человеку жарко, то выступает из кожи вода. Это сохнет от жары глина. Лиственничный человек очень долговечен, и менкв живет несколько сот лет, пока Чахл Тором не убьет его своим тором санкв. Глиняный человек очень недолговечен и скоро умирает.

Когда земля была сделана, Нуми Тором сказал сыновьям: «Поищите, нет ли вокруг дома каких деревьев». Сыновья поискали и нашли кедр и березу. Нуми Тором эти деревья и посадил на земле. Это были первые деревья. Потом уже появились и все остальные.

Собака была сделана одновременно с человеком, а остальные животные — после. Собака вначале была величиной с оленя. Нуми Тором сказал ей: «Иди в лес, ищи всякого зверя и убивай, пусть отыр за тобой идет, подбирает». Собака лежит, головы не поднимает. Второй раз окликнул ее Нуми Тором, собака лежит. В третий раз Нуми Тором крикнул ей: «Иди в лес, ищи зверя и убивай!» Собака лежит, головы не поднимает. Тогда Нуми Тором сказал: «Ну, если ты не слыхала с трех раз, так теперь иди в лес, добывай зверя, а есть будешь помет *отыр ал*». С тех пор собака стала меньше, такая, как есть, и ест помет человека. Собака счи-

тается самым печистым, плохим животным. *Амп* — слово ругательное.

Миров всего семь: под землей, на которой живут люди, находится *Йоли ма*, она совсем близко. Она совсем такая же, как и человеческая. Там живет *Йоли Тором*, *Хуль отыр* и *исхор* — тени умерших. Вход в эту землю около Хаманёла.

Под *сали хос йив* [?] находится *амп (кутю) ленгхе люлит ма*, где живет *Амп ленгхе люлит Тором*. Об этой земле ничего не известно. На обычной земле живут люди, менквы, мис, пупыхи и Тором. Над нашей землей находится нуми тором. Этот мир тоже похож на обычный. Выше нуми тором живет Корс Тором или *Нуми Корс* с женой. О нем и этом мире ничего не известно. Еще выше находится место обитания *Кошар Тором*. Как он живет, не известно никому. Кошар Тором — отец Корс Тором, а Корс Тором — отец Нуми Тором, Тапал ойка. *Этпос ойка* и *Хотал эква* (жена Этпос ойки); *Поли Тором* — *Хотал эква* (?).

Тапал ойка — старший брат, а Нуми Тором — младший брат. Сыновья его — семь Торомов, самый младший — Мир сусне хум или Эква пыриш. Он *лунт 'гусь'*. У него было сто жен и сто сыновей, от этих сыновей пошли шаманы.

1. *Нуми войкан пос*. 2. Кошар Тором. 3. Корс Тором. 4. Тапал ойка, *Тором щань*, Хотал эква, Нуми Тором, Этпос ойка, Най ни, Йоли Тором. 5. [?]. 6. Сали пос йив люлит. 7. Амп (кутю) ленгхе ма, люлит ма.

Ленгхыт люлит хум живет в шестом мире. Выше Кошар Тором находится Нуми войкан пос, о котором не известно решительно ничего. Под *ялы ма* находится *сали пос йив люлит ма*, в которой живут *ленгу люлит хум* — люди вышиной с белку, о них также ничего не известно.

Люди (вогулы) делятся на две группы: Пор махум и Мош махум. Между ними нет никакой разницы. Когда людей было еще немного, стали они варить мясо в двух котлах. Одни не дождались, пока мясо сварится, съели его полусырым с кровью. Другие дождались, пока мясо как следует уварится. Нуми Тором сказал: «Пусть те, кто съел мясо полусырым, будут Пор махум, а те, кто дождался — Мош махум».

Шаманом делается не каждый. Некоторые люди вдруг начинают болеть. Пуксиков заболел лет пятнадцати и болел года два. Некоторые болеют до трех лет. Человек как будто пьян, ходит на четвереньках, ничего не ест. Сергей убежал в лес, и его долго не могли найти. Наконец к человеку приходят м.с.х. [Мир сусне хум] и опариш, пупых и говорят ему, чтобы он начинал шаманить, бить в бубен или гадать на топоре и сабле. Если человек не хочет, он умирает. Во время шаманства приходят опариш, пупых и те, кого зовет шаман: различные пупыхи, мис и менквы. Они говорят шаману, что надо делать. В жертву приносятся олень, лошадь; лесных зверей приносить нельзя: они принадлежат Торому. Собаку также нельзя: она — нечистое животное.

Посреди моря находится земля *щорац тонал ма*, в этой земле живут души менквов, убитые *тором санкв*. Люди туда пройти не могут. На юге, по ту сторону полдня, находится земля, где живут *Мортим эква* и *Мортим ойка*. Это — мортим ма. Туда улетают на зиму птицы. В этой земле живут особые звери и птицы *мортим цй*, *мортим тоцлынг цй*. Они очень красивые. Птицы, прилетая туда, также приобретают красивый вид. В этой земле находится *лилинг вит тур* 'живой воды озеро'. Мортим эква и Мортим ойка сдят птиц и зверей, кости бросают. Перо и пух разбросаны везде; когда придет пора, весной М. о. и М. э. собирают перо и кости и бросают их в озеро, птицы снова оживают. М. о. и М. э., когда становятся старыми, купаются в озере и становятся маленькими детьми.

Вход в эту землю загораживает *асынг ахтас лагылинг ахтас* — камень, который стоит на своих ногах. Если кто хочет пройти в мортим землю, камень опускается и давит его. Даже некоторые птицы попадают под этот камень. Под камнем птицы идут на ногах. Кроме того, имеется еще *кер патс* — железный перевес, в который ловятся пытающиеся проникнуть. Только Мир сусне хум с другим Торомом пытались попасть в ту землю. Мир сусне хум — гусь — прошел, а другой, имя которого не известно, был раздавлен. У камня еще живут *Урне ойка* и *Урне эква*, которые сторожат проход с помощью медведя и волка.

Мир сусне хум был *ощмар хум*, т. е. волшебником и выдумщиком, он обманывал всех. У него были *сав сов варим кент* 'из многих шкур сделанная шапка', которая делала его невидимым. Когда он истребил уж очень много отыров и прочее, Тонал ойка сказал: «Довольно, перестань, будь отныне сторожем всех людей». Хулим сунт-пауль. 26.09.

Вогул спросил: «Где живут *семл ёрн*, которые имеют черное лицо. Говорят, они живут в верхней стороне, видел ли ты их?» Хохат. 27.09.

Таган *пот йив* нельзя оставлять на сошках, так как будет «кипеть» и болеть голова. Разведя в дороге огонь, уходя, надо оставить немного дров. Иначе души, идущие по пути в Хаманёл, не найдут себе дров и будут плакать. Таган нельзя втыкать вертикально в землю, так как он запросит слишком много есть, и человек, воткнувший его, будет голодать. Ал. Анемгуров, Виссум-сунт. 29.09.

Дети, умершие в то время, когда еще лежат в колыбели, по пути в Хаманёл тащат колыбель (апу) с собой. Немного потащат, затем ложатся в апу, отдыхают, затем опять тащат ее за собой. Олени видят души умерших, и если навстречу попадает душа, олени бросаются в сторону. Если попадает душа *она няврем*, то олени рвут ремни и бросаются в сторону. Собаки также видят души и лают.

Северный ветер *суйват* — мужчина, он живет где-то внизу. В прежнее время он дул зиму и лето, не переставая. Каждый день

люди умирали от холода. Тогда один самоед отправился к нему. Пришел к северному ветру с ним воевать. Выстрелил из лука и разбил ветру половину челюсти. С этой поры настало тепло. Стало так жарко, что люди изнемогали от жары. Прошло некоторое время, и северный ветер опять стал дуть, но уже прежней силы у него не было. Челюсть у него зажила, но все же уже силы той не было. Ал. Анемгуров, Виссум-сунт. 28.09.

Коцар 'бурундук' каждую зиму умирает и весной снова оживает. Убивать его можно. Виссум-сунт. 28.09.

Нанк сул — кора лиственницы, употребляется на краску, ее варят в котле с предметом, который надо красить. Получается красная краска.

Этнос-ойка умирает каждый месяц, но снова рождается. Хулим-сунт.

Лам нянь — толченая черемуха, подсушенная и поджаренная с рыбьим жиром на огне в виде толстых лепешек. Хангласс-пауль.

Толченая черемуха, смешанная с рыбьим жиром. Виссум-сунт³⁷.

Нон ляхтхати — опять вселяет (души). Души живут в *какри*. У мужчины — пять душ исхор, у женщины — четыре. Одна из них за год до смерти человека отправляется к Хаманёл. Человек болеет. После его смерти другая из душ идет вместе с ним в могилу *йив киверн* и там живет уже постоянно. Оставшиеся три души вселяются в новорожденных детей того же рода. Души умершего мужчины вселяются (*ляхтхатэгыт*) в пять мест. Души женщины — в четыре места. (Тут остается невыясненным, сколько же всего душ, если мужчина занимает пять мест, одна душа идет в Хаманёл и одна — в могилу).

Души мертвых, находящиеся в могилах, живут так же, как и люди. Если пойти на кладбище, то там услышишь, как души плачут, поют, разговаривают. Женщина, у которой я спрашивал, идет ли в могилу душа, сказала: «Если там нет ничего (то есть нет души), то иди сейчас на могилы, там позади их много. Пойди и переночуй! Увидишь, что они там встают. Я много слышала, как они там поют, плачут, разговаривают. Живут так же, как и мы».

В подземном мире луна бывает лишь вполовину, полнолуния там не бывает.

Старик не знал, может ли душа вселиться в тотемное животное. Виссум-сунт, 28.09.

В каждого ребенка вселяется лишь одна душа. Виссум-сунт. 29.09.

Шаман делает бубен сам. Обруч делается из ели, растущей в священном месте около родового пупуха. Когда бубен прорвется, кожу вешают на дерево в том месте, где она прорвалась.

Когда не было спичек, огонь высекали из кремня *улянэ охтас* (*най охтас*) ударом кресала из стали. Трут тапла делается из тру-

³⁷ Далее следует 1 с. записей по-мансийски.

товика, растущего на сухой березе тосем наль сены. Его сушат, затем вымачивают в пороховой воде, снова сушат и размягчают. Загоревшийся трут кладут в высушенный черный мох танкв.

Алексей спросил, умерла ли *Калтац щань* от того, что сломали пунуха и разорили священное место. Когда я рассказал ему про Новицкого и гуся, он решил, что пунух в руки не дается и всегда скроется под видом тотемного животного. Ильпи-пауль, 1.10.1931.

Мортим эква, Мортим ойка, когда едят мясо птицы, не расчлениют костей и скелеты целиком бросают в *лилинг вит тур*. Кости снова делаются птицами.

Хуль живут не только в нижнем мире, но и на земле, в лесу и около поселков; они так и называются *Пауль эрут* (?). Они забираются внутрь человека, грызут его, и человек болеет. Виссум-сунт, 1.10.1931.

Речка Няврам-ворт-тотим-сос называется так потому, что по ней заблудился и пропал ребенок. Его унес *ворут* (менкв), объяснил Анемгуров. По этой реке и по увалу Тулам-ур, которым протекает речка, живут менквы.

Человек заблудился в лесу, долго плутал, не имея огня. Наконец, увидел впереди огонь. Подходит ближе. Видит, сидят два менква, один большой, другой еще молодой. Молодой спрашивает: «Нам совсем бояться нечего или есть для нас что страшное?» — «Нам бояться нечего, только вот немного мы пугаемся шума взлета рябчика». — Второй раз спрашивает молодой: «А еще что для нас страшное есть или нет ничего?» — «Есть для нас страшное, это — *сас нёл* (берестяная маска, которая надевается во время медвежьего праздника). Его мы очень боимся». — В третий раз спрашивает молодой: «А еще что есть страшное?» — «Довольно, *арыкве*, а то я уже пугаться начинаю, *сас нёл* для нас страшен». — Человек все это слышал. Подошел ближе и крикнул: «*Яны сас нёл ойхтыс!*». Менквы напугались так, что вскочили и босиком бросились бежать прочь. Потом человек нашел сначала молодого, а затем и старого менква. Оба лежали мертвыми. Анемгуров, 2.10.1931.

Шахыл Тором ездит на нарте, запряженной лошадьми. На нарте у него бочки (*поцка*) с водой. Когда он гонит лошадь и идет быстро, вода расплескивается, и на земле идет дождь. Лошадь он отгоняет кнутом. Он золотой и блестит (молния). Анемгур, 3.10.1931.

Душ исхор у человека пять. Одну не видно совсем, другую видно на четверть, третью — на половину, четвертую — на три четверти, и пятую видно хорошо, это — тень. (Как это «видно» души, Елесин не знал и не понимал). После смерти человека пятая исхор идет к Хаманёл, четвертая — в могилу, третья *нонгхал* — к первому небу, где живет Нуми Тором, вторая *ма тармыл ули*, первая *ляхтхати*.

Мужчина ляхтхати в пяти местах, женщина — в четырех. Исхорляхтхати в своем роде. Когда душа вселилась, тогда *няврам те-*

ли — зарождается ребенок. После рождения ребенок плачет. Гадают, поднимают, пазывая имя человека. Когда произносится имя вселившейся души, ребенок как бы прилипает. Когда умирает шаман, его душа ляхтхати — также в пяти местах, но лишь один ребенок становится шаманом, причем если умерший шаман был мутран нййт, то и новый шаман будет мутран нййт.

Когда человек делается шаманом, то он заболевает. Если он будет *койупынг нййт*, то болеет долго, не узнает никого, не ест, не пьет, уходит в лес, там живет, неизвестно как. Потом к нему приходит опарищ, пупых в виде тотема и говорит сделать бубен и начать шаманить. Если человек делается маленьким *нас пенгге нййт*, то к нему во сне приходит тотем и говорит. Когда шаман шаманит и к нему приходит тотем, приходят также и пупыхи, мис и менкв. Шаманы бывают простые, хорошие и мутран нййт. Последние портят людей и убивают их. Иван Пакин был мутран нййт, он принимал образ дикого оленя и шел к человеку, которого хотел портить, после этого человек заболел и умирал. *Вор соли опарищ*, пупых в Али Нялхланг (у них еще *Тором пыг*). Мутран нййт если замыслил кого убить, он начинает бить в бубен, обращается к опарищ, пупых с просьбой убить этого человека. Мутран нййт принимает образ тотема или опарищ, пупых. Он приходит к человеку, и тот заболевает. Заболевший обращается к шаману, но только не к мутран нййт, и тот начинает ворожить, чтобы выяснить, какой шаман причинил болезнь, и говорит, какую жертву надо принести. После этого человек выздоравливает. Но если шаман не может найти виновника, то человек умирает.

Человек может убить пришедшего к нему оборотня, будь он в образе животного или *куль*, лишь зарядив ружье медной пулей. Если услышишь, что пришел куль, шуршит и свистит, надо заложить медную пулю и выстрелить из-под левой руки. Пуля сама уже найдет. После этого шаман умирает.

Если мутран нййт убьет 7 человек, он умирает, если от каждого убитого им человека волос с головы падает в желудок шамана. Когда он умирает, у него лопаются живот, и волосы становятся видны, и все узнают, кого он убил. Души этого шамана попадают под суд кулям, но он все равно ляхтхати, и ребенок тоже будет мутран. Дядя Прокопия Бахтиарова умер именно так.

Домашние пупыхи, которые находятся в ящике: 1. *Алихум Мир сусне хум*, приклад — соболиные и пр. шкурки и рубашки. 2. *Топап ойка*, приклад — шкурки и материя. 3. *Калтащ щань* — платья и платки.

Халив ойка и Шахыл Тором — это одно и то же.

Наксимволь Катя не — дочь казымской Катя не.

Бахтиаровы *Лозын Кошар* и *Виткуль*. Николай Елесин *Юнь уй*. Лозьвинские, верхнесосьвинские (*Тайт махум*) вогулы — Пор махум. Ляпин и Н. Сосьва (*Лай сун*) — Мощ махум. Пор махум могут есть сырое мясо. Я сам — Пор хум. Во время шаманства приходят менквы. Шаманы Пор махум сильнее, чем у Мощ махум.

и среди них больше мутран няйт. Пор махум жить, как следует, не могут, они, скорее, как менквы. Мощ махум не могут есть сырое мясо. У каждой группы есть свой *маньяны-пупых*. Пор махум — фигурка менква, сделанного из кедрового дерева, с металлическими глазами. Кедр — священное дерево. Женщинам нельзя переступать через кедровую хвою. Мощ махум маньяны пупых — Катя, ее им нельзя убивать. Среди одной группы женщину брать можно. Елесни. 5.10.1931.

Тасмановы из Хал-пауля в прежнее время были зырянами. лет 150 назад они пришли из-за Урала. Потом они совершенно освоились. К. Сампильталов.

Пор хум махум — это *менкв рот*. Мощ хум — это *тис рот*. Те, кто Не пупых имеет, все Мощ махум. Мнс махум и Мощ махум происходят от Калташ эква. В прежнее время к имени человека непременно прибавлялось Мощ хум или Пор хум. Так, например, Саны-пауль Пор хум. Яны-пауль Пор аги или Няксимволь-пауль мось хум, Няксимволь мось аги. Брать жену в своей группе нельзя. «Все *пор не* и *пор аги* — для меня *ягаим*, — сказал Кирилл. — Хотя бы где я ее не встретил, все *пор не* для меня *ягаим*. Жену надо в другой группе искать. Наследование ведется по линии отца». К. Сампильталов.

1. Тотемы фратрин. 2. Лекарственные травы. 3. Домашние пупых, фетиш наслед. 4. Едение тотема. 5. Похороны тотема. 6. Личный тотем. 7. Число душ. 8. Собака. 9. Дух бубна, оживление бубна. 10. Духи-помощники.

Наконечники стрел (военные) делались из кости человеческой голени *элмхолуш ланыл лу*. Такие стрелы были очень смертоносны. Достаточно было простой царапины, чтобы смерть была неизбежна. Наконечники, сделанные из костей животных, также опаснее, нежели железные, но далеко не в такой степени, как из кости человеческой. Животно-костные наконечники употребляются на охоте. Сайнахов.

Семен из Яны-пауль разрезал желудок белки и попробовал его содержимое «*Ховт сам тес онхол паси*», — сказал он. Желудок другой белки оказался набитым преждевременными кедровыми орехами. Это содержимое оказалось очень важным. Содержимое желудка белки, евшей кедровые орехи, — большое лакомство. Несколько хуже на вкус сосновая и листовичная масса, еловая горьковата и пахнет смолой. Хара-сос, 14.11.

Сегодня было два ложных солнца. Боковое солнце, Павел из Вол-котли-пауль называл *пасси* 'рукавицы' (другие вогулы также подтвердили это). Верхнее ложное солнце — *туйт хоп* 'снежная лодка'. Появление ложных солнц предвещает перемену погоды. 21.11. Няксимволь.

Чистая белка без кисточек на ушах — *нумыл тартим ленгын* 'белки, спущенные в этом году с неба'. Когда такие белки попадают часто, тогда белок много. Белки спускаются на землю и сно-

ва поднимаются на небо. Этим объясняется изменение в количестве белок. Хара-сос, К. Сампильталов, 24.11.

Радуга — *хотол саг* 'косы солнца'. 20.11. Няксимволь.

Относительно дороги Лебедзинского П. Е. Сампильталов из Яны-пауль сказал, что раньше она была лучше, но потом земля выросла, и дорога стала больше. Дорогой, когда мы почевали между Кедровой и Талицей, Петр сделал на дереве затес. Затесав дерево пятью гранями, он сделал это для того, чтобы потом легко находить моховище, хорошее в этом месте. 12.12.

Ехавший с нами корреспондент стал рисовать на затесе какое-то лицо. Петр спросил, делают ли русские изображения бога на дереве. Я сказал, что не делают. Тогда он, обратившись к корреспонденту, сказал: «Этого делать нельзя, здесь место плохое». — Мне добавил: «Напрасно в лесу изображения рисовать нельзя, свистеть тоже нельзя, иначе придет *Вор хум* (менкв)».

П. Сампильталов выпросил у меня семь колокольчиков для ялпинг. *Ялпинг* — это те пупухи, которые хранятся в ящиках Мир сусне хума, Топал ойки, Калтащ-шань и Хуль отыра. Кирилл говорил, что отец сделал ялпинг, но он его не видел. Пока жив отец, Кириллу смотреть нельзя. Петр подтвердил это: «Пока жив отец, сыну нельзя смотреть на пупух». При жертвоприношении они бывают закрыты одеждами. Делает этих пупух шаман бесплатно. По словам Петра, у Пор хум махум ялпинг делают из кедра, у Мош хум махум — из березы. 12.12.1931.

8. КОНДА, ЮКОНДА, ТАП, СЕВ. СОСЬВА. 1933—1934 гг. ДНЕВНИК

[Записи в д. 13, 14; их заглавие перенесено в название раздела].

1.09.1933. Закончил все дела в Самарове. Теперь вопрос, как выбраться дальше. Пошел по всем организациям узнавать о катерах. В комбинате катер ушел лишь накануне. В «Уралпушнине», хотя меня и уверяли, что они будут следить за катером, им надо посылать порох и т. д. Узнал, что сегодня пойдет вверх катер лес-промхоза Обллес № 1. Решил ехать до Реполова. Там дальше уже будет видно. Вместо второй половины дня вышли лишь утром 2.09.

2.09. Катерок № 1 небольшой. Идет неважно, так как нет хорошего масла. Все время перегреваются подшипники, картер; приходится делать остановки для их охлаждения и т. д. Катерок весь прокопченный, грязный. Долго мы тащились и лишь к полуночи пришли в Реполово. Здесь пошел в дом ожидания. Вначале «мест не было», но затем очки произвели свое действие, и мне отвели кровать. Удивительное дело очки! Казалось бы, что в них такого, но тем не менее действие их обычно бывает очень сильным. Так, например, в Тобольске на пристани до посадки на пароход милиционер не пропускал никого на дебаркадер. Я пошел с заспанным

мешком и ручным багажом, в калитке попросил кого-то посторо- ниться и прошел мимо милиционера, который лишь нерешительно протянул руку в моем направлении, но так ничего и не сказал. Магический блеск очков и решительный вид сделали свое дело.

3.09. Вчера я купил у бакенщика за 2 р. большого язя и отдал его заведующей домом ожидания, чтобы она приготовила мне его. Сегодня утром, когда я садился пить чай, язь был уже пожарен. Только было я принялся за него, как раздался пароходный свисток. Оказалось, что обстановочный пароход «Совхозник». Он идет в Конду, но недалеко. Все равно решил ехать на нем, хотя бы и до Алтая, т. е. 150 км, там дальше видно будет, а все же ближе к цели.

В 12.45 вышли в Реполовскую протоку. Устье ее идет прямым широким плесом, направленным ЮЮЗ—ССВ. Берега низкие, пойма широкая. В 1926 г. эта пойма была вся затоплена, и тогда устье представляло собою весьма грандиозную картину. Сейчас вода довольно низкая, но и то Конда имеет вид полноводной, крупной реки. Река Конда впадает в Реполовскую протоку. Вскоре после входа в Конду начинается Кондинский сор, или туман. Этот сор имеет шириной свыше 5 км и тянется до Алешкина мыса, т. е. на протяжении нескольких десятков километров. Конда имеет здесь характер низовья, долинной реки с большими мысами, заливными лугами и березняками по берегам. Лишь в некоторых местах подходит к реке материк с борами. К полуночи приехали к д. Алтай. Дальше пароход не идет, и здесь придется ждать катера.

4—6.09. Два дня просидел в бесплодном ожидании. Ходил на охоту, удил рыбу. В Алтае живут, главным образом, русские и лишь одна семья остяков. Сегодня мне стало уж невтерпеж. Решил ехать подводами. Утром сказал Шестакову. Он — десятник в поселке. Началась обычная история поисков сельисполнителя, списка, подвозчиков и т. д., лишь к полудню Шестаков отрядил жену. Второго человека нет, мне придется грести самому.

Здесь в ходу лодки-осиновки, самые большие, что пришлось встретить. — это подъемностью пудов 20. Кроме того так называемые «кедровки», называемые на Оби и Сосьве базьяновками.

К 5 ч. приехали в Красный Яр. В свое время этот поселок стоял на берегу Конды. Правый берег образует высокий яр, покрытый бором. Потом река отошла, и поселок остался на берегу полупересохшей старицы. Материковый берег далеко не часто подходит к Конде в этих местах. В большинстве случаев берега низки, с заливными лугами и берегами, поросшими высоким саженным тростником.

Поражает, с какой легкостью среди туземного, остяцкого в частности, населения берут приемышей и отдают детей. Женщины говорят на эту тему совершенно спокойно и обыденно. Мне кажется, что это явление следует поставить в связь с архаичными формами семьи, с бытующим парным браком и пережитками группового брака.

12.09. Сейчас ясными утрами бывает иней, первый раз пал, кажется, утром 1.09, но в общем погода теплая как днем, так и ночью, когда нет ветра. Облачность и осадки переменчивы.

Нахрачи Мут-ущ. Трудно представить себе что-нибудь более безалаберное, нежели Нахрачи. Небольшой по количеству домов поселок раскинулся на значительной площади без какого бы то ни было намека на план. Один дом повернулся к своему соседу углом, другой имеет перед фасадом роскошный вид на покосившуюся будочку уборной, третий совершенно внезапно возник посреди чужого огорода и т. д. и т. д. Улиц в строгом смысле слова не существует, да и мало кто в них заинтересован: ходят напрямик, пренебрегая изгородями и прочими препятствиями. Поселок расположен на левом высоком берегу Конды среди низкорослого сосняка и кедровника. За поселком начинается багульниковое болото, поросшее низкорослой сосной.

В Нахрачах я стал подыскивать подводу. Председатель сельсовета сказал, что на собрании кого-нибудь найдет. Вечером 11.09 пришел я в клуб узнать, кого он выбрал, а в то время пришел кто-то, сказал, что приехали вогулы из Кошата, с которыми можно будет ехать. Пошел с Исыповым к вогулам. Старик Шипторов говорит по-русски плохо. Он сказал, что думает ехать послезавтра. Приехали учителя, в их числе Шкляев, Сысоева и Головкин. В РИ-Ке собрались у предрика Леских. Провели разверстку. В Карымский интернат едет Сысоева. Вечером провел с преподавателями инструкционное собрание. Засиделись допоздна.

Исыпов после годичного отпуска должен ехать в ИНС, но в РИ-Ке нет денег, и ему предложили ехать на свои. А он откуда возьмет? Он решил ехать со мною. Мне это очень удобно, так как он сможет мне во многом помочь. Кошатским вогулам он приходится племянником.

13.09. Сегодня к вечеру поедem. Исыпов отправил свои вещи по почте, так что с собой у него самые пустяки. Шипторов рассказал мне, что с вершины Юконды очень близко пройти через Тап на Тетер.

15.09. Третьи сутки ветер. Сначала южный, юго-западный 4—6 баллов, теперь западный и северо-западный 5—6. Шипторов надеялся на стихание ветра, но сегодня решил ехать, не дожидаясь. Досадно, много потеряно времени, но в то же время ничего не сделаешь. Итак, я не знаю, как удастся пересечь туман. На нем сейчас, вероятно, большая волна. Вероятно, через час-полтора выедем. Ветер спал лишь к ночи. Решили выехать завтра с утра.

16.09. Проснулся в 6 ч. Быстренько собрался, разбудил Сысоеву, сходил к Пронькину и привел лодку. Выехали в 7.15. Сысоева гребла слабо, и продвигались мы довольно тихо. Пронькин на своем легоньком челночке скользил легко и быстро. От устья Юконды и протока текут болотистыми заливными лугами, кое-где попадаются небольшие боры. К такому бору приехали во второй половине дня. Обогнув его, пристали к избушке на мысе Одиночкинском.

Бор здесь высокоствольный, с развитым подлеском из рябины, осин, ивняка. От Одиночкинского начинается туман. Это большое озеро очень мелкое. В приустьевой части с трудом проходят маленькие лодки. Зато в ветер на тумане поднимается сильное волнение, очень опасное для небольших лодок. Берега у озера твердые, песчаные. Озеро слегка вытянуто в направлении с северо-востока на юго-запад. В западном углу в озеро впадает Б. Юконда, а несколько к северу от нее находится устье М. Юконды. Малой Юкондой ехать ближе, но в настоящее время в верхней части она пересохла.

После озера Юконда извивается болотистой долиной, поросшей тростником и высокой, в рост человека, травой. Мысы очень крутые, до 300°. Общее направление на северо-запад (считая против течения). Пересекая равнину, река подходит к высокой гриве, покрытой сосновым бором, четыре раза подходит к ней вплотную. Здесь по правому берегу образовались высокие яры. Несколько выше четвертого бора (12—15 км) отходит М. Юконда. Выше М. Юконды начинаются понемногу леса. Сначала березняки по берегу, а затем и сосновые околки и боры. К вечеру третьего дня приехали к Тур-сунт-пауль. Это место летнего промысла на берегу небольшого озера, в котором много шук. Несколько выше начинается Карымская вотчина. Отсюда уже постепенно начинаются леса и ломы. Юконда неширока, самое большее 50 м, течение в ней довольно быстрое, и местами река сплошь завалена плавником. В этих заламах прорезаны узенькие проходы, в которые с трудом проходит лодка. В этих проходах вода, сжатая со всех сторон, бежит очень быстро, и приходится быть начеку, чтобы лодку не залило бы и не замяло.

Четвертую ночь провели в шалаше, 8 км ниже Летних Карымских, 30—40 км от Карыма. Здесь уже по оба берега непрерывной стеной тянутся сосновые боры. Ели здесь совершенно не видно. Кедров и лиственницы мало. Боры, в зависимости от места, багульниковые и ягодные, и с лиственничным подлеском. От Летних Карымских до Карыма еще три лома. Первый, «дикий лом», действительно дик, и страшная вода со всей стремительностью бьет наискось, между мокрыми, скользкими стволами деревьев. Лом тянется на большом протяжении. Второй лом спокойнее, но неприятен подводными карчами ниже лома. К третьему лому, около Карыма, приехали уже к вечеру. Пронькин еще раньше уехал вперед, а мы остались ночевать, не решаясь в сумерках идти через лом. Утром прошли и его. Он также стремителен, но легче проходим, нежели «дикий». Только трудно грести, так как в фарватере много карч, о которые цепляются весла. От лома до Карыма 4 км.

23.09. Приехав вчера, остановился пока у Пронькина. Карым (Харым-пауль) расположен на правом берегу небольшой речки. Речка изобилует рыбой, главным образом чебаком и плотвой. Рыбы такое количество, что часа за два ловли двумя удочками науживают ведро. Такое положение Карыма обеспечивало его обита-

телям постоянную добычу рыбы. По всей вероятности, жизнь на берегу маленькой речки представляла больше удобств вогулам и большую безопасность. Рыбу в маленьких речках и курьях промышляют запорами, в которых устанавливаются морды.

Произвел рекогносцировку. У западного конца поселка расположен большой бугор, явно насыпной. Бугор находится на мыске между реками Харом-я и Вэщ-Калтин-я. От материковой стороны он отделен был рвом, от которого в настоящее время осталось уже немного. Большая его часть заровнялась выросшими деревьями. Бугор представляет собою, по-видимому, очень большую землянку, возможно, что еще не обвалившуюся. Возраст этой землянки определяется выросшей на ней громадной лиственницей возрастом 200—300 лет. В последнее время бугор служил местом жертвоприношений для карымских вогул. Еще не так давно, когда кто-нибудь собирался колоть лошадь или корову, все обитатели собирались на бугре. Варилась брага, скотину покрывали кусками материи (аналогично ялама). Вероятно, вследствие этого на бугре накопился мощный пласт мусора: бересты, дерева, угольков и т. д. Года два назад этот пласт загорелся с западной стороны. Горело лето, зиму, а на другое лето пожар погасили. Выгорела 1/3 бугра. Неоднократно бугор копали с целью найти золото, но не докапывались ни до чего. Доходили до деревянного наката и там останавливались. В самом Карыме по обе стороны поселка находились две квадратные ямы, очевидно, остатки землянок, но их завалили навозом.

По левую сторону речки Харом-я, на мысу Мосрынг-вор-нял 'мыс покойников', также находится масса землянок очень больших размеров. По преданию, была большая война, жители были все перебиты и там же похоронены. Действительно, тут и там виднеются ямки, напоминающие могильные провалы. Сделал съемку всей этой территории.

24.09. Начал фольклорные записи с Авдотьей. Поначалу идет очень медленно, она сердится на эту медленность: «Когда так напишем?!»

25—26.09. Немного прихворнул, что-то вроде гриппа. Кое-как бродил. Сходил, однако, сделал съемку Мосрынг-вор-нял. Там действительно несколько больших землянок по 12 м в стороне. Пробовал шурфовать в одной. Культурный слой очень тонок, на глубине 30 см попадаются черепки. Но как следует разведку произвести не мог, не было сил.

26—29.09. Сделал два разреза на северном склоне бугра. Верхний разрез — обнаружил на бровке бугра остатки частокола, поставленного из бревен и плах. Частокол в свое время завалился по направлению оползания слоев к западу. Во втором разрезе нашлись следующие слои, считал сверху: красновато-бурый слой, состоящий из песка, костей, угольков, дерева. Красноватый окрас дается, по-видимому, перегнившими и рассыпавшимися костями. Этот слой тянется на 30 см. Далее идет темноокрашенный слой

с примесью угля, щепок и изредка черенков. Этот слой перекрывает остатки бревен частоккола. Ниже этого слоя идет тонкая прослойка белого песка. Красноватый слой относится, очевидно, к послеледниковой эпохе бугра. Самый верхний слой надо отнести к тому времени, когда бугор стал жертвенным местом карымских вогул. В такой роли он просуществовал до недавнего времени. Жертвенного характера и кольцо, найденное под лиственницей в поверхностном слое, а также медные старинные пятак, которые находили ребята.

1.10. Полагал выехать в Шугур после полудня с Захаровым, но Захаров дождал отца, с которым должен был ехать везти соль, а старик пришел лишь к вечеру.

30.09. Заходил к К. П. Вахрушевой. У той — люди, пришедшие из Шугура и Красного Яра. Кирья Павловна сосватала мне Нохову из Шугуры рассказывать сказки. Вогулка из Красного Яра сказала мне кое-какие тексты. Интересен вариант *Акрищ, Акрищ*. Спрашиваемое лицо здесь птичка *Щанккыщ ко щанккыщ*. Щанккыщ — собирательное имя для мелких птичек. Щанккыщ высватана, и ее спрашивают, какое приданое она принесла от своего отца.

К. П. Вахрушева «приняла» русского. Характерное выражение «приняла». Она вышла замуж, но он вошел в ее хозяйство без своего. Отсюда глава хозяйства — она. Дети — Вахрушевы. Его фамилия мало поминается. Подобная брачная структура встречается здесь довольно часто. Могла ли она развиться, хотя бы и в настоящее время, на почве глубоко укоренившейся патриархальной семьи? Думается, что нет.

2.10. Выехали рано утром. Был мелкий иней, но в воздухе тепло. Ночь была настолько теплая, что можно было ходить в одной рубашке. Вообще погода пока держится хорошая. Захаровы везут соль до Шугура и оттуда заберут свою корову. Они — переселенцы из Шадринского района. Переселились целым колхозом, 14 хозяйств, с разрешения соответствующих властей. Колхозу ответили место на Конде, но потом он распался. В их селении было 750 хозяйств, а теперь осталось 100 с лишним. Едем тихо. Кедровка — большая, а гребцы посредственные. К вечеру доехали лишь до Ягорсана. Здесь раньше был поселок, но он сгорел. Теперь это место ответили Д. В. Вахрушеву и Григорию Павловичу, мужу К. П. Вахрушевой. Они построили здесь избушку и промышляют рыбу неводом, запирают курь. Сказывают, что промышляют лучше, чем карымские рыбаки. В избушке устроен чувал, он сделан из кирпича, сложенного углом под дырообразной трубой в крыше. Дымит, конечно, сильнее, нежели настоящий. Д. В. Вахрушев приготавливает неведомое мне дотоле кушанье. Это вареная рыба чебак, из которой выбраны лишь спинки, чтобы не было костей, смешанная с брусникой. Ягоды берется больше, нежели рыбы. Все это толчется в однородную массу. Это называется *нёлом пуль*.

3.10. Утром, чуть свет, поднялись, напились чаю и поехали дальше. Я большую часть дороги шел по берегу. Юконда очень

извилистая, и даже, лишь немного срезая мысы, можно было значительно экономить расстояние. Птицы очень мало. За весь день видел лишь трех копалух, за которыми не стал гнаться. К полдню добрались до Зимних Шугурских. В настоящее время здесь лишь одна избушка, в которой живет сторож. «Караулит реки», хотя, казалось бы, здесь и караулить-то нечего. Одни ломы, да и на те, пожалуй, никто не позарится. Отсюда или несколько раньше река начинает понемногу менять свой характер. Начинаются песчаные увалы, которые подходят к Юконде высокими обрывами. Обрывы чередуются с низинами и болотами. К вечеру добрались до такого увала. Он подошел к реке узкой грядой, которую река, изогнувшись крутым мысом, подмывает с обеих сторон. Промежуток между двумя обрывами всего саженьей 50.

4.10. Ночь была ясная, но теплая. Утром даже не было почти инея. Здесь опять потянулись высокие яры и болотистые низины и курьи. Течение на Юконде значительно тише. Днем приехали в Шугур или Тэй-пауль (летние). Здесь почти никого нет дома: все мужчины или неводят, или пошли за мясом (один охотник убил медведя). Вернутся к вечеру. Вечером вернулись охотники. Брат убившего медведя — М. Краснокуров, зав. заготпунктом «Уралпушнины». Они — метисы, говорят по-вогульски и по-русски. Вместо матери у них живет старуха вогулка. В доме — двуязычие, как и вообще у всех местных вогул.

5.10. Осматривал шайтанский амбарчик *пути сомлян*³⁸. Он совершенно разорен и разграблен, так что мало чего осталось интересного. Амбарчик на шести столбах, вход с запада, в самом амбарчике закрома для муки. По сторонам положены жерди, на которые раньше вешались одежды и приклады. Прямо против входа — полка, на которой стояли идолы. Теперь сохранился сундучок русской работы, расписанный цветами. В сундучке — шкурка медвежонка, медвежий носы, лапы выдры, медвежий лапы, лапы лисы, белка. Все истлело и съедено молю. В сундучке нашлось кольцо и 5 копеек последней (бронзовой) чеканки. На полке нашлась стрела без наконечника, сухожилие лося, обрывки шкурок, высохшие и истлевшие петухи с отрезанными головами и остатки какой-то пищи в чумашках и завязанной в тряпочках, орлиное перо и т. д. Снаружи передние юго-восточные и северо-восточные углы амбара — черные от браги и крови, которыми их обмазывали и обливали. Нижние ряды на углах выгрызены скотом, который вылизывал брагу и кровь. Краснокуров думает, что куски шкур и прочее были принесены давно, так как за последнее время лишь кололи скот и птиц по случаю болезни, неудачи в промысле и т. д. Гребень крыши резной, на коньках вырезаны головы орлов. Идол был женщиной — *Пути эква*.

³⁸ Описание амбарчика сделано В. Н. Чернецовым на отдельном листе (вкладыш 2 в д. 13). Мы помещаем его здесь в соответствии с дневниковой записью.

В прежнее время здесь умели ткать холст из лына (покупного), конопля и крапивы. Крапиву специально сеяли, разбрасывая семена в подходящих местах.

Первые дни в Шугуре прошли печально: никак не мог раскатать вогулов на сказки. Помог мне много М. Е. Краснокуров. Он рассказал небольшую сказку, чем расшевелил остальных. Сказала Нехова, потом бабушка Алена. Пришла еще вогулка: «Все сказывают, надо уж и мне сказать, что знаю». Записал несколько песен. Песни интересны по содержанию. Краснокуровы в молодости сами участвовали в жертвоприношениях. «Старшие ходили, и мы должны были ходить», — как бы оправдывался Михаил.

Погода была теплая, но с 8.10 ветер стал подворачивать к северу, стало холоднее.

8.10. Пришла снизу кедровка из Левдыма. С ними поеду в верховья.

9.10. Выехали в Шумы. День пасмурный, перепадали дожди. Выше Шугуры верст десятков в Юконду с левого берега выпадает р. Лохв-я. Отсюда Юконда делается все меньше и меньше, все извилистее и извилистее. Боры попадают реже. Мысы поросли тальником и березняком, начинаются *войт* 'болотистые луга'. Далее к вершине эти болотистые луга составляют основную часть территории. Поэтому верхняя Юконда называется *Няр-пал* 'болотистая сторона'. Это Большие Нерпалы. Малые Нерпалы — на Тапе.

Юконда узкая. Падающее дерево ложится с берега на берег, перегораживая реку. Ломы попадают на каждом шагу. Затонувшие деревья замываются песком, и поэтому Юконда изобилует мелями. Кедровку с трудом проталкивали на ломах и мелях. Глубина — трехметровая, шест еле хватает дно, а лодка сидит на лому, и лишь соединенными усилиями удастся протискивать ее вперед. Ночевали в хорошем балагане. Ночь была дождливая, но теплая. Когда вскипятили чай, то забыли выдернуть таган. Одна из женщин заметила: «Таган-то выдернуть забыли», — парень сейчас же вскочил и выдернул его: «Старая вера такая, надо делать».

10.10. Утром пошел снег, но скоро кончился. Протиснувшись через несколько ломов, подъехали к половинной курье. Отсюда я решил идти пешком. Хлеба на Юконде мало. Все стараются больше налегать на рыбу. Женщина и парень едут вовсе без хлеба, у них есть лишь немного картошки. У парня — дырявые сапоги. Уже после, в Шумье, мать Гоголюхина сказала ему: «Ведь ты погрешь, Кольша, с экими сапогами-те!» — «А что ж, лучше, там хорошо, спокойно спать-то!» — Общая масса здешних вогул уже привыкла к хлебу, а теперь снова приходится отвыкать.

Утром вышел с половинного бора в Шумью. Дороги нет, есть лишь направление северо-западное. Идти было легко. Сухое лето высушило все болота. Лишь кое-где встречаются сыроватые места. К полудню выяснилось, но поднялся холодный северный ветер. По болотам много клюквы. До Шумы 8 в. Это расстояние прошел легко и незаметно. К концу дороги вышел на дорожку, протоптан-

ную скотом, и она вывела меня к поселку. Шумья — маленький поселок, населенный русскими. Отсюда я пойду к Тапу.

Д. Е. Гоголюхин, к которому я обратился по совету Краснокурова, охотно согласился проводить меня на Тап. Правда, до сих пор у меня не исчезало колебание пройти в Левдым. Дело в том, что по юкондскому диалекту у меня не очень много записей, и их можно было бы пополнить в Левдыме. Но в то же время на это ушло бы несколько дней, а время сейчас дорого.

К вечеру пошел снег и довольно сильно, вскоре все побелело. Этот снег окончательно прекратил мои колебания. Надо сразу же двигать на Тап.

11.10. Утро ясное, но сильный холодный северо-восточный ветер. Снег тает слабо. Днем приехала кедровка. Завтра с утра выйдем в дорогу, а сегодня надо кое-что починить и исправить. Итак, закончен второй, лодочный этап моего маршрута. Если впереди и придется ездить лодкой, то немного, главным образом, путь будет пеший. К вечеру ветер зашел на южный, пошел снег, хотя и потеплело. Наступает зима.

12.10. Утром было пасмурно, тепло, перемежающийся снег. Вышли мы не рано, Гоголюхину, видно, неохота было идти в такой день, но я не намерен был ждать. Вначале поднялись 2 км вверх по Юконде, затем перетаскивали лодку в ее приток (устье мелкое) — р. Лайм-я. Кругом болото (*нос вор*) и болотистые луговины (*войт*). Добравшись лодкой до бора, пошли пешком.

Тяжесть котомок вначале не особенно чувствовалась, но, когда мы подходили к лыве, вес их стал немного как бы прибавлять. До лывы 7 км, почти все бором. День уже кончался, когда вышли сначала в сырой пошворник, а затем и на лыву. По мере приближения к ней сосенки становились меньше и реже, чаще попадались сухие, почва — все более мокрой и зыбкой. Лыва — это, по-видимому, заросшее озеро. Через нее под моховым покрывалом протекает речка, по течению которой там и сям виднеются окна. Моховой покров довольно крепкий, но глубоко грузнет, как только становясь ногой. В некоторых местах во время ходьбы вся поверхность кругом колеблется и волнуется. Очевидно, что подо мхом вода или очень жидкий ил. Глубина большая: как-то пробовали толкать трехсаженный шест, и он не достал дна. Кое-как перебрались через лыву и вскоре вышли в горелый бор. Здесь решили ночевать.

13.10. Ночь была теплая, и снег весь стоял. Утром — снова дальше. Теперь дорога шла все бором и скоро привела нас к берегу большого озера. Потом я узнал, что это озеро называется Сопсат-тур. На берегу этого озера есть избушка, в которой летом живет караульщик, следящий за запором на протоке из Сопсат-тур в Эн-тур и за рыболовными котцами. Избушка скверная, полная блох. Караульщика, на которого надеялся Гоголюхин, не оказалось. По-видимому, он ушел вчера в Сум-пауль. Попив чаю, пошли дальше. Гоголюхин — человек не здешний. Он приехал не-

сколько лет назад из Верхотурья. Его отношение к охоте резко отличается от того, какое мне пришлось встретить дальше, на Тапе. Сейчас белка еще далеко не вышла, но тем не менее Гоголюхин собирается начать ее промыслять, хотя бы и до срока: «Хоть подпаль, да моя!». На Тапу промышленники рассуждают как раз наоборот: «Если даже и срок выйдет, да белка сырая будет, промыслять не станем, и так ее мало».

От избушки шли сначала берегом озера на запад. Южный берег высокий, боровой, северный — болотистый. Из юго-западного угла озера вытекает р. Сопсат-я, которая первую половину своего течения идет подо мхом, образуя лывы и болота. Большинство лыв и озер вытянуты здесь с юго-запада на северо-восток. Между ними протянулись боровые гривы. В юго-западном углу озера, на краю бора, видны остатки землянок бывшего здесь поселка. Да и позже здесь был летний поселок Сум-пауль. От озера пошли левым берегом Сопсат-я, борами. Здесь видели оленей. Оленей в этих местах много. Осенью они приходят сюда на зимовку. Еще Краснокуров говорил, как видел однажды долинку, по которой сплошным стадом шли олени, лишь видны были покачивающиеся спины оленей, шедших один в ряд с другим. Перейдя Сопсат-я, пересекли еще болотце и бор, приблизились к Тапу. С высокого холма стало видно ельники и лиственники близ Тапа. Это — граница сплошных боров Юконды, где не найдешь ни одной ели. Теперь до Тапа осталось 2 км.

Здесь оставили вещи и пошли на север к Сум-паулю. До него оставалось 5 км, но пришли лишь в темноте. С трудом переправились через неширокую, но глубокую реку Ойт-я по жердине толщиной в 2 д. Жердь сгибалась, пришлось перебираться, перевесившись поперек жерди, медленно ползя по ней (Гоголюхин забыл, где тут настоящий переход, хотя и жил здесь два года). В Сум-пауле застали двух охотников и караульщика. Сегодня они добыли трех оленей, легли спать уже довольно поздно.

14.10. Утром, наевшись жирного мяса, стали снаряжаться в путь. Караульщик категорически отказался сопровождать меня на лодке в Тап-вар-пауль, ссылаясь на то, что ему потом не пройти болотом. Он в своем долгополом, порывевшем пальто больше всего похож на шадринского мешанниа (он из Шадринска), нежели на северного охотника. Чувствует он себя в здешних местах неуютно. Да мне и не нужно было никого в проводники. Я сел в лодку и поехал. До Сансат-я со мной доехал Гоголюхин. Здесь мы сходили за нашими вещами. При устье Сансат-я, на высоком берегу правого берега, находится священное место здешних вогул. Теперь здесь уже ничего не видно, а может быть, я и не нашел его.

Тап больше Юконды, но страшно завален ломами. Ломы совершенно перегораживают реку. На них уже вырос лес, и они увеличиваются год от году. Это грозит совсем прекратить лодко-грузовое сообщение по Тапу. Уже теперь приходится тащить лодки и

груз саженой по 100. Через один из таких ломов мне пришлось тащиться. Но лодочка была легкой, груз — небольшой, и это далось мне без особенного труда. Уже было совсем темно, когда я увидел огонек пос. Тап-ват-павыл. Он расположен на яру, около лома, и в темноте я воткнулся в этот лом. Но дело обошлось благополучно, и через полчаса я уже пил чай у Василия Антоновича.

15.10. Вечером я рассказал Василию Антоновичу о цели своего посещения, и он не особенно отбрыкивался. Утром старик собрался пойти смотреть слопцы, и я отправился с ним. Когда шли бором, попалось несколько подозрительных впадин, напоминающих землянки. Старик сказал, что это возможно, так как в прежнее время здесь жил *Капа отыр*. Потом, осматривая места, я нашел и более явные следы укрепления. В боровой гриве, около самого поселка, обнаружил овальный ров, вал и внутри рва возвышение, явно насыпное, с несколькими углублениями, как бы от землянок. Кондинские городища, как правило, отличаются своей конструкцией от сосьвинских тем, что устроены не на мысах, а в виде курганобразных возвышений.

Слопцы были за озером Акв-тав-тур. Конструкция слопцов отличается от сосьвинских тем, что бревна поддерживаются П-образными стойками. Насторожка такая же. В общем устройство более громоздкое.

На озере видели гагару. Я спросил, можно ли ее убивать. Старик сказал, что можно, он убивал однажды. Разговор перешел на «духовные темы». Старик жаловался, что вот теперь не дают устраивать жертвоприношение, и что от этого не стало птицы, рыбы и зверя. Здесь имеется характерное название «вотчинник». Вотчинник — это дух, хозяин, *пупых* данной вотчины, от которого зависит удача в промысле. Явление это, несомненно, родового характера, и вотчинник, или пупых, является духом-предком. При этом старик не отрицал и того, что пупых принимали облик того или иного зверя или птицы. Когда пришли домой, Василий Антонович рассказал сказку.

16.10. Сегодня целый день писал длинную песнь *Вис отыр эрыг*. Старик измучился и порывался под конец сбежать. Закончили лишь за полночь.

17.10. Сегодня переводил и разбирал вчерашнюю запись. Около полудня приехали их домашние, которые ездили на Конду в Елушкину. Поездка в кооператив или на факторию отнимает у малотайпинских ровно две недели. Расстояние не такое уж большое, 130 км в один конец. Но дело в том, что по пути надо пересечь девять ломов (два раза), десять раз перекладывать вещи. На это уходит масса времени. После их приезда старика еще труднее стало заманить на работу, и поэтому я решил немедленно ехать в Ингате, где имеется несколько стариков.

18.10. Утром выехал дальше на лодке. В помощь взял А. Сафронова. До пос. Шомпол — пять ломов. Приехали уже в темноте

и по пути налетели на лесину, навшую в воду. Да и не мудрено. Даже днем приходится внимательно глядеть вперед, а ночью и по-давно надо напрячь все внимание и бдительно следить, чтобы лодка не налетела на выплывающие то здесь, то там из ночной темноты коряги. Лодка, ударившись, может расколоться и перевернуться, а Тап глубоководный.

19.10. Шомпол — новый поселок из двух домов с двумя вогульскими семьями. Дома — обычные вогульские юрты с *сохсином*, но без нар, а чумал заменен железной печкой. П. Д. Сафронов добыл лося и накормил меня лосиным мясом. Мясо подвялено без засолки, и попадаются места немного несвежие. Способ консервирования остался целиком прежний.

Когда выехали из Шомпола, то на берегу Тапа я увидел за-тес — «знак лося» обычного вида, вроде лосиной ноги. Еще у Василия Антоновича я спрашивал об обычае обозначения убитого зверя. Он сказал, что это делает уже мало кто. Вообще он отнесся к этому, как к вопросу священному, придавая большое значение вырезанию знака. Характерно, что он отметил: высекание знака подвергается гонению со стороны некоторых представителей «передовой молодежи» наравне с жертвоприношениями.

Старик Костя из Левдыма обозначает убитых оленей засечками, сделанными на сучке, на вершине наблюдательного дерева (с которого высматривают оленей на болотах). Таким образом, он делает это вовсе не для общего осмотра. Очевидно, здесь имеется момент магического воздействия на увеличение количества зверя. Вместо убитого делается изображение или условный знак. Также неожиданно получает магическое освещение страсть к мене вещей и, в частности, ружей. Сафронов из Шомпола сказал, что ружье, которое он держит теперь, он недавно выменял; и как только выменял, так добыл с ним и лося, и оленя, и выдру, и соболя; даже медведя встречал, но добыть не удалось. Говоря это, он придавал большое значение именно обмену ружьями.

Нахрачи — *Мит-ус*, *Мот-ус* 'другой город'. Беленгут — *Пал-хол-пауль*. Карым — *Хорам-пауль* 'красивый'.

Кондинские остяки зовут кондинских вогул *ики* 'старик' (-ку). Вогулы зовут остяков *анчах*, т. е. также 'старик' (-ку).

Выдергивание тагана имеет, несомненно, магический смысл. Таган, на котором варится пища, приобретает магическую связь с самим человеком, а оттого и дальнейшая судьба тагана отражается на человеке. Таган калится на огне — у человека, воткнувшего его, начинается болеть голова. Поставленный торчмя, он «начинает просить есть», т. е. человек никогда не будет в достатке и т. д.

22.10. Нингат-я не оправдала возлагаемых на нее надежд. Стариков, правда, много, но все они никудышные. Несколько толковее оказался С. И. Бойцов, с которым я перевел и разобрал «*Виц отыр тэрнынг эрыг*». Но на дальнейшее он не был способен. Увидев, что мне здесь не добиться ничего, я утром 22-го выехал в Б. Тан.

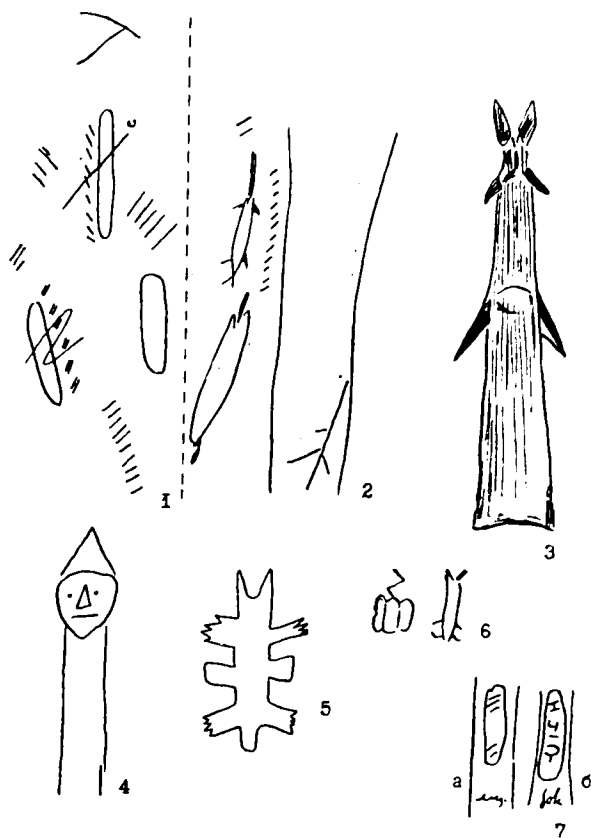

Рис. 16. Рисунки манси: 1 — «пять охотников свернули с дороги на затес» (д. 57, л. 35); 2 — глухарь (д. 57, л. 35); 3 — знак лося (д. 57, л. 17); 4 — *менка* (д. 57, л. 351); 5 — знак медведя, вырубаемый на дереве (д. 66, л. 1); 6 — изображение на затесе (д. 14, л. 21); 7 — изображение на затесе (а — три человека, две собаки; б — тамги) (д. 21, л. 38)

Когда я выехал из Нахрачи, лист был в большинстве еще зеленый. Во время сильных утренников в Карыме он пожелтел, а в тот сильно ветренный день, когда я был в Шугуре, почти весь сразу вывалился, так что, когда я выехал в Шумью, листа было мало. Утки и гуси летели недружно. «Если гуси летят низко, с криком — жди скорой зимы», — говорят местные вогулы. Гусь летел высоко и неслышно. Осень в этом году выдалась на редкость теплая и сухая. По своему характеру она напоминает осень 1926 г. Когда я ехал из Сум-павыл в Тар-ват-павыл, было просто-таки тепло, так

же как и 19-го. Вчера был день теплый и пасмурный, накрапывал дождь, но ночью выяснило и подморозило.

От Нингат-я до Б. Тапа (Тап-тит-павыл) около 30 в. Ветер ЮЗ и ЗЮЗ, т. е. встречный, и на прямых плесах трудно выгребать. Ниже Нингат-я начинаются дуга с зарослями тальника у берега. Солнце закатывалось, когда я выдернул лодку на песок у поселка. Вечером выяснил обстановку. Ф. В. Башлыков не отказался сказать, если ему надо будет ехать неводить. Завтра утром пойду в Елушки за продуктами.

23.10. Рассчитывал сходить обыденкой, но дело повернулось несколько иначе. С утра повалил сильный снег. Я вышел из Тапа около 10 ч., и без особых усилий и приключений к полудню пришел в Елушки. По дороге повстречал русского, который шел около реки с кошелочкой. Спросил, что он собирает; оказалось, он осматривал капканчики на кротов. Добыл штук 15. Сейчас крот выходит вчистую. Подпаль с синим пятном на мездре стоит 25 коп., выходной — 50 коп. Находя свежую кротовину, он вскрывает ее и поперек хода ставит капканчик. «Товар» бежит по ходу и попадает. Характерное название объектов охотничьего промысла здесь, на Конде, — «товар». «В вотчину за товаром пошел», т. е. пошел в лес, «товар в лесу бегают» и т. д. Чрезвычайно отчетливо вскрывается характер пушного промысла.

В Елушках получил муку, сушки, крупы. Сахару нет, нет и табаку (вечером достал осьмушку у одной гражданки). Спичек здесь нет, все «чакают». Чакаю и я. Спички берегу для улицы, а дома чакаю кремешок. Мало-мальский хороший кремешок ценится очень высоко. На Конде камня очень мало, хотя все же в этих местах попадает на бечевниках. Ниже Леушей его нет совершенно. Леуши являются, по-видимому, границей липы. По Конде боры и пошворы. Урманы будут дальше, к Шайму.

В Елушках обратился к сторожу интерната Дмитрию Павловичу, и он обещал рассказать сказочку. Вечером, когда закончил дела в кооперативе, сходил к нему, и он сказал очень интересный вариант *Акврищ, Акврищ*.

К вечеру снег кончился, выяснило и подморозило, ветер северный — 2 балла. Появляется опасность, что встанет Конда. Завтра утром — в Тап, а там уже видно будет, скорее всего, что проживу там день, а 25-го — дальше.

24.10. Проснулся пораньше и пошел. Когда вышел на Конду, увидел, что там идет шуга. Воздух был морозный. Дедушка из интегрального склада перевез за реку. По мере того, как я шел, во мне крепло убеждение, что надо немедленно же ехать. Река вот-вот встанет, и тогда я застряну здесь. Если же я доберусь рекой до Половинки, то дальше с грехом пополам можно будет достичь и Шанма, где и надо будет остановиться на некоторое время.

В Б. Тапу все поразъезжались на домашние работы, но один мужчина на мое счастье нашелся. Около полудня выехали из Тапа. Первый пункт — Кисарь (от Тапа рекой 13 км). По пятиверст-

ный Кисарский мыс остается в стороне, так как можно, привстав на лодке, с его нижнего конца пройти сразу на Кисарь (200—300 с.). Когда мы плыли до Кисаря, то шуги видно было мало, но когда мы перешли мыс, то увидели, что река стоит. Здесь очень тихая заводь, и вода становится раньше всего. На Кисаре — один дом, и здешний житель категорически отказался ехать, сославшись на то, что ему и так приходится водить много подвод. Зуев, везший меня, также не хотел ехать дальше. Кончилось дело тем, что посхал все-таки Зуев, но за пререканиями ушло порядочно времени. Здесь мы взяли другую лодку, так как та лодка осталась за мысом. Нам пришлось протащить лодку берегом метров 200, т. е. до окончания заводи, а там уже можно было плыть. До бараков леспромхоза около 7 км, и к закату мы были там. Вокруг солнца был большой круг, и Зуев сказал, что это к теплу. Дым, стелившийся по земле, также говорил о том, что должно быть тепло. Но тем не менее в настоящий момент было достаточно-таки холодно, и на веслах настывал лед, который приходилось часто обколачивать. Выше бараков старик ехать побоялся, так как там по пути, наверно, встала заводь, да и шугу понесло сильнее, так что ночью ехать было рискованно. Заночевали здесь, у его знакомого, работающего в леспромхозе.

25.10. Утром по реке несло большие льдины, некоторые, проплывая, задевали за оба берега. Но в то же время было тепло. Ночью заморочило, и мороз спал. Выехали мы довольно рано, но к месту приехали не скоро. Лодка за ночь обмерзла и потеряла ход. Ниже пос. Половинка большой пятиверстный мыс, шириной против поселка не более 0,5 в. Доехав до этого места, мы оставили лодку и перенесли вещи на себе через мыс. Довольно долго ждали, пока нас не перевезли через Конду, так как мыс был на левом, а поселок — на правом берегу. В Половинке, не задерживаясь, спросил подводу. Сначала думали ехать лодкой, но потом решили лошадью. Вещи разделил на два выюка. С одной стороны — ящик, с другой — рюкзак с прочей мелочью, положенный в мешок. Я пошел пешком, так как ехать можно лишь шагом, а это хуже всего. За всем этим прошло времени до полудня. От Половинки до Учинья 25 в. зимней дорогой, а летней тропой несколько дальше.

Днем выяснилось и было тихо. Дорога шла борами. Лес здесь среднего качества, не особенно высокий. Пройдя 8 км, вышли к Конде около старых баракв леспромхоза. Около баракв впервые показались ели и пихты. Здесь начинаются урманы. Повстречали охотников. Из разговоров выяснилось, что выход белок средний. В день набивают около 10 штук (правда, не во всех местах). При теперешней цене на белку это неплохо. Дорогой несколько раз попадалась липа, правда, в виде жиденьких кустиков. Уже стемнело, когда мы приехали в Учинью. Учинья — небольшой поселок, домов 10, расположена в 3 км от Конды. Подмокнув немного, мы перебрались. Возчик привел меня в какой-то дом, а сам

ушел. Но скоро сюда зашла жена одного из наших студентов и увела к ним. Там меня хорошо накормили, а потом я послал за Головкиным, который впоследствии увел меня к ним почевать. Головкин жалуется, что попал не по назначению. В школе только три ученика, говорящих по-вогульски. Остальные или обрусевшие, или русские.

Что же касается местного населения поселков по самой Конде, то вогулы в них сплошь обрусевшие, дети плохо говорят по-вогульски, а то и совершенно ничего не знают. Разговорным языком является русский. Да и вообще кондинские вогулы производят на меня довольно удручающее впечатление. Они не умеют выделять и коптить кожу. Для большинства мест единственно знакомой обувью являются бродни, и вообще в материальном быту у них нет ничего мало-мальски самобытного. Достаточно взглянуть на их ножи, чтобы составить себе ясное представление об их обладателях. Ножи выточены с обеих сторон, кое-как, рукоятки тонкие, даже скверно выструганы и т. д. Яркий пример упадка материального производства. Даже берестяные изделия не имеют той тщательности в отделке, какую встретишь в других местах. Об обрывках верований я уже упоминал раньше и пока добавить ничего не имею. Русское население также всякий сброд с Тавды, Шадринска, Свердловска и т. д.

26.10. Спят здесь по-барски, и вообще раскачиваются крайне медленно. Хотя я и кипятился, рано выехать мне не удалось. Сегодня я еду один. Лошадь приличная, дорога хорошая, и я без всяких приключений добрался до места. От Учиньи до дер. Новой 12 км и далее до Силавы 8. В Силаве был незадолго перед закатом, а потому дальше ехать и не удалось. Здесь, если двигаться сушей, то надо идти пешком, так как дорога идет другим (левым) берегом, и теперь переплывать лошадь нельзя, холодно.

27.10. Поехал лодкой. Это несколько дольше (8 и 15 км), но, как я решил, менее хлопотно. Повез меня мальчик на небольшой осиночке. Но вскоре я убедился, что хлопот здесь как раз сколько угодно. Река в двух местах стояла, и пришлось тащить лодку берегом и долбить лед. Хотя последние дни и теплые, но все же T не ниже 0° , а потому лед все делается толще. Сегодня пришлось пробивать лед в 3 см. На это ушла уйма времени, и в Урай приехали лишь к вечеру. Здесь живут русские. Распорядился, чтобы мне выделили двух носильщиков. Разделил вещи на три котомки и приготовился к завтрашнему походу до Ушьи, 25 км, причем по пути надо будет пересекать реку (поэтому-то и нельзя ехать на конях).

28.10. Вчера, пробиваясь в толстом льду, применил метод, давший хорошие результаты, с легкой осиночкой. Держа в левой руке нож, а в правой — топор, я втыкал нож в лед, и, придерживая таким образом лодку от обратного скольжения, загонял топор в лед как можно дальше, вперед и затем подтягивал лодку, пользуясь топором, как крючком. Таким образом протаскивал лодку

по льду. Трехсантиметровый лед не проламывался под тяжестью лодки, а лишь прогибался, в прогиб набегала вода и лодка легко скользила вперед. Будь вместо топора альпеншток, дело шло куда бы быстрее.

Утром, не слишком рано, двинулись в путь. Из Урая в Ушью собрались идти пять человек за оставленной там мукой. Половину пути, до Конды, проехали на лошадях обычным выючным манером. На берегу Конды срубили плот из большой толстой сушины. Два человека переправились за Конду; где лежали две лодки, на которых переехали и все остальные. За этим делом прошло порядочно времени, и в Ушью, до которой оставалось 12 км, пришли уже в потемках. По дороге попадались много раз затесы на деревьях, многие мне не знакомы, а непонятные спросил в Ушье у старика-вогула, но он не знал. Конечно, если спросить у него в лесу, на месте, — другое дело, но рисунка он, очевидно, не понимает.

Этот вогул, хотя и обрусел, как большинство прикондинских вогул, но сохранил кое-какие любопытные черточки. Несмотря на свои 50 с лишним лет, он обладает легкой, пружинистой походкой. Точно земля подкидывает его, когда он идет. У современной здешней вогульской молодежи и в помине нет ничего подобного. Он — хороший рыбак и, вidać, крепкий хозяин. Вместе с ним живет его сын, уже женатый, но, по-видимому, находящийся в значительном подчинении у отца. Он — гостеприимный хозяин и хочет показать, что ему для гостей не жаль, у него всего хватает. В связи с большой горячностью и живостью получается забавная фигура. Он беспрерывно настаивает, чтобы я курил его папиросы одну за другой: «Закуривай, закуривай моява, твои хуже» (у него за 28 коп., а у меня за 20 коп.).

Тем не менее он не протестует, когда я за чаем выкладываю на стол конфеты и сушки. Обратные угощения — в порядке вещей. Несмотря на то, что сегодня он прошел 43 км, он ни мгновения не сидит на месте. Набил папиросы, постелил мне постель, постелил для детей, откуда-то принес их совершенно сонных и положил спать и укрыл и т. д. и т. п. Его кипучая деятельность закончилась лишь, когда он сам лег спать.

30.10. Утром взял в колхозе лошадь, навьючил и отправился в Шанм. Вся дорога на протяжении 24 км идет бором, и я без малейших затруднений прибыл на место еще засветло. Шанм — небольшое село, расположенное на берегу озера (в эту осень пересохшее), 2 км от Конды. В Шанме придется, вероятно, прожить несколько дней, чтобы дорога хоть немного поправилась, а затем надо отдать шить новые ярки, чулки, постирать белье и прочие хозяйственные нужды.

31.10. Кооператив находится не в Шанме, а в 4 км от него, в пос. Чантурь, через который я проезжал по пути сюда. Предполагал сходить сегодня, но идет дождь, и я остался.

1.11. Сегодня был в Чантурье и взял продукты.

3.11. Скопировал имеющиеся здесь карты — результаты работ экспедиции. Теперь, по крайней мере, имею, хотя бы и не исчерпывающую, но все же карту своего маршрута вплоть до вершины Немцела.

В воскресенье вечером заведующий школы Зимина сказала, что у них при избе-читальне — «красные посиденки», т. е. собираются женщины поработать, попеть и т. д., а также им прочтется какая-нибудь лекция, проводится беседа. Сегодня Зимина будет говорить о процессе развития жизни на Земле. Я вызвался ей помочь, выступил содокладчиком, поговорил немного и отвечал на вопросы. Во вторник в школе был урок национального языка. Национальный язык преподается в 4-й группе. В ней лишь один вогул, да и тот не говорит по-вогульски. Но тем не менее весь класс изъявил желание заниматься национальным языком. Даже из 3-й группы оказалось много пожелавших заниматься вогульским языком. Я сговорился с Зиминной, что проведу этот урок. Мне хотелось выяснить успеваемость ребят, а также познакомить их с некоторыми звуками. (Зимина сама не знает языка). Оказалось, что ребята очень прилично усвоили алфавит, легко читают и переводят начало букваря. (Любопытно, что на курсах в Самарове³⁹ ни один из преподавателей не заглянул в методическую записку. А мы-то разорялись из-за этих записок!).

То, что в классе оказался лишь один вогул, да и тот без знания языка, довольно характерно рисует положение дела на Конде. Кондинский район в отношении населения можно разделить на две части; кондинскую и перпальскую. К кондинской относятся поселки, расположенные по самой Конде, а также около Сатыжинского тумана. Здесь большой процент русских, а вогулы издавна подвергались такому влиянию со стороны русских, что, как выразилась одна шамская «бывшая» вогулка, стыдились говорить по-вогульски. В результате даже многие взрослые не умеют говорить по-вогульски, не говоря уже о детях. В других случаях родители говорят между собой по-вогульски, а с детьми — по-русски, и те растут, имея родным языком русский, хотя и неправильный. Другая часть — это перпалы, т. е. болотная сторона; этим именем называют территории по левобережным притокам Конды, т. е. вершину Конды, Тапа, Мулымы, Супру и т. д. Здесь вогулы сохранились несколько лучше, изредка попадаются худо говорящие по-русски, но уже сказки знают лишь немногие.

Этим обстоятельством и объясняется моя неудача на Конде. Юконда и Тал не оправдали надежд. Если бы времени было больше, можно было уйти в такие поселки, как Кошат, Винтья, Левтым, там еще водятся хорошие сказочники.

Вогулы Конды представляют собой мало интересного. Потерявшие самобытность, они как-то выцвели, а в своем стремлении подражать русским потеряли характерные черты и в одежде, и в

³⁹ Современный Ханты-Мансийск.

обиходе. Они даже не умеют выделывать и коптить шкуры. За редким исключением охотники они неважные. Они живут, промышляя чебака, чуть ли не единственную промысловую рыбу на Конде.

Кондинский район беден своими ресурсами: в болотистую темноводную Конду не заходят ценные породы рыбы, язь попадается месгами и не каждый год, налим редок, щуки мало, лишь по некоторым озерам. Также редок карась. Лишь в одном озере водится сырок (Сырковое озеро близ Мулымьи). Боры и янги также являются плохим приютом для белки и соболя, этим объясняется слабое развитие охоты. Опыты земледелия показывают, что оно дает хорошие результаты лишь в урманном правобережье Конды, а левая ее сторона песчаная и неплодородная. Основной базой питания является чебак. Единственно, чего на Конде или, вернее, по нерпалам много, — это дикого оленя; к осени он приходит с севера и держится табунами в 100—150 голов.

5.11. В сопровождении двух носильщиков вышел из Шанма. Решено было идти не зимней дорогой, а обогнуть туман с западной стороны, чтобы выйти в Ар-павыл и затем на Умытью. Вышли после полудня и прошли 15 км. Эту дорогу, хотя и несколько более дальнюю, пришлось выбрать потому, что последние дни стояла очень теплая погода, и идти болотами было бы трудно. Выбранное же направление протекает почти целиком борами. Последние дни, несмотря на ясную погоду, лишь ночами немного морозило, сегодня же к ночи начал накрапывать даже дождь.

6.11. Красников, как оказалось, знал дорогу лишь весьма относительно. К вечеру мы приняли неверное направление, вышли на какие-то янги, за которыми виднелся бор. Оказалось, что это бор на берегу Ворьи. Пришлось идти через Янгу километра 2 с лишним. Выяснилось, несколько морозило. За янгой, через которую мы кое-как перебрались, потянулся кустарник, березник, сквозь которые с трудом можно было продрасться, и, наконец, выйдя к какому-то ручью, мы заночевали. Красников сделал глубокомысленный вид, заявил, что теперь мы на правильной дороге (как оказалось, он врал). Ночью окончательно вызвездило и сильно заморозило.

7.11. Утром пошли дальше. Попался какой-то свежий тес, по которому мы и пошли. Вскоре мы вышли к берегу озера, которое оказалось Тирсунтским туманом. Туман стоял. Спустившись на берег, убедились, что лед около 3 см и достаточно крепкий. Срубили березки с развилками, привязали к ним котомки и на этих импровизированных нартах потащили их по льду. Шли, придерживаясь несколько берега, так как на середине лед мог оказаться более тонким. К полдню пришли в поселок Ар-пауль, пересечен туман от Вана-лока.

В поселке дома мужчин не оказалось, но вскоре один пришел. Решили, что второго носильщика можно взять в избушке, где живут из шанмского колхоза караульщики. До избушки 1,5 км. Здесь начались долгие пререкания, кому идти, пока наконец я категори-

чески не заявил, чтобы двое поднялись и шли. В результате вышли уже на закате. До Умыты 15 км. Пришли туда уже в полной темноте. Не доходя до Умыты, Гулясь (второй носильщик из Шанма) «скис» и сел отдыхать. Они здесь ходок вообще худые.

8.11. Вследствие вечных разговоров, кому идти, удалось выбрать лишь в 9.30. Дали мне трех женщин, посчитав их за двух носильщиков. До Оронтура 33 км. Расстояние хотя и небольшое, но пройти его не удалось. Женщины сказали, что на Поп-тур есть ключи, и можно в темноте провалиться в полынью. Заночевали в 9 км от Оронтура. Ночью пошел снег, потом стало таять.

9.11. С утра выяснило и заморозило. Часам к 11 благополучно добрались до Поса. До самого Оронтура дорога идет борамп, попадаются лишь 3—4 янги и лишь одна из них большая, 2 км. В Оронтуре сначала зашел к охотоведу А. И. Там. А потом ушел за озеро в поселок и ночевал у учителя. В Оронтуре удалось лишь достать пшена да купить у жителей мяса и табака на дорогу.

10.11. Я решил от Ессунт идти один, так как до Тимка-пауль прорублена дорога, а по снегу нарту тащить нетяжело. Но до Ессунт, где живет егеря, я взял проводника. Оказалось, что в ботах идти немыслимо: нарта поминутно опрокидывается на кочках, и тащить ее в одиночку было бы чистым мучением. Потому, придя в Ессунт, отправил Ивана Даниловича (проводника, также егеря), чтобы завтра мне выслали бы человека.

11.11. Живу в Ессунт, привожу в порядок записи и одежду.

12.11. Вчера из Оронтура никто не пришел, сегодня также, собрался, было, сам идти туда, да поздно. Пойду завтра с утра. Вечером вернулся из леса Филипп Данилович и сказал, что нартой не протаскаться: много колоднику. Придется подыскивать двоих носильщиков. Филипп Данилович сказал, что если я не найду, то он пойдет сам.

13.11. Утром рано пошел в Оронтур. Придя туда, узнал, что никого из мужчин нет, а член сельсовета поехал за сеном и скоро вернется. Действительно, к полудню он вернулся. Я насеял на него, почему он до сих пор не выслал подводу. Он — растяпа, не имеющий никакого влияния в поселке. Его никто не слушает. Попски людей не привели ни к чему. Согласился идти только конюх ПОС'а, да и тот сказал, что не пойдет без разрешения охотоведа А. И. Тама. Пришлось ждать его (он поехал с егерем по мясу). Вернулись они лишь к вечеру. Как я и ожидал, Александр Иванович не имел ничего против. Но второго человека пока еще нет и нет. В Оронтуре пришлось заночевать.

14.11. Утром оказалось, что член сельсовета так ничего и не сделал для подыскания второго носильщика. Тогда, помня обещание Филиппа Даниловича, я решил, не медля болсе, идти в Ессунт. Пришли туда. Тут Филипп Данилович пошел на попятный и сказал, что у него нет хлеба, что надо идти в лес по мясу, если он уйдет, то дома останутся голодные. Тогда второй человек заявил, что один не пойдет, так как боится идти обратно. В это же время

Филипп Данилович стал говорить, что он даст мне нарту и я смогу идти один. Не знаю, когда он врал. Разозлившись, я взял нарту и пошел. Отойдя версты две, увидел, что дорога еще хуже, чем от Оронтура до Эссунт. Вернее сказать, дороги и нет, есть только четырехметровая полоса, очищенная от крупного кустарника и деревьев. Еще раз убедился, что если я пойду, то пройду очень долго, сильно измучаюсь и, вернее всего, сломаю нарту. (Уже на этом расстоянии у нее начал выскакивать копыл). Солнце закатывалось. Бросив нарту, вернулся на кордон и там, заплатив Филиппу Даниловичу 3 р., взял с него расписку, что он обязуется хранить вещи до тех пор, пока я не пошлю за ними оленей из Тапсуя.

15.11. Утром, отобрав самые необходимые вещи, пошел в Тимка-пауль. Дорога — убийственная. Сначала 9 км шел тяжелым пошкваром, затем вышел в сырой бор, густо заросший багульниковом. К ночи прошел всего лишь 16—17 км.

16.11. Сегодня вторая ночь в тайге. И в какой тайге! Ни одного человеческого следа. Обычно пугливые в других местах, колыньки и те смиренно сидят, когда проходишь в нескольких метрах мимо них. Дорога шла то песчаными увалами, поросшими сосновыми борами, то смешанными лесами, где встречаются и ель, и береза. Здесь впервые часто встречаются ельники. На Конде же не увидишь ни одной ели. К концу дня вышел к широкой янге, она тянется с юго-запада на северо-восток и окружена высокими увалами. Очевидно, что не так еще давно здесь было прекраснейшее озеро. Вех на янге видно не было. Помня указание Филиппа Даниловича идти влево, пошел через янгу наискось, в левую сторону. Отойдя немного, провалился одной ногой, потом другой. Болото не застыло! Местами проваливался обеими ногами выше колен и тогда, положив ружье поперек, вылезал на поверхность и дальше полз на животе по тонкому ледку, еле сдерживающему колеблющуюся поверхность топи. Пока я бултыхался в болоте, увидел табун диких оленей. Они спокойно паслись невдалеке от меня, перебегая с места на место. Если бы не отчаянность моего положения, я попробовал бы скрадывать их, но теперь было не до того. Лишь к другому берегу болото стало тверже, и можно было идти спокойно. Но признаков дороги не видно было никаких, поднялся на увал и, выбрав подходящее место, расположился на ночлег.

17.11. Полдня проискал дорогу и в результате нашел ее в совершенно противоположной стороне от того, как следовало из указаний этого иднота! В результате за сегодняшний день прошел очень мало. Вероятно, не более 10 км. Ночь настала холодная, треск деревьев все время усиливался и, наконец, стал похож на пистолетную перестрелку.

18.11. Благодаря тому, что я устроил хороший навес и запас много смолистых дров, ночь провел, в общем, благополучно, хотя и приходилось жаться к самому огню. Но когда вышел в дорогу, то почувствовал боль в большом пальце правой ноги. Пришлось

разуться и растереть палец, помазав его вазелином. Тогда боль немного поутихла. Очевидно, я познобил его ночью. Дорога была сегодня скверная, но тем не менее еще засветло дошел до избушки на 32-м км. Я решил провести эту ночь в ней. Я не думал, что застану здесь кого-нибудь, но какова была моя радость, когда увидел дым над трубой чувала! Подхожу, русский колет дрова. Откровенно говоря, почувствовал некоторое разочарование, так как ожидал встретить вогул. В избушке оказались два охотника из ПОС'а, оба русские. Прошлую ночь они сбились с дороги, кое-как переночевали в лесу и только лишь пришли в избушку. Когда разожгли чувал, в юрточке стало тепло. Вечером варили глухаря, и я дал пшена и сала. Наелись до отвала. Я забыл сказать, что пошел в дорогу с маленькой краюшкой хлеба около 1,3 кг, которую достал еще в Умытье, из Оронтура взял крупы и купил у одного из жителей сала. С этим продовольствием и шел.

19.11. Сегодня решил во что бы то ни стало дойти до Тимка-пауль. Отсюда дорога уже несколько промята, а дальше, с 24-го км уже почти хорошая. Одна только беда: стал надуваться нарыв чуть ниже поясницы величиной с полкулака, и котомка, задев его, причиняла боль. По мере того, как дорога становилась лучше, я все ускорял и ускорял путь, и, наконец, последние 15 км прошел в два часа с несколькими минутами! В темноте подошел к Тимка-пауль, где был радушно принят. Правда, и здесь с продовольствием худо, лишь на днях ожидают обоз из Шихтым-юрты с М. Сось-вы, но все же хлеб пока есть.

22.11. Эти два дня прожил в Тимка-пауль. 20-го приказник пошел в Тапья-яны-пауль и заказал мне к 21-му подводу. Но 21-е прошло, а Н. Пеликов не приехал. Посему я собрался идти с утра 22-го в Яных-пауль. За эти дни нарыв на спине надулся и стал причинять мне массу неприятностей. Даже ночью было трудно спать: как ни уляжешься — все больно. Поэтому, а также из кое-каких дипломатических соображений я взял в Тимка-пауль русских нести мою котомку. Ближайший от Тимка-пауль поселок — это недавно возникший Улян-сас-пауль. Сюда выселились из Яных-пауль. Придя сюда, попили чаю и — дальше в Тимка-пауль. Здесь зашел к Г. М. Анямову. Он был в сартынской больнице в 1931 г. одновременно со мною. Он живет бобылем, жены не имеет. Он — бедняк, имеет лишь 4 оленей, да к тому же и сам хворый, у него большие легкие, ревматизм, и доктор Поддубский запретил ему выполнять тяжелую работу. Поэтому сейчас ему приходится туго.

Живя в Тимка-пауль, лишний раз убедился, насколько непригодны здесь русские. Приехавшие с Тагила и Туры, они не умеют толком лесовать. У вогула дом и лес едины. Он не отличается одного от другого, у русского же лес отгорожен стеной от его дома, и лес враждебен и чужд русскому. По всей охотничьей территории у вогула разбросаны чамьи (амбары), где у него хранится мясо или немного муки и огнеприпасов, а потому он идет в лес

налегке, наперед точно зная, что в определенных местах он найдет нужное продовольствие. Русский охотник, наоборот, выходит из дома, навьюченный полуторapedовой котомкой, которая отнимает все его внимание, все силы. Они не умеют промышлять оленя и лося и в результате живут в лесу и дома без мяса. Поэтому русские в Тимка-пауль предполагают вскоре выехать и направиться в Няксимволь.

Вечером, когда мы с Григорием Михайловичем уже обсуждали, как завтра будем доставать его оленей, неожиданно приехал Пеликов. Он предложил немедленно же выехать в Шолти-пауль (16 км); я, конечно, охотно согласился, и мы поехали. Мне дали малицу, гусь и шмы, так что ехал я в тепле.

23.11. Переночевав в Шолти-пауль, поехали дальше до Хулун-пауль 30 км. Здесь встретился с тем *пенгне хум*, который семь лет тому назад воровил у *Шохрин ойка*. Он страшно обрадовался, говорил, что хранит фотографию, которую я послал ему. На прощание он сказал, что поворожит потом, чтобы мне было хорошо ехать и работать. Через 20 км Нир-ус. Здесь прием опять теплый и радужный. Сытно поев, ложимся спать.

Рис. 17. Берестяная табакерка. Манси, Тур-ват-пауль (д. 57, л. 152)

24.11. От Нир-ус до Тур-пауль 18—19 км. Здесь попили чаю — и в Вору. Здесь я распрощался с Пеликовым, мне дали новых оленей, и мы поехали дальше; до Суй около 17 км и дальше до Тапыс-сунт 5—6 км. Сюда приехали уже вечером. Немедленно собрались все обитатели. Если кто даже не знал меня, имя Лозум-хум достаточно широко известно. Приходили, повидавшему, уже поднявшись с постели, чтобы поговорить со мной. Подзакусив, едем дальше, до Нерохов 8 км. Здесь уже ночью поднял с постели

людей. Повез меня Собянак на лошади. На рассвете были в Няксимволе. По дороге (снегу очень мало) нарта прыгает как дьявол, и по моему нарыву сильно доставалось, но вчера он прорвался на одном из особо сильных толчков, так что я чуть не взвыл от боли. С помощью дальнейшей дороги его прорвало, и теперь боли уже почти не чувствуется.

12.12. Давно уже не писал дневника. По приезде в Няксимволь занялся различными хозяйственными делами. Надо было до-

стать теплую одежду, продукты и проч., на это ушло несколько дней, и лишь после этого я отправился в Нял-пауль. Все это время стояла очень холодная погода, Т снижалась ниже -40° , лишь числа 6 началось потепление. По приезде в Нял-пауль погрузился целиком в записывание текстов. За три дня использовал всех рассказчиков, а потому пришлось переключаться в Яных-пауль. Здесь меня приняли весьма радушно. Я поселился у Сампильталола. Это — один из немногих вогул, который, выпив, бывает очень интересен. При некоторой экспансивности характера он вообще является прекрасным рассказчиком, когда же он выпьет, то речь его достигает крайних пределов выразительности. Как-то в таком состоянии он рассказал сказочку про двух собак. Когда он передавал диалоги этих собак, он делал это с таким мастерством, что перед глазами так и рисовались картины разговора этих двух собак, как они дрожат от зимнего холода, тощие и худые, решают летом непременно сделать запор для рыбы и тем обеспечить себя пищей, и затем, как летом, ленивые и разжиревшие, они возмущаются уже при одном упоминании о запоре: «Ну, друг, кто запоры делает!» Правда, по причине той же самой экспансивности записывать у него чрезвычайно трудно: он никак не может соразмерить темп своего рассказа с темпом записи.

Сейчас замечаются следующие типы вогульского фольклора: 1. Песня *эрыг*, которая поется человеком про себя, в большинстве случаев богата импровизацией. 2. *Уй эрыг* — медвежьи песни. 3. *Кайне эрыг* — шаманские. 4. *Тэрнынг эрыг* — военные былины, часть поются, часть рассказываются. 5. *Мойт* — сказки. Сказки можно разбить следующим порядком. Сказки русские, заимствованные, с неизменными царями и солдатами — *руч мойт*. Мифы — *ялинг мойт* о происхождении земли и похождении различных героев. Эти, пожалуй, наиболее древние из всех сказок, например, *Касум толах най эква* и весь цикл сказок про *Эква пыриш*.

Вчера ездил в Няксимволь за продуктами и керосином. Теперь мне осталось писать уже немного, страниц 100. При наличии хорошего рассказчика это легко можно сделать в 2 дня, но сейчас почти все в лесу, и удастся хватать лишь урывками. Сегодня весь день прошел даром. Вечером пошел к Тёпа Васька (его так зовут потому, что, когда он был маленький, он все говорил «тёпа»). Его не было дома. Уселся беседовать с его женой, женщиной с очень милым лицом. Она сказала, что если я соберусь в лес, то могу взять ее собаку. У нее ее личная белчья собака и, конечно, свое ружье. За эту осень она добыла 50 белок. Она подробно рассказала, какой характер у ее собаки, что она — молодая и лает мало, так что надо торопиться бежать, когда она залает.

Потом я зашел в школу. Здесь шли занятия. Алексей (лет 18) уже довольно бойко читает. Маленькие ребята начинают читать букварь, пишут буквы. В общем, несмотря на то, что пункт лишен каких-либо методических указаний, он дает вполне положительные результаты. Список посещающих Яны-паульский ликпункт. Вогу-

лы: 12 лет — 3; 15 — 1; 17 — 2; 18 — 1; 19 — 2; 20 — 1; 21 — 1; 23 — 1; мужчины — 9, женщины — 3 (12, 15, 19 лет). Когда бывают дома, посещают ежедневно занятия по букварю, арифметике, русскому. Ко второму году познания ограничиваются умением читать.

Арни — запор на реке, устраивается небольшими артелями из 4—5 человек. Каждый из участников ставит 2—3—4 морды. В дальнейшем каждый получает то, что попадает в его морды. Что же касается до неводьбы, то здесь неводная артель из четырех в среднем человек сообща приобретает мережу. Выловленная рыба продается, и вырученные деньги делятся между участниками поровну. Для выезда на низ употребляются каюки. Стоимость каюка (*саран хан*) 400—500 р., принадлежит каюк одному человеку. Для постройки в тех случаях, когда хозяин сам не умеет строить каюк, приглашается мастер. Сампильталов заплатил за постройку каюка 400 р., кроме гвоздей. На одном каюке спускаются на низ иногда несколько неводных артелей. Хозяин за пользование каюком получает долю одного человека (*аки хум савит*). По поводу платы за пользование ружьем Н. Сампильталов не мог мне дать конкретных сведений. Плата такая, во всяком случае, существует. В среднем женщины с собакой за осень добывают 100 белок. Весенний сезон большинство женщин (за исключением крупных контрактов) не промысляют.

Сейчас ко мне приходил Ворья Васил (Анемгур). Он недавно выбран председателем Няксимвольского тузсовета. Уже вскоре после вступления на должность он показал себя как дельный и энергичный работник. Так, когда Дектярев, зав. факторией, не пожелал уступить нарты и оленей для отправки грузов лесонизыскательской экспедиции, он пошел к Дектяреву и заставил его отпустить нарты без задержки. Дектярев, хотя, как говорится, и «крутой мужик», принужден был покориться. Ежедневно Анемгур ходит в школу, следит, чтобы ребятам было хорошо. Когда я собрался ехать в Тапсуи, он вечером зашел ко мне и просил передать, что ребятам в школе очень хорошо, и просил поговорить с родителями, чтобы они отпустили детей учиться.

24.12. Наконец мне стало невтерпеж сидеть в полной неизвестности в Няксимволе, и я решил выехать в Тапсуи, чтобы если не привезти вещи, то, по крайней мере, выяснить положение дела. Поехал с Онисьей, сестрой Кирилла. Выехав из Няксимволя вечером, мы без остановки ехали до Тапыс-сунт. Здесь попили чаю и — далее до Сай-пауль. В Тур-пауле отпустили оленей, а сами остались ночевать. 25.12. Были в Вор-я-пауль. Начал узнавать и не мог узнать ничего путного. Выяснилось: за вещами еще не посылали. Вчера в Тапсуе (т. с. Тимка-пауль) должны были быть собраны олени для отправки в Шихтин-горт-пауль. Решил завтра выехать в Няксимволь. Анемгуров позвал к себе в гости. Осенью они с Мясниковым и Юнаховым (зав. и охотовед ПОС'а) были в лесу. Столкнулись с медведями. Устин убил медвежонка, а медведица, которой он не заметил, набросилась на него. Мясников и Юнахов бе-

жали. Три раза медведица хватала Устину, а он все вырывался от нее, пока, наконец, он не увернулся и не бежал. «Я боролся с ней столько время, пока можно выпить чашку чаю, а потом стал», — рассказывал Устин. В результате медведица изорвала ему лицо и голову так, что над правым глазом болтался громадный лоскут кожи, а на голове были длинные борозды, так что обнажился череп. Кроме того, раны были на груди, под правой мышкой, прокушено правое бедро и т. д. В таком виде Устин пошел домой и дошел. Мясников и Юнахов, здоровые мужчины, «устали» и остались почевать. Беседуя с Устином, я сказал, что ищу *няры*. Минуту спустя, смотрю, Устин снимает совершенно новенькие *тос няры* (т. е. щеточные⁴⁰) и отдает мне. Я было отказался, но он настоял на том, что ему ничего не надо.

26.12. Приехал вогул из Яных-пауль и рассказал, что 24-го Мясников на двух нартах выехал в Конду. Следовательно, 28-го он будет обратно, а числа 31—1-го вещи могут быть в Няксимволе. Позаботился о том, чтобы здесь уже не было бы никакой задержки и выехал обратно. К ночи сильно похолодало. В Суй-пауль нагнали двух вогул из Тапсуя, один из них ехал в Няксимволь. Решили отпустить около Нерохов оленей, а сами почевать, так как ехать ночью очень холодно. Отпустили в березовой согре у самых Нерохов. Когда пришли в поселок, застали там Кирилла. Он проводил собрание. Он предполагал съездить в Тарью-сунт, а затем обратно в Няксимволь. До возвращения Кирилла лег и настолько крепко уснул, что проснулся лишь тогда, когда олени были пойманы и Кирилл будил меня пить чай. Ночь очень холодная, выехали в 3 ч. перед заходом луны. Дорогой Онисья сильно замерзла, а потому я взял вожжу и хорей сам. В Вол-котил-пауль заехали в гости к Хары Костя. Он очень обрадовался, и когда мы собрались уезжать, он подарил мне шкуру, хотя я и говорил, что мне одаривать нечем. Утром 27.12 был дома.

1.01. 1934. Священный предок в яных случаях представляется в большей степени как человек, в иных случаях перевешивает его зооморфная, тотемистическая сторона. Так, например, *пуных* пос. Халь-пауль — *Пипых ойка* и всем он представляется лишь как филин. Лишь вчера я узнал о его антропоморфной личине (шестой брат в сказке *Касум най эква*), но там он выступает даже без имени. С другой стороны, Шохрынг ойка, про которого я думал, что он не имеет зооморфного облика, как вчера случайно выяснилось, имеет вид стрекозы, но этим именем его, по-видимому, если и называют, то очень редко, и в представлении вогул он, по-видимому, почти антропоморфен. Если тотемизм возник на основе промысла наиболее распространенного животного и если первоначально *intichium* имел значение магического увеличения продолжительности, то в дальнейшем, по мере возрастания почитания тотем-

⁴⁰ Очевидно, имеется в виду обувь с подошвой из «щеток» — шкуры на копыте оленя.

ма, по мере того, как тотем становился «священным предком» и, наконец, стал запретным для убийства, неминуемо должен был измениться и характер *intichium*. А именно *intichium* из магического обряда побуждения к размножению тотемного зверя — обычной инициации — превратился в магический обряд побуждения к размножению тотемного зверя как члена организации. Надо думать, что значение полтвого акта и осознание родства существует на очень ранних ступенях, иначе *intichium* не сопровождался бы актом беспорядочного общения, а австралийцы не говорили бы о тотемных предках.

Рассматривая медвежий праздник, останавливаемся на следующих пунктах: 1. Медведь — тотем фратрии. 2. Медвежий праздник, а в особенности периодические игры в Ялп-ус, имеют ярко выраженный характер фратриального обряда. 3. На праздники вызываются *пуных* родов — членов фратрии, т. е. тотемы родов (в то время как на обычном празднике вызывается лишь свой тотем). 4. Зверинные песни и игры имеют основной характер: побуждение к размножению тотемных зверей как членов организаций. 5. Беспорядочное половое сношение на празднике имеет значение, аналогичное предыдущему. 6. Часть мистерий и песен имеет значение магического улучшения промысла. Таким образом, танцевание медведя приобретает совершенно четкий и ясный смысл. Медвежий праздник — это обряд, направленный на улучшение благосостояния фратрии в двух направлениях: увеличение числа членов фратрии и улучшение промысла. Отмеченные в п. 6 мистерии и песни относятся как к тотемным, так и к нетотемным животным. Надо думать, что тотемные животные, бывшие в свое время запретными для убийства, с последующим изменением экономических условий стали промышляться, хотя и с соблюдением определенных запретов (в частности, это касается лисицы). Поэтому не удивительно, что животное выступает в обряде улучшения промысла (тем более, что та же лисица отнюдь не является запретной для большинства членов фратрии).

На сегодняшний день я могу составить следующую схему деления племени. Племя — *маницы* (?); фратрии *торев* — *Порых махум* и *Мощ махум*. Центр Порых махум — Ялп-ус, численность — $\frac{2}{3}$. Мощ махум с подфратриями *Нярас махум* и *Сорт* (*Ерн колын*) *махум*, центр — Отыр-ус, численность — $\frac{1}{3}$.

При рассмотрении этой схемы бросается в глаза следующее. 1. Центр фратрии Мощ махум находится на Оби, в районе типично остячком. 2. Фратрия Мощ махум очень малочисленна, в особенности если принять во внимание, что подфратрия Ерн колын махум с тотемом шукой, очевидно, появилась лишь недавно на территории, занимаемой вогулами.

Сампильталов рассказал предание о том, что *Сорт пуных* был раньше на берегу моря, что он был толстый, как человек, одетый в малицу и гусь. Сидел он на нарте, у которой были загнуты оба конца, так что невозможно было разобратъся, где у нее перед.

где — зад. Можно было ехать в любую сторону, не поворачивая парты. Впоследствии этот идол был увезен отсюда в другое место, в какое — он не знает. Речь идет, очевидно, об идоле рода *Пырерка*. Название *Ери колын махум* и изложенное предание позволяют сблизить Ери колын махум и Пырерка. Остается лишь очень небольшая группа *Нярас уй махум*. Рассмотрим, можно ли ее считать исконно местной группой. Известно существование ненецкого рода *Нерсуй*, причем этот род по происхождению является не ненецким, а остяцким. Чрезвычайная близость названий заставляет предполагать, что Нерсуй и Нярас уй — одно и то же. Таким образом, и эта группа становится не вогульской, а остяцкой. Следовательно, фратрия Мощ является целиком не вогульской, а остяцкой с фратриальным центром в остяцком же районе. Выходит, что вогулы — только лишь *Порых махум*. Но тогда встает вопрос, как может существовать экзогамное племя. Экзогамных племен не существует, а следовательно, гипотетически схема приобретает следующий вид:

Таким образом, мансийский и хантыйский языки являются языками фратрий, а сольгун — языком фратрии Порых с громадным влиянием ненецкого. Конечно, после постоянных миграций ни манси, ни хантэ не представляют собой чистых фратрий и включают в себя известный процент взаимопротивоположных фратрий.

Очевидно, что *менквы* являются душами предков фратрии Порых. В то же время менквы всегда стоят в непосредственной близости с лиственницей и кедром. Эпитет нангкра йив куш ра йив паланг акит, а также то, что скальпы менквов Эква пырищ вешает на лиственницы, а лиственница и кедр являются деревьями фратрии Порых, заставляет думать, что лиственница и кедр — места обитания душ предков. (Само слово *ульпа* 'с огнем, огневое (дерево)' заставляет думать, не называют ли в данном случае души предков огнем. Эпитеты Най отыр, Най нки — очень обычны). На вопрос, почему *Касум най эква* превращается в соболя, не есть ли это ее хури, т. е. тотемный вид, К. С. сказал, что он хорошенько не знает, какой облик у К. н. э., что об этом надо спросить у *Касум махум*, но что, вероятно, это так. Жена К. С. — из Хангласам-пауль, т. е. из Нярас махум. Знаменательно, что она вышла из *уля хурынг* именно лягушку. Точно так же орнамент лягушки, редко встречающийся в других местах, очень распространен в пос. Пупым-пауль (также Нярас махум). С выяснением тотемно-

фратриального характера медведя приобретает особое значение и изображение медведя на рукавицах для уй йиквие вармал.

Ялун — место на реке, где выходят родники. Во время замора (*вит усн, усне порат*) здесь выступает *лилен вит* 'живая (т. е. родниковая) вода'. Здесь собирается вся рыба. Отсюда ее черпают сачками. *Алищлахтункве* 'биться, воевать', от глагола *алищланкве*, 'промышлять' (корень *ал* 'убивать, бить'). То, что «биться» в значении «воевать» образуется возвратным видом от глагола «промышлять», указывает на отсутствие различия между промыслом и войной, т. е. война представлялась такой же охотой, но охотой на человека.

Пахле, пах пуин — имеет два значения: 'кверху на берег, на угор, в глубину леса от берега' и 'к стене, противоположной от входа'. *Налваль, налув, налумт* — аналогично предыдущему: 'на реку с берега, на реке' и 'к огню (очагу), на огне (очаге)'. Объяснение этому надо искать в устройстве древней землянки, где огонь помещали в ямке посередине, причем у стен пол был слегка приподнят, образуя подобие нар. Это устройство объясняет и следующую фразу: *Хурминтынг ави нупыл ос нейлис* 'в третий раз двери в направлении спустилась'. Дверь в землянке выходила в виде коридорчика под землей.

9. СЕВ. СОСЬВА. 1933—1934 гг. РЕАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

[Записи в д. 15; заглавие В. Н. Чернецова перенесено в название раздела. Дневники экспедиции см. в предыдущем разделе. В конце мы поместили этнографическую информацию, полученную В. Н. Чернецовым в 1933 г. в Ленинграде от учащегося манси с р. Сосьва (записи в д. 12, л. 73—74)].

Когда Анемгуров подарил мне няры, женщины сказали, что нельзя отдавать с завязками. Поэтому мне дали другие шнурки, которые и были вдернуты в няры. Одежду нельзя ни дарить, ни продавать со шнурками, завязками и проч. Отдавая няры, выдергивают шнурки, у ягушки отрезают завязки, у малицы или гуся выдергивают вздержку. 25.12. 1933, Вор-я-пауль.

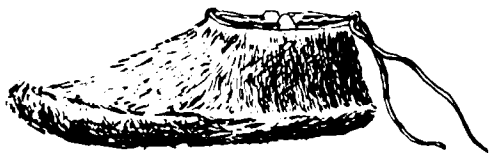

Рис. 18. Мансийская обувь (д. 59, л. 1)

Зять *касти* не может отпраивлять естественные потребности в присутствии отца жены, тещи и братьев жены, если они старше его

самого. Если отец жены вышел для этого на улицу, зять ждет его возвращения. Вместе с тем зять не может присутствовать на жертвоприношении, священных играх и прочее в роде своей жены (см. сказку *Касум хум мойт*), так как он — касти перед пупыхом этого рода. Надо думать, что допускание чужеродцев и даже русских на жертвоприношение — явление позднейшее, не распространяется на зятя и прочих родственников мужа. Аналогично родственники жены не могут присутствовать на жертвоприношении в роде мужа. Яных-пауль, II. Сампильталов, 1933.

В пос. Ялп-ус тотем — медведь. Этим объясняется и наличие медведей в сказке «*Касум хум*». *Ялп-ус махум* принадлежит к фратрии Пор махум. Это, в свою очередь, объясняет присутствие *Сорах талях ойка* на медвежьем празднике и его руководящую роль. *Сорах талях ойка* также Пор-хум. Касум махум, по всей вероятности, Мось махум, как сказал Н. Сампильталов (это явствует из того, что Касум талях эква — *Най эква*). Этим он подчеркнул, что вогулы не проводят разницы между собою и остяками. Он сказал, что казымцев вогулы называют *Касум манси*, Касум махум, а те называют вогул *хантэ*.

«*Тохата какви лилите кона ойункве ворати*»⁴¹, — сказала вогулка про свою дочь. Кашель — это порывы маленькой души (мань исхор, мань лили) убежать из тела.

В чувале тонкая щепка, сгорев, загнулась наподобие полоза. «Ну вот, скоро К. П. приедет, она его дорогу показывает», — сказал Сампильталов. — «Когда кого ждешь, и в огне уголек вот так загнетсся, то так и знай: скоро приедет», Яных-пауль, 8.12. 1933.

Коль сот 'домашнее счастье'. Та семья, в доме которой нет коль сот, не имеет счастья в промысле и в хозяйстве. Облик коль сот в представлении К. Сампильталова, по-видимому, довольно туманен: «*Коль сот, эква ман ойка, ман ос оли!*» (женщина или мужчина — кто его знает). Но в то же время в самом начале разговора он употребил выражение *коль сот варнэ ойка*. Во всяком случае, коль сот представляется в виде живого существа. При постройке дома для привлечения коль сот устраивается жертвоприношение: на угол дома кладутся деньги. На Лозье, в Тосемья-пауль, я видел на задней стене строящегося дома повешенные платки с завязанными в уголках монетами, а на торце бревна, прислоненного торчмя к углу дома, мисочку с жиром. Также в Анчух-пауль у Н. Я. Бахтиарова в берестяном *ёрн коль* (он жил в нем зиму и лето) видел мисочку с жиром, поставленную у задней стороны чума. Дети тогда называли этот жир *ялинг вой*. В чуме К. Бахтиарова на *човал тумп* я слышал имя Совья хум как существа, обитающего в доме, для которого ставится жир и вешаются платки. На Сосьве это имя неизвестно. Кирилл перевел это имя

⁴¹ «Так сильно она кашляет, что душа старается вылететь наружу». — Пер. М. П. Вахрушевой-Баландиной.

как «человек десяти рек» и связал его с Мир сусне хум. Няксим-воль, 12. 1933.

Сот уй. Кирилл сказал, что *лапанты* 'бабочка' приносит счастье, если она залетает в дом: «Осенью бабочка залетает в дом и зимует под крышей. Это она производит звук, как часы». Присутствие ее в доме приносит *сот* 'счастье'.

Классификация вогульского фольклора.

1. *Эрыг* — личная песня, которую складывает сам певец, главным образом про себя.

2. *Тэрнын эрыг* — военные песни, имеющие характер былины. В песнях описываются похождения богатырей. В этих песнях всегда вполне определенно указываются места действия, обычно Сосьва и Обь. Указываются городки и поселки, частично существующие и ныне.

3. *Кастил эрыг* — призывные песни. Во время медвежьего праздника, в особенности в Ялп-ус, участники танца выходят наружу и поют эти песни, призывая духов (отыров) на праздник. Кроме Ялп-ус на обычном медвежьем празднике призывается лишь родовой пуных. Кастил эрыг поется также для призвания пуныха (Каставе).

4. *Кай кайил сов* — шаманский напев.

5. *Тулыхлап эрыг* — песни, содержащие в себе тексты драматических представлений *тулыхлунке*, *тулыхлах-тункве*, разыгрываемых на медвежьем празднике.

6. *Уй эрыг* — звериная, т. е. медвежья песнь, поется на медвежьем празднике.

7. *Уй эрыг* — звериные песни, поются также на медвежьем празднике. Поющий одевается тем животным, песнь которого поет. Таковы, например, *ленхон эрыг*, *совыр эрыг*, *охсар эрыг*, *сульти эрыг*, *урикнек эрыг*, *кук-кук эрыг*, *тарых эрыг*, *махруй эрыг*, т. е. мотивы, играемые на санкультапе. Эти две песни слов не имеют. *Санкультапыл тун сункультаве*.

8. *Хулим хул люньс сов тан* — язезового плача напева мотив. Слов также не имеет.

9. *Тан* — мотив (буквально 'струна, сухожилие'), играет роль аккомпанемента к песням или же самостоятельную, как, напр., хулим хулюньс сов тан, *соруп тан* и т. д.

10. *Мойт* — сказка. Из общего числа сказок можно выделить *алхатне* или *алищлахтын мойт* — военные. Затем мифы, как *ма унтум мойт*; бытовые сказки, как большинство про *Эква пырищ*, и довольно значительное количество заимствованных русских сказок.

К. Сампильталов сказал, что слышал о существовании *ялпинг мойт* или *ялпинг варнэ мойт*, которые не рассказываются в присутствии женщин и детей, но он их не знает и думает, что на Сосьве их не рассказывают.

Классификация фольклора (добавление). *Эрыг* — песня, имеющая слова и мотив, нередко сопровождающаяся аккомпанементом на санкультапе. *Сов* — мотив, напев. «*Тарых эрыг ат хазехум*,

сове тун моц вахлум» ('песню цанли не знаю, мотив ее лишь немного знаю'). Говоря о сов, обычно понимают как мотив — напев. Следует отметить, по-видимому, общность корней с ненецким со 'напев', 'небольшая песнь' (*яле* и *со*). Тан — мотив, играемый на санкультапе; само слово «тан» указывает на его характер. Понимается исключительно как мотив музыкальный.

Магическое значение песни. Вызывание снега. К. Сампильталов пел — *пиных эрыг* 'песнь филина'. До конца он эту песнь не пропел, сказав, что если ее пропеть до конца, то пойдет снег и завалит нам дорогу на Ивдель. В песне поется, как филин засыпал снегом дом семьи *Мось нэ*. Когда во время охоты давно нет снега, охотник вечером громко кричит: «Пуху-пуху», т. е. подражая крику филина. Этим охотник вызывает снег. (По-видимому, здесь играет значение и самое содержание песни — засыпание снегом; по магической связи это вызывает снег).

Пиных ойка — филин, тотем Халь-пауль. Это самый младший, шестой брат, не евший мяса самоедов (см. *Касум най эква мойт*). Недалеко от Халь-пауль есть семь берез, растущих от одного корня. На этих березах сидели Пиных ойка, его пять братьев и *Тохлын ойка* — орел. Изображение Пиных ойки в виде медной фигурки филина величиной около 7 см с распростертыми крыльями хранится в священном месте Халь-пауль. Его сторожит *Ялпинг уй*, серебряная фигура слона, описанная Анучиным. Черточки на боках понимаются (по словам К. Сампильталова) как шерсть. Слон настолько тяжел, что его могут поднять лишь четверо сильных мужчин. Он обладает особенностью, если его заносят внутрь амбарчика, то на другой день он оказывается снаружи.

По поводу имени Эква-пыриш «*Унвош лайим ими хили*» Кирилл сказал, что это, наверное, *менкв потыр*, что он также не может понять этого имени. Относительно менквов он сказал: «*Воротыт мот поттол потыртхт*». При этом он привел несколько известных ему из сказок слов. *Шохри хонхри* 'стрекоза' представляет собою тотемный облик *Шохрын ойка*. В виде стрекозы Шохрын ойка живет летом. Зимой он в облике человека ходит на лыжах с подволокой из выдры. 31.12. 1933.

Какчи котил пыг сказал про К. Сампильталова: «*Тан Хангласам Махум ванс*». Жена К. Сампильталова из Хангласам-пауль. Таким образом, *Какчи котил пыг* этими словами указал, что К. С. является зятем как бы для всего поселка, для всех *пауль-махум*. 3.01. 1934.

По поводу деления на две фратрии К. Сампильталов сказал следующее. Различаются *кит сир роут*: Мось-махум и Порых махум. Мось (хум) махум делятся, в свою очередь, на *Ери колын махум* 'самоедских домов народ' и *Нярас махум* 'лягушки народ'. Порых махум не делятся на группы («*порых махум киттох ур тхатим ат олехт*»), хотя и превышают почти вдвое по численности другую фратрию. Название Мось перевести пока не удастся. Из слов К. С. можно заключить, что слово «Мось» сопоставляется со словом «талк-

ва», 'низкий', а следовательно, возможно, что своим корнем связано со словом *мань* 'маленький'. Мось махум имеют своим родоначальником Мось хума (он же Эква пырнищ, Мир сусне хум и т. д.), который имеет вид гуся — *лунт*. (Правда, в настоящее время Мир сусне хум почитается всем племенем и имеет громадную популярность).

Как уже указано, Мось махум делится на две тотемные группы. Ёри колын махум имеют своим тотемом *Сорт ойку* — щуку. Щуку не едят сырой или мороженой. Женщинам нельзя резать щуку. Но уже для Нярас махум щука не является священной, они имеют тотемом лягушку (*Порыхпан эква* 'прыгающая женщина', *Лус хал эква*). Слово *нярас* обозначает 'лягушка', но этот термин обычно употребляется для обозначения группы, хотя кроме него и употребительно *порыхпан эква* махум. Иногда групповые названия Нярас махум или Ёри колын махум употребляют как название для всей фратрии. Так, Кирилл сказал: «Мось махум — Порыхпан эква роут». Каждый поселок (род) имеет, кроме того, своего пупыха, своего тотема. Лишь *Хангласам махум* не имеют помимо лягушки другого пупыха (щуку не табуируют). Фратрия Мось махум имеет священным деревом березу.

Другая фратрия, Порых махум, как уже было сказано, не делится на группы. Название порых происходит от названия одного зонтичного растения *порых*. В объяснение этого Кирилл сказал: «Они были высокие и стройные, как порых, от чего и получили свое название. Характеризуя облик Порых махум, К. Сампильталов сказал, что в прежнее время они были очень воинственны. В противоположность этому Мось махум представляются как добрые. Порых махум происходят от рода менквов и древним местом жительства считают Лозьву. Священные деревья Порых махум — лиственница и кедр. Именем этих деревьев, они иногда называются в сказках: *нанкпа йив*, *хуцпа йив* *палан акитэ* 'лиственного дерева, кедрового дерева, половинны дел' (*хуцпа* собственно 'дерево с сухой вершиной', но в данном случае — кедр. Надо отметить строение слов *нанкпа*, *хуцпа*, а также *ульпа*). Кедр, по-видимому, является тотемом этой фратрии, но кроме того, К. Сампильталов сказал, что медвежий праздник пошел от менквов, и празднуют медведя, главным образом, Порых махум, а Мось махум в меньшей степени и заимствовали это от Порых махум. Это сразу обрисовывает медведя как тотема фратрии, а «играние медведя» приобретает фратриальный характер, причем центром фратрии является Ялп-ус. Обе фратрии экзогамны. Женщина, перейдя в другую фратрию, не только не прекращает табуировать щуку, но и муж начинает считаться с этим. Также и наоборот. 4.01.1934.

Звериные песни. Среди звериных песен можно различить три типа.

1. Недлинные обычно песенки (например, *созыр эрыг* — *соврыкве*, *соврыкве*, *кай*, *кай*, *кай*), которые поются, когда покажется данный зверь или птица. Так, про песнь чайки К. Сампильталов

сказал: «Хот халев касалаве, та эрхалтаве»; или про воронью: «хунь ликми, та эрхавэ; хунь урин-эква касалаве, та эрхылтахтаве». К этому типу относятся (из известных мне): *ленхон эрыг, халев эрыг, пирва эрыг, ворсик эрыг, совыр эрыг, соруп эрыг, хулим хул люнч сов, вор сали сов (тан), йиных эрыг*. Последняя песнь выделяется из числа прочих, так как имеет значение заклинания для вызывания дождя.

Тулыхлахтын эрыг. Танцевальные песни, которые поются на медвежьем празднике. Из известных мне к ним относятся: *охсар эрыг* и *сольси эрыг*. При пении этих песен поющий уподобляется данному животному. Так, играющий лисицу, «*охсар хольт нила кит — лахылол эрхим та найтыхти*». При исполнении песни кулика (*сольчил*) «*толыхлантэ хум товыл катна выхтэ, та толыхлах — тункве пати*».

3. Наконец, третий тип, к которому относится *тарых кастын эрыг* (цапли желания, призывания песни), также является *тулихлан эрыг*, но с той разницей, что эту песнь поет не танцующий, а другой человек, и начиная петь ее до прихода цапли, вызывая ее этой песней после слов: «Цапля, сядь, болотное существо, в сидящий дом цапли приди!» Входит цапля и начинает танцевать. Поющий продолжает песнь цапли. Звериные песни, очевидно, имеют два магических значения: улучшение промысла (как, например, *охсар эрыг*), но главным образом, побуждение к размножению (*урин эква эрыг, сольси эрыг, тарых эрыг*).

Значение игр и песен. Смысл и значение *уй эрыг* вскрывается из фратриально-тотемного характера медвежьего праздника. Очевидно, что медвежий праздник имеет характер фратриального *intichium'a*, начиная с фратриального тотема медведя и кончая различными родовыми тотемами. В особенности ярко это выступает на больших празднествах в Ялп-ус, центре фратрии (отсюда понятно и запрещение присутствовать зятю *вапс* на празднике: *вапс* — член другой фратрии), где вызываются пупыхи различных родов, тогда как на обычном «игрании медведя» вызывается лишь родовой пупых — тотем. 5.01. 1934.

Заяц «имеет» (*оньци*) 7 сказок, *щопыр* — 2, *куту* — 3, *кати* — 2.

Нож никогда не передают, обратив острием вперед. Передающий или держит его за лезвие и подает рукояткой вперед, или, держа за рукоятку, передает нож, направив острие в сторону.

В первую ночь после полудня, когда вечером подъем луны задерживается лишь не надолго, это Этпос ойка обмахивается бахромой платка. Во вторую ночь он варит голову синички и поэтому задерживается несколько дольше. В третью ночь он варит *йиных пунк* и задерживается очень долго. На четвертую ночь он поднимается лишь около полуночи, так как варит *виткис пунк*. К. Сампильталов, Яных-пауль.

Яллинг мойт. Сказка «*арьен али мувр суп*» со второй половины становится яллинг мойт. В ней рассказывается о том, как

Ас-Талых отыр (эква пырищ) делал жертвоприношения, как он сделал «ялпинг», т. е. эта сказка является своего рода наставлением для устройства жертвоприношения и ялпинг. Сампильталов этой сказки не знал и сказал, что «*ти мат ти мойт немхотюттни ат онсавэ*». Первую половину сказки ему рассказал Пакин из Тарых-сав-пауль, но дальше рассказывать не стал, сказав, что она «ялпинг». Ялпинг мойт нельзя слушать женщинам, детям и мужчинам, у которых живые родители. То же самое, но относительно сказок вообще сказал старик в Нингат-я-павыл. На вопрос, не принадлежит ли ялпинг мойт фратрии Мось махум, Кирилл сказал, что это, наверно, так (Пакин — Мось хум). Затем я спросил, может быть запрещается рассказывать ялпинг мойт зятю. На это он ответил, что, по всей вероятности, это так. Яных пауль, 1. 1934.

В прежнее время в голодные годы на Ялпинг-тур промышляли Кос-я-махум (т. е. Турват Яных пауль — Сампильтал), Халь-пауль махум, Нёх-символь махум, а также Тарых-сав махум — Монин. Последние приезжали промышлять сюда. Их род происходил отсюда. В Яных-пауль и по настоящее время живет Монин.

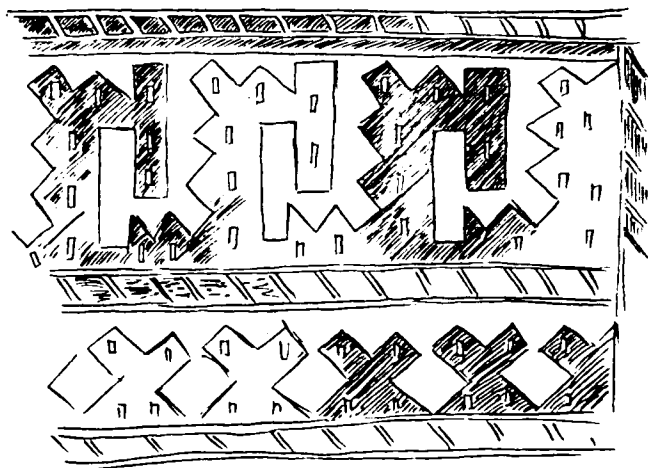

Рис. 19. Узор на берестяной коробке. Манси, Яных-пауль, р. Сев. Сосьва (д. 57, л. 107)

«Я скоро злюсь. Когда за зверем гонюсь и долго догнать не могу, с криком гнать начинаю. Я зверя гнал, потом кричать стал: «Или я тебя убью, или ты меня убьёшь, пусть так будет!» Такие плохие слова сказал. Зверь бежать перестал, остановился, на меня назад пошел, ноздри раздувает. Я его убил, другой зверь на меня идет, и его убил, третий тоже, четвертый тогда побежал. К. Сампильталов.

Вогул сказал: «Семьи и поселки, смотрящие в сторону одного пупыха, не считаются имеющими общих предков, но в прежнее время браки среди группы были запрещены. Человек наследует пупыха по отцовской линии, хотя иногда приносит жертву и материнским пупыхам. Ялпос ойка (на Оби) имеет вид медведя; *Аяс ойка* (Березов) — лебедь, *Тайт котли ойка* — ястреб; Мир сусне хум — гусь; Огур-я пауль — чайка (сын Аяс ойки и...). Чайка в Анья-пауль — совершенно самостоятельно. Сам относится к группе Пор хум махум, но объяснить это не мог. Ялпос ойка (на левом берегу Оби ниже Чемашей Березовского района) — население остяцкое, хотя говорят как по-остяцки, так и по-вогульски. Каждые три года устраиваются празднества в течение семи недель. Все это время танцуют медведя. Ниже Березовского — юрты Тэги-пауль население остяцкое. Пупых — лисица, празднуют через три года. Хынтыпин не знал, можно ли убивать им лисицу: «Кажется, убивают, наверно, можно».

Записи от И. Д. Сайханова. Щекурья, 1933. Ленинград ⁴².

Хонт хуаза — лишайник, растущий на еловых ветвях. Из него делают лекарства от сердечной болезни.

Самсай хум — невидимка-человек, он же *Хуль отыр* (?). Самсай причиняет болезни. Оспа. *Ялпинг хуйтил* причиняема им. Когда в каком-нибудь поселке оспа, в том направлении не ходят, чтобы не проложить дорогу. По следу Самсай хум скорей придет в поселок. Вследствие этого болезнь скорее придет, если она движется снизу реки в вершину, нежели обратно. Снизу движение больше, больше прокладывают следов. После смерти человека в течение трех лет не говорят *соромпутс*, а говорят *атимонг йемтимут*. *Хурым тал сис тох лавове*. После смерти мужа или жены в течение трех лет не женятся и не выходят замуж.

И. Сайнахов ехал по направлению к Хурм-пауль. Олени, которые обычно шли у него очень хорошо, вдруг заупрямились и стали метаться. Глядит — впереди никого. Олени выказывают еще большее беспокойство. Вдруг видит: навстречу едет Семен ойка на двух оленях. У одного оленя нос белый, другой с большими рогами. Иван окликнул его: «Куда собрался?» Тот не ответил, но когда разъехались и Иван оглянулся, он никого не увидел. Олени пошли хорошо. Когда он приехал в Хурым-пауль, то спросил, куда это Семен ойка поехал. «Семен, — говорят, — только что умер». Это его душа (ис хор), я так думаю.

По медведю в течение пяти ночей играют, причем играющие одеваются в пупыхов, напр., Топал ойка, Мир сусне хум и т. д. По медведице играют четыре ночи. Иван сказал, что это потому так, что у мужчин пять душ, а у женщин — четыре.

Попадают такие люди, которые могут есть бесконечно мирго. Он сам видел такого, который съел большой котел каши с рыбьим

⁴² Записи в д. 12.

жиром и еще рыбы. «Когда еще был князь, — рассказывают, — в Сакв-сунт-пауль пришел к одному в гости, вогулы его стали угощать. Он съел полуведерный котел рыбьего жира, не считая прочей пищи. Мало того, он ел *осси*, обмакивая в рыбий жир. Все были не только поражены, но и утрачены. Входит князь. Увидел его человек: «*А пыквэ ти нан ёнтас. Ам туйт туй лехум*». Князь вышел на улицу. Возвращается, приносит лисицу, дает ему. Тот все еще ест. Князь приносит соболя и тоже дает. «Ну, вот так, хорошо сделал, а то бы я здесь всё съел», — сказал человек. Это, конечно, не сам человек съел. Человек разве может столько съесть, — заметил Иван. — Это *Куль самсай хум* все поглощает, а человек лишь делает вид, что ест». На вопрос, был ли этот человек шаманом, и, вообще, бывают ли подобные люди шаманами, Иван ответил отрицательно: «Нет, они не шаманы. Там при них куль живет».

Когда человек, не выдержав трех лет траура, женится, говорят как бы: «Нога еще в доме качается, он опять жену взял». Иван думает, что это потому, что душа еще в это время живет в доме. *Лос-уй, исхор-уй (харс, хдрс-уй — 'куличок'. Мункачи)*. Сайнахов подтвердил показания Мункачи, что эту птицу можно поймать лишь в том случае, если надеть малицу, няры и т. д. задом наперед. Эта птица исхор-уй, т. е. дух. Но в то же время она не является ничьим тотемом. Когда появляется много исхор уй, в этом году умрет много народу.

Остяки, живущие близ озера Мингут-лор (Сингут-лор, Сайнахов хорошенько не помнит), почитают чернядь. Когда Сайнахов с отцом собрались пострелять на озере птиц, остяки им это не позволили. Очень старый лось уходит в воду, у него вырастает на носу тальник. В тихие дни он высовывает голову из воды и ест этот тальник.

Ялпинг уй. Семен сообщил, что эти змеи живут главным образом в районе Рус-суй и Нильтанг-пауль. То место, где живут Ялпинг уйт, священо; и туда не ходят из-за боязни попасться этому гаду. Ялпинг уй живет как в воде, так и на суше (но во всяком случае — на берегу). Он 1—1,5 с. длиной, толщиной в руку и более. Цвета красно-буроватого и с зигзагообразным рисунком. Ялпинг уй может обвиваться вокруг деревьев. При нападении обвивает жертву и сдавливает. Сайнахов упомянул о вогуле, который погиб от Ялпинг уй. У отца Сайнахова Ялпинг уй убил собаку. И дома сам Сайнахов видел Ялпинг уй, кажется в 1930 г., столкнувшись с ним почти вплотную.

Медведь на Сосьве и Ляппине почитается не очень сильно. Сильно почитают его в Ялпус-пауль, где он является пухом. Лоса на Сосьве почитают в сильнейшей степени, нежели на Ляппине. На Сосьве в большой степени соблюдается табуация на языке, женщины не пересекают свежего лосиного следа, нельзя щупать след палкой или вообще заостренным предметом. Идя на охоту на лося, медведя, оленя, нельзя говорить об этих зверях, нельзя хвалиться и говорить о сборах на охоту на этого зверя. Зверь может

услышать. Ханглассам-пауль, тотем — огонь. Там не говорят *уля*, там говорят *най*.

Во время шаманства такие духи, как *Нёр ойка*, не приходят (очевидно, вследствие того, что они не имеют отношения к роду). Когда кончается какой-либо род, пуных кладутся в каком-либо укромном месте, и никто уже более к ним не приходит. Шаманы во время камлания не употребляют для самопрокалывания кедровых или сосновых стрел, так как они могут причинить смерть. Употребляются березовые стрелы. Наоборот, для охоты лучшими являются именно сосновые и кедровые стрелы. Сайнахов высказал мнение, что в прежнее время вогулы не имели бубна, так как бубен не упоминался в сказках и песнях. Когда богатыри собирались воевать, то они посылали стрелу с изображениями. *Канса хурип поставл*. Для мира тоже служили стрелы с соответствующими изображениями.

10. СЕВ. СОСЬВА. 1935—1936 гг.

[Записи в д. 16, название раздела — по оглавлению В. Н. Чернецова].

План работы В. Н. Чернецова во время поездки к вогулам в 1935 г. Основной задачей поездки является изучение тотемистических представлений вогул и их социального устройства. Работа распадается на три раздела. 1. Археологическое исследование городищ и других древних вогульских поселений. 2. Этнографическое наблюдение. 3. Запись фольклорных текстов.

По времени работа планируется следующим образом: в течение августа и начала сентября — археологические работы в Березове и по Сев. Сосьве. С сентября по ноябрь — этнографическая работа и запись фольклорных текстов. Маршрут поездки намечен следующий: Ленинград — Омск — Тобольск — Березов (возможен выезд в Обдорск). Вверх по р. Сосьве с остановками в районе пос. Сартынья, Сосьвинской культбазы, пос. Щекурья. Затем далее вверх по Сосьве и по р. Тапсуй. Возвращение с р. Тапсуй через Ивдель, Надеждинск и Пермь.

Зырянин И. Артеев сказал, что слышал сказание от щекурьинских манси, что *Ерн-колын махум* в прежнее время были *ёрн-ненны*.

К. Волков объяснил, что мансийский язык появился в результате смещения языков ⁴³.

Лопым-ус, Лопум-вож по объяснению М. Хантышина *Лопынг-ус*, Лопынг 'торфяное место' тундра 'лопынг'. Коренной род *Сос-санг махум лонгым-ус Шескин*.

Волков (Луи-хорым-пауль) сказал, что из рода Шескин вы-

⁴³ Далее следуют 3 с. записей по-мансийски, не вошедшие в публикацию.

бирались в стародавние времена князя. В настоящее время здесь живут еще Алпины (Ери-колын махум), Таратон (*Волин махум*) и одна семья Емташин (*Ери роут*). Алпины переселились сюда из Шекурин. Таратон жили в прежнее время в пос. Воля-пауль на реке Воля (приток Сосьвы выше Санки-тур). Старшая сестра матери Василия Таратова была замужем за князем Шескиным. После смерти отца Василия его мать переехала в Лопым-ус. Мать В. Таратова и Шескин — муж ее сестры — были между собой *кил-тона ровнютых олсх*.

Яных пурлахтын как на р. Сорахт. Туда сходятся для осенних и весенних жертвоприношений жители всего Ляпина. На жертвенное место идут две дорожки. По правой дорожке идут Пор махум, по левой — Мось махум. На жертвоприношении они между собой не смешиваются.

Палья. 10 км от устья с левой стороны находится увал Ус-ур. На этом увале находится *Торум кан* пос. Сома-пауль. На увале, по словам М. Хынтыпина, имеются землянки. На городище жил *Шоинг отыр*. Он вместе с *Шук-пелек* ходил воевать на Обь. Однажды на городок напали семь богатырей. Ш. О. убил их, отрезал уши и повесил уши на устье речки, которая поэтому называется Паль-я⁴⁴. В пос. Луски-пауль четыре, пять семей; двое ездили неводить для еды. Пойманную рыбу делили на всех, раскладывая ее в пять чумаков. В Хорым-пауль неводить ездили не все, делили на всех. Вогул объяснил, что ездят хотя и не все, рыбу делят на всех.

Женщина искала *хунтиль-сов*. Ее прикладывали к твердым опухолям для размягчения. Мягкость шкурки должна передаваться опухолям.

На кладбище в Лопым-ус покойники различных родов кладутся отдельно. Каждый род имеет отдельный ряд на кладбище.

Когда Ира⁴⁵ приехала со Шмыревым и Марковым в Луски-пауль, женщины в доме В. Алпина спросили у него про Шмырева и Маркова: «*Ти нанг ровре хумяхан?*» (Ира недопоняла вопроса, подумав, что женщина спрашивает «Это твои мужья?»). Ира сказала: «Нет». — Тогда женщины спросили: «А у вас так не бывает?» — Ира сказала: «Нет».

29.10. Ломбовож. Вышел утром из базы на лыжах, шел по лыжне, проложенной проходившими вогулами. На болотах везде вода, на посохе все время намерзает лед. Приходя в Рактин-я дождался прихода охотников и затем провел пригласительное собрание. Ночевал у Филиппа. Утром вышел в Ломбовож и еще за светом был там.

Со слов М. Алпина *Лопым-ум Панлынг ойка* в прежнее время находился в самом поселке. Он имеет вид человеческого лица из меди. Обернут в несколько платков и «*арсин тор*». Он находился в юрте Канас колт олс, так как принадлежал роду Шескин. Два

⁴⁴ Далее следует 1 с. записей по-мансийски.

⁴⁵ Ирина Яковлевна Чернецова — жена В. Н. Чернецова.

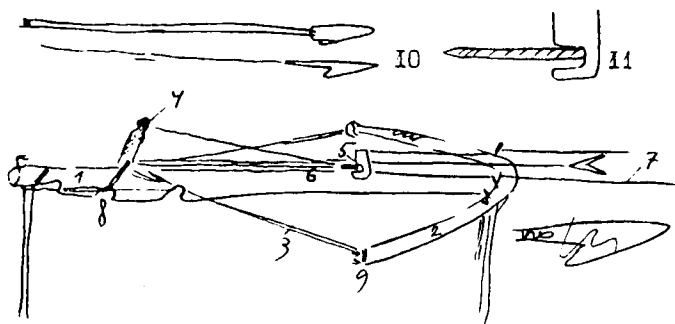

Рис. 20. Лук-самострел. Названия деталей: 1 — *уйун*; 2 — *йоут*; 3 — *йантев*; 4 — *йаных пукла*; 5, 6 — *мань пукла*; 7 — *йананг*; 8 — *йаных пукла щорхыл*; 9 — *йоут овла*; 10 — *панси*; 11 — *щорхылын пукла*. Манси Сев. Сосьвы, 1935—1936 гг. (д. 16, л. 60)

«пал» в юрте были отгорожены деревянной перегородкой, в стене было окно и дверь, в которую могли входить лишь люди, имевшие... и пупых. Вносили и переносили его старики, но ежедневно окуривала его Соз, женщина-старуха. Молодые совершенно не имели доступа в это отделение. Панлынг ойка не имеет сказки, была лишь песнь, но теперь ее никто не знает. Последними знали ее два старика в Хорым-пауль, но и те уже умерли. Песню забыли, так как она пелась не по-мансийски и даже не по-остяцки, а на каком-то незнакомом языке *ахпа латынг*.

В Лопым-ус жила еще *Тан варуп эква*. *Ус сахл* — это был ее город. *Тан варуп эква* была *ворут*. Вечером детям нельзя было выходить из дому, она их хватала и ела. Есть сказка, как *Тан варуп эква* пришла к женщине (*Япи Торум нэ*), сидевшей вечером за сучением сухожильных ниток, когда все уже спали. Это было в доме, где находился Панлынг ойка. *Тан варуп эква* подсела к ней, держа в руке сухожилия, выданные из собачьей спины, и сказала: «Давай, кто скорее ссучит, если ты, то ты меня съешь, если я, то я тебя съем». Начали. Женщина смотрит, у *Тан варуп эква* сухожилия к концу подходят, а у нее еще и половины не сделано. «Подожди, — говорит, — что не евши работать, я схожу еды принесу». — «Ну ладно», — отвечает *Тан варуп эква*. Женщина вышла, побежала на *Ус-сахл*, зажгла там старый берестяной коссум, прибежала домой, говорит: «Иди скорей, город твой горит, пламя так и полыхает, дети твои сгорят».

Тан варуп эква вскочила, серебряную чашку свою бросила, побежала. Женщина лицо жиром намазала, ее чашку положила к П. о. и легла спать. Скоро вернулась *Тан варуп эква*, вошла, стала ощупывать спящих. У всех лица влажные. Все давно спят,

вспотели. Стала пятки щекотать, женщина лежит, терпит. Тан варуп эква подошла к П. о., а тот то ли пошевелился там, то ли сказал ей что, она к двери отскочила. Вторично также — то же повторилось, и Тан варуп эква совсем ушла⁴⁶.

М. Алпин. Несколько волосков связываются ниткой, затем узелок обрезается и кладется в ящик с алпинг. Обряд производится для того, чтобы ребенок был здоров и жил долго. Представляет собою магическое привязывание душ (4 у женщины, 5 у мужчины). Относительно приклеивания смолой кусочка материи от идола сказал, что этим ребенок *пупхын варавы*, т. е. посвящается идолу, для того чтобы был здоров. Девочек обыкновенно *Калтась эква торых варавы*, мальчиков *Мир сусне хум торых*.

Гр. Лясманов из Хорым-пауль, не имея средства платить калымом, вошел в хозяйство отца жены (*уне палт цалтыс*), жил у него 4 года, тогда лишь выделился. Я спросил: «Если *унын палт цалтсын*, калым платить не надо?» Присутствовавшие (М. Алпин, Лясманов и еще Хозумов) сказали: «Зачем же платить, когда сам туда работать вошел!»

Хорым-пауль или Хорым-пауль? М. Алпин сказал, что это безразлично, как сказать, слово одно, название от Хорын-тур.

Пупых никаавы так же, как и медведя, сначала танец с соболями, а потом поют *кастын-эрыг*.

На кладбище Лопыс-ус Шескины хоронят покойников отдельно. Другие пришлые роды хоронят без особого порядка. М. Алпин.

Есть предание, что в старое время, когда еще жили в землянках, население Ломбовож вымерло, их хоронили в ямах, еще теперь эти ямы видны 2 км вверх по Лапын-я от Ломбовож. М. Алпин.

24.11. *Леп тит ойка — Яных махум пупханыл* — находится в устье Леплы. Амбарчик охраняется двумя человеческими фигурами. Изображение из дерева, но кроме того, там есть изображение лося, отлитое из свинца. *Лось — тав ялны хуритэ*. Идол привезен с Лозьвы давно. Один из Сампильталовых ходил на Лозьву и привез оттуда этого пупыха. Пупых имеет саблю такую тяжелую, что ее могут поднять только три человека. Хранители Н. Сампильталов и С. Сампильталов. Через каждые пять лет идолу делается новый амбарчик.

Обычно в домашнем ящичке имеют лишь *тор* и шкурки обычной птицы, но некоторые имеют и другие вещи. Так С. Сампильталов (Яных-пауль имеет серебряную тарелку с изображением семи человек. Эта тарелка завернута в материю, и он ее никому не показывает, даже сыну, который увидит эту тарелку лишь после смерти отца. А. Сампильталова имеет стрелу, также завернутую в материю. Мать И. Соинахова имела кинжал (медный), Устин (Тур-пауль) имеет круглое металлическое зеркало (китайское).

Леп-тит ойка и *Тулам арынэ ойки* жили вместе в городище Няксимволь. Во время медвежьего праздника Леп-тит ойка каста-

⁴⁶ Далее выпущены 2 с. с записями по-мансийски.

вы он приходит, опираясь обеими руками на *сув йивахэ*, один — из ели, другой — из лиственницы. Он ходит, опираясь обеими руками. Эти палки хоть и называются посохами, скорее всего это передние... *Сак ойка* держит в одной руке палку *юв сув*, другая рука обмотана шкурками — *вонхе*.

Пипых ойка входит, изображая птицу, взмахивая руками и подражая крику филина.

27.11. К. Сампильталов: «Почему эта береза такая? Как птицу на ней стрелишь, так засядет. Прошлый раз жена стреляла — засел, со второго выстрела сбила. Вчера В. Н. стрелял, засела, со второго выстрела сбил. Маремьянин в прежнее время сказал бы — ялпинг». — Ну, конечно.

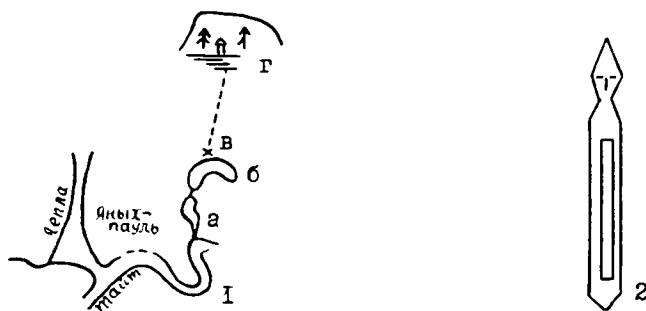

Рис. 21. Священное место: 1 — общий вид (а — Лопси-пауль урай; б — Леп-тит ойка урай; в — затес; г — ельник); 2 — столбы амбарчика Леп-тит ойка. Манси, Яных-пауль, р. Сев. Сосьва (д. 16, л. 16)

Вчера ходили с Кириллом на священное место пос. Яных-пауля — Леп-тит ойка. Место находится на левом берегу р. Лепла. Недалеко от устья близ Леп-тит ойка урйи на еловой и кедровой гривне стоят четыре чамы, вокруг столбики от бесчисленных чамей. Кирилл сказал, что их было в свое время тридцать. Чамью ставят новую через каждые пять лет. Около дороги — два кедр, на которых вырезаны лица, густо замазанные кровью и жиром. Это — *арас ватат урне менквях*. Немного дальше еще два лица *лёнх сунт урне менквях*. Чамья на двух столбах. Боковые стенки собраны угловыми вертикальными столбиками с прорезом. Верхушки столбиков обтесаны в виде голов. Это — *ави сунт увры менкв*. В одном из старых амбарчиков хранится жертвенная посуда и утварь, три подноса, несколько мисок, топоры, которыми рубят дрова, и топор для разрубания лосиных голов. Последние привозятся сюда, и обыкновенным топором рубить их нельзя. В одной из чамей находятся идолы.

Но наши ожидания были обмануты. Самого леп-тит ойки здесь

не было, не было и его меча, а самое главное — *Тав хуритэ* — лось, который, по словам Кириллы, отлит из свинца, с золотыми глазами и серебряной монетой, вставленной в живот. Этот лось привезен с Лозьвы. Главный идол — деревянный, из кедра, глаза у него золотые. Здесь мы нашли *Леп-тит ойка пыге*, небольшого деревянного идола с серебряными глазами, одетого во множество одежд и несколько островерхих шапок из сукна. Рядом с ним *Щах ойка* — *Леп тит ойка хумити*. Это — бронзовый боевой молоток с железным клювом. Молоток древнего происхождения, но по виду поражает своей новизной, бронза не имеет патины, углы слабо заглажены, а железо лишь потемнело, но почти не имеет ржавчины. Молоток завернут в бесчисленные одежды. Кроме того, в амбарчике была стрела и много одежд, сшитых из цветных ситцев. Немного в стороне — *ирхатры хан* обычного типа.

Стружки, смоченные менструальной кровью, относятся в то место, где вешается на деревья старая изношенная одежда (там же отхожее место). Менструальная кровь прикрывается ветками. Яных-пауль М. Секова (Ханглассам-пауль), сев есть мясо у Весинна, вдруг спросила: «Это какое мясо, не звериное?»⁴⁷. Мясо оказалось коровье. Она пояснила, что лосиное мясо может есть не всегда, в определенные периоды (менструация) женщинам его есть нельзя.

Мохар наследуется следующим порядком: женщина передает их младшей дочери. В случае, если у нее дочерей нет, она, заболев, может передать их старшей сестре. Если сама не передает, то после ее смерти наследует муж. После его смерти мохары кладутся в его могилу (вместе с огнем). Если раньше умирает муж, кладут их в могилу жены. В Яных-пауль В. Сампильталов держит мохары своей первой жены. После его смерти они будут похоронены, ко второй жене перейти не могут. Если мохары новые, то после смерти женщины, не имевшей дочерей, они переходят к дочери сестры *есе*. К *ака аги* не переходят. Сампильталов из Яных-пауль и женщина из Ханглассам.

Маремьянин: такое изображение называется *ханггы нен хо хорас*, содержится главой семьи — отцом, после его смерти — матерью (если она жива). После смерти родителей изображения передаются старшему сыну и т. д. по отцовской линии как главе дома. Лохтоткурт.

По мнению К. Сампильталова, Алпина, Маремьянина, из рода матери жену брать нельзя, но мой внук уже может жениться на женщине из рода моей матери. Не могут жениться братья на нескольких сестрах, так же как и двухсторонний (хотя бы и не кузенный брак). Дочь брата матери — ний. Жена старшего брата — ний, *оньха*, *аньха*. Дочь брата матери — оньху. Жениться на ней нельзя. (Сампильталов, Маремьянин).

Отыр махыс — *охсар*, *пёхс*, *тулмах*. Пушнина вся *отыр мыхыс*.

⁴⁷ Зверем манси называли лося.

Материи — это те, которые приносились владельцем в жертву при посещении им какого-либо жертвенного места. Таким образом, у некоторых собирается очень много таких *арсин тор*.

Отыр выдвигался благодаря своей физической силе и уму. Если бы он не был силен, он не мог бы быть отыром. Это совершенно не то, что у русских. Отыр не наследовался от отца к сыну, если сын не имел соответствующих данных. *Аянг хум йих* — помощник, их бывало от одного до семи, смотря по мощности отыра. Ясака отыр не собирал никакого. Сампильталов, Маремьянин.

Манси и ханты — это одно, все сказания и песни сходятся слово в слово, все одно и то же. А что язык разный, то языков много среди манси и ханты. Сампильталов, Маремьянин.

Один халапандский остяк убит был тапсуйскими. Если бы первые могли, они непременно пошли бы мстить *нур вынквы*. До сих пор они говорят между собою: «Если бы пошли мы на Тапсуй, то все с землею сравняли бы». Маремьянин.

Яков Куриков убил моего младшего брата, младший брат отца тотчас же схватил ружье и хотел застрелить того, но его удержали. До сих пор я не могу спокойно смотреть на Курикова, и он это знает. Когда я выпью, он запирается в доме, боится, как бы я его не убил. К. Сампильталов.

Собирать калым юноше помогают *сасхе* (братья матери), братья, а также отец; в иных случаях отец, мать помогают больше, в других главную роль играют *сасхане*. Вообще при каждом посещении братьев матери человек получает подарки. Эти подарки могут также идти для накопления калыма. Готовить приданое девушке также помогают братья матери, отец, мать, сестра матери, а также братья. При получении калыма его делят между собою лица, которые готовили приданое.

При сватании сват изготавливает палку, на которой зарубками, отмечая все составные части калыма. Виденная Кириллом палка, сделанная Тёпын Васка, имела на одном конце вырезанную звериную голову. Такая *щорхылин йив* завертывается в платок и кладется в *яллинг тотан*, где лежит до окончания сватовства. По уплате калыма в доме невесты устраивается пир. Жених живет у тестя до 7—10 дней. В это время он приносит жертву пупухам рода жены. Могут приносить жертвы и его отец, братья и т. д. Когда *пупых тесыт*, невесту выводят из дома. Выводит женщина. В это время другая женщина готовит ее нарту. Невесту сажают в нарту, и та же женщина садится вместе с нею и правит оленями. Невеста в это время начинает плакать. В это время какой-нибудь мужчина из рода невесты привязывает к нарте веревку и задерживает нарту, говоря: «Мы эту девушку от себя не отпустим». Жених или его сородичи должны платить здесь выкуп (деньгами или оленя). Другой выкуп платится еще раньше, при выходе невесты из двери. У порога становится человек с топором и не выпускает невесту. Сородичи жениха платят ему деньги, материю на рубашку и т. д.

Рис. 22. Сооружения *норма*, *ура пантьяк* на священном месте Пипых ойка вблизи Халь-пауля. Манси Сев. Сосьвы (д. 59, л. 21)

Наконец свадебный поезд тронулся. По приезде к дому жениха кто-нибудь из женщин рода жениха вводит невесту в дом и сажает ее в *пал*, завешенный занавесом (*хасап сайк тулавы*). Другие женщины вносят ее приданое. Жениха подводят к пологу и вталкивают его туда. Полог снимается через два дня.

По приезду в дом мужа женщина приносит жертву пупухам рода мужа. Кроме нее приносят ее отец, братья и т. д. В общем количество жертв должно быть с обеих сторон одинаковым, но не менее, чем по одной (олень) с каждой стороны. Сампильталов, женщина из Ханглассам.

Когда новый дом готов, приносят жертву родовому пупуху.

28.11. Ходили на священное место. Халь-пауль. Находится по дороге на Лопсия на берегу старицы саженях в полсотне от берега. Священное место состоит из небольшого двухскатного лабаза (*пантяк*). На двух столбах (стволы деревьев) на высоте 1,3 м сделаны перекладины, на которых настелены доски. Сверху — крыша из бересты, передние и задние стенки заставлены кусками бересты. Слева от лабаза на одном столбике установлено подобие юрочки или чамы из досок (*ура*). Она оказалась пустая (не считая обрывка красной тряпки). Еще левее — *норма*, на которой обычно устраиваются жертвоприношения. Саженях в 50 — подобный первому лабаз, в нем жертвенная утварь. Кирилл привел меня на место, но далее не решился сам ни открывать лабаз, ни дотрагиваться до вещей, как у Лап-тит ойка.

Когда я открыл лабаз, вынув переднюю стенку, то на переднем плане увидел знаменитого слона. Он был покрыт многочисленными платками, из которых 3—4 были завязаны под брюхом, а 5—6 — под шеей. На бивнях — кольца (8), серебряные и медные. На спине в двух местах круглые отверстия диаметром 1 [?], вокруг этих отверстий следы пайки на глубину 10 мм. Одно отверстие немного впереди крестца, а другое на шее. Возможно, что это — следы от Хаудаха и Карнака. Хобот поднят, слон трубит, ноги поставлены прямо. Задние ноги залиты бронзой или низкопробным серебром. Передние — полые. На левом боку отверстие, внутри слон полый (толщина стенок около 1—3 мм), на ногах и боках слона штриховка (рис. 23, 2).

В левом переднем углу лабаза шкурка белки и обрывок тряпки с позументом, слева лежит сабля без ножен, обернутая лентой, сабля грубой работы, без канав-

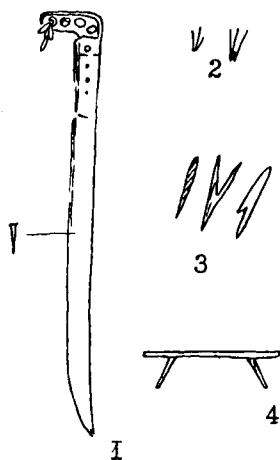

Рис. 23. Предметы из священного амбарчика: 1 — сабля *сирай*; 2 — штриховка на фигурке слона; 3 — наконечники стрел; 4 — столик. Манси, Халь-пауль, р. Сев. Сосьва, 1935—1936 гг. (д. 16, л. 23)

ки, рукоятка из оленьего рога, тут же пучок стрел с железными наконечниками. Справа — бубен, завернутый в матерью. За передним столбом на низеньком четырехугольном столбике сложены ялама, под ними в куске шелковой ткани — две штампованные жестяные тарелочки. Одна с изображением джонки, японских вееров и т. д.; а другая — с изображением королевы Виктории и английской надписью вокруг Victoria. В обертывающие тарелочки ткани завернуты деньги. Эти тарелочки называются *карм*. Эти карм, по словам К. Сампильталова, также являются пупухами. И действительно, судя по тому, как они завернуты, они, очевидно, весьма почитаются.

В задней части лабаза мешок из зеленой материи, наполненный различными материями (не рассматривал). На дне этого мешка прощупал какую-то фигурку. Распустив немного устье мешка, извлек ее. Оказалась фарфоровая фигурка совы — перечница работы М. С. Кузнецова. Фигурка белая; когти, клюв, глаза — черные, контуры крыльев, перьев золоченые. Фигурка завернута в белый платок, в который завязаны монеты.

По преданию, фигура слона была в свое время полна серебра. Однажды был очень голодный год (это было давно), и серебро было использовано на приобретение хлеба.

Шугтыр-курт — Шугтыр най. (Маремьянинов). Там же, но другой род, почитает глухаря. *Пыхты лук* 'черный глухарь'. Нака курт — *Сорнинг калса. Сорнинг калса сехпа най, вежа най.* Женщина с образом золотого королька.

Хал-пауль — современные Тасмановы. Это овогулившися зыряне с реки Есва из-за Урала, адаптированные Тасмановыми, от которых восприняли и родовое имя. Еще недавно в Хал-пауле жил старик, который плохо знал по-мансийски. В прошлом году из-за Урала приезжал зырянин навещать родню в Хал-пауль. Идол перешел от прежних Тасмановым (они все вымерли).

Сампильтал 'слепой' пошло от того, что давно жил старик слепой, от него пошло и название. Другое имя Сампильталовых Кос-я — махум.

Вместо слова *сорумпатне* про близких говорит *мойтынг*. Мой тынг *асум — сорум патум асум*; говорят также *хоталь салтум утум, савын патум утум*.

При возвращении домой, если в отсутствие умер кто-либо из домашних у вошедшего мужчины расплетают косы, развязывают пояс. Если у него нет пояса и он стрижен, покрывают платком на левую сторону. В продолжение траура, в течение 5 дней (по мужчине) и 4 дня (по женщине), не заплетают кос, не опоясываются. Затем 50 и 40 дней концы кос не завязывают вместе, платок носят на левую сторону. При усердии держат траур 5 и 4 месяца, если кто не снимет к концу этого срока, то носит 5 и 4 (лет). Во время траура нельзя петь, танцевать, играть.

Во время игры медведя человек, носящий траур, перед вхо-

дом в дом кладет на голову кольцо из травы. Когда он войдет поклониться зверю, кто-либо из присутствующих снимает кольцо с его головы. После этого он может играть и петь. Яных-пауль, Сампильталов.

Женщина из Яных-пауль, увидев ягушку Ирины, сказала: «Это ягушка с Ляпина». — «Почему?» — «Сорт ханса здесь не делают, это *луи сун ханса*. В Ляпине делают». — «А *пунк нёхыс* здесь тоже не делают?». — «Нет, режут, это здешний орнамент».

В пос. Санки-тур Ирина и С. Д. легли спать рядом. Женщины на другой день спрашивали: «Это *нан ойкам*?» — «Нет, *ам ойкам Лозум-хум*» — Значит, он *нан роуне ойкан*?

Кукина (женщина из Меси-пауль) в разговоре с русской спрашивала: «У тебя дети есть?». — «Нет». — «Почему же?». — «Да так, не знаю». — «Быть может муж сам плох?». — «Быть может». — «А. У., ведь он твой *роуне хум*, дети могут быть от него?». — «У нас, русских, так не бывает». — «Как плохо, а мы так жить не можем, у всех *роуне есть*»⁴⁸.

Один из молодых Бахтиаровых отправляется на север искать жену.

Сава Бахтиаров рассказал об одном из периодов своего становления шаманом. Человеком перестал быть. В лес убежал, ногтями землю рыл, яму (берлогу) себе выкопать хотел, как медведь. Ногти все оборвал, ничего сделать не могу; мох сдерну, до камня дойду — дальше не могу. Однажды очнулся. Связан по рукам и ногам, в юрте к столбу привязан. Людей никого нет, только брат рядом лежит. Говорю: «Развяжи, Егор, я теперь опять человеком стал».

В. Д. Сампильталов Кос-я-хум, его жена — Ёрн колын не. Род Аням (оп). Лозьвинские ветви Яча — так был прозван дед современных Яча. В. Бахтиаров не знал причины возникновения этого названия. Нёрин прадед был прозван так потому, что *нёрхатах тыхлим потэрти* — «говорил, заикаясь». Обе ветви осознают свою тесную связь с родом Аням.

Каслопова (*Хаслун ойка*) — ветвь, пришедшая из Хорым-пауль. Они имели около 300 оленей, и от них появились олени на Лозье. До них оленей не было почти совершенно. В. Бахтиаров осознает название Хаслун как производное от *хасли* 'мох'.

Кукин А. И. (Меси-пауль). Тамги (рис. 24). 1 — Кукин. Эта тамга у всех Кукиных изображает *вас лагыл* 'утиная нога'. Название рода производят от *кука* 'рыба' (в детском языке). По преданию родовое название произошло от того, что предок повторял все время слово «кука». Так и пошло у них имя Кука — Кукин. Тотем рода Кукиных в Меси-пауль — *Товлын ойка*, *Иипых ойка* 'филищ'. Это сын Иипых эква-ойки из Хорым-пауля. В индивидуальных знаках тамга варьирует в своих деталях. 2 — Петр (*Яхланг пыг*). Позвище это происходит потому, что его отец был си-

⁴⁸ Далее, судя по оглавлению в тетради В. Н. Чернецова, следует небольшая запись с Лозьвы, до слов «Кукин А. И. (Меси-пауль)».

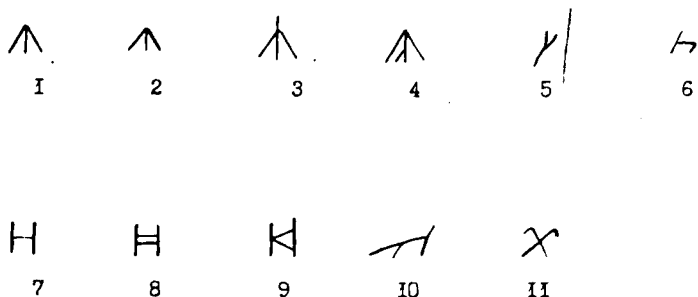

Рис. 24. Тамги. Манси Сев. Сосьвы, 1935—1938 гг. (д. 16, л. 28—29)

ротой и воспитан своим яхланг. 3 — Юван Петр *апсите* (м.л. брат). Вытянутый вверх конец тамги изображает задний палец утиной лапы. 4 — Улякси. Но бывают и отклонения от основной тамги. 5 — Юван Леонт, тамга изображает *супынг нял*, У-образную утиную стрелу. 6 — Кукин (?), *пут ванкрип 'таган'*⁴⁹. 10 — *Ёрн колынг махум*. 11 — *Нинклып (Луи — хорым-пауль)*, тамга называется *перна* 'крест'.

При татуировке татуируемое место накалывают щучьей челюстью, а затем затирают сажей с котла.

В Я-сунт-пауле тотем *Саку талях тур ойка* — *Сали пурне уй* 'волк'. Наименование Сали пурне уй табуируется туйтаве, вместо него употребляют *хоса лене* 'длинный хвост'. Одновременно с тем почитается и собака, которая идентифицируется с волком. Собаку нельзя бить, убивать, носить на панде женщинам. («Люди Ясунт-пауля собаку бить не позволяют: тотем их — грех»). Умершую собаку никогда не бросают, а хоронят. Относят в сторону, кладут на землю или в снег и заваливают ветвями деревьев (см. погребение собаки *Яных орон ойка* в 1927 г.). Ясунтпаульские вогулы имеют среди своих оленей, посвященных тотему. Таким оленям ставится пятно — знак посвящения. Этих оленей убивают в жертву Саку талях ойке. Ему приносят оленей также и в том случае, если на стадо нападают волки.

Сипса — центральный шест в чуме. Имеет сакральное значение. Проходить позади шеста не разрешается. Сравнить ненецкое *силса*.

Пляска кукушки. По окончании песни кукушки (*кукук эрыг*) входит женщина. Она подражает движениям кукушки, кивает головой, приседает, качает головой, рассказывает свою историю и поет⁵⁰.

Я. Н. Тасманов. Его мать вышла вторично замуж после смерти ее мужа, Тасманова из Хал-пауля и уехала к новому мужу на Обь. Мальчика взяла с собою.

⁴⁹ Рисунки тамг под номерами 7, 8, 9 у В. Н. Чернецова без пояснений.

⁵⁰ Далее следуют 5 с. с записями по-мансийски.

[Записи в д. 19, л. 1—12, заглавие — по надписи В. Н. Чернецова].

24.12.1936. Вечером приехал в Ивдель, от Москвы ехал ровно трое суток. Выехал 21.12 в 8.20 и в 8.30 24.12 автомобиль въехал в Ивдель, это — рекорд! В тот же вечер пошел искать попутных нарт на север. Узнал, что у Шаршиных стоят зыряне из Маньи. Пошел туда. Они завтра собираются ехать. Договорился с ними — везут до Усть-Маньи.

25.12. Выехав под вечер из Ивделя, ночью были в Бурмантове.

26.12. В Бурмантове простояли лишь часа четыре — и снова дальше. Погода холодает. Еще третьего дня в Надеждинске было совсем тепло, а здесь забирает. Доехали до Суй-ват.

27.12. Из-за мороза мои зыряне едут чрезвычайно медленно, сегодня добрались лишь до Ёвтым-сос и здесь ночуем.

28.12. К вечеру приехали в Усть-Манью, и я, попив чаю, немедленно отправился дальше, до Яных-пауль. Николай Петрович был дома. Он мне очень обрадовался и, когда узнал, что я еду на низ, вызвался везти меня до Сартыньи.

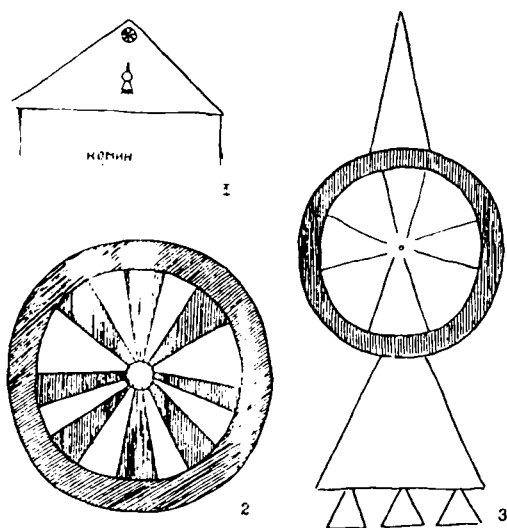

Рис. 25. Украшение на фасаде дома: 1 — общий вид; 2, 3 — узоры, вырезанные из доски и прибитые к фасаду. Манси, Няксимволь-пауль, р. Сев. Сосьва (д. 57, л. 14, 16)

29.12. Николай Петрович идет ловить оленей, вернется 31-го. Поехал в Няксимволь.

30.12. Взял поселенные списки и сделал из них выборки для выяснения родового состава поселков, с одной стороны, и расселения родов — с другой.

31.12. К вечеру закончил работу и выехал обратно в Яных-пауль. Николай Петрович вернулся к ночи. Завтра выезжаем.

1.01. 1937 г. Олени убрели далеко, и лишь к вечеру нам удалось выехать из Яных-пауля. На минутку задержались в Няксимволе, хлеб взять, — и снова дальше. Перед утром были в Хангласум. Здесь пробыли часа четыре и, не отпуская оленей, дальше до Кушника на Ялпинг-я.

2.01. Перед вечером приехали на Ялпинг-я, сделав, таким образом, за сутки 123 км.

4.01. Ужасная неудача! Вчера перед вечером Николай Петрович пошел «имать» своих оленей — мы решили выехать к ночи, чтобы быть в Сартынье утром. Но поймать их ему удалось лишь сегодня утром. Олени не давались ему в руки, он затемнял в лесу и остался там ночевать. Утром выехали и к вечеру, в 11 часов, были в Сартынье.

5.01. Около полудня выехали дальше, до Пупым-пауль, 30 км, туда приехали — уже стемнело. Здесь я распрощался с Николаем Петровичем. Дальше меня повез Гоголев Михаил. До Анья-пауль — 45 км. Повез меня на лошади. Сейчас тепло и ехать приятно. Здесь уже мало держат оленей, но все же имеют даже по несколько десятков для промысла. По дороге разговорился с Гоголевым и узнал от него много интересного относительно родов Гоголевых и Пуксиковых. В Анья приехали ночью, там еще не спят — гуляют. Гоголев зашел в тот дом, и, пока я делал заметки в записной книжке, он успел выпить. Пришел, ругается, плюется: угостили его спиртом, разведенным в бутылке из-под керосина. Выехали мы в Яхрим. Когда спустились на реку, он попросил меня взять вожжи, так как чувствовал себя слишком скверно. До Яхрима недалеко, и мы были там уже ночью. Там попили чаю, я немного прилег, а затем снова дальше, до Рус-суй 15 км.

6.01. Дальше меня повез Ефим (парень 18 лет), 30 км до Тарых-сав. Здесь попили чай. Когда уже собирались выезжать, зашел сын Семена Пакина. Очень обрадовался, когда узнал, кто я. Просил на обратном пути заехать к ним. По всей Сосьве промысла нет. Белка ушла, с трудом добывают по три-четыре, а местами и хуже. Отправляют всех за Обь, но я слышал, что в связи с этим заобские вогулы и остяки не желают пускать сосьвинских на свои вотчины.

От Тарых-сав до Хомрат-пауль 25 км. К вечеру, чуть стемнело, были там. Здесь народ очень гостеприимный и ласковый. После чрезвычайно неприятного промежутка, Тарых-сав — Анья — Рус-суй, где дома без чумалов, только с железками и построены не

на русский и не на вогульский манер, здесь снова попадаешь в уютную обстановку чумала. Здесь живут, пожалуй, даже примитивнее в некоторых отношениях, чем на Верхней Сосьве, хотя все имеют скот, и помногу. Разыскал Якса ойк. Он работал с Каннисто в свое время и охотно согласился рассказывать сказки, хотя и говорит, что позабыл их все. Вечером зашел человек из Ильин-пауль и сказал, что завтра будет играть медведя. Едем завтра туда. У Якса ойк был Семен — хранитель дома в Яли-ус. Теперь посещение *йек-кол* мне обеспечено. Якса-ойк рассказал сказку *Мань мось не*. Завтра ее запишу.

7.01. Утром записал сказку. Вариант немного отличный от того, что я слышал от Тынзянова, в некоторых отношениях беднее: нет слов *Мань Мось не* о кровно-родственном браке, но зато точнее определены причины появления *порых*. Таким образом, оба варианта дадут все необходимое. Сфотографировал дома, чамьи. Зарядил снова лейку и, попив чаю, выехал в Ильин-пауль. С нами поехал и Якса ойк. Здесь в 14 км по дороге засажали в Сокры-пауль.

Когда приехали в Ильин-пауль, там уже начали. Пели четвертую песнь. В маленькой юрточке собралось столько народа, что не находилось места, где сесть. У задней стены поставлены два стола. На них три медвежьих шкуры: две — только что убитых медведей, а третья *имта 'чучело'* — за медведя, убитого ранее и еще не игранного. Перед медведями эмалированные миски и чуман с хлебом, шаньгами, сахаром, стоят фигурки оленей из теста, лежат осси. Перед столами, сцепившись пальцами рук и раскачивая руками, стоят трое в халатах из ситца с шапками на головах и поют. Убиты медведицы, и поэтому поется четыре песни, для медведя — пять. Справа от стола сидит Тынзянов Петр, один из охотников (другой — Яркин Василий из Нарыкар), и на палочке отмечает пропеты песни. Празднование продолжалось почти всю ночь. В общем схема почти такова: 1 — песни (4—5); 2 — *йаных йек (пуных йек)*; 3 — *тулихлап*; 4 — общие пляски; 5 — *кол хотне вармал*; 6 — трапеза. Неправильно расценивать *тулихлап* как новшество, хотя и относительное. Это — такое же древнее явление, как и остальные разделы, но с иной целеустановкой. Они содержат яркий сексуальный элемент, цель их — возбудить присутствующих. Сейчас, действительно, это — клоунада, острая, веселая, безусловно, талантливая. Раньше, очевидно, основная цель была лишь сексуальное возбуждение. *Тулихлап* окончены.

Выходят женщины на середину, начинают плясать, затем выходят мужчины, окружают их кольцом и тоже пляшут. По настроению ясно чувствуется, что если бы больше вина, то есть задерживающие центры ослабели бы, дело кончилось бы беспорядочным половым сношением. Раньше, конечно, дело так и было. Теперь, полагаю, нет оснований не доверять свидетельствам Морозова и Бартенева.

По окончании пляски Яркин совершает кол хортне вармаль. Судя по тому, что он при этом несколько раз приоткрывает дверь, очевидно, призываются различные птицы есть медвежье мясо. Хотя Яркин и отрицал наличие призыва, дело, вероятно, заключалось именно в этом, так как, сев за трапезу, едящие кричат как вороны и говорят: «Пришли вороны, сороки, едят мясо».

Когда все разошлись, в доме осталось лишь несколько человек. Я дал денег, сходили в лавку, подняв лавочника с постели, купили вина. Яркин налил стопку, поставил перед правым медведем. Потом подал мне: «Выпей, я хочу, чтобы от нее ты выпил, а я от этой *ягагынс сув* выпью».

За едой спрашиваю: «*Нанг пор хум?*» — «*Пор, пор, а ты?*» — «Тоже пор». — «Ну вот, *яглыгинс оли мен*». — «А жена твоя?» — «*Мось*, конечно». Он сказал это таким тоном, что иначе и не может быть! Яркин, хотя и молодой, крепко держится всех обрядов.

8.01. Встал после полудня. Начал фотографировать, снял медведей, для чего их вынесли на улицу и, положив на столы, поставили перед чамьей. Затем снимал Яркина и других. Особо Яркина, Тынзянова, *йаных сохп-фас*, профиль. Затем *Полум ойка*, *кастыне хумите вильт сусынс хум нёхс сов тинтланэква*. Запрягли лошадей, поехали в Посал-пауль. Вечером, был здесь. Сходил в школу. Там учителем..., который в прошлом году был в Няксим-воле. Остановился я у Шадрина Н. Н., отца Михаила Шадрина, учащегося в Ленинграде. *Завтра поеду в Ялп-ус.

9.01. Сегодня прошу вытопить баню, а пока привожу в порядок записи. Здесь диалект несколько иной.

В доме гостит *сасыг* Никифора — В. А. Ольсин из Сури-пауль. Сказал, что у них убито два медведя. Пригласил приезжать через два дня. Прекрасно, с вечера поеду в Ялп-ус, а затем все с братом Михаила туда.

10.01. Вчера до ночи приводил в порядок записи и зарисовки. Часов в 10 выехал с Дмитрием в Ялп-ус. До него 15 км. Остановились у слепого Тараса Костина. Пока что Ялп-ус обманул мои ожидания: пресловутый Тарас поделиться своими песнями не желал, то же и другой, который сказал, что мир на него летом сердился за то, что он рассказывал сказки проезжавшему тогда. Семен Костин, помощник хранителя дома — человек хитрый, крапчатый, с таким кулацким душком. От него скоро едва ли чего получишь.

11.01. Ночью *йек* не было, так как никого не собралось. Сейчас играют по мере собрания людей. Сегодня еду в Сурп, где должны начать медвежий праздник. Это поймать правильнее. В конце концов в Ялп-ус еще в течение двух месяцев можно будет посмотреть.

Приехал в Сурп (20 км). Медведя начинают завтра *холит ет иив толаве*, а сейчас играют и наверно сегодня *парлаве* в Так як (тугиянские). Пожалуй, поеду туда. Вечером приехал сын В. Оль-

сына из Так-як и сказал, что там перерыв в игре, так что остаюсь здесь и не еду нигуда.

12.01. Писал сказки от слепого старика Степана Ольсина. Довольно хороший дирижер. Под вечер приехали из Полновата председатель тузовета Терентьев, заведующий заготовительной конторой Ямзны и еще двое мужчин и одна женщина. Перешел со стариком в другой дом, чем возбудил крайнее неудовольствие присутствующих.

Вечером был внос медведя, и начали плясать. Председатель присутствовал на празднике. Сначала он хотел на другой день прекратить праздник, чтобы послать охотников в лес, но потом согласился дать им отсрочку на 3—4 дня. После окончания обязательной части медвежьего праздника Терентьев провел небольшую юмористическую пьеску «уменьшенным зарядом», которая чрезвычайно понравилась присутствующим. Игралась на хантыйском языке.

13.01. Днем было собрание, а я писал. К вечеру Терентьев уехал. С наступлением вечера начали играть. Завтра будут устранять жертвоприношение.

14.01. Еще до восхода солнца начали приготовления к жертвоприношению. Сначала позади дома В. Ольсина, а затем — медведям. С вечера начинают праздник.

15.01. Обские манси утеряли типичные черты в отношении одежды и жилища, но во всем остальном — то же самое. Действуют даже *мань кол*⁵¹. В отношении языка они в значительной степени под хантыйским влиянием. В Хомрат говорят только по-мансийски, и диалект мало отличается от сосвинского, так же и в Лох посал. Но уже в Ильпи-пауль, Росал, Сакыр-пауль замечаются заметные отклонения в языке в сторону хантыйского, но дома говорят по-мансийски. Наконец, Ялп-ус, Сури обостячены очень сильно. Дома говорят почти исключительно по-хантыйски. Наконец, Так-як (по происхождению манси), Гришкины и Сопыр из Петкаш по-мансийски не говорят.

В отношении одежды. У всех женщин халаты сплошь расшитые за исключением бисера аппликацией из материи. Орнаменты обычные меховые. Теплая одежда шьется из самого различного материала: заячий шкурки, гагара, утка, олень, корова, жеребенок — словом, идет все. Обычно одна вещь состоит из самого различного материала. Сверху нашивают продольные полоски или красной материи, или из крашеной ольхой кожи (рыбьей). Поверх такой ягушки передко надевают цветной халат. Женские, а также мужские няры расшиты бисером или материей (под бисер).

Днем сфотографировал *Тахт котиль ойка* и *Хотал йоли пал хум* с его спутником *Аянг китан хум*.

16.01. Последнюю ночь сыграли, и утром, после *Ялпинг эрыг* вынесли медведей на *хара кан*. Был там и заснял.

⁵¹ Буквально «маленький дом» — домик для роженца.

Вечером выехал в Яли-ус, так как приезжавшие на *парне ет* оттуда вогулы сказали, что сегодня будут играть. Вчера играли проезжавшие за Обь на охоту сосьвинские вогулы.

Приехали в Яли-ус, когда уже *нял йалсыт*, то есть два человека со стрелами, ходили по домам и возвещали, что народ созывается на танцы. Я сейчас же пошел в *Йек кол*. Там сидело уже несколько человек. Приняли очень радушно. Степан принес угощение (водка, мясо — вчера сосьвинские делали жертвоприношение). Народ постепенно собрался, начали танцевать, записал все танцы. Явление и мотив *олыхлун*. Мотив интересен своей четкой ритмичностью и он довольно близок к *тотум-тот*, но с другим счетом.

После окончания выехал в Посул-пауль. Я уж вторую ночь без сна. В Посул-пауль немного заснул, часа четыре, и днем выехал в Так-як.

17.01. Под вечер приехал в Сури. Здесь я хотел купить всю бутафорию медвежьего праздника. Вскоре договорился за 21 р. а также сторожевой лук за 8 р. «Но, — говорят, — ведь ты сам знаешь, что *сувыт хара кант олехт*». — «Хара кан... *хасу хун?!*» — «Так ты сам знаешь, где это, сходи сам, выбирай все, что тебе нужно».

Солнце закатывалось, когда я побежал на жертвенное место: расстояние — километр с небольшим. Скоро был там. Тоненькая струйка дыма поднимается с кострища, тихо колышутся пестрые ткани одежд, повешенных над *норма*, растянута шкура жертвенного медведя. На снегу кровь и следы пиршества. В берестяные коробки свалены кости — их нельзя бросать куда попало. Сумрачное освещение придает всей картине некоторую таинственность и какую-то особенную значимость. Снимаю с *норма* вещи: посохи, журавля, маски и быстро иду назад.

Уже стемнело, когда выехали в Так-як. Приехали туда — и сразу в *йек кол*. Там допевали пятую песнь. В маленькой юточке собралось более ста человек. Заняты все места, какие можно лишь представить. Над *пал* — галерка. На *пер* положены доски, и на досках расположились ребятишки. Они там то копируют танцы, то укладываются спать, то галдят, как воронята, пока на них кто-нибудь не прикрикнет, после чего они на мгновение примолкают, но с первым же появлением какой-либо удачной маски снова начинают бурно изъяслять свой восторг. Глазенки их широко раскрыты, горят, лица оживлены. Они не только зрители, но и деятельные участники празднества.

Действие длилось до рассвета. Остро дает знать, что за трое суток спал лишь четыре часа. Веки тяжелые, глаза колет. Беспредельное мельканье фигур, а с другой стороны, напряженное внимание сильно их утомляет.

18.01. Так-як — промежуточное селение между манси и хантами. Еще в Сури хантыйская речь слышится, пожалуй, чаще, чем мансийская. Здесь же, несмотря на то, что *Сопыр махум* — манси

(Гришкины тунгусы), по-мансийски говорят далеко не все. Следующие селения Расон и Пастыр уже чисто хантыйские.

В Пастыр приехал вечером. Меня интересовало, в какой связи Пастыр ёх стоят с *Пастыр махум*. Оказалось, что это — один род, половина которого — манси, а половина — ханты. Центр (относительный) расселения — Соракта. Но все равно пока остается еще неясным, был ли этот род первоначально хантыйским или мансийским.

19.01. Утром на рассвете выехали в Березов и после полудня были там. Остановился в доме туземца. Буду ждать телеграмму из Ленинграда и обрабатывать заметки.

Монин, Петкас-пауль⁵². Евлампий Монин женился на Мелентьевой из Сортынг-я. После этого он *Сорт ойка ялпынгтангкве паты*. *Сорт хул тань ат тех*. Тотем Мелентьевых щука, но теперь они начали почитать и орла — тотем Монинных.

Федот Монин женился на Коколевой из Анья-пауль. После этого начал почитать тотем Коколевых — чайку *ань халсу тавен ат алаве*. В равной степени почитали чайку и все его сыновья, уже ради матери. Матвей, Тимофей, Константин, Нестор. Все они не убивают чаек и периодически ездят в Анья-пауль приносить жертву. Со своей стороны Коколевы стали табуировать орла — тотема Монинных и ездят в Петкас приносить жертву. Приезжая, останавливаются у..., в дом которого отдана девушка. Матвей Монин женился на Пупсиковой из Ханглассам (сестре Сергея Пуксикова).

Петкас. Основной род Монин-пор. *Тотем. Полум торум яных пыг* — *юнс уй* — орел. Он находится в *ура*. Представлен в виде антропоморфного изображения, одетого во множество одежд (*йармак сахи*). По бокам сидят два *ванынг хумйахе* — *айанг хумйахе*, а на пороге *ура*, в берестяной коробке — *мулум хумите*, *арац ват хумите*. Когда приносят жертву, последнего ставят на отдельную норму и жертвуют отдельно. Там же находятся две серебряные тарелки с изображениями орлов на каждой. Считается, что на одной изображен *Полум Торум*, а на другой — *Петка Полум Торум пыг*. Изображения, очевидно, рельефные, так как Монин называл их *сосим* 'литые'.

По словам Монина, табуация тотема жены и матери — явление всеобщее. Из рода матери можно брать жену лишь на третьем поколении. Одновременный двухсторонний брак между двумя родами не допускается. Надо дать пройти хотя бы году.

После рождения ребенка живот матери согревают плоскими нагретыми на огне камнями.

Отправляясь на промысел, предварительно договариваются поровну делить или каждый на себя. Когда человек добывает зверя, он зовет всех есть мясо. Если запор делали все, то рыбу делят на всех. Яркин.

⁵² Эта запись (д. 20, л. 1—10) сделана В. Н. Чернецовым в Ленинграде от студентов ИИНСА. Мы помещаем ее здесь, так как информация относится к манси Сев. Сосьвы.

[Основное содержание раздела — описание медвежьих праздников, на которых В. Н. Чернецов присутствовал в январе 1937 г. (поездка началась в декабре 1936 г., см. предыдущий раздел). Материал изложен в трех тетрадах (д. 16, 17, 18), заглавие раздела — по надписям на обложках. Имеются черновой и чистовой варианты описания медвежьих праздников. Часть черновика В. Н. Чернецов не отразил в чистовике, имеется перерыв в описании, дословный повтор и другие особенности изложения. Мы сопоставили все записи и последовательно расположили материал в полном объеме. Более подробную информацию об этом см. в примечаниях к каждому празднику].

8.01. 1937. Медвежий праздник в Ильпи-пауль⁵³. Убиты две медведицы, третья была убита ранее и еще не играна. Добыли Яркин В. (*Али нярых хумит*) и Тынзянов П. В доме Яркина у задней стены поставлены два стола, на них положены две шкуры и третья *имта* 'чучело'. Шкуры положены на *апа*. На глаза и носы нашиты берестяные кружки, на головах — платки, на ногах — кольца. Перед шкурами в эмалированных мисках и берестяном чумане положены хлеб, пряники, сахар, шаньги. Приходящие из других домов приносили с собою хлеб и ярки, подкладывали его в чуман и миски. Между мисками расставлены *нянь уйт* — фигурки оленей, сделанные из хлеба.

Когда я пришел, пели уже четвертую, и последнюю (если медведица — 4, медведь — 5), песнь. Три человека, взявшись пальцами и размахивая беспрерывно руками, пели. По окончании песни Тынзянов, сидевший на стуле справа от медведей, ударил в колокольчик и отметил на палочке *сорхылин йив* пропетую песнь. Во время пения он время от времени поглаживал ближайшего медведя по голове.

Начинаются пляски, сначала *хум йек*. Музыкант играет на санкыльтап различные мотивы. Сообразно с мотивом (*лозум йикв тан, ман тахт йикв, хум йикв* и т. д.) меняется характер пляски. За мужчинами выходят женщины, начинаются *не йек*. Тоже меняются мотивы и пляски.

Входит человек в халате — Айанг китанг хум и очищает середину помещения. Вскоре раздается стук. Дверь открывают. В дом входит человек в халате, на голове меховая шапка, лицо по глаза завязано платком. Подходит к медведям. Кланяется. Хозяин (Тынзянов или Яркин) обводят над головой три раза чашечкой с дымящимся *сос* и спрашивают тихонько: *хотйут?* — «Так — *йакынг сат торум инт манг хон*». Обходит, танцуя, семь кругов. Уходит. Появляется снова. Снова его шепотом спрашивают: *хотйут?* — «*Тахт талых тоулынг ойка* (Хал-пауль — *Нипых ойка*). Танцует семь кругов, уходит. Снова появляется все в том же костюме уже под ви-

⁵³ Описание праздника — в д. 16, л. 39—53.

дом *Ман-я пуных (Сакв, касум ворсик)*. Перед его приходом ставят скамейку. Сначала она пляшет на скамейке, а затем обычные семь кругов на полу.

Каждое появление отмечается на палочке зарубкой. Далее по порядку приходят: *Няхсамволь отыр пыг, Виссум сунт отыр пыг, Анья-пауль тур Котиль ойка (халев), Йовтым сис отыр (няп хирил оли)*. Танцуют мужчины и женщины. После этого в чашечку добавляют *сос*. Начинаются *йаных йек, пуных йек*. Входит *Кастын-хум* и начинает петь *Полум ойка кастын эрыг*. Немного погодя входит *Полум Торум*, который является *Ильпи-пауль Павлынг ойка*. Поэтому его призывают первым, за сипиной у него палка, обмотанная поясом, — сабля *сирай*. Одевание происходит в соседнем доме. *Кастын хум* поет, стоя перед медведями, закрыв глаза, слегка раскачиваясь. *Голува* его повязана. Когда кончается *песнь (кастын эрыг ойуни)*, стучит по столу.

Музыкант начинает играть *Полум ойка тан*. Входит *Полум ойка*, руками или одной правой он придерживает полы халата. Подходит к столу, кланяется, над его головой три раза обводят чашечку с *сос*. *Кастын хум*те становится за ним, продолжая петь. *Полум ойка* танцует семь кругов. Снова кланяется медведям и уходит. Танцуют ребята. Входит *Айанг китанг хум*, очищает помещение. Входит *Касум най эква*. Руками мужчины приподнимает с лица платок, подходит к медведице, кланяется, ее окуривает хозяин, обводя три раза над головой *сос*. Она поет. Затем опускает платок на лицо и танцует семь кругов. Кланяется, ее окуривают три раза, уходит. Танцуют ребята.

Появляются *Али пуксан* (Алешкины). Мужчина поет и водит под руку другого, изображающего женщину. (Женщины во время танца надевают *хансан пасса*. Мужчины — или с голыми руками или обернув руки платком). Тот выступает с каменно-неподвижным лицом, подбоченясь левой рукой. Глаза полузакрывает. На лице горделивое выражение, очевидно, вообще присущее этому человеку (Яркин). Во время песни они медленно обходят по солнцу. По окончании песни оба танцуют русскую или, вернее, некоторое подобие ее. Сангылтан играет *трепака* (топор, рукавицы, рукавицы и топор), но, конечно, с акцентом, присущим этому инструменту и его строю. Уходят. Пляшущие мальчики. Входит *Кастын хум* и поет *Шавас сунт ойка, Ас отыр к. эрыг* (на хантыйском языке), в правой руке у него тоненький посошок. По окончании песни *К. х.* стучит посошком. Сангылтан играет *Ас отыр тан*.

Ставят табурет. Входит *Ас отыр* и садится на табурет. В руках у него две палочки, правой он стружит левую, причем, если приостанавливается, ему говорят: «*Йорхен, йорхен!*» Он *хул йорхи*, из стружек появляется рыба. Встает, начинает плясать. *К.-х.* продолжает петь. Снова садится и стружит, снова пляшет. Так три раза. Наконец, кладет палочки и танцует семь кругов. Уходит. Пляшут ребята. Ставят табурет. Входит *Нёхс сов тинтлан не (Мис нэ)*; садится на табурет и начинает мять шкурку. Затем встает,

приплясывая, подходит к медведю, с причмокиванием сует шкурку ему в нос, а затем и всем присутствующим. Кладет шкурку (смех), танцует семь кругов и уходит. Во время танца играет санкылтап. Поведение ее живое, непочтительное к медведю. Одет в халат, плечи повязаны платком. Нижняя часть лица закрыта. На голове, как у Кастын хум, два пояса концами наперед и назад. Это — косы. Мис нэ имеет четыре косы.

Пляшут ребята. На пол стелят гусь. Врывается *Ванс хум*, одетый почти так же, как и Мис нэ. Падает ниц, на колени и руки. Некоторое время лежит. Затем начинает подергивать головой и руками, затем ногами и, наконец, задом. Приподнимается, но, увидев медведя, снова падает ниц. Так три раза, каждый раз приподнимаясь все больше (общий смех), в последний раз начинает даже приплясывать. Снова падает, но вскоре поднимается и начинает плясать. Пляшет семь кругов и, приплясывая, убегает. Пляшут ребята. Входят трое под руки, подходят к медведям, кланяются и начинают петь. Это *Икаментынг махум (хумит)* из Лохтыт-курт. Поют по-хантыйски. У крайних головы повязаны платками, у среднего на голове лисья шкура. У левого подбородок повязан платком. По окончании песни пляшут, стоя треугольником, поворачиваясь порывистыми прыжками на 180°, лицом то внутрь, то наружу. Окончив пляску, кланяются три раза и уходят. Пляшут ребята. Появляется *Иат усынг ойка* (Шеркалы). На плечах дуга с колокольчиками, обвитая синим платком. Пляшет семь кругов, кланяется, уходит.

Врывается одетый так же, но без дуги *Отыр лув урне хум*. Начинает плясать. За окном бешено звенят колокольчиком под дугой. О. л. у. х. бросается к окну, крича: «Тпр-рр-у». Начинает плясать, но тут колокольчики звенят у двери. Бежит туда: «Тпр-р-ру!». Начинает плясать, колокольчики снова звенят под окном — опять бросается туда. Так повторяется семь раз, после чего он убегает. Общий смех.

Пляшут ребята. Входит Кастын хум, одетый так же, как и предыдущий. В правой руке посох. Поет *Асых тахып ойка, Сохот курт ойка, Овлах ойка кастын эрыг*. По окончании песни появляется *Овлах ойка*, одетый так же, как и П. о., но без сабли. Пляшет. Кастын хумите ходит за ним и поет. Затем танцуют вместе семь кругов и уходят. На коленях и руках вползает маска в вывернутой вытертой малице, подпоясанная веревкой. Веревка же накрест через плечи (епитрахиль). Маска не имеет характерного пояса, но из рта высовывается длиннейший, загнутый вверх язык. Становится на колени перед медведем, кланяется и кричит: «О-кко-ло-ло-ло, о-кко-ло-ло-ло» то медленнее, то быстрее, крестясь и кладя при этом земные поклоны. Интонациями выкриков подражает священнику. Встает, подходит к зрителям, падает на колени, вынимает из-за пояса ковш. Крестится, кричит и протягивает ковш. В ковш бросают монеты. Вынимает из-за пояса жгут. Протягивает ковш, кричит просительным голосом «о-кко-ло-ло-ло» и

бьет жгутом. После того, как подадут монеты, заглядывает в ковши и кричит благодарственно, крестясь рукой, в которой держит жгут. Так обходит и бьет всех по очереди, не исключая и меня. В общем это — едкая пародия на церковь. Общий смех во время всего действия.

Пляшут ребята. Появляется *Сакв талых вор ойка эквате*. Одет в светлый халат, на голове шелковый платок, руки обернуты платками, концы висят. Пляшет семь кругов. Сангыльтап.

Пляшут ребята. Появляется *Лям ватнэ эква*. Сангыльтап играет лям ватнэ тан (мотив, чрезвычайно напоминающий «поросят»). Пляшет Лям ватн. Движениями подражает собиранию ягод черемухи. Обходит семь кругов.

Паных йек окончены. Начинаются тулыхлап. Вбегают две маски.

— *Маныр варийин?*

— *Уй йиквэв.*

— *Пуй, маныр сир пуй?*

— *Вортолнут!*

— *Вортхолнут?*

— *Осйах!*

— *Осса-я?*

— *Апсикве. Хурум апсикве тит оли пасант.*

Пугаются, бегут к двери, там останавливаются, возвращаются, постепенно смелея. Спрашивают, можно ли петь. Вбегают два мальчика. Все пляшут, один поет. Пляска состоит из небольших приседаний с выпячиванием живота вперед. Кривляются, балаганят.

Живут мужчина и женщина. Муж хочет есть. Варят соломаху, палками едят. Мужчина едет на забор, но собака у него убежала. Спрашивает у присутствующих, где его собака. Общая болтовня, остроты, смех. Наконец, собака поймана (мальчик). Мальчик опускается на руки и на колени. Маска берет его за конец гуся, садится, широко расставив ноги, и поет:

Ус-ус-ус-ус-ус

**Уйкве-уйкве-уйкве*

Соп асныл салтум туйт

Пуй сунтныл кон квали

Приезжает на забор, делает его (тычет посохом в пол), едет домой. Там снова варят соломаху, едят, ложатся спать. Сейчас же встают, и муж едет смотреть забор. Не может вытянуть, несколько раз падает на спину, наконец, вытягивает — в морде олень с теленком. Пугается. Потом спрашивает у присутствующих, что это, *урк* или *сот*. После обсуждения все решают, что *сот*.

Несколько песен малоинтересных, известных в литературе тулыхлап. Обычно при входе маски спрашивают:

— *Марых марийен?*

— *Уй йиквев.*

— *Пуй?*

- *Осйах.*
- *Осси?*
- *Ворт олхүт!*
- *Вовт маныр нор?*
- *Пупакве!*
- *Пупакве!!* (пугаются)

Описываю лишь интересные тулхлан. Входит старуха с двумя мальчиками. Волочит за собою большой куль. Говорит, что все ее вещи насквозь промокли, надо посушить. Велит мальчикам держать посок (*сир*), чтобы развесить на нем вещи. Копается в мешке, потом вынимает штаны. «Совсем промокли! Посушить надо!» Вешает на сир. Начинает копать снова. Дети поднимают сир. «*Нонх ул тотен. Иksam ут!*». Дети опускают сир. Старуха вынимает рубашку. «*Ман пырит онсум йоли супум*». Ей указывают, что это не штаны, а рубашка. «Все равно, я это вместо штанов держала!» Вешает. Дети снова поднимают сир. «*Нонхул тотен, ул, ул! Иksam!*» Общий смех. Вынимает рукавицу: «*Мань поват ансан-писса: сав тара посвес! Акв тысам ломт атим*». Вешает. Повторяется то же. Вынимает осси: «*Мань пырат онсум осси, сар тара посвес!*» Вешает.

Дети снова поднимают сир. Старуха бросается к ним, кричит: «*Нонхул тотен, иksam утыт совет сахон путсын, иksam ат вахлен!*» Вынимает пояс, вешает. «*Мань порат онсум неним*» (неясно). Из зрителей спрашивают: «*Нянь-а?*» Оборачивается туда: «*Марыр нянь. Не ним, мань кас!*» В это время поднимают сир. Старуха приходит в величайшее волнение. Общий смех. «*Нонх ул тотен, иksam утыт. Нен нон утет хоталь нонх тотийин акваих*». Дети поднимают сир и опрокидывают его на старуху. Общий смех. Тулхлан кончаются.

Входит Мис хум и его *Ванын хумитэ*. У Мис хум на поясе осси. Ванын хумитэ поет, а затем начинает обделять всех волокнами осси — волосами Мис хума, на счастье в промысле. Это делается с неприличными жестами и прибаутками.

Миси хум кох талых сотынг пун...

Миси хум кань хурых сотынг пун...

Входят две маски. Одна держит под малицей что-то, другая поет. По окончании песни первый вынимает из-под малицы миску со снегом и начинает бросать снегом в присутствующих.

Зажигают *сос*. Начинаются пляски. На середину выходят женщины и начинают плясать, потом выходят мужчины, окружают их и тоже пляшут. Движения ускоряются, настроенные становятся напряженнее. Женщины вырываются из круга, их пытаются ловить и прижимают. Пляски окончены. Яркий берет чашечку с *сос* и обходит все помещение, приоткрывая дверь несколько раз, пронося при этом:

- *Кур-кур-кур-кур-кур*
- *Вах-вах-вах-вах-вах*
- *Сип-сип-сип-сип-сип*

— *Пет-пет-пет-пет-пет*

— *Те-те-те-те-тет*

— *Ту кус-ту кус!*

Это кол хортнэ варваль сир-сир уй турн патнэ варваль.

Начинается транеза. Яркин приглашает сначала за стол *Елэл иим махум*. Садясь за стол, кричат: «*Корх-корх-корх-корх*», как вороны, при этом говорят: «*Хулахыт йохтсыт, хулахыт ватехт*» 'Мы — вороны'. Ложка *няли* называется при этом *сакалька 'со-рока'*.

Яркин объяснил, что *манситу вортолнут нормас вавункве ат рови*. *Мансит туйкхатерт, ертум хулахыт ёхтсыт, хулахыт ватехт*. Собранные деньги и кольца поступают медведю. Они хранятся в мешочке, но могут быть взяты взаймы, что и проделал Яркин, чтобы купить вина.

Посам-пахыл. Соссан сир. Шадрины. Кук кук аги.

Изображение из дерева в виде птицы летом 1936 г. было увезено кем-то из ИНСа в Ленинград. Шадрины.

Консан аки сирыл олехт-пор.

Ильпи-пауль соссан сумин Пахлан ойка — Полум ойка. Ялп-ус соссан Костины пор. Хранитель *йек кол* — старик Педот Костин, ему около ста лет. Теперь ему стало трудно следить за делом, поэтому сюда поселили Семена Костина из Хал-науля, в котором тоже живут все Костины. Костины именуют себя *Ялп-ус ика махум*; Кулебякиных, живущих в этом же селении, принадлежащих к Мось, называют *Торум коль махум*, так как *Мось хум кол тахл* (созвездие) *нумн оли*.

Йек кол в Ялп-ус построен силами селений Ялп-ус, Поссал, Хал-науль (рис. 26, 13, 14). Лет 20 назад срублен из кедрового дерева по старому типу (сосвинскому), исчезнувшему совершенно в этих поселках. В доме — чувал; но кроме него и «железка», так как чувалы здесь ставить не умеют, и он дымит. Потолка нет. Крыша совершенно закопчена, так же как и верхние бревна. В доме *мули пал, лох пал, котель пал и ави сунт пал*; чувал с левой стороны от двери, в м. п. стоят сундуки, над м. п., очевидно, пуных.

Жертвоприношение устраивалось позади дома. *Пурлих* вином, различной едой. Семен зажег сос, окурил им сушки, поставил наверх. Затем налил из каждой бутылки по стопке и тоже поставил наверх, через минут 10 все было взято обратно.

Вначале (на 15-й день после зимнего Николы) праздновали четыре ночи. Затем наступал перерыв, в течение которого играют дней через 5—8 одну-две ночи (когда соберется народ).

Один из Костиных взял из *йек кол* сангыльтап домой понграть. Жена Семена сказала: «*Няр... хоталь тотилын?*» Дали ему платок. Тот накинул платок на голову инструмента, взял под мышку и понес.

Окончание праздника происходит при рождении *яных поль*

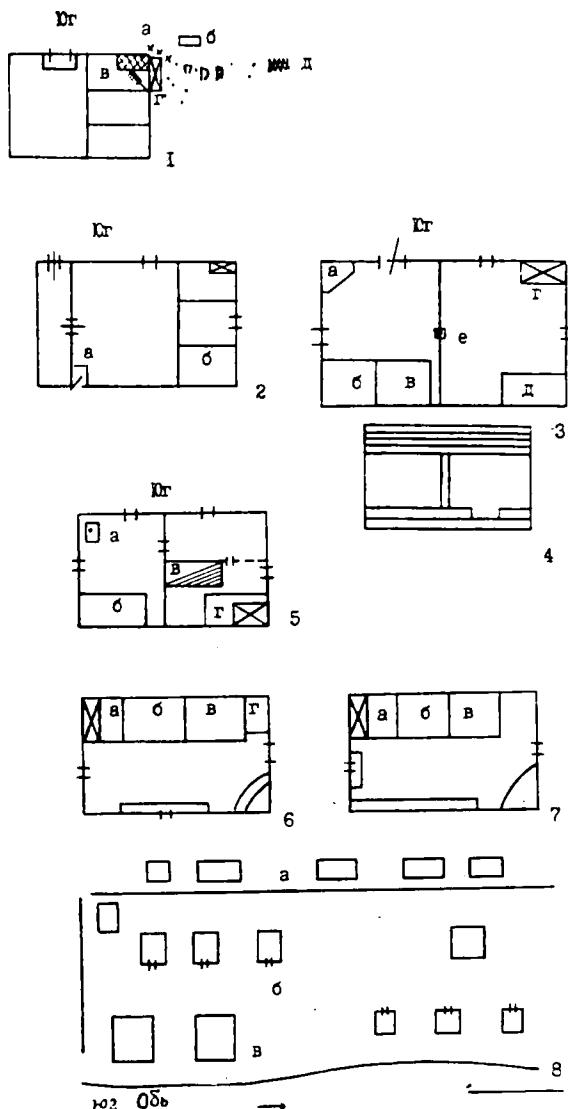

Рис. 26. Планы поселений и построек к описаниям медвежьего праздника и жертвоприношений: 1 — Сури-пауль (а — жерди с мясом; б — столб с вином; в — мули пал; г — навес норма; д — костер); 2 — Сури-пауль (а — вит норма; б — ави сунт пал); 3 — Сури-пауль (а — чувал; б — ави сунт пал; в — котель пал; г — полочка; д — мули пал; е — столб); 4 — столб, см. 3, е; 5 — Сури-пауль (а — железная печь; б — ави сунт пал, котель пал; в — печь; г — мули пал); 6 — Пупым пауль (а — мули пал; б — котель пал; в — ави сунт пал; г — вит норма); 7 — Руш суй (а — мули пал; б — котель пал; в — ави сунт пал); 8 — Мань ем вож (а, в — стойки; б — йек кол) (начало)

Рис. 26. Планы поселений и построек к описаниям медвежьего праздника и жертвоприношений: 1 — Сури-пауль (а — жерди с мясом; б — столб с вином; в — мули пал; г — навес норма; д — костер); 2 — Сури-пауль (а — вит норма; б — ави сунт пал); 3 — Сури-пауль (а — чувал; б — ави сунт пал; в — котель пал; г — полочка; д — мули пал; е — столб); 4 — столб, см. 3, е; 5 — Сури-пауль (а — железная печь; б — ави сунт пал, котель пал; в — печь; г — мули пал); 6 — Пупым пауль (а — мули пал; б — котель пал; в — ави сунт пал; г — вит норма); 7 — Руш суй (а — мули пал; б — котель пал; в — ави сунт пал); 8 — Мань ем вож (а, в — стойки; б — йек кол) (начало)

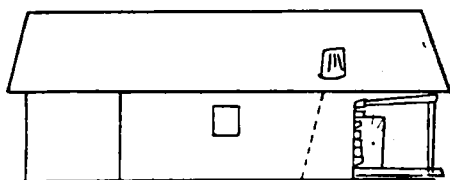
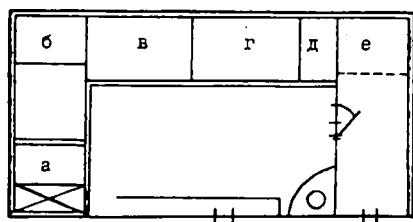
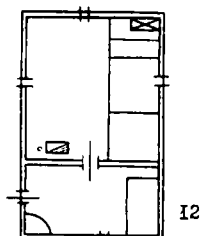
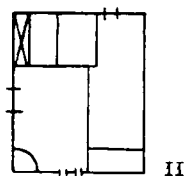
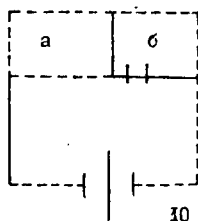
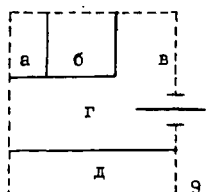

Рис. 26. Планы поселений и построек к описаниям медвежьего праздника и жертвоприношений: 9 — Сури-пауль (а, б, д — стайки; в — плетень; г — ос, *посас*); 10 — Ялп-ус (а — стайки; б — сено); 11 — Так-як; 12 — Пастыр курт *Иек кол* в Ялп-ус; 13 — план дома (а — *мули пал*; б — *лох пал*; в — *котель пал*; г — *ави сунт пал*; д — *вит норма*; е — *сохрин*); 14 — разрез дома. Манси и ханты Сев. Сосьвы и Оби, 1936—1937 гг. (д. 16, л. 56—58) (окончание)

ёнхун. До этого за семь дней считается *йек хотиль*, от которого играют семь дней. Сури-пауль.

Нярых хумит (манси) *яных-соруп* (Енизаров) понимается именно как «большой лось».

Сури-пауль состоит из двух селений, одно — на правой, левой стороне Оби, другое, новое, — на левом, низком берегу. В Вор-сури-пауль живут Петиковы Мось, у *Нярас-эква*. В левобережном поселке живут Ольсины, перешедшие сюда после пожара лесного селения. Ольсин, Пор, их пупых — *Полум Торум пыг*, общий с Ильпин-пауль, находящийся в этом последнем селении. Ильпин-пауль выселился в свое время из Суры, так как до этого был слишком большой промежуток между селениями, неудобный для ямской гоньбы.

Степан Ольсин сказал, что в Так-ях живет семья *Сопыр ма-хум*, выселенцев из Петхас. Он же рассказывал, что некогда Полум Торум пыг пришел сюда с Пелыма, а за ним пришли и люди, которых привела сюда собака. Они нашли своего пупыха и поселились здесь жить.

Нянь уй — фигурки оленей из хлеба, ставятся перед медведями во время тулихлан *виль сасынг ут* «убивают» посохами, делят на куски и раздают присутствующим.

Медвежий праздник в Сури-пауль⁵⁴. Убито два медведя. В настоящий момент играют самца. Должны играть пять ночей. После заката солнца вносят обоих медведей в дом охотника. Но охотник М. Петиков сказал, что не обязательно в его дом. Начало праздника и дом определяются народом *мир хумле лови*. Когда стемнело, несколько человек пошли к чамье, открыли ее, окуривая сос. Один влез в чамью и сначала подал *сан* с хлебом и пр., а затем со словами... После произнесения слов все крикнули три раза. Зверей понесли домой. При вносе в дом на порог положили гонор. Троекратный крик и слова повторились. То же самое и при положении зверей на стол. Над столом устроили сир, на который повесили колокольчик и одеяние. Одеяния эти хранятся в сундуке над мули пал. Медведи уже были приготовлены: на ногтях — кольца, глаза, нос закрыты берестяными кружками.

В первую ночь здесь поется лишь три песни. Затем, если время есть, поют: во 2-ю ночь 5 песен, в 3-ю — 7, в 4-ю — 9, в 5-ю — 11, в 6-ю — 13 песен. Сейчас праздники идут сокращенно: 1 — 3; 2 — 5; 3 — 9; 4 — 11; 5 — 13. Порядок ночи здесь такой же, как в Яли-ус: *уй эрыг, хум йик, не йик, тулихлан*, и уже дети *ярыг йек*. В других обских поселках: *пори пос...*, *сохыр хомрат*, играют так

⁵⁴ Имеется два варианта описания этого праздника — черновой (д. 18) и чистовой (д. 16, л. 55—56, 71—80; д. 17, л. 1—38). Публикуется чистовой вариант с включением небольшого отрывка из черновика, упущенного В. Н. Чернецовым при написании чистовика (см. прим. 56). Начало праздника описано В. Н. Чернецовым дважды (д. 16, л. 54 и 71). Мы объединяем эти описания, сохраняя полностью текст В. Н. Чернецова.

же, как и на Сосьве; сначала *яныг эрыг*, а затем тулыхлап. После окончания плясок ложатся спать, а утром на рассвете поют *халл эрыг*⁵⁵.

Как медведь внесен, три человека (старик и двое молодых) начинают петь песни. Пропето три песни (*нус уй эрыг*). После песен идет *хум йек*, затем *нэ йек*. Одно из последних — «куренька». Танцуют под аккомпанемент сангыльтап, а куреньку, кроме того, поют и мужчины.

Начинаются *вильт-сусынг йек*.

1. Трое в масках и с посохами (*сак* — палица, *сув* — посох). Один — в гусе, другой — в малице и третий — в вывернутой шубе. Один поет по-хантыйски. Во время песни все медленно выступают, делают резкие повороты на 180°, далеко отставляя посох и делая движения, напоминающие изображения движения coitus, выпячивая живот вперед. По окончании песни все бросают посохи и пляшут. Снова берут посохи. Двое садятся. Говорят: «*Тойах йем-тыс, хапыл минев*». «Едут на лодке». Один поет, другой время от времени измененным голосом вставляет реплики. Когда в песне идут слова «погребем», начинают грести. Песня доходит до слова *хайталалимен*, вскакивают и убегают.

2. Входит маска. Поет, что пойдет в город, где стоит большой кабак. «Пьет» и пьянеет. Поет, что угощает всех. Понт (посохом) присутствующих. Поет:

*Ус пал ёныг кол
яллыг лалыг ум
ос ти ак румка
хэнтыг палмакет...*

«Понт» медведя, пьет сам, пьянеет и падает.

3. Входит маска. Фальцетом говорит: «*Ворн минне пора ёх-тыс*». Поет, как идет в лес. Затем снова фальцетом говорит, что ходил, ходил, ничего не добыл. Опять поет, как нашел *яныг нунгк капуй* и т. д. То поет, импровизируя, то рассказывает о своих похождениях в лесу.

4. Маски «салятся в лодку» и поют. (В это время один из мужчин снимает одежды, висящие на сир над медведями, и уносит их одеваться). Певец тем временем говорит: «*Порлилум*». Оба поднимаются, оборачиваются к зрителям задом и *понхеиг* сначала в одну, затем в другую сторону, подражая этому звуку. Снова поет о промысле, о том, как пришли на место богатыря:

*Наме тотне наме намеяве
суйе тотне суйе суйяве...*

Снова говорит: «*Порлилум — порлелн!*», обращаясь к другой маске. Тот вскакивает и *понхи* по всем направлениям. «*Кол йонит*

⁵⁵ После этих слов В. Н. Чернецов отсылает к описанию ночей (д. 16, л. 71). Следуя этой отсылке, мы помещаем здесь описание ночей, а прерванные записи продолжают на с. 238 со слов «Перед началом праздника было жертвоприношение — *пори*».

порлеин». Тот обегает кругом все помещение и «понхи» во всех направлениях. Под конец поет, что добыл много осетров и муксунов. Уходят. Эти четыре йек отмечены на бирке тулхлал.

Начинаются *яныг йик*.

1. Входят три Мис нэ, (мужчины в халатах, покрытые платками), танцуют, кланяются медведю. В это время маски шумят и балаганят у входа. Яныг йек и уй эрыг отмечаются на одной бирке (*сорхольнг йив*), а тулхлал на другой.

После Мис нэ йек входят маски. В Сури не все женщины касаются перед медведем.

2. Входят *ай харыг лувыг* в халатах, кланяются медведю, затем пляшут, прыгают, изображая коней. Сталкиваются грудью и вскрикивают так, как кричат лошади, когда дерутся.

Перерыв, маски.

Входит Мис нэ, кланяется медведю, пляшет, все ускоряя темп пляски. Приходит в неистовство и ее уволакивают. Это *сайт патум Мис нэ*.

Встречаются две маски. На радостях пьют, обнимаются, поют. К этому моменту пропето всего 14 тулхлал. Обычные тулхлал закончены.

Две маски плывут на лодке. Останавливаются, варят солома-ту. Один кормит другого *амп пос*. Съев *хортынг ут*, тот приходит в неистовство и начинает прыгать через другого. Поют, что добыли зверя. Делят его на куски (ломоть хлеба) и с прибаутками раздают куски присутствующим. Прощаются. Говорят: «*Усимен, тах холит ёхтимен*». Уходят. Этому тулхлалу придается несколько особое значение, так как он исполняется сверх того, как все тулхлал сыграны.

Нэ йек. Пока женщины пляшут, выходят мужчины, но женщины тотчас же выскальзывают из круга.

Кол хортне вармал!

Готовят столы.

Первая ночь бывает всегда самая бедная по количеству номеров. И считается она наименее важной. Присутствующие говорят, что здесь в первую ночь поют лишь три песни уй эрыг.

Сури-пауль. 2-я ночь. Четыре (*нас*) уй эрыг.

Поют трое, сцепившись мизинцами, средний в халате и шапке. Поет, собственно говоря, лишь средний — шаман Расан Мишка. Крайние — мальчики, почти не поющие. Нужно было бы петь пять песен. Расан М. поет с закрытыми глазами.

После окончания песни Васька Ольшев (второй охотник) приносит мясо лошади кол хортне вармоль! Все едят (ватехт). Играет сангыльтап.

Хум йек.

Не йек.

Врываются маски с обычными прибаутками:

— *Маныр варийин?*

— *Уй йекев.*

- *Пуй? Маныр пуй?*
- *Мопыр?*
- *Мойтак?* — обращаясь к другим маскам:
- *Тан мойтак йирехт!*
- *Нан маныр мойтак йикийн?*
- *Вортолнут!*
- И мы попеть хотим, можно?
- Можно, можно.

Один поет, другие ходят за ним, выступая и приседая, выпячивая живот вперед.

Поет про *пунынг сампия, вор уси*.

Раздается свист. Входит уси. Человек падает. Уси ест его, приговаривая: «*Ханты войинг йос, ханты воинг кус*».

Входит маска, покрытая платком, с ведром: «Может, ругаться будем: стирать надо, а воды нет!». Все маски по очереди делают вид, что *хуньси* в ведро, подражая звуку льющейся жидкости. Пришедшая маска мочит в ведре, в котором принесла воды, тряпку, которую держит в руках, потом бьет ею всех присутствующих.

Два человека едут на забор. Они потеряли третьего товарища. Крпчат, ищут. Наконец, находят замерзшим. Не могут утащить с собою. Идут в рыбтрест (ко мне) просить моторку. Уходят. На улице «застучала моторка» (колотят палкой о железную печку). Моторка приближается (втаскивают «железку» в дом). Замерзшего берут на буксир и уволакивают.

Две маски поют. Под конец песни берут *нянь уй*, убивают его палицей, делят на куски, раздают присутствующим.

Начинаются *яныг йек*. 1. *Входят сат Мис нэ* (мужчины, одетые женщинами), кланяются медведям. Передний поет *Мис нэ эрыг*. При пении платки поддерживают над лицами. После песни опускают платки, пляшут. Потом кланяются, их окуривают, они уходят.

Маска едет на собаке. Время от времени поит собаку (*хат витыл*) и кормит (*посыл*). Поет:

Тинка, тинка, тинка

Ус-ус-ус-ус-ус

Пр-пр-пр-пр-пр

Тинка, тинка, тинка.

Входит Мис нэ, поет. По окончании песни пляшет.

Хапынг сойм ойка. Входит, танцует семь кругов и уходит.

Луи вот ойка. Одет так же, но без сабли.

Тоулынг ойка (Суиль-пауль). В пляске подражает взмахиванию крыльев. Приседает. При окуривании тоже «машет крыльями» (руками) и затем улетает.

Кат паль ойка. При танце двигает лишь правой рукой.

Входит маска и Мис нэ. Последняя стоит перед медведем. Маска идет на охоту. Стреляет белку. Стрела падает на *сов лепилим хол*. Человек входит туда, находит Мис нэ. (Берутся за руки), Мис нэ поет, что его стрела упала на крышу ее дома. У Мис

из семь братьев. Они преследуют их. Мис из подхватывает человека и несет его под мышкой, так как человек не поспевает за ней. Пропев, Мис из пляшет.

Маска втаскивает за собою на веревке «отца» — чучело из малыцы в маске. Он привел его *уй йек сунсунгке*. Поднимает «отца», чтобы тот смотрел. Тот не реагирует. Зовет его нежным голосом, наклоняясь то к *apis*, то к *repis*. Тот не отвечает. Бьет посохом, ставит на голову и, наконец, уводит его на веревке.

Входят *Касум-я-сунт сат хум*. Передний поет. После окончания песни все пляшут семь кругов. В это время *сангыльтап*. Кланяются на три стороны и уходят.

Маски поют.

Входят *Нёр сис сат хум (Нёр ойка сат пыг)*. Одеты так же, как и предыдущие.

Входит маска, ведет за собою *ак эка*. Говорит, что привел ее в *йек кол*, *ворт олнугыг*, *тит уллелыг*. Она не слышит. Зрители говорят, что она, наверное, замерзла. Он разводит огонь. Это не помогает. Забегает со всех сторон, наклоняется, зовет ее: «*Ак эка, суити?*». Она не реагирует. Наконец, залезает сзади, пропускает руки между ее ногами под ягушку: «*Матыр тыгоньси, кер лолт!*». Всккивает, обегает вокруг, затем подходит сзади и подлезает под ягушку и пихает ее *repis'ом*, кричит: «*Саха исам хатыр матуесум!*». Залезает спереди и делает движение *coitus*. Уходят.

Маска с собакой. Собаку изображает другая маска на четвереньках. Поет о том, что *пиль ватум акехам тыт пахатам, амлум, тув хорти*.

По окончании песни *йиртхати*, то есть убивает палицей нянь уй (в данном случае его заменяет кусок хлеба), делит на куски и раздаёт присутствующим с обычными прибаутками *нус хох* (!?) и т. д.

Четыре маски поют *минне эрыг*, сопровождая ее своими обычными движениями животом. Время от времени они сходятся и стоя подражают движениям *coitus*. Вставляют посохи между ногами и, держа их *хале repis*, прощаются с медведем, говоря: «Живы будем — не придем, а умрем, так непременно придем».

Не йек. Выходят мужчины, окружают женщин, которые тотчас же вырываются из круга. Мужчины хлопают в ладони и кричат: «*Ос ти хойвес, ос ти хойвет*».

Кол хортне вармал!

Сури-пауль. Третья ночь.

Три уй эрыг. Каждая песнь длится в среднем около полчаса. Хум йек.

Ни йек.

Тулыхлап. 1. 2. 3. *Мань кол ас*. 4. Три охотника идут в лес, находят берлогу. Суют в нее одного из трюх. Он лишается по очереди всех своих членов. Другого человека посылают к женщинам: «*Ох тайас?*» «*Кур тайас?*» «*Пуй тайас?*» и т. д. 5. 6. Три маски плывут на лодке, один поет. В это время берут одежду для яныг йек.

Человек везет больную женщину. Он приезжает в Нярых хумг, спрашивает шамана, его посылают в Сури. Приехав в Сури, опять спрашивает шамана (тут они меняются ролями: «больная» лучше может сыграть роль шамана). Помощник кормит шамана *насыл*, того бросает в дрожь. Кормит второй раз — начинает дрожать сильнее. С третьего кормления шаман содрогается, вскакивает и залезает на женщину. Перескакивает через нее, хватая *сох* и начинает камлать (бьет посохом об пол). Наконец, лечение подействовало. Женщина оказалась беременной, она рождает, качает ребенка, поет:

Ру-ру-ру-ру-ру-ру

А-а тыльсанг нэ ангхе нон

Ягын варима

А-а нон сунтныл неыгlima

Лухыл херыл варима

Ру-ру-ру-ру-ру-ру

Входит *хол пангк хысхыне хум*. В халате, голова повязана, в руках платок, которым он обмахивает помещение. Немедленно вслед за ним *халпанг пахлынг ойка*. Пляшет семь кругов.

Промежуток, маска поет и *йирхати*⁵⁶.

Сав нелап сангкса. Пляшут на полу, затем на скамейке, попискивая губами (*пугти пасхи*)... *Койане* (птенец) *тыглумласыт*. При танце подражает птице.

Кот Мис хум. Связаны поясом. Одеты как *Сав нелап сангкса*.

В перерыве маска поет.

Хотал ели пал Най отыр (*мань Тахт талых отыр*). *Пасам сопити*. Последний повторяет движения отыра, утрируя их и кривляясь.

Поет маска.

Входят трое. *Мис махум*. Садятся на скамейку. Сидят, затем по очереди начинают плясовые движения головой, рукой, другой рукой, ногой — правой, левой; затем по очереди один круг, наконец, встают и пляшут все. Одеты: один как *кол хосих*, другой — *сав нели сангк*, третий — так же, как первый.

Поет маска.

Трое одеты так же, тоже *Мис махум*.

Поет маска.

Входит *Ратынг ойка* (сама *Талых кастын хумите*) в руках *суве* (стрела) *касти*, а затем пляшет, одежда обычная.

Входит *Ратынг ойка*, одет так же, как и *Хал паутог*, но за спиной, за поясом *сирай* поперек туловища. Пляшет, положив руки на концы *сирай*.

Михол Торум пляшет на одной ноге. Одет обычно: платок темно-зеленый с коричневой каймой, пояс широкий, красный, на локтях — белки, лицо закрыто.

⁵⁶ Отсюда и до слов «Четвертая ночь медвежьего праздника (Сури-пауль)» (с. 230) идет отрывок, имеющийся только в черновом варианте (см. прим. 54).

Мис из. Бухарский халат и платок с цветами. Садится на стул перед медведем и поет, затем танцует. Трое *тахт пол йек*.

Перерыв. Входят две маски, кончают совокуплением.

Три маски вводят корову, надо ее подоить. Один ставит ведро под нее, начинает ее *тенкв*. Другой повторяет те же движения с головы, крича: «*Похта, похта, похта*»; другой: «*Похла, похла, похла*». Раздается звук льющейся жидкости. Начинают то же с боков коровы, с тем же криком. После каждого истечения жидкости радуются. Уходят.

Входит маска, поет.

Несколько масок и девушка. Один поит всех. Девушка засыпает. Он берет и кладет ее среди мужчин. Начинается совокупление.

Маски поют.

Три охотника нашли мешок с пушниной, стали делить, поссорились и подрались. Бьют всех присутствующих.

Маска поет.

Ека йек.

Четвертая ночь медвежьего праздника (Сури-пауль). С наступлением вечера начали петь уй эрыг. На улице варят, около чистой чамьи, мясо жеребца, принесенного в жертву накануне.

К окончанию праздника съезжается народ. Приехали из Ялпус, Посал-пауль, Хал-пауль. Четыре песни: хум йек, ека йек, ту-лих-лап.

Три песни *матум ека*; вариант, по существу не отличавшийся от того, что видел в Ильпин-пауль, *нянин нянги*, маска поет.

Входит *Матум ека*, садится и начинает рассказывать своему спутнику, что в молодости она знала многих мужчин. У такого-то (называет одного из присутствующих) *коке ти нем яныт* (с мизинца), а у Раски небольшой (показывает с локоть), но толстый: «А что, Раски здесь или нет?» — «Здесь, здесь». — «Где он?» — «Вон там сидит». Бросается, прыгает ему на колени, начинает целовать (так повторяется 3—4 раза). *Нехотпи оли, ман ати* — оли, оли. Идет туда, ловит женщин, жмет их.

Входит маска, начинает говорить по-русски: «Вот вы зверя играете, каждую ночь здесь сидите, работать надо. Вот я однажды пошел в лес, белок добыл, вынести их не мог, срубил такую чамью (от полного размаха рук до мизинца), все туда сложил, они и сейчас там лежат. А вот однажды пришел я в праздник в Ят-ус. Слышу в церкви поют. Зашел туда. Михол. Торум свечку поставил. Хор ойки поет: «Господи, помилуй (конец быстро), Г-о-спо-ди, помилуй», — я туда заглянул, монашку раком поставил...» (изображает)...

Маска поет.

Най сов вор сахл ойки.

Татхт котиль ойк пыг.

Совл нанк хоут.

Сохат.

Ойк.

Нанк хурил хоут.

Два тек ойк.

В это время въезжает на собаке *хум касты*.

Маска — *асынг-керынг хумите*, он следит, чтобы сос дымил хорошо, в руках у него две короткие палочки, он тычет этими палочками всех, а в особенности человека, стоящего за сос. Он кривляется, сует кулаком в нос отыру, вылезает вперед его и всячески балаганит. Одет он в рваный брезентовый гусь с берестяной маской. Он грозит отыру кулаком за спиной, *хотыл ёли пал мань отыр* одет обычно. На предплечьях — лисицы, пояс — синий, платок — красный, шелковый.

Входит *Кастын хум*, халат розовый, пояс красный, платок коричневый; одет, как и предыдущий.

Вонсеват ойка тахтынг хурил оли — гагара.

Входит Михол Торум пыг — одет так же, в правой руке крест, из двух палочек, обернутых тряпкой. Пляшет на одной ноге вроде русской.

Гришкины (Так-пауль), один из них *сури-пуных най сов вор сах ойк* (см. выше). Гришкины *Тункас сир хум* — тунгусы. Прежде жили в с. Найсов-пауль, в котором жил еще какой-то сосьвинский род. Во время эпидемии те все вымерли, остались лишь Гришкины тунгусы. Они не причисляют себя ни к Пор, ни к Мось.

В Так йак три пуныха

Кастынг хум...

Маски балаганят.

Кастынг хум Сарас-сунт ойка пой...

Входит *Сарас-сунт отыр*. Когда Кастынг хум поет, что стружит стружки, в которых родится рыба, так начинает строгать палочкой о палочку, сидя на скамейке. Пляшет семь кругов, уходит.

Два человека вносят под локти одетого как обычно *Ахт отыра*: лисицы висят на локтях, лисица сзади, лицо закрыто зеленым платком, на плечах красный шелковый платок, пояс красный. Он не имеет ног (подогнуты), его опускают на половичок. Сопровождающие начинают плясать, Ахт отыр двигает руками и туловищем.

Входят три маски, садятся на пол, поют *тотум-тот-то ексяньщегт сатэгт от Калтась*, во время пения они отбивают ритм посохами, при припеве *тотум-тот-то* последние кричат фальцетом и откидываются назад, задирая даже ноги.

Эта песня *сорхолтаве... аныг йек*.

Входят *К. Е. хурм аги*. Пляшут мужчины, одеты в халаты и покрыты платками, кланяются семь кругов и уходят.

Маска поет, потом бьет жгутом сначала обоих медведей, а затем всех присутствующих женщин.

Входит *Мань Калтась (кахи)*, впереди нее идет *Толмах не*, в правой руке — посох, за конец которого держится Мань Калтась. У Толмах не на голове коричневый платок, а у Мань Калтась — белый с цветами, руки у последней завернуты.

Сначала поет перед медведями, а затем перед женщинами, а потом снова перед медведями. В это время два помощника покрывают Мань Калтась с. платком — это жертва. Мань Калтась кланяется и пляшет.

Входит маска, поет.

Входят семь Пор не.

Сат няхт мохол нет — Миснет пляшут (*тан ворх хотт олест*), убегают, приплясывая и прыгая.

Ванс хум — Мис хум (синий халат, коричневый платок, красный пояс, лисица на голове). Он норовит что-нибудь украсть, хватается топор, ему говорят «*Есерма атум*», он кладет топор, но потом снова хватается его, сует за пояс и убегает.

Маски, когда варят кутн [?], кричат: *рова-рова-рова; тун-пус.*

Три маски берут из зрителей мальчика, ставят его на четвереньки на пол и начинают петь уй эрыг...

Человек средний стоит задом, а затем он лицом, а крайние — задом, они ломаются и кривляются, поют всякую чушь. Понхи на зверя.

Войе, войи, вор

Кайи, уийг

Кайи, войи, вор

Ханты хо

Ханты хо, ханты хо, ханты хо

Тутынг хоп, хоп

Тутынг хоп, тутынг хоп, тутынг хоп

Ханты хы-о-о

Поранс, поранс. 3 раза.

Входят две маски, передняя ведет вторую. После недолгой песни задний вынимает ведро со снегом и посыпает всех.

Прощание: «Если живы будем» и т. д.

Не йек.

Хум йек.

Коль...

Аренья-пауль. Лапшиковы.

Тоулынг ойка махум. С Ляпина пришел один человек *коль ванси салтыр тавеныл*, образовались Лапшиковы. Тот человек был из Меси-пауль пупых Лапшиковых. Они — Пор, считают себя одним родом с Меси-пауль. То, что фамилия другая, не имеет никакого значения.

Фигурка, изображавшая филина, была отлита из металла, так же как и фигурка орла — пупых другого рода, живущего в этом поселке. Год тому назад обе эти фигурки были украдены русскими.

Когда вносили одежду, в которой пляшут пупых йек (Яных-пауль), Ольсин, приоткрыв дверь, крикнул, чтобы там приготовились: на порог положили нож, на котором положили горящий сос. Женщины окурили платки. Лишь после этого одежда была внесена.

Днем поехали в Алми-пауль (Сури горные) за мясом. Обе ту-

ши, разделанные, были в чамье *пахыл сис палт*. Около чамьи на большой ели повешены черена медведей. Вынимал мясо Ольсин, шаман; тут же развели огонь и варили мясо. Потом его перевезли за реку в луговые Сури, где ведется праздник.

Пятая ночь. 1. Песни *нос уй эрыг*. 2. *Ильпи эрыг*, сочинена Степаном. 3. *Ялп-ус эрыг*. 4. *Лувынг хум*. 5. *Полум эрыг*. По объяснению Ольсина, Полум эрыг поется потому, что *Сури махум* — *Ольсин-Полум махум*. В предыдущие ночи пелись нос уй эрыг.

Поют пять человек, все в халатах, у среднего на голове меховой колпак, отделанный полосками цветного сукна. У других головы повязаны платками, у одного — шапка.

Странно видеть, как юноша, одетый в пиджак с галстуком, то есть такой, каких можно видеть обычно в РИКе в Березове за письменным столом, подходит, мягко ступая ногами, обутыми в пимы, к столу, на котором лежат медведи, останавливается, наклонив голову, потом нежно гладит медведя по лбу, целует в лоб и снова стоит неподвижно с опущенной головой.

Хум йек.

Не йек.

Толхлан — яных йек три песни.

1. Мис не — *сайт тал патум*. Маска поет...

2. *Пам ойк Ялп-ус ойк ягныг*. В одной руке стрелы, в шапке — стрелы, входит, опираясь на стрелы. Три раза кланяется, затем пляшет, держа стрелы в руках.

3. Так же одетый *Шохрынь ойк*. Входит, тоже опираясь на стрелы. Когда пляшет, три раза «втыкает» стрелы себе в бока, народ при этом вскрикивает.

Маска.

Пам ойк — старший брат Ялпус ойк. Изображения его не имеется, он тоже медведь. *Шохрынь ойк пув тамахти* стрелы, втыкает их.

4. *Сат нялун хум ит* танцует со стрелами, также протыкая себя, выкрики при этом. Чей он пупых, не знают. Маска поет.

5. Мис махум. Трое с открытым лицом пляшут и поют. Маска поет.

6. Входит старик Ольсин в бухарском халате, белый платок на плечах, лисица на голове, посох. Он — *отыр пойки*.

7. К концу песни входит отыр, на шее — *сак*, с которого свешиваются белки, к концу платка привязан колокольчик, в который беспрерывно звонит сопровождающий его человек. Спина отыра плотно завешена лисицами. Обходя плавными движениями помещение, он кланяется медведю. Все в это время кричат. Пока отыр находится еще в помещении, входят маски. Одна из них замахивается своим сак на группу и ударяет по бревну, потом одна маска поет.

8. Входит *Кастын хум Ас отыр*.

9. *Ас отыр* сидит на скамейке и стружит две палочки, потом

пляшет. Маски. Входят две и говорят, что им нужно 500 кирпичей на баню, при этом чешутся немилосердно. Подходят ко мне: «Городской начальник, дай кирпичей». Я даю кирпичей. Маски берут одного из зрителей, ставят его на ноги и руки, покрывают платком — это печь. Сначала пролезает один, потом другой между ногами и руками стоящего. Говорят, что мало пару. Один приносит полный ковш воды, другой отворачивает платок и рубашку стоящего и выливает ему на спину всю воду. Тот от неожиданности вскакивает и кричит. Общий хохот. Маска катается по полу.

Входит Кастын хум, вызывает *Калтась*. Вносят Калтась и опускают ее на пол. На ней белый халат и на голове красный шелковый платок, закрывающий ее почти всю. Она пляшет, не выпрямляясь и иногда приседая на пол, тогда все кричат четыре раза. Наконец выпрямляется, кланяется, и ее уносят.

Входит маска, одетая русской женщиной. Спрашивает:

— Что делаете?

— Медведя играем.

— Медведя? Это бог, что ли ваш?

— Бог, бог.

— Вон что, а у меня вот бог (вынимает бумажку и прилепляет на окно). Я ему молиться буду. Мне мужик послал письмо из лесу, чтобы я постирала. У вас горячая вода есть?

— Горячей воды нет.

— Ну тогда я сама полью.

Становится над ведром, высовывает из прорехи штанов горлышко бутылки и льет воду в ведро. Потом мочит в ней тряпку и бьет ею зрителей.

Входит Кастын хум, начинает призывать Полум Торума. Тот входит, одет обычно (без сабли), танцует.

Входит *Ят-ус ойка* с дугой. Пляшет. Три раза подходит к медведям и потрясает колокольцами, приспускается на одно колено. Все вскрикивают в это время.

Маски поют. Уходя, маски вскрикивают: «*Пунынг уй*».

Входит маска с бумажкой. Поет, что крестная мать послала письмо, просит всех прочесть, подходит ко всем. На бумаге написано «*НОН*». Потом поет, что получил от крестной письмо, написано «*НОН*» *Пунынг уй!*

Маски делают порн, затем убивают трех *нянь уй* и дают присутствующим.

Не йек, их окружают мужчины, женщинам не позволяют выйти из круга. Мужчины хлопают в ладоши *остув хивес* (2—3 раза). Это повторяется 3 раза.

Колхорт не.

Женщины подходят, кладут деньги и целуют зверей.

Вторая половина пятой ночи.

Хум йек.

Не йек.

Толыг...

Маски пляшут, уходят, через минуту вволакивают *хор мис* — человека, одетого в гусь. Они держат его, но бык бодает всех.

Вбегают семеро в гусях, прыгают и убегают. Маски втаскивают одного назад с криками «*Аква алвес!*»

Одна из масок оказалась зятем. С него сняли маску и не позволили играть. *Ваха, атрови.*

Четыре человека плывут в лодке. Передний говорит: «*Нёл сорих*». Все они начинают совокупляться, приговаривая: «*Витлап, витлап нёл йол пал хан ен...*», и так перебирают разные части тела, так раз десять.

Вбегает *Лувынг хум*, одет как пухлых отыр, верхом на палке. Впереди него прыгает *сира сат товас олн она сиран тотвес*, и вот он гонится за сира. Он спрашивает: «*Хун минас?*» Народ отвечает: «*Сатит хотал тинас*». В следующий раз отвечают: «*Хотит хотал*» и т. д., пока не говорят: «*Анти минас*», — тогда оба убегают. *Сира* в халате, платок коричневый.

Входит маска и поет *пол нари эрыг*.

Маска *Сорампату хум эрыг*. Он умер и просит отыра его оживить и вытащить из-под земли. Тот не вытаскивает. Просит *Мань отыр*, тоже безрезультатно. Просит *Кансын ойка*, и тот вывозляет его из могилы.

Входят *Торум хоханг сат отыр*. Они пляшут, приседая и вскидывая руки, выпрямляясь, каждый 10 раз, все кричат. Одеты они, как все *Мань пухых*: халаты, платок на шее и лисицы на голове, лицо открыто, руки обернуты.

Маска со жгутом собирает деньги.

Вносят человека, покрытого халатом, на ногах у него две куклы, руками он двигает палочки, руки кукол — куклы танцуют. Надо — они поднимают руки и потрясают ими, все кричат. Так семь раз. Это — *няврамиг*.

Входят *экваиг-ойкаиг*. Они ищут детей (только что играных кукол). Старик поет. Это *Вор-нак ех ойка*. Они приходят три раза. Когда старик поет: «Здесь ли дети?», ему отвечают: «Нет, нет, здесь их не было». В третий раз он замахивается топором, который отбирает у него старуха, причем ей кричат: «Возьми, возьми у него!» — Старик говорит, что детей унес медведь и замахивается на него.

(До кукол).

Очень реальное изображение ссоры и драки. Дерущиеся выскакивают на улицу. Сейчас же вбегает человек с окровавленным ножом.

Вбегает маска, кричит: «*Ам олегум*» и начинает паясничать.

Умпи суп йек — кукла на ногах, одетая в малицу, с маской на голове, она проделывает уморительные движения. Человека вносят на мешке и кладут на пол. Постепенно он поднимает ноги, и, наконец, кукла начинает плясать.

Входит человек и *Кахти отыр агите*.

Сосман не, у человека на плечах мальчик, накрытый платком. Как человек, так и мальчик в белых халатах. Фигура исполняет женскую пляску *Мань мань не*. (Мал. атпол).

Маска руска рин сис мо... — человек в гусе, надетом задом наперед и набитом сеном, на лице гуся — берестяная маска. Фигура то вырастает, то уменьшается, заглядывает из стороны в сторону и пляшет.

Сис суп ек... (ос мокарунг еки ян йек).

Входит *Ял лув менкв* в гусе, маске и с посохом. Поет *ялув эрыг*.

Входят семь человек в гусях и масках, садятся, едут на лодке. Они идут *пунхынг хулинг ман персала — хтунгк, саралахт*. Говорят: «Придем туда, менкв нас убьет». Входит менкв, убивает всех, поедает их глаза и языки. Потом поднимает и уводит с собою.

Кер нёлп (были раньше).

Входят семь *хатань* в гусях и масках, один поет, что хатань — богаты.

Входит *тарых* — человек, покрытый пологом, тарых норовит клонуть медведя, опрокинуть чум, сдернуть с сир одежду, клюет присутствующих, уходит. Входит *караинг эрыг кастынг хум*, а вскоре — и *карыш нёрыг*, на косточках в маске, размахивает руками и кричит «куры-куры, кара-кара».

Входит *яныг уй*, за ним гонится охотник за зверем, а за ним идет еще человек и бьет в ковш — это у него в котомке звенит котел. Лось бежит, размахивая головой. Наконец, охотник настигает зверя, натягивает лук, пускает стрелу в верхние бревна стены. Зверь падает, охотник пурлите зверя куском хлеба.

Несколько детей собирают в круг, покрывают пологом, один взрослый с миской хлеба влезает туда. Кормит детей. Когда они вылезают из-под полога, лица оказываются вымазанными углем. Они поели *ялпынг ут*.

Влетают семь *кут-курак*. Они каркают и мажут всех углем.

За ними семь *лохали (соксун — тох-тох)* и проделывают то же. И тех, и других изображают семь человек в гусях и масках.

Семь *пир-панн-пирмит (палум)* изображают так же, они кричат: «*Пир-панн*» и щиплют всех.

Семь комаров жужжат и щиплют.

Вбегает на четырех лисица, она кричит (подлаивает), бросается на присутствующих. Хвост у нее из соломы, при пляске его зажимают.

Входит менкв в гусе, в руке «сак», поет, что идет *япыл*. Он входит три (пять?) раза. (Менквы поют очень громкими голосами).

Здесь *япыл ат каставе*, вместо этого приходит менкв, предупреждающий о приходе менква.

Входит *Япыл*. На голове две маски. На плечах две палки, на которых надеты две шубы, на задних руках — няры. Одет в мехо-

вой гусь. Он танцует, поднимая и опуская руки.

Впрыгивает *йитыг*, он прыгает их-их, приближается к столу с медведями, бросается на него и кричит: «Пухун, пухун», так несколько раз, его отгоняют. (Он в гусе и в маске).

Гасят огонь: «Ложитесь спать». Хрипят, откашливаются, сидят тихо, начинают говорить: «*Торум палт патсум*».

Минут через 5 свет зажигают.

Началась трапеза. Первый кусок шаман давал с острия ножа и кричал при этом «корх», как ворон. После еды руки и губы вытирают осси, которую зажигают, счищают огнем руки и полость рта.

В йек кол начались приготовления к заключительной песне. Выслали всех женщин и детей. Пять человек, одевшись, встали петь ялпынг эрыг, ее поют лишь в Сури и Так-ях. Присутствовавший нарыкарский Яркин сказал, что эта песня совсем никуда не годится и петь ее нельзя.

Пока пели песнь, Яков Петиков (другой охотник был Павел Петиков) стал варить *атынг-атынг* — кашу из муки с сахаром, но без соли. Соль на медвежьем празднике не употребляется. Ватынг-атынг опустил три коротенькие палочки, на которых были зарубки, на одной I, другой — II, третьей — III.

Песня окончена. Вносят *хоса аны*, два старика (оба шаманы, один Ольсин, другой — Расан Мишка), стали мазать головы медведей *хал щалыг вой, оли йот*, приговаривая. Когда кончили говорить, сдвинули с места голову и лапы, три раза все при этом кричали, с последним криком в дом врываются ребята, с криком начинают обсыпать всех снегом, это же делают все присутствующие, потом бросаются на улицу и там начинают бросаться снегом.

Мужчины возвращаются в йек кол, становятся вокруг атынг-атынг, по очереди каждый ест по ложке его, при этом бьют и приговаривают: «Атынг, атынг, атынг».

Кому попалась палочка с одной зарубкой, тот убьет медведя в этом году, две зарубки означают более долгий срок, три зарубки еще более долгий.

С вечера на улицу поставили блюдо с мукой, с одной стороны сделали ямку, это — дверь дома. Теперь смотрели образовавшиеся на муке полоски (случайные), полоски — *авите*. Это — *ханса* — следы медведя. Если они ведут от *кол патта* к двери, значит, медведь будет убит не скоро, и наоборот. После этого медведей привели в порядок и накрыли платками.

В течение всего этого времени на улице парни гонялись за девушками. Это делается совершенно открыто. На глазах у всех парни возятся с девушками, и то одна, то другая пара удаляется в каком-нибудь направлении.

Головы медведей вынесли из дома и отвезли на *хара кан* — жертвенное место, туда же отвезли *сак, тарых, яных уй* и маски. Там развели огонь и варили мясо, а также ободрали голову и лапы. На этом праздник кончился.

Когда поют ялпынг эрыг, не пускают молодого, если у него живы отец и мать, но, если он добыл хотя бы одного медведя или он круглый спрота, его допускают.

Перед началом праздника было жертвоприношение — *пори*. Перед 3-й ночью было жертвоприношение *пори* — жеребенок. Медведей вынесли на улицу. *Хол сос палт*. Поставили стол, на который положили зверей. Жеребенка поставили перед столом. Присутствовал весь род, стали по обе стороны, *пунк пуньгт*. Лошадь была покрыта лисьей шкурой, которая употребляется при обряде на плясках. Затем она висела у задней стенки *сомьях* (у которой лежали медведи), а вечером у самих медведей. Затем три раза вскрикнули, жеребенка оглушили обухом и убили ножом в сердце. Мясо варили на улице.

В этот же день, но без связи с медвежьим праздником род Ольсиных устраивал *яныг пори*. Белый жеребенок...

Порядок жертвоприношения обычный: вскрикивали три раза по три; когда жеребенок был убит, раздали всем по рюмке вина. В Сури почитают еще *Отыр кит пыг* — *Сопыр олн*; *Ками олн мань султум*. Они представлены одними одеждами. Хранитель их Ольсин В. Жертвоприношение было устроено у его кол сис палт. Причем сундук с одеждой — *С. о. К. о. м. с.* был вынесен и поставлен на норма. В доме по *мули пал сир* развешаны одежды от *Ялп ус она*.

Когда мясо сварилось, Ольсин (шаман) взял три березовые жерди, заострил, насадил на них по несколько кусков мяса. Они сначала были воткнуты около норма, а затем поодаль, около кострища. Эти куски были выставлены для *уйрис-саколка*, *хули* и пр. «Они прилетят и тоже поедят. Это *йис вармаль*, *пори...* и др. *уйрих* куски выставляем. Видел, когда кричали, они прилетели» (Летел большой табун косачей).

Это жертвоприношение устраивается перед началом промысла, через три дня охотники идут в лес, через три года (другие не подтверждают этого).

Когда мясо сварилось, его поставили перед пупых, потом на полку в мули пал, а затем все сели пори. Распорядителем на всем обряде был В. Ольсин. Присутствовали лишь мужчины.

Жертвенные животные обращены головами на юг, на юг же были обращены и все стоявшие. Сури-пауль.

Дм. Шадрин сказал, что *нонгхаль варим цт* делают женщины, для чего берут прядь волос (от покойника или живого, кого он не знает) и делают куколку, ее держат, если умерла женщина. — 40 дней, если мужчина. — 50 дней, после чего сжигают, разведя для этого где-нибудь около дров костер.

Сури-мор-пауль. *Нярас най*. Дочь *Ханглассам Най эква*. Ханглассам махум считают своими родственниками. *Ханглассам махум-ти акв рот*, Ханглассам-яныг (старший) рот. *Касум Най эква*. Ханглассам *Най эква* *ягагагинс олеиг*. С Касум махум ближайшими родственниками себя не считают.

В ночь 13--14.01 умер старик в Ялп-усе, поэтому до ночи 16--17 не играют, хотя и собрались, перерыв. Хоронят его 16-го.

Так-як (тунгянские). *Сопыр махум*. Они *ялтыг вит порат то-рума тыг натвест ус Петкас*. Своего пупыха они получили уже здесь, на месте, у них три пупыха: *Тоулыг ойка* (орел), *Калтась ныг*. *Порыг паненви хум*. Они — Мось, и так как пришли сюда очень давно, то не считаются родней. *Петкас махум*.

Другой род, живущий в этом селении, — Тришкины — они *Тункас махум* (тунгусы) и не причисляют себя ни к Пор, ни к Мось. Их пупых *Най сов вир сах ойка* — Тоулынг ойка (орел). Он сын *Тахт котиль ойка*.

В разговоре между собой манси из Хал-пауля сказал: «Мы ведь так считаем, что каждый род от своего пупыха пошел». Сури-пауль.

Ханглассам Най эква имеет семь дочерей, три из них живут на Оби. 1. Младшая, Алми Сури-пауль, Пелик (оп). 2. Халман-пауль, Обь. 3. Хомрат-пауль (Васька *ойкан онсаве*). Я. Пелик сказал, что они и *Халман-пауль махум*, *мрат-пауль махум акв вутох ловин тахтхт ягыгынсь* — *агагынсь олеет*. 4. Дочь в Теки-пауль (Верхние).

Пастыр-курт род *Пастыр ёх потнем: Лел-хон*. Часть этой ветви ушла в свое время на Полуи (*Пулнаут ёган*). Пастыр ёх считают себя одним родом с *Пастыр махум*. *Лёнгх лелхон-йипи ики*, старший брат *Тоулынг пастыр сат отыр*. Себя они называют ханты. Материального идола, как они говорят, не имеют.

Дм. Шадрин (вогул), говоря по-мансийски, называет себя манси, говоря же по-хантыйски, — ханты.

На медвежьем празднике появляется *Войкан тарых*, являющийся одним из воплощений Мир суснэ хума. Этим и объясняется его враждебное отношение к медведю.

В Сури В. Ольсин имеет чучело Войкан тарых, которое хранится на священной полочке. Сам он является хранителем *отыр пыг* и, очевидно, в связи с этим, сдержанно относится к медвежьему празднику. По его объяснению, Войкан тарых встречается чрезвычайно редко, это *сот*, поэтому чучело его и хранят.

Ялп-ус. *Нек тулне пора* начало праздника (хотя ничего и не вносится в дом при этом). Этот период продолжается четыре ночи, причем характер играния тот же, что и в последующее время (*нус йек пора*), вплоть до *ийек котил* играют не регулярно, как придется, когда собирается народ. С йек котиль до *йек парне* играют непрерывно несколько ночей.

Вечером, перед началом танцев, по всем домам поселка ходят два человека (обычно в сопровождении ребят). У каждого — стрела, украшенная полосками сукна, колокольчиками. Они потрясают стрелами и кричат три раза. Это — знак, что *Ялп ус ойка* созывает народ в йек кол на танцы.

В. Яркин (Ильпи-пауль, сам и *нярых хумит*) продал одного

из своих медведей остяку с Полуя за 130 р. Тот сказал, что хочет играть медведя и сделать из него *имта*.

Длинные прямоугольные покрывала, сшитые из разноцветного сукна, отороченные лисицей, на покрывалах суконная инкрустация всадника на лошади. *Урт тоу сас ланкуп* 'богатыря лошади спины покрывало' Его кладут на спину лошади, приносимой в жертву Мир суснэ хуму. У. т. с. л. имеют и дома, а также их делали для подношения в Троицкие юрты. К. Маремьянин.

Алешкинские юрты *Сос тунг ойка* (*сос 'змея'*) имеют вид змеи. *Холапант сопр ойка* — лягушка. К. Маремьянин. Сопр ойка называл антропоморфных рогатых лягушек.

Мули-курт Посохов ханты. 1. *Ранынг туй ойка* в вершине р. Самас. Он не имеет ни рук, ни ног, которые потерял в битве с *Полум Торумом*. Он — основной *тонгх*. 2. *Луи вот ойка* (в Уткинском яру). Его жена — *Хинь ики ева* — *Хинь иви*. 3. *Сангхам отынг ики* (*Нильтанг оул ойка*) — *Торум пыг*. 4. *Пойтек* — *аньха*. Это самый незначительный *тонгх*.

Нярых хумит. Яркин — *Тоулынг ойка*. *Яных сорун* — *Постынг вус ойка*. Род Я. с. — пришлый, с Ляпина.

Сав-пауль ойка, *Леп-тит ойка канке*. Оба они сыновья *Вит ялпынг ойка*. Сав-пауль ойка живет у отца Вит ялпынг ойка, и Сав-пауль ойка принадлежит роду Елесиных. Леп-тит ойка пришел на Сосьву. Елесины и Сампильталовы считаются братскими родами. Н. Сампильталов называл Н. Елесина (старика) *аки-акв вут ер-тум*. Н. Сампильталов.

Тахт котиль ойка карты варс вох варс хуринг отыр: *кер хортхан олн хортхан хуринг отыр*. Его сестра Хангласам Най эква — *Порыхпан эква*. В его ведении змеи и водяные животные. Почитаются на Сортынье Пупым-пауль. Только жители этих селений могут приезжать на шестах, высаживаться на берег и ловить рыбу в устье Я.-я, так как место это их. Относительно *Порыхпан эква хурип хумите* Н. Сампильталов не знал. Полагает, что он — сын Хангласам най эква и был воспитан Тахт котиль ойка.

Дед ныне живущего в Ялпинг-пауль Якова Курикова (Петр) женился на *Кос-я нэ* и поселился среди *Кос-я махум*. Леп тит ойка — пупых всех *Кос-я махум*.

Он пришел с Лозьвы и от него пошли все *Кос-я махум*.

Нал-талт-пауль — Монины.

На Монхыл-тур приезжали промыслять *Тахт отырт*. У каждого из них был свой *яунх* — место для камки. Жители Монхыл-тур знают, что этот яунх принадлежит *Кос-я махум*, этот — Монин, этот — Вор-я махум и т. д. В сказке Нёр ойка тоже ехал туда.

Вор-я Най эква — *Каль нёхс* — Анемгуровы. *Нир-ос* — *Ялп-ус ойка пыг* — Пакин. Он пупых всех Пакиных. Хранитель — Ефим Пакин.

Хулум-пауль (Тапсуй) — *Хулум-пауль най эква*. Хранитель Мань вор-я хум Пеликоп (старик-шаман). Пеликоп — *Мось*. С *Сук-пелек* — родня, происходят из одного рода.

В Хал-пауле кроме Гипых ойка держат *Калтась сань аги*. Она находится в самом селении.

Т. К. О. приходил воевать с *Вит ялпынг хум*, был побежден и в виде выкупа отдал своего младшего сына. Он находится в Сав-пауль и называется *Хус ойка*.

Калтась~Торум сань~сат Торум сань~ма анкв. (Н. Сампильталов в этом совершенно уверен). У нее семь сыновей Торумов и семь дочерей.

Одежда взрослых не обязательно, а детские вещи и апа непременно, когда приходят в ветхость, вешаются на дерево. Если бросить куда попало, ребенок заболевает или с ним случится что-либо худое.

*Тахт талых Нёр*ойка* — *Тур-ват-пауль махум оньсаве*, кроме родового пуныха всех Сампильталовых Лен тит ойка.

Сак ойка шаманский дух Курикова. Он призывает его во время камлания. *Шохрын ойка* два брата. Старый находится в устье Тапсуя, младший — *Тахт нёр ойка сали урне хум*. Его имели также Сампильталовы из Тур-ват-пауль. Записано от Н. Сампильталова.

Лолум-хум — человек, с которым жена его состоит в половом сношении. Случайная связь не является основанием для именования лолум (разве в порядке насмешки). *Лолум неиг* — жены братьев, если младший брат живет с женой старшего брата. Очевидно, это термин для наиболее общего вида группового брака. Лолум хум, неиг могут быть и совсем посторонними, связанными лишь через жену одного из мужчин (через мужа одной из женщин).

В Хал-пауле Мань Петр живет со своей *оньхе* — женой ст. брата. Родившиеся от него дети называют его *ас'отец'*. Родившиеся до него называют его *канк* или *ягланг*. Канк и ягланг — одно и то же. С другой стороны, эквивалентны янг и канк, но яп и ягланг не совпадают (см. ниже).

Потыртанг пуных появился на Ляпине лет 20 назад (незадолго перед войной), но не распространился повсеместно. На верхней Сосьве его не признают. Н. Сампильталов.

Жителей Анья-пауль называют *сас сипаль*. Гоголев считает, что это название появилось позднее, и имя Рукоп старше. Один старик сделал себе ножны из бересты. За это его, а затем всех остальных прозвали сас сипаль. М. Гоголев.

Салым — *Сотум*. Род Сотум ях живет по всему Салыму. Только два селения Ай-сотум-курт и Тор-тохут-курт населены другими. *Тонг Сотум ях* — *Сотум тый икы* 'старик вершины Салыма'.

Род имеет *мыр йингыт* — народный ящик, который хранится у кого-либо из сородичей. В нем находятся деньги, одежда, шелк и прочие ценности. Теперь там тысяч пять денег, хотя значительная часть старых. Из этих денег расходуют на жертвоприношения. Для произведения расходов выбирают трех человек, и они уже тратят суммы. Хранитель — *мир йингыт тахыттыхн*. Ящик на-

ходится на священном месте, там, где найдет лучшим поместить его хранитель.

Кроме *Сотынг тый икы* как на священном месте, так и в селениях имеются второстепенные идолы — семья С. т. н. и его помощники. Через каждые семь лет производится обновление идолов, начинают с маленьких. Деревянных идолов делают новых, старые изображения сжигают, чтобы они не попали в худое место. На другой год очередь доходит и до С. т. н. Зенцов.

Шаман из Усть-Балыка сдал пять небольших идолов. Зенцов сказал, что это все *ай тонгхлет* — родня и товарищи главного тонгха. По всей вероятности, он обновил их и старых сдал. Ай тонгх делает сам владелец, а иногда шаман. Он видит во сне, что надо сделать, или, случается, находит какой-либо причудливый предмет, который и делает идолом, дает ему имя и кладет в ящик. Зенцов⁵⁷.

Лет пять назад в вершине Ялпынг-я был лесной пожар. Все деревья выгорели по обе стороны речки. Осталось лишь *Тахт котильга ойка урате*. Посреди пожарища она осталась невредимой, слегка опалены лишь нижние части столбов (она на двух столбах). Раньше там было довольно много серебра (он показал обеими руками размер мешочка — 25 см), но лет пять назад оно было украдено.

Однажды приехали на священное место приносить жертву. Когда все собрались, иные начали говорить: «Вот, приехали, а чем за жертву платить будем». — Вдруг смотрят: в реке выдра не может пролезть в прорубь: льдом затянулась. Пустили на нее собак, выдра ушла в нору. Ее выгнали из норы дымом. «Вот, — говорили, — чем платить будем, он нам и послал; за трех оленей 60 р. платили, а за выдру 180 получили». М. Гоголев.

Анья-пауль и Нильтанг-пауль. Руков, Явлин (последний в Нильтанг-пауль). Нильтанг-пауль появился не так давно и сейчас жители обоих селений *акв махум*. Живет еще две семьи (человек семь) Гоголевых. Вдова из Пупым-пауль вышла замуж в Анья-пауль и увезла с собою детей, двух мальчиков. Один, старший, выросши, вернулся назад в Пупым-пауль, а другой так и остался в Анья-пауль.

К. Маремьянин сказал, что в Нерге один старик поехал однажды с сетками, и в одну сетку попала фигурка человека на лошади из бронзы. Он решил, что это — *Вит хон пыг*, взял ее и сделал домашним идолом.

В Тронце хранителями были Кузька и Пронька. Когда кто приезжал на поклонение, то останавливался у того или другого. Принося жертву, большую часть мяса и шкуру отдавал хранителю, у которого останавливался. Кроме того, было много подачек за воду, огонь и т. д. (выкуп чужеродца).

Человек какую-нибудь добытую шкурку посвящал для Трон-

⁵⁷ Далее выпущено несколько предложений по-мансийски.

цы. Она лежала у него в священном ящике, потом он привозил ее в Троицу и отдавал хранителю. Шкурка, повисев три дня у идола, поступала во владение хранителя. Такое положение было на Оби в некоторых крупных священных местах. В Калтась-пауль привозили тоже различные ценности, кроме пушнины.

Кузька и Пронька в Троице накапливали такое количество мяса за зиму, что к весне продавали его в Самарово колбаснику. Этим положением как с мясом, так и с пушниной в особенности, люди были очень недовольны. Бывало, что хранитель продавал привезенную шкурку купцу чуть-что не на глазах дарителя. Зенцов, Посохов.

Сотынг тый икы имел лягушек *сопраны*, которых он посылал, когда ему нужно было что-либо сделать (например, лягушка про-рыла ему протоку), поэтому изображение лягушки держат в лабазах. Бронзовые рогатые фигурки — это лягушки. Зенцов.

Раньше ханты (Сургут, Салым) на жертвенных местах устраи-вали особые вешала для котлов. На двух столбах с проушинами клалось длинное резное бревно, на которое нацеплялись крюки для котлов. Концы бревна вырезались в виде голов лошади, лося и т. д. Крюки тоже разные. Сколько семей, столько котлов. От каж-дой семьи должно было быть по котлу. В селении было 20 семей, и на длинное бревно вешалось 20 котлов. У рода... тонгх имеет вид филина, и поэтому на концах бревна вырезались головы филина. Зенцов.

Хал-пауль. Маленький Петр женат. Кроме того, живет с же-ной (вдовой) своего старшего брата Большого Петра. Жены меж-ду собой *лолум ненье*. Они живут в полном мире. Когда приходит М. Петра оньхе, жена его ее всегда угощает, принимает. Общест-венное мнение принимает этот факт как нормальное явление. Н. Сампильталов. Кузены. Дочь брата матери *еньк* (Сосьва), *ний* (Ляпин).

Сын сестры отца — *пант*. Брак и половые сношения между ни-ми не допускаются. Н. Сампильталов.

Ика ментанг хо иелен ингк — так называется место, где жи-вет *ика ментанг хо* по Шеркалинской речке. Ленгинны. К. Маремья-нин.

Лохтыт курт. В конце последней ночи приходит *Кат веспа япон* и страгивает с места голову медведя. После этого медведь забывает, что с ним делали, забывает все выходки масок и т. д. Когда голову отвезут на священное место, приходит ворон и за-тем филин, роль их та же, что Кат веспа япон. Окончательно все забывает медведь в тот момент, как филин опрокидывает голову. Ворон этого сделать не может. Но после того, как голову опроки-нет филин, медведь окончательно все забывает. К. Маремьянин.

Серебряная голова верблюда. Остяко-вогульский музей, № 56. Чеканной работы из литого серебра 1—2 мм. Получена музеем че-рез Окружной отдел НКВД. Голова не вся, сохранилась лишь морда до ушей. Глаз нет (они на недостающей части). Задний

край носит следы припайки остальной половины головы. В глубине рта следы припайки (очевидно, веревки). На нижней челюсти с правой стороны большой острый клык, с левой стороны он отломлен. В ноздри, очевидно, было что-то вставлено. Уши укреплены каждое тремя серебряными заклепками и затем припаяны. Загиб нижней губы из отдельного куска. Отломился по спаю. С нижней части морды придаток в виде горлышка. Край «горлышка» окантован припаянной провололочкой, перекрученной в виде шнура.

Голова сильно стилизована. Завитки волос поданы в виде листков. По верхней части морды проходит орнамент, очевидно, изображающий головное украшение. Окаймление рта и завитки украшены позолотой. Вся голова представляла собою, вероятно, верблюда в уздечке с кольцом (?) или палочкой (?) в ноздрях. Уши опущены вниз. Похоже, что это был сосуд, так как все шели и соединения тщательно были заглажены и запаяны.

Ильпиль-пауль (на Оби) и Сури Торосоп, Чумин, Ольсин. Они *Полум сир. Полум Торум пыг* находится у Петра. До этого он был у одного старика, и, когда он состарился и ему было трудно хранить идола, он передал его Петру.

В том же Ильпиль-пауль живут еще Ярлины. Они — *Сак махум*, их идол — *Тоулынг ойка — Халев ойка*.

Каждые семь лет Полум Торум пыг возят в Пелым: в гости к отцу. Последний раз возили в 1927 г.

Сакры пауль. Тинсанопт Мось. Они пришли из Нир-ус (?). Их предок — отыр пыг — *Пак поси вайкан отыр* (он родился из Кедрового ядрышка).

Ялп-ус ойка пыг (Нир-ус) привозят в гости к его отцу.

В особенно рискованных местах зрители приговаривают: «*Уй хол*», то есть «Что же поделаешь, здесь все можно!»

Во время пения уй эрыг позади поющих всегда кладется топор. При пении уй эрыг каждая из них в среднем длится около 30 минут, окончание песни возвещается ударом в колокольчик, подвешенный над медведем. Бечевку от язычка держит сидящий около медведя (охотник), который следит за сос и отмечает на бирке сыгранные номера.

Сопам — для складывания мяса убитых зверей в лесу; 5—7 с. Всего 6 бревен, 5-е *нэвыл*. *Тагатам нор. Лаглынг сопам и ма сопам* (делают так же, но на земле).

4.03.1937. М. Т. Гоголев. Пупым-пауль. Раньше *Потэртау Юных* не было совершенно. Появилось это недавно, лет 20. Пришло с Сыни. У нас *Луи сунт* и *Али сунт* в это не верят. Это все один обман. Делали его лишь Мишка и Лун-хорым-пауль, Костя (остяк на Оби) и Сергей. Когда вначале П. Ю. появился, его возили по всем селениям. Однажды я был в лесу. Вдруг приезжает из поселка человек и говорит, что завтра привезут П. Ю., пусть все собираются домой. «Какой-такой П. Ю., — думаю, — никогда такого не слыхали». Собрались, поехали. На другой день, верно, заезжают человек 30, все из Ляпина больше. Привезли П. Ю., он

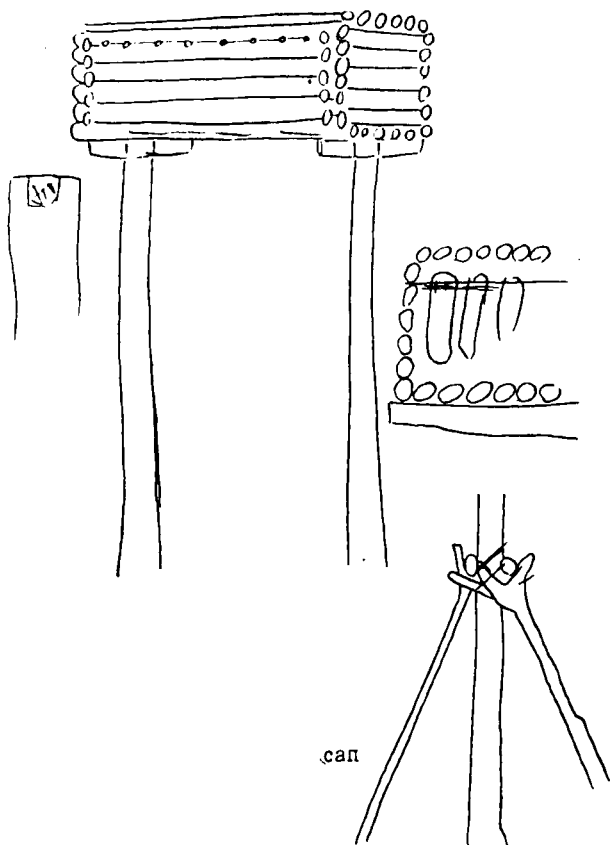

Рис. 27. *Сап* — сооружение в лесу для складывания мяса убитых зверей. Манси Сев. Сосьвы, 1936—1937 гг. (д. 16, л. 83)

завернут в платки. Внутри что есть — кто знает? Народ собрался из Ай-я-пауль, Нильтанг-пауль, Олтотумп, из Сартыньи, Петхас. Стали *коюн ратункве*, били два человека по очереди. Потом мне говорят: «У тебя есть три пестрых быка, одного велено тебе отдать П. Ю.» А у меня, верно, три пестрых быка есть. Откуда знают, думаю, верно ведь, когда в бубен били, то узнали. Хотя и жаль было, но что делать. «Да как же я его дам, он у меня в лесу». — «Поезжай сейчас же, приведи скорее».

Собрался, поехал, вернулся, привез быка. От других тоже жертва, и собрали, 15 жеребят было одних из Сортыньи, и из других поселков привезли. Жеребенок тогда 30—40 р., олень 30 р.

Мне мой от одного богатого зырянина за 15 р. достался, я ему лыжи делал. Устроили на открытом месте *йирхатне хан* — забили жертву, а после так все уехали.

Через год сижу дома, еще дети больны были. Вдруг слышу: нарты подъехали, остановились. Выхожу — несколько нарт, все из Ляпина. Снова привезли П. Ю. Говорят: «П. Ю. приехал в гости. Т. к. о. привезли еще с собой. Собираем жертвы, потом эти жертвы: платки, *ирсин тор*, деньги повезем в Калтах-пауль и... Поговори со своими, кто из вас *йир* давать будет, да и сам выставляй». Тут я рассердился: «Вы, может, каждый год ездить будете, откуда я столько оленей возьму. Ниже нас есть поселок, выше нас тоже, туда заехали бы». Тут они рассердились, завернулись, сели на нарты и уехали. Больше не приезжали. Но меня судить было собиравшись за то, что я жертву давать отказался. Но как они могут судить?»

*Медвежий праздник. Ялп-ус*⁵⁸.

Нял ялне хумыг.

Хум йек.

Не йек.

Тулихлап эрыг.

Четыре эрыг.

Приходящие приносят в мисках пищу, хлеб, сахар, кто крендель, вино. Перед началом было угощение тем, кто собрался пораньше. — строганина, стакан водки, кусок вареного мяса, словом, что было из запасов. Сахи и платки до хум йек висят на сир в мули пал.

Маска поет *Мань саран*, у него умер товарищ Мань саран. Он обращался к зрителям с вопросом, что ему делать. Начинает гадать о причине смерти. Но тут появляется *Кастане хум* и маска отбрасывает товарища в сторону.

Овлах ойка кастави (али пуксамт). У Кастави хум в руках четырехгранный посох. К. х. стучит посохом, входит Овлах, кланяется, его окуривают. Пляшет семь кругов, кланяется, уходит (круги по солнцу).

Маска поет. Поют частью по-мансийски, частью — по-хантыйски.

Входит *Ратынг талях ойк Мань вор хум* в сопровождении *асынг...* хумите. Одет так же, но с головного убора на лицо свешиваются два конца пояса. А. к. х. паясничает и делает неприличные движения, пищит и т. д. Танцуют семь кругов и уходят.

Маска поет.

Входят *вор махум менкв*, пляшут, уходят.

Маска поет о неудачной жене брата. Маска.

Входят *менкв аги йигпыгыг*, у левого локтя колокольчик. Пляшут, уходят.

Опять *менкв аги йигпыгыг* — женщина без колокольчика.

⁵⁸ Описание праздника — в д. 17, л. 39—45.

Когда менквы входят, свистят. Входит маска и садится на пол и поет *польнар эрыг*.

Входят еще маски, говорят: «*Вору посавав пусник кинсунк*». Бегут, бросают посох, хлопают в ладоши:

Лата-лата-лата

Вары-вары-вары.

...Выгоняют белку и находят карты. С шутками раскладывают карты на полу, возвращаются к товарищу, рассказывают (Семен вносит одежды), играют в карты. Семен свистит, кончают.

Садятся петь. Идут в лес. Находят медведя... Эпизод с бер-логой.

Идут на охоту на лису, находят нору, из норы... много белок, чернобурую лисицу и разного другого зверя (все с прибаутками, в большинстве случаев неприличными). Потом ссорятся и бьют всех.

Поет, что везет старуху.

Прощаются.

Одна из женщин вошла с венком из сухой травы — это от траура. Ей нельзя плясать. Семен снял у нее с головы венок. Теперь ей можно. Этот венок *песи*.

Не йек.

Ости хойвес, ости хойвес (семь раз).

Двое запевают песнь улыглап эрыг. Подходят плясать песню двое человек со стрелами, увешенные лентами и с колокольчиками, и двое с сирай.

У одного из поющих в руке костыль (сирай), которым он стучит об пол, подавая знак. По знаку женщины зашли, но потом стукнул — их отозвали, остались одни мужчины. По третьему знаку женщины вошли снова.

Пляска состоит из медленного поворачивания направо. Снова знак — женщины уходят, раздают «сабли».

В центре стоит человек с сапгылтап, вокруг все остальные медленно двигаются по солнцу, выкрикивая.

Мечи складывают обратно.

Потом выходят двое со стрелами, становятся друг против друга, наскакивают, кричат «хоу, хоу» (все хором), два-три голоса отвечают «хоу», затем перекличка:

хоу-хоу

хоу-хоу.

Затем танцующие ритмично, в такт наскакивают: «хоу-хоу», а остальные без ритма «хоу-хоу-хоу»... Ночь с 17—18.01.

Медвежий праздник в Так-як⁵⁹. Медведь самец, девятая ночь. Пять песен поют пять человек. *Хо йек, не йек. Кол хортне, хот хорти*.

Три маски входят, концы носов украшены подшейным воло-

⁵⁹ Описание праздника — в д. 17, л. 46—58.

Рис. 28. Нотные записи к медвежьему праздни-
ку. Ялр-ус, р. Обь, 1936—1937 гг. (д. 17, л. 44—
48)

сом, одеты в потрепанные гуси, у одной маски борода из того же материала, у одной — брови.

Очень часто маски импровизируют и поют о том, что делается в доме, задевая присутствующих.

Яных йек (*вен йак*):

1. С двумя стрелами.

2. С четырьмя стрелами. Одеты обычно. Характерное для Сури *тан йак*. Платок накинут на плечи в виде плаща и сколот у ворота, тогда как висящие концы его затыкают за пояс. За неимением лисиц... платок, лисицы лишь на голове. На спине, на месте лисицы — платок. Три раза протыкает себя стрелами под однократное вскрикивание.

3. Шесть стрел *сат нялуп хунс, сат нялуп хо*. Одежда и пляски, как у предыдущих и как в Сури, во время пляски постукивает стрелами. Концы деревянных стрел вымазаны кровью.

4. Трое в платках, халатах с открытым лицом поют и пляшут. Головы повязаны поясами, два конца — на спине. *Вит махум, йинк йох.*

5. Один человек, передний из предыдущих Кастын хум.

6. Отыр на «косе» — конце опояски, повязывающей голову, колокольчик, в который звонит сопровождающий его человек. Уже не раз приходилось слышать «Отыр, а по-русски — мастыр».

7. Кастын хум, *кастыте хо пойкты хо.*

8. *Ас уорт — Ас отыр картын хум.* Продолжают петь. Отыр пляшет, сидит немного на скамейке, в руках...

9. Кастын хум одет так же, как и старик в Сури — *няврам кисне экваиг ойкаиш*, только на голове простой платок (зеленый), на плечах кремовый платок с цветами, халат в черных цветах.

10. *Тылис петкыс ай ворт*, одет как № 8, но без белого халата. На локтях больше платки.

11. Точное повторение предыдущего.

12. Три маски сели треугольником. Поколачивают двумя посохами о третий и поют «торум-то-то-то-то-то-о»⁶⁰.

13. Три одетые женщины Мис не пляшут.

14. *Кастыты хо.*

15. Калтас вносят, одета так же, как в Сури, пляшет, приседает семь раз, каждый раз все вскрикивают *Каст. х.* Прекращает петь сангкылтап. Уносят.

16. Ай Калтас входит в сопровождении *Каст не*, одеты в халаты и покрыты платками. Пока Каст не поет, Ай калтас начинают покрывать платками (жертв...) и в это же время собирают деньги. Каст не ведет Ай Калтас на посохе. По окончании песни — сангкылтап, Ай Калтас пляшет, кланяется и уходит.

17. Кастыты хо.

18. *Тай хо* пляшет.

19. *Хатымха* [?].

20. Кастыты хо по одежде обычен.

Тулихлап.

21. *Вонсавт ворт* одет так же, как и в Сури, на локтях черные платки. Сзади свешиваются четыре пояса и платок (вместо тисы). Перед пляской и при окуривании попискивают.

22. *Ят вос ойк* пляшет с «дугой». Вместо дуги у него дужка диаметром 2—3..., обернутая платком и стянутая плотно внизу, один колокольчик. При уходе каждого пупыха маска срывается с места и гонится за ним, ударяя посохом по прилолке. Маска выходит петь, но ее прогоняют, поет Кастыты хо.

23. Кастыты хо поет.

24. *Сарс йинк ворт* сидит на скамейке и стружит, потом пляшет, одет так же, как Тай хо.

25. Кастыты хо.

⁶⁰ Здесь помещена нотная запись (рис. 28, б).

26. Вносят *Аут ворт*, сажают его на скамейку. Несшие его двое танцуют, кладя во время танца руки ему на плечи. Уносят.

Входит маска, поет, вскоре вносят *ай вес*. Он проделывает уморительные движения, просит нюхательного табаку, кланяется во все стороны. У лежащего на спине человека на ноги одета малица, голова — на палке.

27. Три Мис не, одеты в халаты, покрыты платками, руки замотаны. Передняя поет. Во время пения все поддерживают платки над лицом. Во время пения входит маска, подходит к каждой из Мис не сзади, приподнимает, делая движения совокупления. Между ногами привязан длинный фаллос. Когда Мис не танцуют, он тоже пляшет, раскачивая фаллосом и делая движения совокупления.

28. Три маски садятся. Одну кормят мухомором. Она шаманит, потом делают пори и, разделив *хор* на куски, раздают присутствующим. Потом встают. Передняя поет. Прощаются («Если живы будем — не помрем», и т. д.).

После небольшого перерыва маска в гусе поет, угощение *à la fouchette*. Три маски просят пупуху быка, вводят быка, приносят в жертву.

Пять человек надрали девять саженей корней, по очереди бьют, они говорят, что каждый крадет по сажени, каждого бьют. Все в гусях и масках.

В это же время трапеза.

Кастыты хо. Синий халат, красный шелковый платок опоясан на голове двумя концами назад, белые обертки рук, пимы.

Внесли [*Торум хоханг сат пыг?*] — это семь марионеток, укрепленных на столообразном балдахине. Отыры двигают руками, как бы приплясывая. Балдахины затянут шаями светлого цвета.

Кастыты хо.

Ай тох манг не (два человека, один — на плечах другого).

Имитация ссоры и убийства.

Кит няврем.

Няврам кисне екваиг ойкаиш.

В отличие от *Сури* топор обернут платком. Старик поет, что дети утащены медведем, он хватается за топор и поет жалобным голосом. Люди отвечают, что дети сюда не приходили. Одет в синий халат, на голове опояска — косы, красный — бордовый шелковый платок, пимы. Во второй раз он вытаскивает топор до половины. После вторичного ухода сидящие говорят: «Чего он приходит, дети его сюда не приходили». В третий раз вытаскивает топор, замахивается, но старуха выхватывает его у старика из рук. Уходят.

Вносят *щаци щоп уни*. Это — фигура, изображающая птицу. Фигура двигает руками, сложенными за спину, подобно крыльям, переваливаясь с боку на бок.

Кастыты хо Тор. Он поет о том, что придет *Тор* (*тарых К. е.*).

Журавль набрасывается на одежды, сдергивает платок, опрокидывает миску с хлебом, щипает медведя, на него кричат «кс-кс».

Курынг вой, охотник с луком и стрелой и товарищ с посохом в маске. Охотник разговаривает с присутствующими на тему об охоте. Лось бежит, размахивая головой из стороны в сторону. Охотник гонится за ним. Бежит с товарищем, побрякивает кружкой, на поясе у него пайвочка, в которую положен хлеб со стола.

Охотник пускает стрелу (в верхние бревна), затем присаживаются на убитого зверя, жертвуют ему хлеб, поднимаются и уходят.

Сажают детей на середину, покрывают пологом. Дети едят мясо курынг вой, и за это лица у них чернеют.

Кер нёл.

Семь менквов «салятся, совокупаются», крича: «Вотлуп», потом едят и снова совокупаются, так пять раз.

Кер оньве иц (ний). Семь менквов смеются над оньве, что он имеет больш. *вас оньхум тамле кан оньхум яныг вас.*

Три... один просит черемуху, ему дают. Он ест слишком много и умирает. *Санкв ахтмы ной хорт...*

Семь *хатань* болтают, пьют, поют: «Который высокий, который низкий, который толстый... имеет». Семь *олыхолнат* идут из *лэнгха няр хум-я* похваляются, что найдут менквов и всех их убьют. Они хлопают в ладоши и поют. Появляется менкв и хохочет. Ханты сейчас же умирают от страха, он вырывает у них языки и глаза и съедает, говорит: «*Ханты хо воинг нялм*».

Семь *кут курек* бросаются на медведя, мажут сажей людей. Оводы бросаются на медведя и щиплют людей.

Ломут-панк-па на медведя, дергают за волосы.

Входит петух, он одет в гусь, ноги вставлены в рукава, а подол завязан сзади, образуя хвост. Руки внутри. В конец носа маски вставлена игла. Поет и клюет всех присутствующих — *сери постеми*.

Лисица в малице, на четырех, маска, соломенный хвост. Хвост зажигают, лисица бежит, лает и тыкает всех хвостом.

Япыл кастуве поет менкв, входит к. в. й. и пляшет. *Иохыг* с двумя крыльями в руках, гусь, маска. Он кричит «пу-ху» и бросается на медведя, его отгоняют. Он еще кричит «вак-вак», еще кидается на медведя и уходит.

Гасят свет.

В последнюю ночь пять уй эрыг поют независимо от пола медведя.

Женщины подходят, прощаются с медведем, кладут деньги. Женщины и дети уходят.

Пенхын вармаль.

Ялпинг эрыг.

Медведя выносят и увозят на *хура канн* ⁶¹.

⁶¹ Последующая запись сделана с обратной стороны тетради на последнем листе.

1. *Хул ратне сак* — деревянный молоток для глушения рыбы, вынутой из сети. Подобные молотки бывают разных размеров, а этот предназначен для глушения осетров (Хангласс-пауль).

2. *Три сих алне няс* — деревянные крючки для ловли налимов осенью после ледостава. К паводку из корня привязывается леска 4—5 с., и на крючок пасаживается рыбака (*толам*).

3. *Ат лу тининг ив* — 'пять лошадей стоящая палочка' — общеизвестная головоломка, заключается в продергивании бусинок (Хулим-сунд-пауль).

4. *Акв хопт тининг ив* — 'одного быка ценная палочка' — головоломка, состоящая в складывании шести палочек.

5. *Ат хопт тининг ив* — 'пяти быков цены палочка' — однотипная с 4-й головоломка, состоящая из десяти палочек (4—5 из Ня-лын-г-я-пауль).

6. а, б. *Сас ельминг рот* — берестяной клеевый котел. В нем разогревается рыбий (осетровый) клей, для чего палочки втыкаются около огня.

7. *Хап* — лодка (калданка), детская игрушка, изображающая модель лодки из юрт... на р. Вогулке.

8. Костяной нож для чистки рыбы (Нильданг-пауль на Сосье-ве).

13. ТАГИЛ, ИВДЕЛЬ. 1938 г. ДНЕВНИК И ОТЧЕТ

[Записи в д. 21. заглавие — по В. Н. Чернецову].

10.09. Около 9 ч. вечера приехал в Тагил.

11.09. Сходил за визировал удостоверение, разыскал Крылова, и с помощью Б. Крылова приобрел у А. П. Бондина лодку, которую отдал затем обивать железом. Выехать из Тагила удалось лишь 13-го во второй половине дня.

С самого начала пути увидел, что ехать будет трудно. С одной стороны, лодка несколько тяжела на ходу, но самое главное — Тагил очень сильно пересох. Сплошные мели и камни. Остановился ночевать, когда стемнело.

14.09. Один за другим пошли заездки, их значительно больше того, что было в 1927 г. В сочетании с медленностью течения, что составляет большие затруднения для передвижения по реке, задержался часа на два у «Медведя». «Медведь» — громадная скала, свыше 200 м высотой (500 м над уровнем моря). По объяснению местных жителей, название объясняется тем, что по форме она напоминает лежащего медведя. Сделал разведку на вершине, но безрезультатно, дальше же останавливаться на нем не имел возможности.

Что за частота заездов! Еду все так же медленно.

15.09. 8 км от заездки до Балакиной проехал 3,5 часа! Это уже предел медленности. В Балакиной зашел в сельсовет. Там мне

сказали, что дальше река еще хуже. Делать нечего. Надо бросать лодку. С трудом нашел человека, который взялся везти в Ясьву. Здесь около 18 км. Приехал к вечеру.

16.09. С утра пошел в сельсовет и колхоз; разыскивать подводы. Нашел с большим трудом. Лишь к 11 ч. колхоз решился везти меня в Пряничинову; 35 км за 50 р.! Дорога идет все время лесом. Места очень гористые. Лес — частично бор, частично смешанный. В Пряничинову, или Препькёву, как обычно зовут ее здесь, приехали к темноте. Из стариков, которых я знал когда-то, не осталось ничего. Заехал к Роману Григ., которого мне рекомендовали в Ясьве.

Заездки устраиваются поперек реки. Зимой наваливают каменный порог. В дальнейшем в нем устраивают ворота в береговых «просветах», ставят морды отверстиями вниз, в средних просветах — сурпы — короткие хвостуши отверстием вверх. Термин *сурпа* с полным основанием можно сопоставить с вогульским *сирп*, что указывает на преемственность каменной заездки. Это подтверждается еще и тем, что близ Ясьвы во время золотых работ заездок с остатками сурпы был обнаружен на глубине в 2 м. Он был замыв тинной.

17.09. День ушел на подыскание проводника и, главным образом, лодки. Проводника, Д. А. Прянишникова, я нашел очень скоро, часам к 9 утра уже все было сговорено — 9 р. в сутки. Что же касается шитика, то с ним дело оказалось несравненно сложным. И лодок-то мало, и хозяев-то дома нет. Целый день ходил. Наконец лодка была найдена, но за отсутствием одного из двух хозяев переговоры пришлось отложить до завтра.

18.09. Утром с шитиком было покончено, купил его за 50 р., да за весло заплатил плотнику 3 р. После окончательных сборов выехали. Благодаря тому, что я сфотографировал зав. конным двором, мне шитик и вещи увезли через два мыса, в результате чего в стороне осталось 5 заездок и 3 км.

Балабан. Имел навыв 1927 г. и указания рукописи Шорна⁶². Изображения нашел скоро. К сожалению, лишь немногие на них возможно разобрать. Композиций установить не удастся. На среднем утесе часть изображений уничтожена совершенно отколовшимся камнем. По-видимому, было композицией на среднем утесе. Едва ли не сцена загона. Все более и более склоняюсь к тому, что фигура представляет собою загородку.

Вообще же, особенно на верхнем утесе, изображения разбросаны очень широко, так, что связь между ними устанавливать слишком рискованно. Скорее всего, мы имеем здесь лишь незначительные остатки давно исчезнувших композиций. На верхнем утесе покопался в трещинах скалы. Собрал несколько черепков.

Скалы на левом берегу 0,5 км ниже Балабана поросли сосновым лесом. Самая большая скала — почти самая верхняя.

⁶² Д. П. Шорин — любитель-краевед из Нижнего Тагила. Копировал писанины по р. Тагил.

В 1927 г. старики говорили, что в верхнем конце этих скал есть ниша, в которую когда-то ходили молиться вогулы. Осмотр скал дал лишь одно место, где можно различить остатки почти совершенно размытого изображения. Оно представляет круг диаметром 25—30 см, контур широкий (возможно, впрочем, потому что размыт). Ниша имеется, но очень незначительная. Повсюду следы давних и свежих обвалов. Сделал разведку на скале и у ниши. В последнем месте обнаружил черепки. Таким образом, по-видимому, подтверждается знание относительно священного характера этой скалы и, с другой стороны, дается второе подтверждение связи писаниц с жертвенными местами. Ночевать остановились намного ниже в избушке.

19.09. Осматривал почти все скалы по пути. Тщательный осмотр сколотого камня не дал ничего. За исключением одного места, где есть намек на бывшее изображение. Ночевали в избушке пониже кордона, ночью проявлял. Получилось хорошо.

20.09. Остальной путь до Моршининной был беспокоен. Убедился, что взятый в проводники Прянишников не знает мест совершенно. К сожалению, уже поздно предпринять что-либо. В Моршинину приехали уже к вечеру. Интересно, что здесь говорят: Моршинята, Новожилята, все в своеобразной форме.

Пошел в сельсовет. Там все время заседают ввиду непрекращающихся лесных пожаров. При разговоре узнал, что Кокшаровские стоянки находятся не на Шайтанском озере, а на Юрьевском по дороге на Босяновку (4-й поселок). Завтра пойду на разведку.

21.09. Ходил на Кокшаровскую стоянку. Расположена на самом берегу у болота у дороги с Кокшаровой на Босянку, не доходя метров 100 до «Дурной речки». Очевидно, это землянка. Представляет собою бугор 40×10 м, неправильно округлой формы, около 3 м высоты. Бугор весь изрыт настолько, что трудно найти нетронутое место. Он перекопан тремя или четырьмя старыми траншеями, уже заросшими лесом, а кроме того, видимо, здесь поработали и в более позднее время кладонскатели и любители.

Подобрал подъемный материал в осыпях старых раскопок, сделал разведку вокруг бугра (его здесь называют «Богатый бугор»). К западу, то есть влево от бугра, по берегу болота ничего не обнаружено. К востоку под дерном черепки попадают на расстоянии до 40—50 м. К северу от бугра простирается болото, переходящее в озеро километра в 1,5. Почва в окрестностях торфянистая. Около Кокшарова на полях торфянистая черная земля мощностью до 40 см.

22.09. Взял двух рабочих и пошел на Кокшаровскую стоянку, или, как правильнее сказать, селище. О сколько-нибудь значительной раскопке не приходится и думать, для этого надо иметь много времени и средств. Решил лишь очистить одну траншею. Начал с канавки, окружающей землянку. Диаметр землянки был, очевидно, значительно меньше, чем диаметр всего холма. На плотнике —

пласте засохшей сыпки⁶³ — лежит пласт торфянистой земли, в которой попадаются черепки. Над этим пластом, особенно близко к центральным частям землянки, залегает пласт очень плотный, с трудом поддающийся лопате, более светлой окраски. Состоит из той же торфянистой земли, смешанной с глиной и песком. Значительная примесь угля. В средних частях мощность этого пласта до 30 см. К краям он выклинивается.

По всей вероятности, этот пласт представляет собою пол землянки, необходимость в котором была ввиду слабости торфянистой земли. То, что и в последней содержатся черепки, объясняется втаптыванием в нее предметов. Выше глинистого слоя лежит насыпь до 2-метровой мощности. В центральной части землянки насыпь состоит из той же торфянистой земли, содержащей отдельные черепки. Керамика, насколько можно судить по беглым наблюдениям во время работы, представлена кругловидными, а возможно, и бомбовидными сосудами, очевидно, с высокой шейкой. Орнамент гребенчатый в таких сочетаниях, которые редко встречаются на Сосьве и относятся, по-видимому, к ранней форме орнаментики. В плоскодонной северной керамике этот орнамент не встречается совершенно. Пожалуй, ближе всего он стоит к карасукской керамике. Характерно, что до сих пор не удалось обнаружить по Тагилу городищ. В какой-то связи с этим стоит, очевидно, и отсутствие по Тагилу находок серебра. Можно предположить, что Тагил стоял в стороне от всех значительных путей и поэтому создавалась застойность в общественном развитии. Отсутствие накопления не давало стимула к военным столкновениям. Большие размеры Кокшаровской землянки и одиночность ее в данном селище говорят за высокую степень развития первобытно-коммунистических отношений, соответств. матриархальной стадии.

23.09. Выхал из Моршинной. До Новожиловой не обнаружено ничего. Остановились ночевать в бараке пониже Большаковского.

24.09. Утром сходил на вершину порога осмотреть писаницы. Писаницу обнаружил на первой скале в вершине порога. На уровне человеческого роста от подошвы скалы заметны следы бывших изображений. Одно из них напоминает бобра, хотя, быть может, это и мое воображение. Все же срисовал. Дальнейший путь дал очень незначительные результаты.

Караульный. На нем различимы лишь следы изображений. Контуры разобрать почти невозможно. Проехали Кваршину 0,5 км ниже, на правом берегу в реку красиво выдались скалы. В этой скале находится пещера. Последняя расположена у самой воды и внешними водами заливается. Следы деятельности льда видны значительно выше входа в пещеру. Внутри она небольшая. Это, скорее, щель, протянувшаяся на несколько метров вверх в скалу. Стены сырые. Внутри толстый налет песка, заносимого, очевидно,

⁶³ Очевидно, плотик — это местное название плотного слоя земли, а сыпка — название сыпучего слоя.

вешними водами. Писаниц на этой скале не обнаружил. Следующая скала была Зенковская. На ней я сразу обнаружил писаницы. Сохранность плохая, но кое-что разобрать можно.

Поскольку день кончился, решил ехать в Гаеву и оттуда уже отрабатывать окрестные скалы. Дальше пошел правым берегом. На Балабанье (вообще Балабаньем здесь называют все урочища ниже Зенковой речки, включающие ряд скал; но собственно Балабаньем называют самую верхнюю и самую высокую) обнаружил писаницы тоже. Ниже Балабанья метров 100—200 — скала, несколько отступая от воды. У подножья ее писаница, указанная Шориным. В Гаеву приехал уже в сумерки.

25.09. Утром сходил в сельсовет, а затем отправился на Змиев Камень. Я предполагал вначале лишь сделать съемку изображений, но вскоре увидел, что некоторые писаницы были зарисованы мною неточно, в конечном итоге стал зарисовывать их все снова. К верхним изображениям добраться не мог — не взял с собой тынзяна. Для большей детальности стал предварительно прорисовывать контуры карандашом. Таким образом, удастся выявить больше подробностей.

26.09. Продолжал работу на Змиевом Камне. Изображения, которые в 1927 г. разобрать не удалось, сейчас расшифровал почти полностью. Человек в левой руке держит конец веревки или что-то подобное. В круге находится лось. Очевидно, сцена поимки лоса в ловушку.

Изображения наверху скалы сохранились довольно хорошо. У Шорина они зарисованы довольно неточно. Открыл замечательную композицию, изображающую загон гусей (или уток). Все более и более убеждаюсь, что (рис. 29, 1, 2, 3) изображают ловуш-

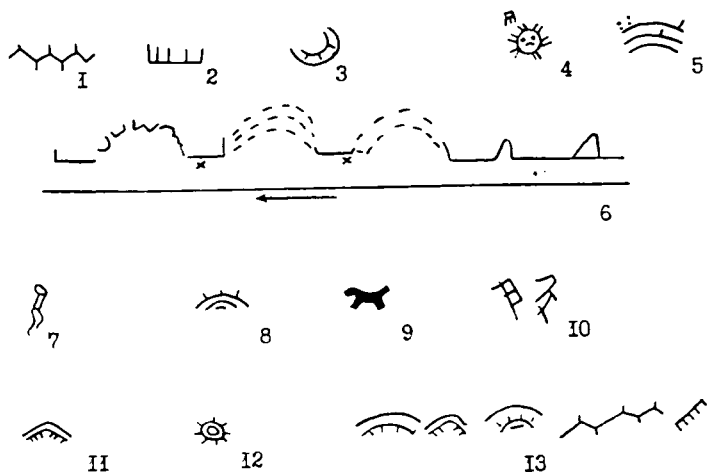

Рис. 29. Наскальные изображения Тагила (д. 21, л. 14—19)

ки или, вернее, ловчие загоны. Работал до сумерков, но все же не смог окончить всей работы. Завтра утром закончу Змиев, после чего надо будет сделать там разведку. Сегодня нашел у подножья осколок трубчатой кости крупного копытного.

27.09. Закончил зарисовку писаниц Змиева Камня. Всего собрал 50 номеров, включая сюда и многорисуночные композиции. Отдельных изображений, вероятно, около 70. Покопал у подножья скалы. В средней части земля рыхлая, темная и в ней попадаются осколки трубчатых костей. Собрал их для определения. Разведка на вершине камня не дала ничего. Перешел на Зенковскую гору. Здесь обнаружил четыре группы изображения, 4-я совершенно размылась, остальные в различной сохранности. Зато 1-я группа находится на такой высоте, что добраться до нее без приспособлений не представляется возможным. Я пытался лезть по скале, но, поднявшись метров на 8, должен был спуститься. Дальше ходу не было. Придется завтра взять человека и принести лестницу. Зарисовал 1-ю группу и пошел домой.

28.09. Утром пришел человек — Н. А. Комельских. Его рекомендовал мой хозяин Гр. Смагин. По приходе на место поднялись на утес и осмотрели место. Н. А. остался там и спустил веревку, надставленную тынзием. Я привязал к ней лестницу, после чего Н. А. поднял ее до нужного уровня. Попробовав, крепко ли висит лестница, я начал подниматься, привязав к поясу конец бечевки, привязанной к футляру с бумагой. Поднявшись к писанице, вылез на карниз. Он шириной сантиметров 50, а местами даже и более, так что расположиться можно было относительно удобно.

Когда разглядел внимательно писаницу, то увидел, что она действительно стоит потраченных на нее усилий.

Стадо из шести лосей (возможно, что правее были еще, но они уже разрушились), окруженное сверху загородкой, слева фигура солнца (?) и стрелообразный знак, острием обращенный на лосей. Зарисовывать было трудно. Надо было стоять на карнизе, откинувшись немного назад, одной рукой прицепляя бумагу к скале. Сильный ветер рвал бумагу и даже пошатывал меня. Чтобы ноги не скользили по камню, пришлось снять яры. Суконные чулки давали больше сцепления.

Закончив с этой группой, спустился вниз. Отвязали лестницу и пошли за реку к Балабанью. На вершине скалы сделал очень тщательную разведку, но совершенно безрезультатно. После этого отпустил Комельских, а сам занялся дальнейшей зарисовкой. На утесе, метров 200 ниже Балабанья, у подножья его обнаружил не один рисунок, как указывает Шорин, а четыре. Два из них совершенно одинаковые (рис. 29, 4), третий, по-видимому, такой же, но размытый, и четвертый, состоящий из нескольких вертикальных черточек. Покончив с ними, вернулся к Зенковской горе. Да, на большой скале Балабанья обнаружил лишь одно, да и то почти смытое изображение. Поскольку оно помещалось к тому же в недоступном без помощи сложных приспособлений месте, зарисовы-

вать его не стал. На Зенковской горе нашел еще три группы изображений. Закончил их зарисовку уже в сумерки.

29.09. Утром выехал в Брехову. По приезде сразу же пошел к Писаному камню. Он постарел, и многие изображения невозможно уже разобрать. Сделал несколько копий, в уточнение зарисовок 1927 г., общий план и решил больше не задерживаться в Бреховой и ехать в Комельскую. Уже 29.09, а дела впереди еще очень много. По приезде в Комельскую сказал, чтобы завтра приготовить лошадей на Верхотурье. Вечером приводил в порядок кое-какие вещи-снаряжение.

30.09. С утра пошел за реку на Соколиньские утесы. Интересно, нет ли ошибки в указании с В. У. относительно Соколиньского урочища. Именно здесь имеются Соколиньские утесы, речка, бор. Действительно, имеются и писаницы. При внимательном осмотре первого утеса обнаружил, что в 1927 г. я пропустил весьма важную деталь, именно знак (рис. 29, 5), слева вверху от бегущих животных.

Соколиньские утесы расположены следующим образом (рис. 29, 6). Первый утес — самый большой, в двух местах прерывается осыпями. На нем расположены четыре группы изображений. 1. Бегущие олени или косули. 2. В 1927 г. я обнаружил лишь одного лося. Сейчас увидел, что эта группа представляет собою широко раскинувшееся панно, состоящее из 4—5 фигур лосей, обращенных головами влево. В этом направлении находится «загородка» (рис. 29, 7) и знак (рис. 29, 8), очевидно, представляющий собою тоже загородку. 3-я группа в том же месте, где и 2-я, пониже на скале. Она состоит из сплошного изображения собаки (?) (рис. 29, 9) и другого — размытого. 4-я группа на последнем нижнем отроге первого утеса. Эта группа почти совсем разрушена. Сохранилось изображение (рис. 29, 10), напоминающее загородку. Изображения на 2-м утесе. В 1927 г. зарисовал лишь одного лося. Теперь же правее и выше лося обнаружил знак (рис. 29, 11), к которому лось изображен головой, и еще два размытых знака.

Утес 3. Здесь сохранился лишь знак, напоминающий солнце (рис. 29, 12). Остальные изображения все смылись.

Итак, на основании ряда изображений можно говорить о связи птичьих и звериных фигур с фигурами (рис. 29, 13). Все эти знаки, очевидно, изображают ловчие загородки и ничего более. Группой Соколиньских утесов заканчиваются Тагильские писаницы.

Вернувшись в деревню, я попил чаю и выехал в Верхотурье. Из-за пожара нельзя было ехать прямой дорогой и пришлось через Сидорову на тракт. Это около 90 км. Ночью приехали на Прокопьевскую салду.

1.10. Около 11 ч. приехал в Верхотурье. К великому сожалению, узнал, что в 1928 г. музей ликвидирован и переведен в Н. Тагил. Таким образом, делать здесь нечего. Искал Шаньгиных, которые, по указанию С. В. У., потомки верхотурских вогул. Они отри-

цают это, говоря, что предки их были ссыльные из Нижнего. Во всяком случае языка они не знают.

2.10. В 6 ч. утра в Надеждинск, куда приехал в 11 ч., поезд идет 5 часов. Побродил по Надеждинску, пообедал и в указанное время выехал. На Боксит поезд пришел в 10.40. Багажа не оказалось, и на станции мне заявили, что Надеждинск никогда не погружает в тот же день. Поехал в Петропавловск, где остановился в приезжей. В Петропавловске в левом скалистом берегу Каменги есть две пещеры. Одна против бывшей церкви, а другая идет выше устья Колонги. Обе в полгоры. Первая имеет вначале грот, из которого идет коридор, по слухам, выходящий в пещере у кладбища. В последней свод грота обвалился, полузасыпав вход. Приходится спускаться в щель круто вниз. Там попадаешь в довольно обширную пещеру, из которой отходят два-три коридора. На потолке небольшие сталактиты, очевидно, скобленные. Обе пещеры стоят, чтобы в них делать раскопки, но для этого надо много времени, особенно для второй, что на устье. Требуется большая предварительная расчистка осыпи.

3.10. Багаж не пришел. Заставил послать телеграмму начальнику станции в Надеждинск.

4.10. Багаж не пришел. Начальник станции Боксита телеграфирует в Надеждинск, НКВД.

5.10. Затребовал перевод из Ивделя 750 р. — 22 р. за перевод. Если багаж не придет, поезду в Надеждинск. Багаж не пришел, выехал в Надеждинск.

6.10. Приехал в 6 ч. утра. Багаж мирно лежал в пакгаузе. Поругавшись предварительно, переадресовал его на Саму. Вечером выехал.

7.10. Поезд пришел на Саму около 3 ч. Дальше ехать в вагонах. Везет мотодрезина. Утром приехали на 29 км. Отсюда на автомобиле, по временной дороге, сделанной из бревенчатого настила и продольных плах. Трясет невероятно. Часов около 11 был в Ивделе. В общем весь путь невероятно сложен. Все поезда отходят по ночам и ехать очень трудно. Буду советовать Ире пока не ехать. Встретил Н. Я. Бахтиярова, Егора, Ольгу — жену Никиги. Проговорил с ними до вечера. Заходил еще в РИК зарегистрировался.

8.10. Сходил в баню и страшно угорел. Пролежал с отчаянной головной болью весь день.

9.10. Пошел с Никитой Араповым к Шайтанской пещере. Проскакали ее целый день. В конечном итоге убедился, что старик ошибается, года, да и память изменяет (он был в пещере 60 лет назад). Он имел в виду, очевидно, ту самую пещеру, которую знал я сам. После его ухода пошел к ней. Действительно, сходится все, как он описывал. Но уже поздно, придется завтра пойти снова. Вечером расспрашивал Никиту Яковлевича. Он сказал, что такую же пещеру знает на левом берегу Тумпусум 7—10 км от ее устья. Пещера видна от воды. Раньше она была полна костями, главным

образом, медвежьими. Кости есть там еще и теперь. Находили там кусок дерева, обтесанного в виде *мечка*. Пещера эта не Бахтиаровых, Сосанг-махум — Елесины, Укладовы. От них теперь почти ничего не осталось. Бахтиаровы пришли из-за Урала, где остались теперь Саловаровы. Сначала они отличались по языку, но затем начали смешиваться с сосвинскими, которые в большом количестве приезжали на Лозьву. Лозьвинские, например, Турах-пауль (Першино) отличались как от Бахтиаровых, так и от сосвинских.

Пещера и, очевидно, городище имеются на Лозьве — *Петкус керас*. Там находили черепки.

Н. Арапов говорил, что в Шайтанскую пещеру съезжались для жертвоприношений, еще когда Ивдель был маленький. Впоследствии, когда людей стало больше, вогулы перенесли жертвенное место куда-то в пещеру выше по реке. А затем они разбрелись по лесам, не стали в пещерах жертвовать. По Ивделю (*Евтиль*) по указанию Н. Бахтиарова селений не было. Вогулы жили по Лозьве, ближайшее селение было Торах-пауль, а по Ивделю были лишь избушки.

10.10. Пишу с трудом, очень болит рука. Вот уже несколько дней она нырывает — очевидно, застудил ее.

Договорился с Никитой пойти к пещере. На правом берегу Ивделя, поросшем лиственницей и сосной, среди скал лежит глухое ущелье, круто спускающееся к воде. Скалистое, довольно угрюмое, обращено на север. Около середины склона и находится самая пещера. Она представляет собою глубокую вертикальную щель, выклинивающуюся вверху. Пол грота покатый, покрыт щебнем и более крупными камнями. Грот изобилует отнорками и углублениями, уходящими внутрь скалы на значительную глубину. Один из них глубиной около 8 м, в глубине образует пещеру высотой свыше 2 м.

На полу грота, как на поверхности, так и на небольшой глубине, по крайней мере около очага, находятся кости животных: около 90% медведя (черепа), затем лося, очевидно, лошади, утки, боровой птицы, тайменя (позвонки). У одной стены очажное пятно размером около 3×2 м, мощность углистого слоя достигает 30 см. На середине пятна лежит большой камень, оторвавшийся от навеса, как результат неравномерного нагревания. Камень упал еще во времена использования пещеры.

Керамики, несмотря на тщательную разведку, около очажного пятна не обнаружено. Нахождение затылочных костей и факт почти полного отсутствия черепных коробок (тогда как нижних челюстей медведя много) говорят за то, что медведь, по крайней мере в верхнем горизонте (если нижний вообще существует), употреблял в пищу. Это в связи с отсутствием керамики и находждением бруска из песчаника и костей, обструганных, очевидно, железным ножом, дает данные для датировки. Пещера использовалась в сравнительно недавнее время. Это согласуется и с указанием Арапова. В некоторых отнорках обнаружены фаланги и челюс-

сти медведя. Это согласуется с обыкновением складывать лапы и череп медведей в особые места. Полагаю, что большая часть черепов была именно в отнорках, откуда их извлекли Трапезников и... Недаром, когда я осматривал отнорки, Никита Яковлевич каждый раз спрашивал: «Кости есть?» В отнорках же были найдены Трапезниковым и пуговицы.

Н. Бахтиаров считает, что это место принадлежало Турах-пауль, но это едва ли так. Наверно были селения и ближе. Так, драга, работая у Шайтанки, вырывала могилы против ее устья. Было селение и в урочище, именуемом юртища. Костеносные пещеры являлись местом захоронения костей медведя и жертвенными местами, т. е. местами обитания тех или иных родовых духов. Из этого могут быть сделаны два вывода: 1. Пещера — местообитание родового духа, в более отдаленное время пещера — место обитания самого рода, т. е. пещера-жилище. 2. Пещера — место захоронения медвежьих останков. (Это значение пещеры логически вытекает из первого — форма могилы повторяет форму жилища, во всяком случае, прежнего). Факт захоронения медведя в пещере можно рассматривать как пережиточную форму захоронения вообще. Следовательно, не без основания можно искать в пещерах и человеческие захоронения.

Никита рассказывал также, что в прежнее время каждые семь лет устраивались человеческие жертвоприношения. Жертву обычно покупали. В последний раз жертва — мальчик — была куплена на Сосьве. Он был сирота. Но накануне жертвоприношения его выпустил один старик, который посоветовал ему бежать в Конду.

11.10. Холодно и начинает идти снег. Пошел искать лошадь на Бурмантово. Сговорился в сельсовете на 2 ч. Конюх вскоре пришел ко мне и сказал, что выезжать сегодня нельзя, лошадь не кована еще. Поедем завтра рано утром. Вечером занялся проявлением. Работал в бане, но там было слишком жарко, и у некоторых негативов пополз слой.

Пещера *ус керас кол*, как выяснил сегодня, находится не по Тумп-усум, а на Лозье. Это именно и есть та пещера, которую я намеревался посетить. Она на правом берегу выше р. Яти-я. Эта пещера была Укладовых. Черепки находились внизу. Пещера обиталась *Сан-пауль ойка* (человек это или дух, не понять). Пещера имеет сквозной проход, из которого отходит в глубину коридор.

12.10. Часов в 7 выехал в Бурмантово, но пришлось вернуться. Выпавший за ночь снег не дает возможности ехать на телеге, а на санях в Бурмантово тоже пока слишком трудно. В таком случае решил ехать в Тошемку. Выехал в 11 утра, а к 11 вечера приехал. Дорога ужасная. Снег тонкий и каждая колодинка отзывается на санях. В Тошемке все уже спали. Они здесь сильно погорели и осталось мало жилых домов. Поэтому все сгрудились как только можно. Пошел в дом, где живет Никита Яковлевич. Открыл дверь Евгений. Он долго не мог узнать меня, но потом, наконец, догадался:

Валерий Николаевич *нанг-а?* — «*Ам ам!*» Там же были Я. И. Бахтиаров — председатель тузсовета *Мань Сантро*. Поставили чайник. Попил чаю и лег спать.

13.10. В Тошемке находится тузсовет (секретарь Мальцев), школа, медпункт, лавка, ветпункт (сейчас он сгорел), ясли, русская школа. В мансийской школе 21 ученик, а после праздников, кажется, должны приехать еще. Это, вероятно, большой процент. В школе — интернат, столовая для ребят. Больше девочек, чем мальчиков. В яслях находятся дети, у которых нет матерей или вообще сироты. Вернее, это не ясли, а детдом. Ученики в школе частью в русской, частью в национальной одежде. Ребята здоровые, веселые. К праздникам готовятся. Будут постановки. Думают сделать постановку на национальном языке. Да, встанет вопрос о переносе поселка. Здесь выгорел ягель и нечем кормить оленей. Тем более, что сгорели строения. Намечают на Витасе, в 10 км от устья Тохта.

14.10. В поселке сейчас живет Н. Я. Бахтиаров. Он занимает здесь домик рядом со школой, который один из немногих уцелел от пожара. Несколькими дальше живут Дмитрий и Александр Бахтиаровы. Они оба слепые. Этот дом отремонтировали после пожара из копошнин.

16—18.10. Писал тексты от Дм. Бахтиарова. Он замечательный диктор. Рассказывает не торопясь, слово за словом, давая в то же время точный текст. Записал от него пять сказок и двадцать загадок. Интерес представляют сказки *кит порне ан хумы консынг ойка воввес*. В первой дети после смерти матери (характерно, что отец совершенно не упоминается!) отправляются к братьям их матери (*сасхане палт тинейх*). В этой же сказке шаманское бегство с гребнем, кремнем и огнивом. В другом тексте, который по указанию Никиты является не сказкой, а рассказом, былью (*потыр*), имеем вариант *Пор*: защита человека от предков *Мось*, главным образом *Мир сусне хум* и *Калтас*.

17.10. Ходил смотреть пещеру, в которой Термяков (учитель) как будто видел кости. Сейчас пещера сильно замята глиной, от образовавшегося где-то вверху провала, но и раньше она едва ли представляла интерес, так как завалена очень большими камнями, упавшими уже давно. Пещера достаточно древнего образования, так как в ней можно видеть сталактиты длиной до 15 см.

У Никиты после того, как он в Ивделе сказал, что не знает сказок, я их не спрашивал. Теперь же его, по-видимому, задело, что я пишу у Дмитрия. Он сказал, что Дмитрий недостаточно хорошо и полно знает сказки, а 18-го вечером, когда собрались у него несколько человек, он принялся рассказывать. Действительно, дал хороший полный вариант *ан хумы консы...* *воввес* и затем рассказал очень интересную сказку *хурум Пор не*. В ней интерес представляет то, что *Мось* не выходит замуж за медведя-человека.

19.10. Вышел с Никитой на Авсуп-пауль. Пока прособирались, время перевалило за полдень, так что далеко идти не удалось. Да и идти очень трудно. Перед нами прошло лишь несколько человек,

которые ступали след в след, так что при ходьбе приходится соблюдать равновесие. К вечеру отошли 9 км и остановились ночевать у Тошемки. Срубили надыю. Для нее Никита выбрал сухостойную сосну, которую разрубили на несколько частей. Комлевый обрубок метра 3 положил на низ. На него следующий от комля длиной метра 4 так, чтобы один конец выдавался. Этот конец он зажал между березой и колом, верхушку которого крепко стянул ремнем с березой. С другого конца между бревнами положил конец толстой жерди. На уровне верхнего края нижнего бревна с помощью двух сошек (*cap*) укрепил продольное бревно из сырого дерева диаметром 15 см — поднодейник (*нутья пох йив*). Два других обрубка сосны, длиной метра по 4, положил один на другой позади подстилки из еловых лап, так что они образовали стенку у нас за спиной. Сдвинув свободный конец верхнего бревна, он развел на нижнем конце и поднодейнике огонь. На этом огне вскипятили чай. Впоследствии огонь был разложен по всему поднодейнику, а верхнее бревно положено на место. Когда подья разгорелась, зажатый конец верхнего бревна был несколько осажен, но не настолько, чтобы бревна разгорелись пламенем, а поднодейник сброшен.

За чаем Никита начал рассказывать, главным образом, про медведей. На Лозье слово «медведь» *торен* табуируется гораздо меньше, чем на Сосьве, где его, по существу говоря, не произносят никогда. Один вогул встретился лицом к лицу с медведем. Ружья у него с собою не было. Он остановился и начал говорить медведю, что он никакого вреда медведю не делает и зла ему не желает. «У тебя когти и клыки, а у меня, смотри, только руки одни. Что же ты на меня полезешь?» Медведь устыдился и ушел. Подобные рассказы я слышал неоднократно. Вогулы верят, что медведь понимает слова и стыдится нападать на безоружного. Другой рассказ был о том, как медведь разорвал одного пелымского вогула за то, что тот всегда хвалился, что не боится медведя и еще отозвался о нем насмешливо и худо. Этот рассказ не менее типичен, чем предыдущий.

Дорогой Никита убил белку. Когда он обдирал первую, то дробинки, бывшие под шкуркой (они обычно застревают там), положил в трещину бревна, на бревно положил передние лапки белки и кусочек колбасы: «Пусть она не сердится. Мы ее хорошо приняли».

20.10. Идем дальше. Дорога все хуже и хуже. Человеческих следов не осталось. Есть лишь след нарты, а по нему идти очень тяжело. После полудня нас догнала на оленях жена Н. Фадеева. У нее на нарте были котомки Евгения и Николая, сами же они шли сзади. Остановились ночевать у Митри-пауля на берегу Тошем-я. Дома Дмитрия уже не сохранилось, он сгорел. Стоит лишь маленькая юрточка Укладова. С нами остались ночевать и Евгений с Николаем. Вечером традиционные рассказы о медведях. Никита рассказывал про то, как однажды в юрту к человеку пришел

медведь. Шкура его была обледневшей. Вошел и встал близко, больше ничего не делает. Вогул очень испугался, но вскоре нашелся. Нарезал хлеба, положил в чашку, взял жиру. Поставил на стол и все это перед медведем. Медведь взял хлеб, разломил и начал его есть, макая в жир. Когда сварилось мясо, человек поел. Мясо остыло, тогда и медведь взял кусок. Дверь в юрту оставалась открытой. Человек хотел выйти. Тогда медведь осторожно ухватил его лапой и держит. Человек вернулся, оделся, подпоясался. Тогда медведь выпустил его. Человек пошел, и медведь за ним. Вскоре на дороге показалось что-то, это был замерзший медведь. Вся шкура его была покрыта льдом. Человек остановился, а медведь повернулся и ушел. Когда замерзшего медведя ободрали, под шкурой оказалась одежда. Это был человек-оборотень, так же как и ушедший медведь. Человека похоронили.

Для того, чтобы обернуться каким-либо зверем (*пентхат*), сгибают дугой палку, на ней вырезают изображения различных зверей. Произнося определенные слова, надо пролезть через эту дугу. Для превращения не надо быть шаманом, а только необходимо знать слово (*латынг*). Превращающиеся шаманы — это совсем другое дело. Оборачиваться животными умели как вогулы, так и русские.

21.10. Вышли дальше. Днем шел сильный снег, от которого дорога стала еще хуже. К темноте с трудом добрались до вершины Косма. Здесь заночевали под тремя большими деревьями (два кедра и ель), которые отныне получили название *пув исалтан ульна тит*.

22.10. Перед уходом сделали затес (Никита делал затес и в первую ночь). Затесали сторону, обращенную к дороге, и одну боковую. На лицевой сделали вверху три зарубки — три человека и внизу две — две собаки, а на боковой — тамги (рис. 16, 7).

Спускаться было значительно легче. Вскоре добрались до Авсүх-я, за ним перешли через маленький его приток Кол-халми-я и наконец пришли в селение. Сначала зашли в юрту Е. Бахтнарова, где был в это время приезжавший молочный брат Николая — Прокопий. Здесь попили чай, и Николай уехал. Евгений, пришедший вечером (он не остался ночевать с нами), остался здесь, а мы с Никитой ушли в его чум. Юрта сейчас стоит без окон, а потому поместились в чуме. Чум хороший: в нем устроены по обе стороны *пал*, возвышающиеся на 20—25 см над землей. Стоит чум на том же самом месте, где стоял и 13 лет назад, когда я был здесь в первый раз.

Вечером выпили по чарочке, после чего Никита стал, как всегда, очень разговорчивым. Спросил у него про *пуных* Елесинных. Никита сказал, что его держал старик, который перед смертью передал Ивану. Но последний *пуных* *пуныл ат сунси* и, таким образом, священное место осталось брошенным. Он тоже слышал, что *Леп-тит ойка* — брат *Сав-пауль ойки*, но не знает — кто старший, кто младший. Я рассказал, что в том месте, где я работаю, у меня

собраны различные вещи и есть пупых. Есть и *Мир сусне хум*. Н. Я. расспросил, как они содержатся. Я рассказал. После этого он спросил: «А что если бы я приехал, *пурлунех* можно?» — «Отчего нельзя», — говорю. «Я тогда, — говорит, — кое-что пошлю. Ты только никому не показывай, не говори. Я пошлю, ты отвезешь и все».

Потом он спросил, знаю ли я какой пупых в Нялтанг. «Нет», — говорю. — «Я видел. Меня на жертвоприношение звали, тогда старик мне и показывал. Это в Али-нялтанг, их пупых — *олнани*, величиной с твой котелок (20 см). Завернута в платки, только половина видна была. Во время жертвоприношения ее повесили, а так лежит у него. Он мне после как следует показывал. Посредине на лошади Полум Торум, а по краям еще четыре лошади; на одной Мир сусне хум, на другой... на третьей..., а на четвертой еще *Хул отыр*, но он не на лошади, а так внизу».

Эту чашку нашли давно внизу. Там ненцы живут, только безоленные, они рыбу ловят (побережье Хэ нуйко, до Нового Порта). Однажды они неводили. Поймали 500 п. рыбы, и все хорошей. На другой день опять 500 п., и среди рыбы семь блюд и все одинаковые. После этого рыба не стала ловиться совсем. Один шаман ворожил, сказал: «Одну чашку у себя оставил, а остальные пусть возьмет тот, кто первый придет и захочет их взять». Так и сделали. Одну он у себя в чуме держал. Остальные в платки завернули и на березу повесили. Немного времени прошло, он умер. Тогда чашку другой брат в свой чум взял и тоже вскоре умер. Семь братьев их было, и все умерли. Была там девушка одна — шаман. Она ворожить стала. Говорит: «Ни одной чашки оставлять нельзя. Эти чашки в другие места назначены. Сейчас их все повесьте на березку в тундре. А потом придет сверху человек, с Сосьвы-реки с темной водой. Он будет не шаман, не ворожей, но ему надо отдать». Так и сделали. Действительно, приехал однажды человек, не был он ни шаманом, ни ворожеем, а просто рыбачить приехал. Был он с Сосьвы, из селения Али-нялтанг. Стали ему отдавать чашки, но он отказался взять. Уехал. После этого начали умирать люди в этом роду. Тогда снарядили лодку, и несколько человек отправились в путь. Долго они ехали, пока добрались до Семыл-витун-тепынг-тахт. Поднялись по ней до селения Али-нялтанг, разыскали человека того и вручили ему чашку. Остальные чашки развезли по другим местам, не знаю куда.

С тех пор она и находится в Али-нялтанг.

23.10. Никита с утра ушел в соседние юрты, где живет П. Бахтияров, чтобы попросить оленей привезти нам хлеба и других продуктов, а также привезти жену Никиты, Ольгу. Я в это время приводил в порядок материалы. Под вечер Павел, идя из леса, завернул к Егору, мы тоже пошли туда. Просидели весь вечер.

24.10. Пошли по юртам, так как дома есть нечего. К вечеру уже в темноте пришли в Яхум-пауль, но Якима Ивановича не за-

стали, он ушел на Тошемку. У Якима юрта без чувала, только железная печка, да *усак* (очаг) -- печь из глины с вмазанным в нее котлом. Отсутствие чувала сильно сказывается; воздух в юрте в достаточной степени мертвый. Рядом с юртой Якима маленькая юрточка Николая Яковлевича. Поселок перенесен сюда с устья Токты уже несколько лет назад. Во всех юртах теперь имеются наружные печки для хлеба. В прошлую мою бытность была (как говорят, так как я сам не помню) только у Якима Ивановича на устье Токты.

25.10. Утром пошли дальше. Километрах в 1,5 находится юрта Василия Николаевича; это около того места, где дорога пересекает Вижий, т. е. километра 3 от устья Токты. Дальше пошли через Тактув. Лыжи, на которых я шел, невероятно тяжелы и сильно натерли мне ноги. Здесь дорога уже немного наезжена, а потому лыжи оставил и пошел пешком. Перевалив через гору, спустился к Токте, а за ней поднялся на увал рядом с Сала-тум. Здесь Токта-пауль. Живут В. П. Бахтиаров, его жена, вдова И. Елесина. С ними живет и И. И. Елесин — *Котиль пыг* — единственный представитель рода. Но его, к сожалению, нет дома. Немного в стороне — женатый на Дарье племянник Никиты.

26.10. В одном из продольных бревен крыши торчит стрела над *мули пал*: Василий Петрович недавно убил медведя. После окончания праздника стреляют с закрытыми глазами вверх. Если попадет в *пер* — среднее бревно, значит, скоро будет еще медведь. Стрела оставляется в крыше до следующего медведя. Спросил у Никиты, почему нельзя есть сырое мясо лося: «Раньше у нас был пупых в образе лося. Он был ростом почти с человека, из камня. Лет 50 назад во время лесного пожара сгорело священное место, а лось треснул и развалился. С тех пор его оставили. Хороший пупых был; чего ни попросишь — все давал. Он не наш был. До прихода Бахтиаровых, сказывали, он был в другом месте. Держали его Сотины. Потом Сотины все умерли, лося взяли мы. Он был на Тумп-усум. Теперь я, пожалуй, и места не найду. Пожалуй, может указать только Яных-мань пыг. Он в том месте жил».

Я спросил Никиту: «Может, сходим весной туда?» Он сказал, что можно, Василий покажет.

Что за судьба постигла лозьвинские роды? Были Сотины, Коврижкины, Укладовы, Кислоповы, Елесины. Остались лишь Иван Елесин и Петр Укладов, больше никого! В свое время мне говорили, что лет 50 назад была страшная оспа, после которой почти никого не осталось. Но оспа еще не объясняет всего. Местных родов оставалось мало уже задолго до того. Верхняя Лозьва буквально вся вымерла, и если бы не пришли сюда с Вишеры Бахтиаровы, вогулов почти не было бы.

Нанял оленей и поехал в Авсух-пауль. Никита пошел пешком с охотой. Вечером доехал. Егора не было дома, возможно, он ночует в лесу. Если он не придет, надо будет сходить в юрту Павла, а то есть нечего.

27.10. Утром снимал селенне, писал дневник. Сходил вниз, Егора нет. Около полудня собрался идти в Али-пауль. Когда спустился вниз, то увидел, что Егор дома. Зашел к нему. Он предложил напиться чаю у него, тем временем, быть может, придут и из Тошемки. Так и сделал. С Егором много не поговоришь. Это очень молчаливый человек, громадного роста, с быстрыми, порывистыми движениями. В нем есть, очевидно, сколько-то той нервности, которая сделала его брата Савву, похожего на Егора, шаманом. Сейчас Егор может, покрывая на лыжах огромные пространства, без собаки добывать белок больше, чем другие с собаками. Есть в нем что-то примитивное, что заставляет представлять его бегущим за лосем на лыжах с луком и дубинной в руках. Сейчас он четыре дня не был дома. Гонялся за лосем, последние полтора дня без еды.

Когда мы собрались пить чай, приехала сначала жена Василия, которая ездила в Али-пауль, а вскоре вслед за нею и люди из Тошемки. Хлеба они мне привезли лишь одну буханку. Что нам ее — на один день! Опять срыв, снова придется что-то придумывать. Иначе будем без еды. Егору хлеба не привезли совершенно. У Кирилла он купил хлеба одну буханку, килограмм 5, за новые чулки из домашнего толстого сукна. Такие чулки, принимая во внимание отсутствие сукна, стоят во много раз дороже. Люди уехали. Мы попили чаю, а почти вслед за этим пришел и Никита. Он спустился к нам, Егор позвал его пить чай. Стали обсуждать, что нам делать. Никита хотел идти на Зауральский, но я решил, что лучше будет съездить ему на Тошемку. Завтра во всяком случае проживем дома.

Вечером попросил Егора поиграть на *нерне йив*. Он охотно согласился. Играет он хорошо. У него прекрасная техника, и из одной струны он ухитряется извлекать много звуков. Он сидел, устремив глаза в огонь, и играл, быстро перебирая лады пальцами левой руки. *Нерни йив* — инструмент отнюдь не местного происхождения. Смычок с конским волосом и самый тип инструмента — примитивная скрипка с прямой, довольно длинной декой — напоминает инструмент иранского мира. Что он достаточно древен, говорит вогульское название *нерне йив* от глагола *нери* 'играть на инструменте'. Этимологизируется: остяцкое *нарыс юх* — пятиструнный инструмент, именуемый по-вогульски *сангыльтап*. *Нарыс юх* — букв. 'дерево для пиления' от глагола *нар* 'пилить, тереть'. Но самый *нерне йив*, т. е. инструмент смычковый, остякам не известен. Сохранилось лишь название, перенесенное на другой инструмент. Распространен *нерне йив* лишь на Лозье и в вершине Сосьвы, где вообще сильно лозьвинское влияние. Надо будет посмотреть в иранских инструментах и их названиях. Сфотографировал Егора за игрой при магнии, не знаю только, что получится. Ночевали у него.

28.10. Утром Никита заявил, что идет в лес. Я — на дыбы. Кое-как заставил его остаться, но, как назло, то пришел Евгений,

го прибежала Дарья. Дарью я не видел 13 лет. За это время она превратилась из дичившейся всего девочки в молодую женщину, очень милостивую, быструю, порывистую, по-видимому, очень кокетливую. В сером гусе, коротко подпоясанном, с ножом в женских ножнах на поясе, пестрой косынкой на плечах и ружьем в руке, раскрасневшаяся от ходьбы, она представляла собою замечательно живописную фигуру. Болтающийся на поясе белки дополняли картину, создавая полный колорит вогульской женщины-охотницы. Тип, стоящий невероятно далеко от греческой Дианы-охотницы, несомненно примитивнее последней, несмотря на ружье, но вместе с Дианой идущий от общего корня — матриархального общества. Разумеется, сфотографировал ее с собакой и без собаки. После ухода Дарьи писал до тех пор, пока не стемнело. Записал почти всю сказку *хурум Пор не*.

Вечером стал расспрашивать Никиту, почему ему нельзя убивать сову. Не говорит. Рассказал зато несколько сказок. Они все хорошие для детских сборников. Надо будет записать их. Рассказал и потыр про *Мось хум*, как он гнался за лосем. Характерно, что, говоря о *Мось хум* и *Кер хонгра хум* (человек с железными подколенками), он сказал, что оба они были *Мось хумых саньген сирыл. Тен ангкв пагынс олсыг, саняхен, сас Мось не*. Итак, фигура *Мос хум* восходит к матриархату и принадлежит к фратрии *Мось* по матери. Это дает, следовательно, датировку сказаниям такого типа (погоня за лосем) и возводит их к матриархату. Есть здесь и какая-то связь с писаницами. Кстати, вишерские писаницы Никита видел, но ничего о них сказать не может. Он сказал, что люди научились делать лыжи, глядя на *Мось хум ёсанг лёнх* — Млечный Путь. Он культурный герой фратрии *Мось*. Снова имя *Мось хума* невольно связываешь с *Мир сусне хум*. Не есть ли последний — патриархальное преломление первого? Фигура культурного героя, фигура в какой-то степени, очевидно, космическая, после становления отцовского рода превращается в предка, вытесняя *Калтась*. Быть может.

Бегло рассказав о том, как был спущен с неба медведь, Никита сказал, что он был опущен у речки Онс, притока Пельма, 15 км (рекой) выше Массанг-пауль. Выше его еще Полум-пауль, 40 км. Это еще область пельмского диалекта. Вогулы там живут по-русски, но связь с Лозьвой постоянно есть. Здесь нет такого разрыва, как между Кондой и Сосьвой. Старик из Полум-пауль ездит и на Сосьву (Яных-пауль) и на Лозьву. Его не раз привозили сюда в гости, да и лозьвинские вогулы ездят туда. Яким Иванович даже жил в Пельме и умеет говорить на пельмском диалекте.

Конда, Пельм, Тавда, Лозьва, Юж. Сосьва — это все районы обрусения, Бахтиаровы не в счет. Они из-за Урала и представляют собой род гибридный. Все указанные реки — притоки Иртыша и Тобола были более доступны для колонизации, во всяком случае, для проникновения русского влияния. Сосьва удаленнее. Ее устье, т. е. заход в нее, на 600 км ниже Конды, а это много значило. Ни-

же устья Иртыша русское влияние чувствуется вообще слабее. Как шло русское влияние, так, очевидно, распространялся и угро-скифский иранский элемент: по рекам. Но он проникал глубже и длительнее, зайдя до Крайнего Севера. Его влияние в отношении разрушения первобытно-коммунистических отношений сказывается именно по рекам. Яркие следы — городища. Их много на Тавде, внизу по Лозьве, Юж. Сосьве, Конде и Сев. Сосьве. Верховья Лозьвы, Тагила, возможно, Туры, дают почти полное отсутствие городищ. Это места, где более примитивный строй должен был держаться дольше. И, по-видимому, это так.

Верховья Лозьвы — бродячие группы, переходившие от одной охотничьей стоянки к другой. Тагил и Тура дают писаницы еще во времена бронзы, что тоже примитивно. Когда Мось хум со своими товарищами достиг Лозья, то они жили здесь семь лет, пока всего его не съели. Прекрасная иллюстрация охотничье-бродячего образа жизни.

29.10. Утром за чаем спросил: «Правда ли говорят, что сова очень умная?» — «Кто знает. Когда я ее встречаю, то всегда говорю ей *«манквля»!* Она оборачивается и смотрит на меня. Как скажу ей *«манквля тыг суасен!»*, так и посмотрит». — «Другие если говорят, она тоже оборачивается?» — «Не знаю, никто, наверное, кроме меня ей не говорит. А я всегда, как увижу, так и скажу». После этого он рассказал маленькую сказочку о сове и ястребе. О том, как она его дурачила.

Попили чай, и Никита пошел в Али-пауль посмотреть оленей. Я ждал, когда он вернется. Если он уедет сегодня, пойду в Яхим-пауль. Там есть старуха, которая *саха мойтинг, саха потринг*. Никита не пришел. Вечером услышал: залаяли собаки у Егора. Спустился туда. Оказалось, не Никита, а Евгений и Николай. Николай вскоре уехал домой. Сегодня оленей найти не могли. Поеду завтра утром.

30.10. Никита приехал лишь около полудня. Он сейчас едет, а вернется 1-го к вечеру. Я пошел в Нил-пауль. Пришел туда уже в темноте. *Яхим онип эква* (мать его жены), слепая, очень разговорчивая старуха. Она с Ворья, из Вор-я-пауль. Она согласилась рассказывать. Сын Якима (от первой жены) — очень славный мальчик, прекрасный охотник. Сейчас добывает по 12—15 белок в день. Яхим онип эква очень не довольна образом жизни на Лозьве. Ей не нравится, что поселок далеко от реки, двери низкие, дома меньше, чем на Сосьве, и постройки вообще хуже (особенно по сравнению с Тапсуем).

31.10. Яхим онип эква рассказала сказку про мышонка, начало несколько отлично, а именно: *менкв* купил мешок муки и поставил его в доме или амбаре. Мышонок устроил гнездо в этом мешке. Менкв, увидев мышиное гнездо, выбросил его и растоптал. После этого мышонок собирается войной на менкву.

Пошел домой. Вечером приехал старик Ячи с мл. дочерью Прасковьей. Очень интересны отношения Егора с ней. Прасковья

его кил 'сестра жены'. Отношения у них чрезвычайно интимные и совершенно очевидно, что они используют свои права. Ночью я и Евгений легли в *мули пал*. Ячи в *лох пал*, а Прасковья — вместе с Егором, что не вызвало никакой реакции со стороны старика.

1.11. Егор уехал в Тошемку, он сел на нарты Прасковьи. При этом отец спрашивал у него, где ему желательно ехать: с ним либо со своей кил. Таким образом, права кил вполне признаются.

3.11. Приехал Никита. Окра его *еси*. Окра стала приводить в порядок *нор кол*. Вечером приехал Кирилл и позвал нас в гости в Али-пауль. Здесь одна юрта, построенная Кириллом. Живут в ней сам Кирилл, Павел с женой и их молочный брат (*анси*) Николай Фадеев. Живут общим хозяйством, за исключением оленей и личных вещей. Характерен обычай дарить или, вернее, передавать бутылку гостю. Кирилл подошел ко мне и сказал, что они очень рады моему приходу и пусть этой бутылкой я угошу всех сам из своих рук.

4.11. Вернулись и переночевали в *нор кол*. Сегодня записал наконец предание об *Али нялтанг олн ани*.

ОТЧЕТ

11.09. Я приехал в Н. Тагил, откуда уже надлежало выехать в район работ. Лодку удалось приобрести в тот же день, и после окончательных сборов (13.09) выехал вниз по р. Тагилу. Продвижение по реке, вследствие засушливого года, было чрезвычайно трудным. Камни на перекатах обнажились и лодке непрерывно приходилось выдерживать сильные толчки и удары. В результате этих ударов лодка получила течь, дно ее треснуло и около д. Балакиной лодку пришлось оставить.

От д. Балакиной до д. Пряничниковой пришлось ехать на лошадах, после чего удалось приобрести новую лодку, на которой и поехал дальше, беря от деревни до деревни проводников из местных жителей.

Во второй половине сентября начались заморозки, также затруднявшие продвижение по реке. На порогах приходилось лодку проводить на руках, невзирая на наступающий лед. Тем не менее удалось доплыть до д. Гасвой, близ которой на одном из порогов лодка получила значительную пробоину в носовой части, так что ремонтировать ее не было смысла, принимая во внимание, что до окончания речного пути осталось немногим более 10 км.

Несмотря на указанные затруднения, на протяжении пройденного маршрута удалось собрать значительное количество материала, позволяющего осветить многие темные моменты истории развития общества и этногенеза югров. В частности, по-видимому, полностью удастся разрешить вопрос о наскальных изображениях. Последние собраны в количестве свыше 150 изображений. Изображения помещаются, как правило, на скалах, обращенных к реке,

частью у подножья утесов, а частью на значительной высоте, 12—15 м над водой.

В большинстве случаев контурные изображения исполнены красной краской, наложенной линиями шириной около 10 мм. Сохранность писаниц, как правило, посредственная и плохая, так что во многих местах можно лишь установить существование здесь изображения, но разобрать его не представляется возможным. Для большинства писаниц характерно изображение сцен охоты, главным образом, охоты на лося ловчими загородками. Такую сцену, например, находим на скале Зеньковской, в 3 км выше д. Гаевой, где на высоте 15 м изображено стадо лосей, заходящее в загон.

Закончив работу по р. Тагилу, я 1.10 выехал на лошадях в г. Верхотурье и далее через Надеждинск в Ивдельский р-н, куда приехал 10.10. Погода в это время держалась очень холодная и сухая, но 11.10 начал падать снег. 12-го выехал из Ивделя в селение Тошемку, построенное несколько лет назад, где находится нац. совет, мед.-и ветпункты и мансийская школа. Селение сильно пострадало от бывшего незадолго до моего приезда лесного пожара, но тем не менее, несмотря на крайне тяжелые жилищные условия сотрудников, уменьшившуюся площадь самой школы и другие затруднения, занятия шли своим чередом.

Из Тошемки в сопровождении трех манси я вышел в соседние юрты. Достигнуть их было нелегко. Олени еще не пришли с гор, дороги не промяты — все покрыто полуметровым снегом. Выпавший ранее обычного снег застал всех врасплох, так что под рукой не было даже достаточного количества лыж. Пришлось идти вброд, неся на себе все снаряжение и продовольствие. Лишь на 4-й день удалось перевалить лесистый кряж и достичь стоябища Авсупауля, в районе которого я и намеревался поработать, с тем чтобы вернуться в Тошемку к Октябрьским праздникам. В ночь на 5-е в сопровождении манси, шедших на праздник, я вышел из Авсупауля, и 6-го мы были на месте. В Тошемке я принял участие в проведении праздника, в частности, служа переводчиком в продолжение торжественного заседания.

После праздников (по окончании всей работы) выехал 10.11 в Ивдель, а вечером из Ивделя через Надеждинск в Тагил. В Тагиле остановился на день для ознакомления с материалами Тагильского музея и 17-го сел на поезд в Москву.

СЛОВАРЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И МЕСТНЫХ СЛОВ

(русских и на языках народов Севера)

- Аги (манс.) — дочь
Адер — род ненцев
Ай (хант.) — маленький
Акв (манс.) — один
Амп (манс., хант.) — собака
Антынг сорт (манс.) — рогатая щука
Аны (манс.) — чашка
Апа (манс.) — колыбель
Аргиш — караван из нескольких оленей, запряженных в грузовые нарты
Арка нэнэць (нен.) — большой человек
Атынг-атынг (манс.) — мучная каша
Базьяновка — лодка, см. кедровка
Бакари — обувь из оленьих камусов (см.)
Бечева, бечевник — береговая полоса, обнажающаяся после спада половодья
Вай (манс.) — обувь
Вандако (нен.) — оденья нарта для перевозки одежды и продуктов
Валс (манс.) — зять; классификационный термин родства
Варк (нен.) — медведь
Вас (манс.) — утка
Ват (манс.) — ветер
Вати (манс.) — короткий
Вит (манс.) — вода
Водяное небо — относительно темная окраска неба на горизонте над открытой водой в полярных морях
Вой (манс.) — жир
Вор (манс.) — лес; дикий
Ворсик (манс.) — снига
Выставать — подниматься, влезать
Выходной — пушной зверь в начале зимы, когда его мех становится длинным, пушистым и принимает зимний окрас
Гимга — рыболовная снасть из прутьев в форме цилиндра
Гусь — мужская глухая одежда с капюшоном, см. также совик, сокуй
Джонсон — нарезное охотничье оружие
Ели (манс.) — нижний
Епитрахиль — одно из облачений священника, надеваемое под ризою на шею
Ернкол (манс.) — чум
Еркар (нен.) — род
Еся (нен.) — железо
Ех (манс.) — народ, люди
Жакан — круглая пуля для гладкоствольного ружья
Запор — сооружение для лова рыбы, перегораживающее водоем или его часть
Ив, йив (манс.) — дерево

Иглу — эскимосское снежное жилище
 Ики (хант.) — старик
 Имта (манс.) — чучело
 Ирий (нен.) — месяц
 Ис, исхор (манс.) — душа-тень
 Ианых (манс.) — большой
 Пармак (манс.) — шелк
 Пек, йикв (манс.) — танец
 Перкар (нен.) — род
 Пингыт (хант.) — коробка
 Пипыг (манс.) — филли
 Пир (манс.) — жертвоприношение с убоем животного
 Поли — см. ёли
 Камка (манс.) — гимга (см.)
 Камус — шкура с ног оленя или лося, идет на пошивку обуви, рукавиц
 Карча — замытое в песке под водою дерево
 Каслатъ — перекочевывать, переезжать
 Кастн (манс.) — зять
 Кастил эрыг (манс.) — песня для призывания духа
 Кати (манс.) — кошка
 Катпос (манс.) — тамга (см.)
 Катры — ласты
 Кедровка — долбленная из кедра лодка; птица
 Кент (манс.) — шапка
 Кил (манс.) — классификационный термин родства
 Кисы — камус (см.)
 Киттыг (манс.) — два
 Койп, коюп (манс.) — бубен
 Койудынг нийт (манс.) — категория шамана
 Кол (манс.) — жилище, дом
 Колвинцы — группа народа коми
 Король, хороль — самец
 Косач — тетерев
 Коссум (манс.) — емкость из бересты
 Котиль, котыль (манс.) — середина, средний
 Кошар (манс.) — бурундук
 Кукук (манс.) — кукушка
 Куль, хуль (манс.) — злой дух
 Курынг вой (манс.) — лось
 Курья — залив, заводь
 Лагыл (манс.) — нога
 Ленгын (манс.) — белка
 Лесовать — охотиться
 Лиленг (манс.) — живой
 Лили (манс.) — душа
 Ложарный нож — нож для изготовления ложек
 Лом — завал из леса на реке
 Лыва — болото, топкое влажное место
 Луит (манс.) — гусь
 Лысавэй (нен.) — с костью
 Люли (манс.) — гагарка
 Ляхтхати (манс.) — возрождается
 Ма I (нен.) — жилище, чум
 Ма II (манс.) — земля, местность
 Малица — глухая длинная одежда мехом внутрь, большей частью с капюшоном
 Мандара — возвышение на болоте, поросшее сосняком
 Манквла (манс.) — сова
 Манту — ненецкое название энциев
 Мань (манс.) — маленький
 Махум (манс.) — народ

Менка (манс., хант.) — сверхъестественное существо, живущее в лесу и обычно
 праждебное людям
 Мойт (манс.) — сказка
 Мохар (манс.) — изображение умершего
 Мули пал (манс.) — часть жилища, где живут холостые мужчины
 Мутран няйт (манс.) — категория шамана
 Мыр (хант.) — народ, общество
 Нагалище — чехол
 Най (манс.) — огонь
 Наиг (манс.) — ты
 Нанк (манс.) — лиственница
 Нас пенгне няйт (манс.) — шаман определенной категории
 Нащеп — продольный брус, соединяющий верхние концы копыльев нарты
 Нга (нен.) — дух болезни и смерти
 Нга' ну (исн.) — утка
 Нгута (нен.) — нарта для шестов чума
 Нгылико (нен.) — злой дух
 Нгытарма (нен.) — изображение предка, умершего шамана
 Не. нэ (манс.) — женщина
 Нёл (манс.) — нос
 Неплюй — шкурка двух с половиной — трехмесячного теленка оленя
 Нерпал (манс.) — болотистая сторона
 Нёр (манс.) — гора
 Нёхыс (манс.) — соболь
 Нодья — костер на ночлегах в лесу
 Нойд — шаман
 Норкол (манс.) — бревенчатая зимняя избушка
 Норма (манс.) — навес, полка
 Нум — верховное божество
 Нюк — меховая или ровдужная покрывка чума
 Няврам (манс.) — ребенок
 Нял (манс.) — стрела
 Нялы (манс.) — ложка
 Нянь (манс., хант.) — хлеб
 Няр (манс.) — болото
 Нярас (манс.) — лягушка
 Нярки, няры — короткая обувь с головкой из шкуры оленя или лося и голени-
 щем из сукна
 Ойка (манс.) — мужчина, муж
 Опириц (манс.) — предки
 Оснимывать — снимать шкуру
 Осси (манс.) — тонкая стружка, употребляемая для вытирания
 Отэр, отыр (манс.) — богатырь, вождь, военачальник
 Очин — трубка, дудка пера птицы
 Ошкаторить — окантовать
 Ошмар хум (манс.) — волшебник, выдумщик
 Пал (манс.) — половина, сторона
 Панда — меховая опушка на подоле одежды
 Пасса (манс.) — рукавицы
 Павыл, пауль (манс.) — поселение
 Парнэ — сверхъестественное существо женского рода
 Пелейковый олень — крайний правый в упряжке
 Пенгне няйт, пенгне хум (манс.) — категория шамана
 Перна (манс.) — крест
 Пешка — шкура теленка оленя
 Пими — зимняя обувь из оленьих камусов (см.)
 Пирва (манс.) — чирок (утка)
 Подволока — лыжа с меховой подшивкой
 Подеры — упряжь
 Подпаль — рыжеватые места в пушных товарах

Попрыск — пробег оленей между остановками
 Пори (манс.) — жертвоприношение
 Порых (манс.) — зонтичное растение
 Порыхпан (манс.) — лягушка
 Постель — шкура, снятая со взрослого оленя зимой
 Пот (манс.) — котел
 Потыр (манс.) — рассказ
 Пошварник, пошвор — болотистый кедрово-еловый лес
 Пунк (манс.) — голова
 Пупых (манс.) — дух
 Пыг (манс.) — сын
 Пыря (нен.) — щука
 Пыхты (хант.) — черный
 Пя (нен.) — дерево
 Пян хасово (нен.) — лесные ненцы
 Ремингтон — нарезное охотничье оружие
 Роот, рот (манс.) — род
 Руч (манс.) — русский
 Сава, саво (нен.) — шапка
 Сэг (манс.) — коса
 Сак (манс.) — палица, дубина
 Сали (манс.) — олень
 Самбана (нен.) — категория шамана
 Сан (манс.) — коробка из бересты
 Сангультап, санкыльтап (манс.) — пятиструнный музыкальный инструмент
 Сань — см. шань
 Саран (манс.) — зырянский
 Сас (манс.) — береста
 Сасыг (манс.) — двоюродный брат; классификационный термин родства
 Сахи (манс.) — верхняя распашная одежда женщин
 Сежа — сеть для ловли рыбы (обычно в виде мешка)
 Сельпо — сельское производственное объединение
 Симка, симса — внутренний, священный шест в чуме
 Синяк — одноцветный серо-дымчатый песок, таким он бывает в начале осени
 Сипаль (манс.) — ножны
 Сир I (манс.) — посох
 Сир II (манс.) — род
 Сирай (манс.) — сабля
 Сирти — древнее население Субарктики
 Сов I (манс.) — звезда
 Сов II (манс.) — мелодия
 Сов III (манс.) — шкура
 Совик, сокуй — мужская глухая одежда мехом наружу
 Совыр (манс.) — заяц
 Согра — кочковатое болото, поросшее смешанным лесом
 Сомьях (манс.) — амбарчик
 Сопр (хант.) — лягушка
 Сорт (манс.) — щука
 Соруп (манс.) — лось
 Сос I (хант.) — змея
 Сос II (манс.) — чага
 Сот (манс.) — счастье
 Сохо (нен.) — сопка
 Сув (манс.) — посох
 Сул (манс.) — кора
 Сырп — сеть особой формы; сырпать — ловить рыбу с помощью сырп
 Сябу хан (нен.) — «поганные» нарты
 Сядай (нен.) — антропоморфное изображение духа, вырезанное из дерева

Тайи (манс.) — большая ложка, черпак
 Тамга — знак собственности
 Тан (манс.) — мотив
 Тарых (манс.) — журавль
 Тахыт (манс.) — гагара
 Тешик (нен.) — гусь-гуменник
 Тонгх (хант.) — дух
 Тор (манс.) — ткань, сукно
 Тулххлап (манс.) — веселые игровые песни, исполняемые на медвежьем празднике
 Туман — озеро, образованное разливом реки
 Тур (манс.) — озеро
 Тый (хант.) — вершина
 Тылсь (манс.) — месяц
 Тынзян — аркан для ловли оленей
 Тэнз (нен.) — объединение людей, в прошлом, возможно, племя
 Тэрнынг (манс.) — военный
 Тюр (нен.) — хорей, шест для понукания оленей
 Уй (манс.) — зверь
 Уйрись (манс.) — птичка
 Ульпа (манс.) — кедр
 Уля (манс.) — огонь
 Ура (манс.) — маленький амбарчик для хранения изображений умерших
 Уринэква (манс.) — ворона
 Урья — речной залив, соединяющийся с основным руслом
 Урман — густой хвойный лес, тайга
 Ут (манс.) — предмет, вещество
 Утренник — весенний или осенний мороз по ночам, бывающий до восхода солнца
 Халев (манс.) — чайка
 Хальмер (нен.) — букв. «покойник»
 Халя (нен.) — рыба
 Хан (нен.) — нарта
 Хановэй (нен.) — ястреб
 Ханса (манс.) — узор, орнамент
 Хапторка (нен.) — яловая важенка
 Хатань (манс.) — татары
 Хозаны (манс.) — большая миска, корытце
 Холи эрыг (манс.) — песня для пробуждения медведя на медвежьем празднике
 Хоп (манс.) — лодка
 Хормис (манс.) — бык
 Хоса (манс.) — длинный
 Хотал (манс.) — солнце
 Хор — племенной самец-олень
 Хуль — см. куль
 Хум (манс.) — мужчина
 Хунтиль (манс.) — крыса
 Хури (манс.) — узор, изображение
 Хэбидя яля (нен.) — праздник, святой день
 Хэхэ (нен.) — идол
 Чамья — амбарчик на столбах
 Черкан — ловушка ущемляющего действия на мелких зверей
 Чижи — меховые чулки
 Чувал — очаг в виде камина из жердей, обмазанных глиной
 Чуман, чумашка — берестяной кузов, лукошко; служит и для черпания воды
 Шитик — плоскодонная лодка, сшитая из досок
 Шкерить — снимать шкуру
 Шпенек — гвоздь без шляпки
 Щань (манс.) — мать
 Щовал (манс.) — чувал (см.)

Эпи (хант.) — девочка, девушка
Эква (манс.) — женщина, жена, старуха
Эрыг (манс.) — песня
Этпос (манс.) — месяц
Я (манс.) — река
Ягаги, ягаим (манс.) — сестра
Ягушка — женская шуба
Ялама (тюрк.) — куски или полоски ткани, приносимые в жертву духам
Ялпинг (манс.) — священный
Яля-ля (нен.) — священное, светлое дерево
Янг (манс.) — болото
Яхланг (манс.) — термин родства
Intichium (австрал.) — религиозно-магическая церемония умножения тотемического животного у австралийцев

СПИСОК РАБОТ В. Н. ЧЕРНЕЦОВА

- Карта Заозерского края. — Урал, 1925, № 7.
 Наконечник для ловли рыбы. — Охотник, 1926, № 1.
 Жертвоприношение у вогул. — Этнограф-исследователь, Л., 1927.
 Зоопарк вогула Алхати. — Всемирный следопыт, 1928, № 2, с. 140—143.
 Наталия Александровна Котовщикова. — Сов. Север, 1931, № 1, с. 165—166; Этнография, 1930, № 1—2, с. 158—160.
 Новый путь. Начальная мансийская учебная книга. Л.: Учпедгиз, 1932. — 80 с. (на манс. яз.) (в соавторстве с Л. Ригнес).
 Советский Север. Книга по обучению грамоте для начальных школ Севера. — Л.: Учпедгиз, 1932. — 64 с.
 Книга для чтения. Л., 1933, ч. 1 (на манс. яз.).
 Конспект мансийского языка. Л., 1933.
 Книга для чтения 2-го кл. М.-Л.: Учпедгиз, 1934, ч. 2 (на манс. яз.).
 Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л.: Гослитиздат, 1935. — 143 с.
 Древняя приморская культура на полуострове Ямал. — СЭ, 1935, № 4—5, с. 109—133.
 Про мышонка. Сказки и песни народа манси (вогулов). Л., 1936 (в соавторстве с И. Я. Чернецовой).
 Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.-Л.: Учпедгиз, 1936. — 116 с. (в соавторстве с Чернецовой И. Я.).
 Чум. — СЭ, 1936, № 6, с. 85—92.
 Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.). — СА, 1937, № 3, с. 254—256.
 Мансийский (вогульский) язык. — Языки и письменность народов Севера. Языки и письменность самодийских и финно-угорских народов. М.-Л.: Учпедгиз, 1937, ч. 1, с. 163—192.
 Отчет об этнографической экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР в Остяко-Вогульский национальный округ (1937). — СЭ, 1937, № 4, с. 209—211.
 Перевод на мансийский язык Тамби «Как человек научился летать». М.-Л., 1937.
 Термины средств передвижения в мансийском языке. — Сборник статей «Памяти В. Г. Богоразза». М.-Л.: АН СССР, 1937, с. 349—365.
 Три сказки. М.-Л., 1937 (на манс. яз.) (в соавторстве с Чернецовой И.).
 Фратриальное устройство обско-югорского общества. — СЭ, 1939, 2, с. 20—42.
 Очерк этногенеза обских югров. — КСИИМК, М.-Л.: АН СССР, 1941, вып. 9, с. 18—28.
 Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э. (Тезисы канд. дис., защищенной на заседании ученого совета ист. факультета МГУ 27 мая 1942 г.). — КСИИМК, М.-Л.: АН СССР, 1946, вып. 13, с. 153—156.

Изобразительное искусство обских угров. — Рефераты научно-исследовательских работ за 1941 г. Отделение истории и философии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945, с. 37.

Рец. на кн.: Эдингг Д. Н. Резная скульптура Урала. М., 1940. — КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1946, вып. 12, с. 173—176.

К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. — ТИЭ, н. с. М.-Л.: АН СССР, 1947, т. 1, с. 113—134.

К истории родового строя у обских угров. — СЭ, 1947, т. 6—7, с. 159—183. Статья переведена на венг. яз. (Будапешт, 1949).

О работах Мангазейской экспедиции. — КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1947, вып. 21, с. 159—162.

Опыт типологии западносибирских кельтов (доклад в секторе первобытной археологии 20 апр. 1945 г.). — КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1947, вып. 16, с. 65—78.

Результаты археологической разведки в Омской области (работы Северо-барабинской экспедиции 1945 г.). — КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1947, вып. 17, с. 79—91.

Орнамент ленточного типа у обских угров. — СЭ, 1948, № 1, с. 139—152.

Быт хантов и манси по рисункам XIX века. — СМАЭ. М.-Л.: АН СССР, 1949, т. 10, с. 7—33.

Зеленая Горка близ Салехарда. — КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1949, вып. 25, с. 67—74.

Рец. на кн.: Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949. — СЭ, 1950, № 3, с. 214—219.

Городище Большой Лог. — КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1951, вып. 37, с. 78—87 (в соавт. с Мошинской В. И.).

К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. — Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР; подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М.: АН СССР, 1951.

Древняя история Нижнего Приобья; Бронза усть-полудийского времени. Усть-полудийское время в Приобье. — В кн.: Древняя история Нижнего Приобья. МИА. М.-Л.: АН СССР, 1953, № 35, с. 7—71; 121—178; 221—241.

Городище Андрушин Городок. — КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1953, вып. 51, с. 93—98 (в соавт. с В. И. Мошинской).

В поисках древней родины угорских народов. — По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: Культпросветиздат, 1954, с. 163—192.

Рец. на кн.: Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1953. — СЭ, 1954, № 2, с. 183—187.

Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала. — МИА. М.-Л.: АН СССР, 1957, № 58, с. 136—245.

Рец. на кн.: Народы Сибири (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: АН СССР, 1956. — СЭ, 1958, № 3, с. 184—190 (в соавт. с И. С. Вдовиным).

W poszukiwaniu starożytnej ojczyzny ludów ugrojskich. — Slawadami dawnych kultur. Warszawa, 1958 (в соавт. с Мошинской В. И.).

Представления о душе у обских угров. — ТИЭ, н. с. М.-Л.: АН СССР, 1959, т. 51, с. 114—156.

Nyugat-szibériai szilárajzok — Különlénjomat az etnographia. Budapest, 1959, 1—3 szám, S. 3—10.

Древнейшие периоды истории народов уральской общности. — Тезисы докладов научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии и антропологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1960, с. 53—59.

К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. — Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus (20—24.9.1960). Budapest, 1963, с. 405—415.

Concept of the soul among the ob-ugrians. — Studies in Siberian shamanism. Translation from Russian sources. Toronto, 1963, N 4, p. 3—45.

Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси). — СЭ, 1964, № 3, с. 53—63.

К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, авг. 1964 г.). Отд. оттиск. М.: Наука, 1964. — 14 с. Статья переведена на англ. яз. (Москва, 1964).

Наскальные изображения Урала. — Свод археологических источников. М.: Наука, 1964, В 4-12. — 52 с., пл.

Обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем. — Zweiter Internationaler Finnougristenkongress. Helsinki 23—28.8.1965. Helsinki, 1965, S. 143.

Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем. — Congressus secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki 23—28. VIII. 1965. Pars II. Acta ethnologica. Helsinki. 1968, S. 102—111.

Мезолитические и неолитические племена Урала, Западной Сибири и Прикамья. — История СССР. М.: Наука, 1966, т. 1, с. 52—55 (в соавт. с О. Н. Бадером).

К вопросу о сложении Уральского неолита. — История археологии и этнографии Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 41—53.

О приемах сопоставления наскальных изображений. — СЭ, 1969, № 4, с. 107—113.

Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во ТГУ, 1969, с. 112—119.

Рец. на кн.: Popular beliefs and folklore tradition in Siberia. — СЭ, 1969, № 5, с. 165—168.

Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита. — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1969 г. М.: Наука, 1970.

Наскальные изображения Урала. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. ист. наук. М., 1970. — 62 с.

Древнее искусство Урала и Сибири. — История искусства народов СССР. М.: Наука, 1971, т. 1, с. 71—82 (в соавт. с Мошинской В. И.).

Наскальные изображения Урала, ч. 2. — Свод археологических источников. М.: Наука, 1971, В 4-12. — 120 с., пл.

Наскальные изображения уральского ареала. — Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972, с. 32—55.

О некоторых общих чертах в древних культурах народов Западной Сибири и Северной Америки. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974, вып. 4, с. 288—293 (в соавт. с Мошинской В. И.).

Bärenfest bei den Ob-Ugriern. — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1974, T. 23 (2—4), S. 285—319.

Prehistory of Western Siberia. Translations from Russian sources, Montreal and London, 1974. — 377 p. (в соавт. с Мошинской В. И.).

СОКРАЩЕНИЯ

- в. — верста
вог. — на вогульском (мансийском) языке
ВСНХ — Всероссийский совет народного хозяйства
г. — гора
д. — дело
д. — дюйм
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИНС — Институт народов Севера
КСИМК — Краткие сообщения ИИМК (см.)
ликпункт — пункт ликвидации безграмотности
манс. — на мансийском языке
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
нен. — на ненецком языке
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ост. — на остячком (хантыйском) языке
п. — пуд
ПОС — производственно-охотничья станция
РИК — районный исполнительный комитет
с. — сажень
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР
СЭ — Советская этнография
Т — температура
тузрик — туземный районный исполнительный комитет
тузсовет — туземный совет
ф. — фунт
хант. — на хантыйском языке
ЦРК — центральный рабочий кооператив

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
1. Лозьва. 1925 г. Отчет	13
2. Лозьва, [Сев. Сосьва, Тагил]. 1925, [1926—1927] гг.	20
3. Сев. Сосьва. 1926—1927 гг.	29
4. Ямал. 1928—1929 гг. Дневник	49
5. Ямал. 1928—1929 гг. Реальные записи	118
6. Сев. Сосьва. 1931 г. Дневник	134
7. Сев. Сосьва. 1931 г. Реальные записи	149
8. Конда, Юконда, Тап, Сев. Сосьва. 1933—1934 гг. Дневник	160
9. Сев. Сосьва. 1933—1934 гг. Реальные записи	188
10. Сев. Сосьва. 1935—1936 гг.	197
11. Сев. Сосьва, Обь. 1936—1937 гг. Дневник	209
12. Сев. Сосьва; Обь. 1936—1937 гг. Реальные записи	216
13. Тагил, Ивдель. 1938 г. Дневник и отчет	252
Словарь этнографических терминов и местных слов (русских и на языках народов Севера)	272
Список работ В. Н. Чернецова	278
Сокращения	281

**ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

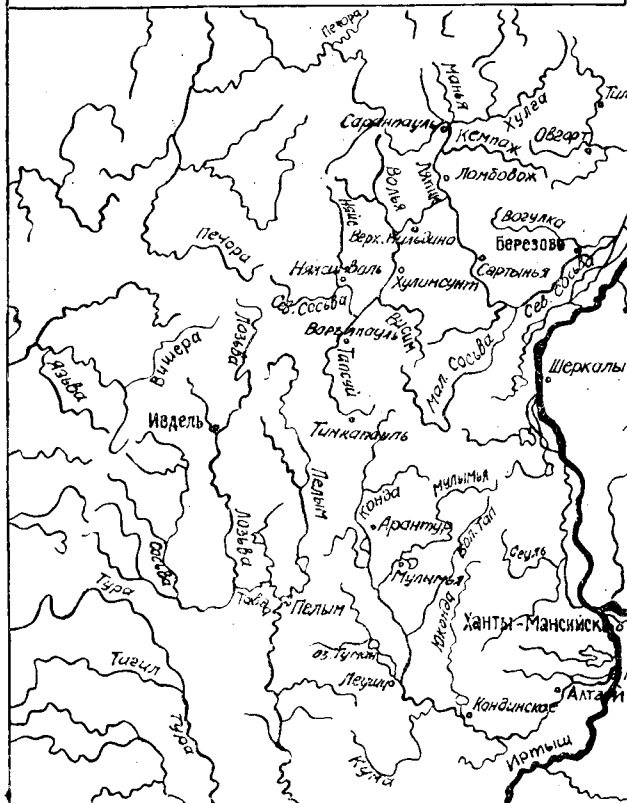
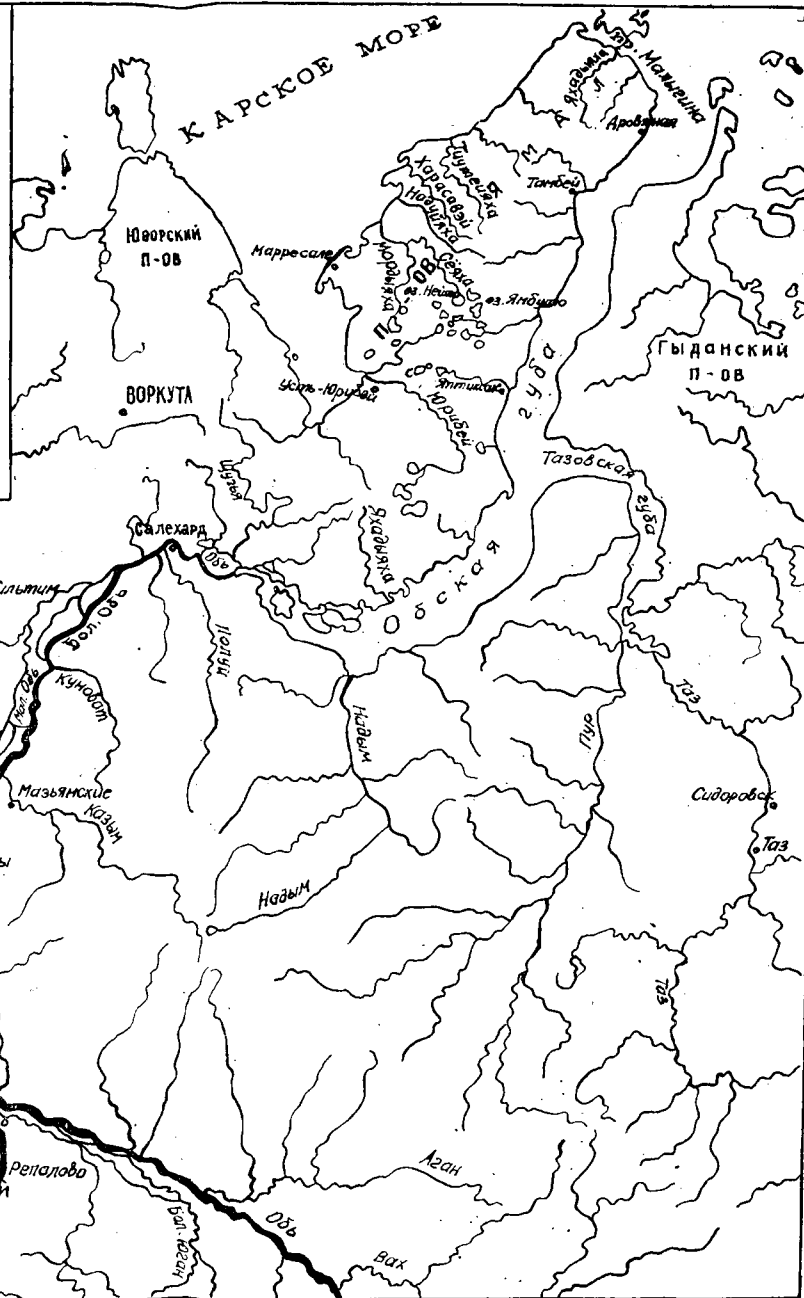
Редактор Л. П. Цыганкова
Художественный редактор Р. М. Вазиев
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор В. Г. Лихачева

ИБ 1751. Сдано в набор 11.08.86 г. Подписано к печати 07.05.87 г.
К302150. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Литературная
гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 17,75; уч.-изд. л. 20,3. Тираж 2000 экз.
Заказ 437. Цена 3 р. 20 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Тип. «Красноярский рабочий», г. Красноярск, пр. Мира, 91.

РАЙОНЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В. Н. ЧЕРНЕЦОВА

(ЛЕВОБЕРЕЖНЫЕ ПРИТОКИ ОБИ,
Р. КАЗЫМ, Р. ТАЗ, П-ОВ ЯМАЛ)

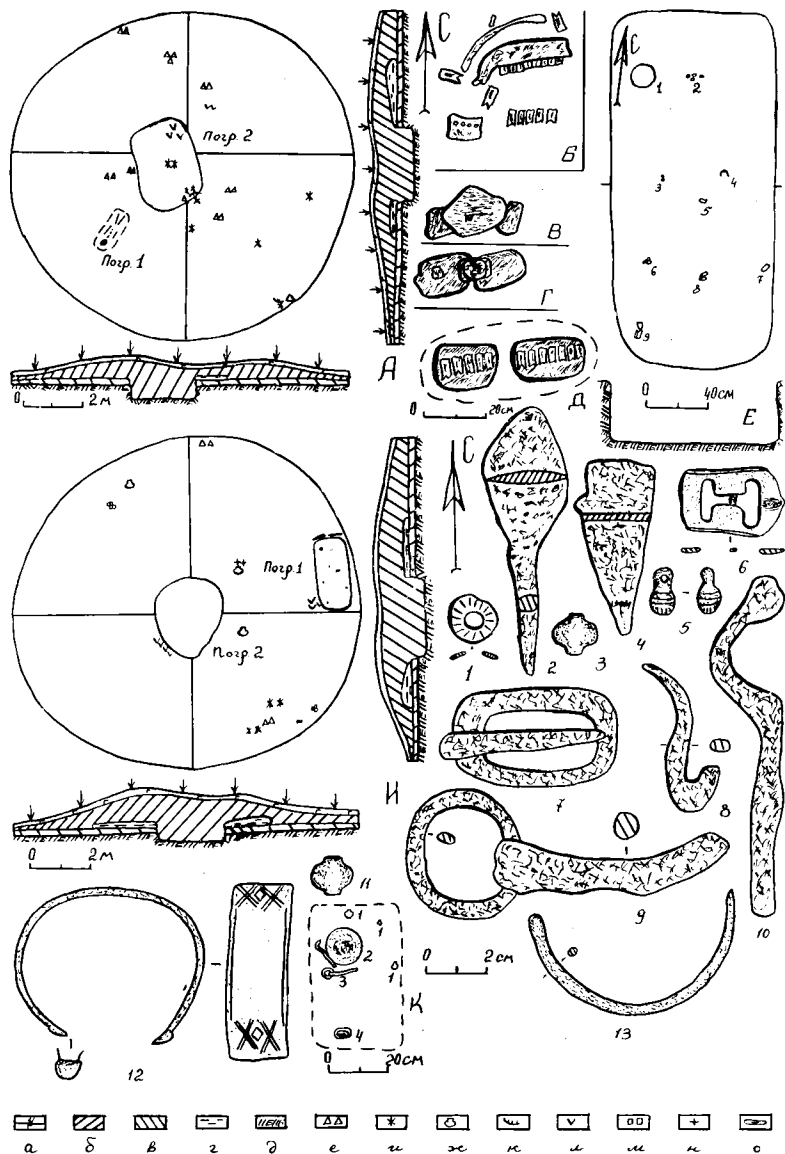

Рис. 2. А — план кург. 5; Б — кург. 5, жертвенный комплекс; В — кург. 5, скопление камней; Г — кург. 5, скопление камней; Д — кург. 5, два камня с зубами лошади; Е — кург. 6, погр. 1; И — кург. 6, жертвенный комплекс; 1, 3, 5, 6, 11—13 — бронза; 2, 4, 7—10 — железо; а — дерн, б — насыпь, в — погребенная почва, г — глина, д — материк, е — фрагменты керамики, и — зубы лошади, ж — глиняные сосуды, к — челюсть лошади, л — угли, м — камни, н — вещи, о — обожженные плахи

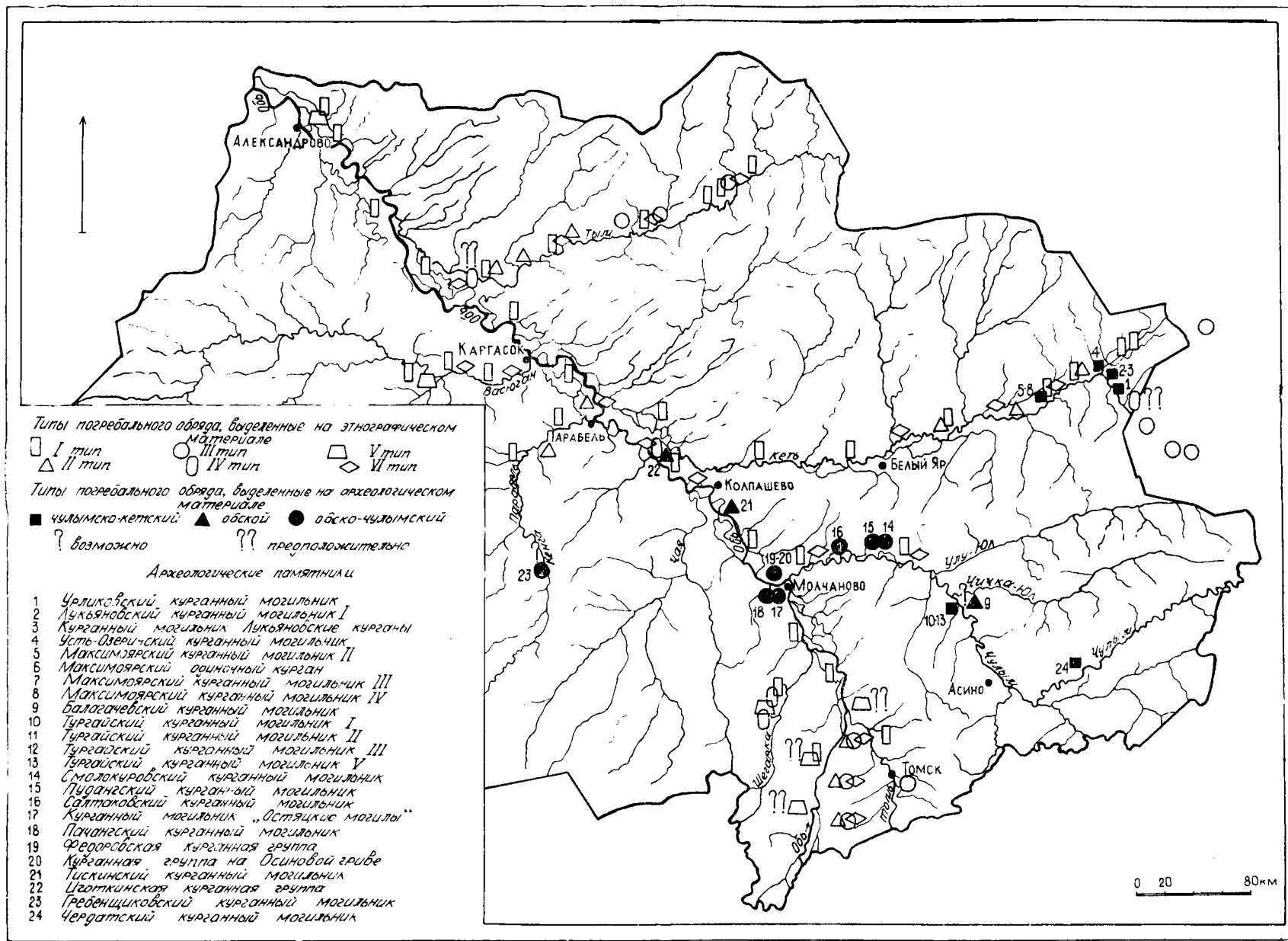

Рис. 1. Местонахождение курганных могильников позднего средневековья в Нарымском Приобье и распространение типов погребального обряда

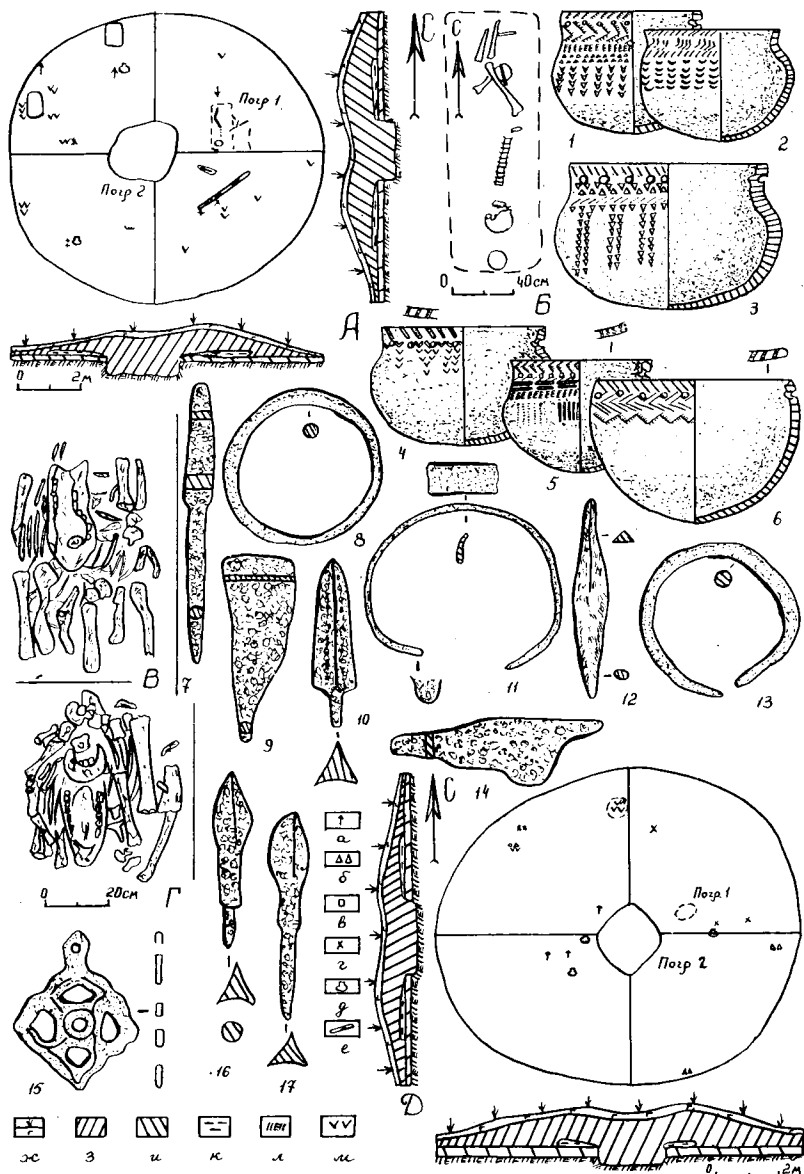

Рис. 3. А — кург. 7; Б — кург. 7, погр. 1; В — кург. 7, захоронение жеребенка; Г — кург. 7, захоронение жеребенка; Д — план кург. 9; 1—6 — глина, 7, 9, 10, 14, 16, 17 — железо, 8, 11, 13, 15 — бронза, 12 — кость; а — наконечник стрелы, б — фрагменты керамики, в — камни, г — кости животных, д — глиняные сосуды, е — обожженные плахи, ж — дерн, з — насыпь, и — погребенная почва, к — глина, л — материк, м — угли

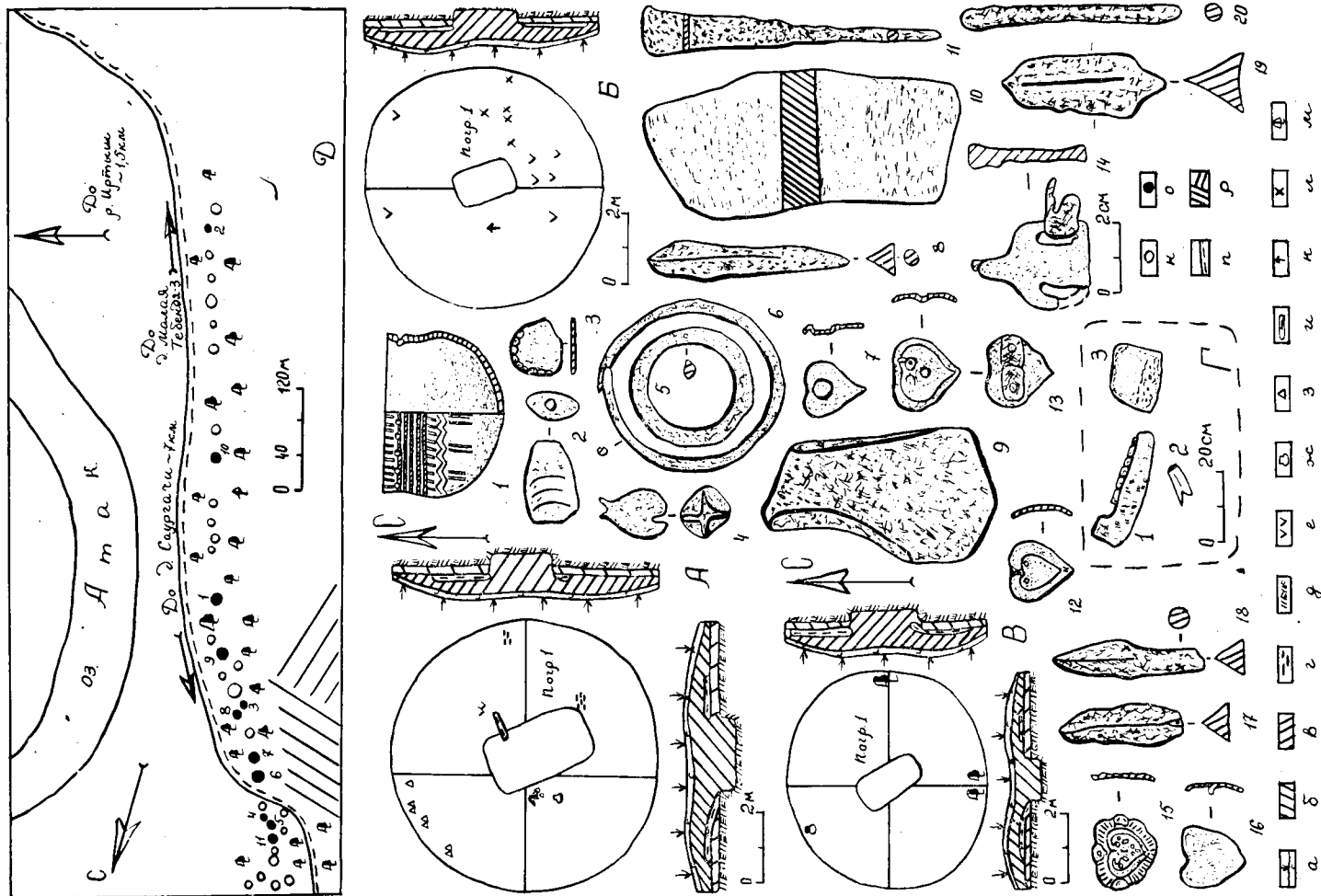

Рис. 1. А — план кург. 2; Б — план кург. 3; В — план кург. 4; Г — кург. 5, остатки жертвоприношения; Д — план курганной группы у д. Малая Тобендя; 1 — глина, 2 — стекло, 3—7, 12—16 — бронза, 8, 9, 11, 17, 20 — железо, 10 — камень; а — дерн, б — насыпь, в — поребенная почва, г — глина, д — материк, е — угли, ж — глиняные сосуды, з — фрагменты керамики, и — обожженные плахи, к — наконечники стрел, л — кости животных, м — деревья, н — курганы, о — раскопанные курганы, п — проселочная дорога, р — пашня

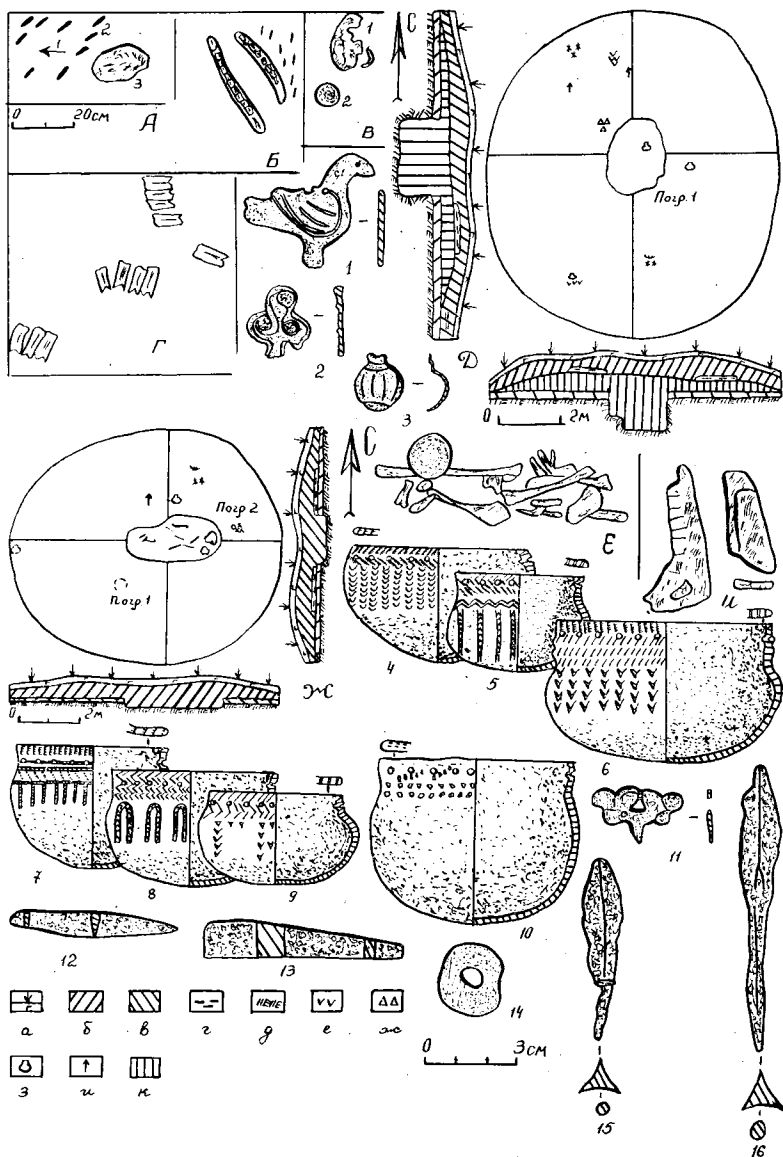

Рис. 4. А — кург. 9, скопление; Б — кург. 9, скопление; В — кург. 11, погр. 1; Д — кург. 10; Ж — кург. 11; Е — кург. 11, жертвенный комплекс; И — кург. 11, челюсти лошади; 1—3, 11, 14 — бронза, 4—10 — глина, 12, 13, 15, 16 — железо; а — дерн, б — насыпь, в — погребенная почва, г — глина, д — материк, е — угли, ж — фрагменты керамики, з — глиняные сосуды, и — наконечник стрелы, к — темно-серая супесь